

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ)
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Горин А.А.

***РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР***

КАЗАНЬ
2018

УДК 291.7

ББК 86.2

Г 69

Публикуется по рекомендации Кафедры
религиоведения Института социально-философских наук и
массовых коммуникаций Казанского (Приволжского)
федерального университета

Рецензенты:

Абдуллин Х. М. кандидат ист. наук, с.н.с. Института археологии
им. А. Халикова АН РТ

Фазлеева Р. Р., кандидат филос. наук, доцент кафедры
религиоведения ИСФН КФУ

Г 69 Горин А.А.

Религиозные войны. Исторический обзор / А.А. Горин. –
Казань: КФУ, 2018. – 280 с.

***Аннотация:** Монография «Религиозные войны. Исторический обзор» рассматривает закономерности, особенности и механизмы возникновения и особенности развития религиозных войн, как социального, политического и идеологического феномена. Одновременно с этим автор поднимает вопрос о том, насколько адекватна идентификация военных конфликтов как «религиозных» в современной исторической науке и религиоведении. Предназначено для студентов, преподавателей и лиц, интересующихся вопросами истории религий.*

Научный редактор: **Силаева З. В.** кандидат полит. наук, доцент
кафедры религиоведения ИСФН КФУ

© Горин А.А., 2018

© Казанский (Приволжский)
федеральный университет, 2018

ISBN

Содержание

1.	Введение	4
2.	Глава 1. Понятие «религиозная война». Роль религиозной войны в эволюции человечества.	11
3.	Глава 2. Религиозные войны в Древнем мире.	22
4.	Глава 3. Библейские войны.	43
5.	Глава 4. Христианско-мусульманские религиозные войны X-XV вв.: Проблема Крестовых походов.	61
6.	Глава 5. Христианско-мусульманские религиозные войны X-XV вв.: Испанская реконкиста.	80
7.	Глава 6. Религиозные войны между христианскими конфессиями X-XVIII вв.	85
8.	Глава 7. Средиземноморские мусульманские корсары VII-XVII вв.	114
9.	Глава 8. Англиканско-католические религиозные конфликты. Феномен религиозной идентичности, как маркера этнокультурной идентификации на территории Британских островов.	139
10.	Глава 9. Борьба Инквизиции с Иудаизмом и Исламом на территории Пиренейского полуострова. Элементы религиозной войны в данном процессе.	146
11.	Глава 10. Религиозные войны Арабского халифата Эпохи Праведных халифов и династии Омейядов.	159
12.	Глава 11. Религиозные войны Арабского халифата династии Аббасидов.	189
13.	Глава 12. Религиозные войны мусульманских государств XIV-XIX вв.: проблемы различения религиозной войны и политического противостояния.	221
14.	Глава 13. Религиозные войны, инициированные государствами с Православной религиозно- культурной идеологической составляющей государственной политики (X-XVIII вв.).	237
15.	Глава 14. Вопрос об идентификации религиозных войн в условиях современного мира.	265
16.	Библиография	270

ВВЕДЕНИЕ

Это издание было подготовлено для того, чтобы ознакомить читателей с одним из актуальнейших разделов религиоведения, содержащем историко-социальный анализ сущности, причины возникновения и пути эволюционирования такого социально – политического феномена, как «религиозная война». Автор ставил своей целью рассмотреть примеры религиозных войн разного времени не столько в контексте отдельных культур, сколько в процессе динамичного развития этого феномена, в контексте эволюции человеческого общества.

В последние два десятилетия статусно-идентификационная система, как государств, так и отдельных социальных групп, а также – индивидов эволюционирует. И в свете этой эволюции становится всё более весомым вопрос принадлежности человека или группы людей к конкретной религиозной конфессии, идентификации культурно-исторического наследия того или иного государства с определённой религиозной составляющей.

В наше время значительная часть граждан из государств разных континентов, как и в начале XX столетия, отказываются от принадлежности к культурной традиции какого-либо конкретного народа, принимая концепцию космополитизма. То есть идентифицируют себя, как «граждане мира», одновременно отказываясь от собственных этнокультурных традиций и, по сути, не принимая каких-либо новых. Так политика мультикультурализма в Европе серьёзно размывает границы этнокультурной идентичности европейских народов. В сложившихся условиях одним из немногих факторов, претендующих на относительную стабильность в системе самоидентификации, остаётся принадлежность к религиозной конфессии.

Реалии сегодняшнего дня диктуют необходимость поиска новых форм межконфессионального взаимодействия. Во-первых, военные действия сегодня чреваты применением видов оружия, использование которых попросту сделает победу в войне бессмысленной, ввиду невозможности воспользоваться плодами триумфа (ядерное оружие, химическое оружие, психотронное оружие, бактериологическое оружие и т. д.). Во-вторых, религиозные, этнические и другие конфликты сегодня очень легко переходят из формы в форму: от войны – к терроризму, к бытовым конфликтам и т. д. В-третьих, если, например, в Средневековье последствия даже крупных военных конфликтов носили локальный характер, то сегодня

практически любой локальный конфликт существенно обостряет одну или комплекс мировых проблем.

Поэтому важно понимать, что из себя представляет совокупность социальных, политических, экономических, идеологических факторов, ведущих к возникновению феномена «религиозная война», а также механизмов управления данными факторами. Автор высказывает гипотезу о том, что религиозная война в значительной (но не в полной) мере может быть управляема на стадии возникновения и развития конфликта, а также превращения конфликта в религиозную войну и развития религиозной войны, как социально-политического процесса.

К сожалению, вопрос истории религиозных войн в научной литературе до сих пор рассмотрен крайне фрагментарно, хотя описание, анализ и даже фольклор религиозных войн собирали многие исследователи.

Например, сложно говорить о системном рассмотрении религиозных войн в историографии античности. Причин несколько. Во-первых, по причине локальности географического пространства, описываемого авторами (каждый автор, прежде всего, описывал свой полис, своё государство, поэтому зачастую опускал «само собой разумеющиеся» факты). Во-вторых, античная историография опирается на устные традиции повествования (отсюда хронологичность текстов без анализа), династические культы местных правителей (тенденциозность изложения) и «авторитеты».

Этими особенностями отличаются как произведения Геродота и Фукидида, так и более поздние труды, например, труды Полибия. Из этих работ можно почерпнуть лишь фактографию и ряд субъективных взглядов. Таким образом, для того, чтобы сделать аналитические выводы необходимо принимать во внимание максимальное количество источников. Первые попытки аналитического осмысления исторической реальности предпринял римский писатель Гай Саллюстий Крисп. Но произведения Тита Ливия, Публия Тацита, Плутарха и Гая Транквилла всё-таки ещё сохраняют «летописный» характер. Представителем иного, принципиально нового направления стал «последний историк Рима» Аммиан Марцеллин, рассматривавший исторические процессы и события в контексте государства, а не человека. В работах Марцеллина уже можно выявить комплексную конву воздействия на государственную политику различных факторов, в том числе и религиозных.

Первый европейский опыт исторического повествования в рамках религиозного мировоззрения принадлежит Евсевию

Кесарийскому: его «Церковная история» стала уникальным трудом для своего времени. Интересен труд Павла Орозия «История против язычников», написанный с точки зрения воинствующего христианина, касающийся многих аспектов истории «варварских» народов. Исторические сочинения Иордана, Григория Турского, Исидора Севильского, Павла Диакона и других учёных раннего Средневековья, по сути, касаются отдельных аспектов, заставляющих предположить наличие в данный период религиозных войн. Вопрос о религиозной подоплёке экспансии со стороны ряда европейских правителей и государств поднимается в трудах историков эпохи «каролингского возрождения». Например, в биографическом труде Эйнхарда «Жизнеописание Карла Великого».

Нужно отметить отставание Европы в области комплексного осмысления исторической реальности от философов Востока. Ещё в X веке философ Абу-ль-Ала Ахмед ибн Абдулла ибн Сулейман ат-Танухи аль-Маари отмечает весомую роль религии в процессах военной экспансии, как на Востоке, так и в Европе. Хорезмский писатель Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни, исследуя религии древнего Египта, Эллады, Рима, Хорезма, Персии, Индии, а также христианство, зороастризм, манихейство, и другие религиозные верования, достаточно чётко определил параметры религиозного конфликта, систематизировав общие стороны и различия религиозных верований различных народов.

Интересен подход к трактовке исторических событий в византийской историографии. Прокопий Кесарийский, Лев Диакон, Константин Багрянородный, Иоанн Малала, Георгий Манасий и другие историки описывают события на территории Византийской империи и прилегающих к ней территорий с точки зрения летописцев-хронистов. Это с одной стороны позволяет чётко определить хронологию событий, но с другой – зачастую препятствует определению степени влияния религиозной подоплёки военные действия.

Позднейшие историки, такие как Анна Комнина, Михаил Пселл, Никита Хониат, Михаил Дука, и вовсе часто опираются на традиции субъективной, иногда – фольклорной трактовки некоторых событий. Это уже не хронология-летопись, это уже полноценные произведения, в которых события рассматриваются через призму личного восприятия писателя. Так, например, описание прибытия крестоносцев в Константинополь, оставленное Анной Комниной ценно, как свидетельство очевидца, но изобилует субъективными утверждениями и субъективно интерпретированными данными.

«Исторический» метод истолкования Библии в той или иной степени характерен для трудов таких авторов, как Иоанн Солсберийский, Оттон Фрейзингенский, Иоахим Флорский. Но заметная деградация гуманитарных и естественнонаучных знаний и навыков, характерная для средневековой Европы, даёт себя знать и в области исторических трудов. Едва наметившиеся ростки исторического анализа уступают хроникальному изложению событий в произведениях таких хронистов, как Фруассар, Дж. Виллани и др. На основе их произведений делать выводы можно лишь путём многократного сопоставления официальных и неофициальных хроник с поправкой на личность автора. Вопросы религиозной подоплеки событий затрагиваются сравнительно редко, в то время как духовная жизнь и её события описываются досконально. Теми же особенностями отличаются и мемуары того времени (например – воспоминания Жана де Жуанвиля).

Куда интереснее заметки и «послания» путешественников, как из числа священнослужителей, так и из числа мирян. Так анонимный трактат «О земле Иерусалимской и её обитателях», относящийся к середине XII века, труды Гийома Трирского, «Рассказ брата Бенедикта», а также труды Рикольдо де Монте Кроче и других путешественников-очевидцев дают сравнительно конкретное представление о том, какую роль играет религиозный фактор в политике представителей тех или иных народов. В частности, рассказ Гийома Трирского об ассасинах представляет собой уникальный подробный труд о жизни закрытой религиозной организации, и её участии в политической жизни мира. В том числе и религиозных войнах. Другим произведением, посвящённым, в числе прочего, религиозному аспекту военных действий стала хроника «Деяния Генриха II и деяния короля Ричарда» Роджера (Рогира) Ховерденского, посвящённая III крестовому походу. Таких хроник к концу XV века накапливается достаточно много, но обобщающих трудов в области религиозных войн по-прежнему нет.

Ситуация в корне меняется в эпоху Ренессанса и Реформации. Религиозной подоплеке событий начинает уделяться повышенное внимание как со стороны сторонников католической церкви, господствовавшей в Европе, так и со стороны её противников. На территории Европы с распространением книгопечатания и грамотности, становятся востребованными труды мусульманских, православных, дальневосточных авторов. Складывается метод исторического анализа. «Религиозно-политический трактат» Спинозы открывает новую страницу в европейской науке, осмысливая роль

христианства в политических процессах, как таковых, и межконфессиональных, а также – политических конфликтах в частности.

Анализ исторических источников с точки зрения их достоверности, исторической топографии, подлинности хронологии и других аспектов исторической аналитики закладывают талантливые учёные Лоренцо Делла Валла, Иосиф Блондель, Флавио Биондо, Леонардо Бруни и Поджо Браччолини.

Эпоха Нового времени приносит новые работы, посвящённые роли религии в политических событиях. Так, в середине XVIII века появляется фундаментальный труд Жозефа-Франсуа Мишо «История крестовых походов». Начинается эпоха современной исторической науки. Появляются сочинения Бартольда-Георга Нибура, Леопольда фон Ранке и других историков, пытающихся создавать исторические произведения с комплексной оценкой макрополитических процессов, основанной на критике исторических источников.

Что касается вопросов борьбы англичан с католиками в период правления Генриха VIII Английского, то большинство исследователей трактуют её с точки зрения личной инициативы английского короля. Так с точки зрения Е. Б. Черняка, высказанной в его книге «Тайны Англии», в главе, посвященной Генриху VIII, дается широкий историографический обзор преимущественно английской историографии по данной теме. Оценки борьбы Генриха VIII за его «верховенство», приводимые Черняком диаметрально противоположны. Так автор упоминает о том, что Чарльз. Диккенс (принимающий сторону протестантов), считал борьбу с католичеством кровавой бойней, обусловленной личными антипатиями короля. В то же время ученик Т. Карлейля - Д. Э. Фроуд в своих трудах оценивал борьбу протестантов-англикан с католиками, как общенародное движение, направленное на утверждение независимости от римского престола. Р.Локьер, У.МакКафри и ряд других историков, рассматривая внутренние и внешние конфликты Британии, исходили из сопоставления идеологических явлений, главным образом из вероисповедальных конфликтов между католицизмом и протестантизмом. Группа историков, в которую входили Д. Грин, А. Поллард, А. Рауз и др. искали объяснение действиям британских монархов в их борьбе с католицизмом, в своеобразном понимании монархами и их "национального интереса".

Что касается историографии испанской инквизиции, то первое фундаментальное исследование этого вопроса было опубликовано на латинском языке в 1567 г. в Гейдельберге под названием

"Практические приемы святой испанской инквизиции". Автором этого сочинения был некий Монтанус (подлинное имя неизвестно). Своеобразным ответом на обвинения в адрес инквизиции стала книга "О происхождении и развитии святой инквизиции", которую опубликовал в 1598 г. в Мадриде инквизитор Людовик Парамо. Работа Пармо стала первым историческим исследованием, созданным в контексте «ортодоксального» римско-католического вероучения.

Только век спустя появилась работа Филиппа Лимборха "История инквизиции" (Амстердам, 1692), в числе прочего, анализирующая деятельность инквизиции с точки зрения исторической ситуации.

Необходимо отметить труды современника данной организации Хуана Антонио Льоренте, особо остановившегося на описании «работы» инквизиторов в отношении лиц, подозреваемых в исповедании Иудаизма и Ислама. В 1906 - 1907 гг. и вышла четырехтомная "История испанской инквизиции" Генри Чарльза Ли, предложившего периодизацию истории инквизиции, а также подробно рассмотревшего основные обвинения, предъявляемые инквизиторами своим оппонентам. Из отечественных исследователей можно назвать труды С. Г. Лозинского, в 1914 г. достаточно жёстко оценивающего деятельность Испанской инквизиции, как с точки зрения её морально-этических качеств, так и с точки зрения её эффективности. В настоящий момент количество трудов по истории инквизиции продолжает расти.

Политическая историография Арабского халифата начинается с форму династических анналов. Одной из первых работ, дошедших до нашего времени остаётся жизнеописание халифа Умара ибн Абд ал-Азиза, составленное одним из братьев египетского историка Абд ар-Рахмана ибн Абдаллаха ибн Абд ал-Хакама (предположительно, Мухаммадом ибн Абд ал-Хакамом, старшим братом). Интересно, что биография халифа Умара была основана, по признанию автора, частью на письменных документах, частью на предании благочестивых кругов, главным образом Медины. Также биографию халифа Умара составили арабские историки Абу Амр ибн Халифа ибн Хайят аль-Ляйси аль-Усфури и Абуль-Аббас Ахмад ибн Исхак аль-Аббаси, известный как аль-Якуби. Ценность работ этих историков в том, что они в отличие от своих коллег из Европы проводили чёткое разделение между политикой и духовной жизнью в жизнеописании омейядских халифов, что существенно облегчает работу исследователя.

До нас дошёл обширный труд Абу Нуайма ал-Исфакхани (XI в.). Большая часть трудов этого периода утрачена. Одним из

сохранившихся исключений стала «История Дамаска», написанная Абуль-Касимом Али ибн аль-Хасаном ад-Димашки (Ибн Асакиром). Эта работа интересна системным подходом к описываемым историческим событиям.

Достаточно рано на Ближнем Востоке появилась биографическая хроника. До нас дошли летописи деятельности визирей Мухаммада ибн Абдуса ал-Джах-шийари (X в.), Хилала ас-Саби (XI в.), Али ибн Мунджиба ас-Сайрафи (XII в.).

С XII по XVI вв. арабская и персидская историография отходят друг от друга. Этот процесс связан с тем, что из-за монгольской экспансии активизировался процесс замещения в областях персидско-тюркской культуры литературного арабского языка - персидским. В то же время персидско-тюркская культура с мусульманскими завоеваниями распространяется на территории Индостана, где развитие персидской историографии получило мощный толчок. Вместе с этим количество и объём исторических трудов на арабском языке продолжают расти.

В Новое Время и в современном мире история Арабского халифата и других мусульманских государств вызывает всё больший интерес. Так немецкий учёный Б. Спулер рассматривает историю Арабского халифата и арабского народа с исторической точки зрения, представляя феномен религиозных войн, как неотъемлемую часть исторического процесса формирования и развития арабского народа, как единой нации. Несколько иным образом подходит к вопросу его соотечественник Д. Велльхансен. Он фактически не отделяет религиозные войны от других видов войн, сводя религиозный фактор к отдельной причине или поводу войны. Советский учёный Е. А. Беляев, сосредоточившись на истории арабского народа и государства в раннем средневековье, подробно описывает период борьбы мусульманской общины с языческими войсками. Однако он не акцентирует внимания на религиозной подоплеке противостояния. Сходный взгляд и у А. Меца, рассматривавшего более поздний период истории мусульманских государств. Это может объясняться тем, что последние два автора работали в рамках коммунистической научной доктрины. Сегодня история мусульманских государств рассматривается европейскими и малоазийскими авторами без отрыва от религиозного контекста развития общества.

Вопрос о религиозных войнах, инициированных государствами с православной религиозно-этической системой, рассматривается, как правило, в контексте Общей церковной истории либо в контексте истории Православной Церкви. Наиболее подробно

на данном аспекте останавливались такие авторы, как А. Н. Бахметева, Н. Д. Тальберг, И. Ф. Мейендорф. Интересно, что обращаясь к проблеме военных действий, А. Н. Бахметева решительно исключает участие Православной Церкви в инициации военных действий, отводя ей в войнах вспомогательную роль соратника русского государства. Н. Д. Тальберг, говоря об истории Византии и России признаёт, что в отдельных случаях Православная Церковь принимала участие в подготовке военных действий. Очень осторожен в своих формулировках И. Ф. Мейендорф. Он планомерно доказывает читателю, что принцип отделения Церкви от государства соблюдался Православной Церковью на протяжении всей её истории во всех государствах, где она была господствующей конфессией.

Таким образом, для формирования в представлении исследователя целостной картины динамики развития феномена религиозных войн в истории человечества, необходимо рассмотреть указанные выше сегменты данного вопроса в едином историко-религиоведческом контексте.

Глава 1

Роль религиозной войны в эволюции человечества

В современной исторической науке под термином «Религиозные войны», как правило, понимают *«вооружённые столкновения между католиками и протестантами в Европе XVI и XVII веков»*, такого взгляда, например, придерживается заслуженный профессор Страсбургского Университета им. Марка Блока Жорж Ливе.

Согласиться с подобной постановкой вопроса крайне сложно: упоминания о религиозных войнах содержатся в канонических книгах практически всех мировых религий. Более того, упоминания о войнах с религиозной подоплёкой присутствуют и в эпохах Древнего мира, а также – языческих социумов Средневековья. Для того чтобы определить степень достоверности того или иного мнения, необходимо дать определение «религиозной войне», как социально-политическому и идеологическому явлению.

В основе религиозной войны, как правило, лежит религиозный конфликт двух и более сторон. **Религиозный конфликт** — острое противоречие индивидуумов, социальных групп, этнических групп или государственных систем, связанное с несовпадением или прямым противоречием взглядов на вопросы религиозного вероучения, культовой деятельности, системы взаимоотношения человека и божества, продиктованной религиозным вероучением системы взаимоотношений в социуме. Религиозный конфликт возможен как в

рамках единого социума, так и между различными социокультурными или этническими группами.

Виды проявления (реализации) религиозного конфликта. На начальном этапе религиозный конфликт реализуется в *тематических диспутах*. В рамках социального и политического (а нередко и экономического) взаимодействия религиозный конфликт экстраполируется в *идеологическую или политическую конкуренцию*. В случае обострения конкуренция переходит в идеологическую, бытовую и, наконец, политическую *конфронтацию*. Крайней формой проявления религиозной конфронтации внутри единой социально-политической или этнической группы является *раскол*. При крайней степени религиозной конфронтации между различными социокультурными или этническими группами возможна *религиозная война*.

Единого определения религиозной войны в политологической литературе пока не выработано. Наиболее точное определение «религиозной войны» выработал российский учёный, полковник, доктор военных наук, профессор Александр Андреевич Корабельников, сформулировавший его следующим образом:

Религиозная война - общественно-политическое явление, связанное с переходом от процессов мирной экспансии одной религии в отношении основных сфер жизни общества или государства, исповедующего другие религиозные виды духовности, к применению вооруженного насилия в целях завоевания и духовного преобразования одних народов другими (в целях формирования соответствующей государственности, народности, а затем и нации).

(А. Корабельников. Религиозная война: От мифов к реальности
\\ Корабельников А. Военно-промышленный курьер № 32 (148)
за 23 августа 2006 г.)

Разумеется, религиозная война отличается от «обычной» наличием ряда специфических признаков. К таким признакам можно отнести:

- Высокую степень религиозной регламентации мировоззрения, быта и самоопределения индивидуумов, составляющих руководство и вооружённые силы, по крайней мере, одной стороны конфликта;
- Наличие религиозных ритуалов в общем порядке несения военной службы (уставе), по крайней мере, одной стороны конфликта;

- Непосредственное участие священнослужителей в военных действиях;
- Использование в военной символике, системе опознавательных знаков и идеологической подготовке солдат - священных символов, атрибутики и образов;
- Принадлежность сторон военного конфликта к различным конфессиям, либо к различным догматическим течениям одной конфессии;
- Высокий процент **религиозных фанатиков** среди руководства и рядовых участников военных действий.

А. А. Корабельников в качестве признака религиозной войны выделяет *«полное вовлечение в военные действия всех слоев населения противоборствующих государств, национально-этнических групп»*. В значительной мере это утверждение справедливо. Однако в истории известны случаи, когда в религиозных войнах участвовала лишь определённая социальная страта того или иного социума. Например – Крестовые походы, являющиеся видом религиозной войны, но не вовлекшие в военные действия социумов в целом. Тем не менее, данное отличие необходимо учитывать, говоря об отличительных особенностях религиозных военных конфликтов.

Под термином религиозный фанатизм мы понимаем психопатическое и психопатическое состояние личности, в котором человек утрачивает способность адекватного мировосприятия и мироощущения, слепо руководствуясь в своей жизнедеятельности своим собственном субъективном восприятием религиозных догм, и пытается навязать своё мировоззрение окружающим.

Нужно отметить, что религиозный фанатизм, как психопатическое состояние может быть навязан индивидууму извне. Человек в состоянии религиозного фанатизма, как правило, пытается быть по меткому выражению одного из средневековых философов «святое папы, правовернее халифа».

В настоящий момент выделяется несколько видов религиозного фанатизма:

- *формальный фанатизм* (обрядовый фанатизм) – напоминает суеверие. Характеризуется зависимостью человека от религиозных ритуалов, обрядов, внешней стороны проявлений религиозности. В большинстве своём такие люди обладают низким или умеренным уровнем агрессии.

- *аскетический фанатизм* – как правило, направлен на себя. Выражается в маниакальном стремлении достичь личного совершенства путём строгого соблюдения правил повседневной жизни

и выполнения установленных законов. Типичными примерами такого фанатизма являются пуританство, строгая аскеза.

- *миссионерский фанатизм* (прозелитизм) – стремление навязать свои взгляды окружающим. При искренних намерениях и низкой степени агрессии такой фанатизм может обеспечить положительный результат, воплощаясь в миссионерской работе, участии в основании новых духовных учреждений и культурно-просветительской деятельности. При высоком уровне самомнения и агрессии, как правило, приводит человека к конфликту с окружающими.

- *экспансионистский фанатизм* – возведение своих взглядов в безусловный абсолют, не нуждающийся в обоснованиях и доказательствах, и стремление добиться навязать свои взгляды максимальному числу людей насильственными методами, путём приобретения власти над окружающими любой ценой.

Признаки религиозного фанатика:

- Получение удовлетворения (вплоть до появления экстаза) от процесса религиозно-направленной деятельности (например, выполнение «религиозного подвига»);

- В большинстве случаев – роль «ведомого» при «духовном лидере» - кумире. Склонность к подобному поведению проявляется у лиц с заниженной самооценкой;

- Слепая вера в непогрешимость духовного лидера, беспрекословное следование его приказам, полное подчинение воле религиозного лидера и лиц, назначенных им для выполнения функции руководителей;

- Компенсация индивидуумом при помощи религиозной деятельности осознаваемых личных недостатков, как реальных, так и мнимых;

- Потребность в наличии сообщества единомышленников, разделяющих идеи индивидуума. Постоянный поиск реальных, потенциальных, мнимых соратников;

- Потребность в конфликте. Для многих религиозных фанатиков противостояние с оппонентом (как реальным, так и мнимым) является смыслом их деятельности, смыслом их существования и мировоззрения. Агрессия по отношению к представителям иных конфессий, либо представителям своей конфессии, не разделяющим радикальных взглядов индивидуума, как правило, превращается у фанатика в естественный образ мыслей и действий;

- Стремление закрепить свой статус в социуме, потребность в самоутверждении, признании, одобрении со стороны посторонних людей;
- Неустойчивость психики, подверженность посторонним влияниям, управляемость, высокая степень внушаемости, склонность к демонстративному поведению;
- Склонность к инстинкту «стадного» поведения. Стремление «раствориться» в социальной группе, готовность утратить индивидуальность в мышлении, мироощущении, мировосприятии. Готовность пожертвовать собственным «я» ради того, чтобы получить одобрение группы, в которой индивидуум признан «своим».

Этапы становления религиозного фанатика:

1. **Психологический кризис.** При утрате морально-нравственных ориентиров человек, входящий в группу риска, как правило, начинает искать: а) возможность самоутверждения (в том числе и в собственных глазах), доказательства собственной исключительности; б) систему ценностей и социум, в которых, по мнению индивидуума, он может добиться самоутверждения за короткий срок с минимальными усилиями; в) поиск виновников собственной несостоятельности (на почве данного комплекса, как правило, развивается ксенофобия), потенциально не принадлежащих к сообществу, которое индивидуум выбрал в качестве эталона дальнейшей жизнедеятельности.

2. **Избрание личностью кумира и идентификация себя, как части религиозной идеи.** На данном этапе человек знакомится с харизматичным лидером (лично или дистанционно), осознаёт его взгляды и ценностные ориентиры, и в случае их принятия, коррелирует свои взгляды и убеждения в соответствии с взглядами и догмами, пропагандируемыми избранным лидером-кумиром. На этой стадии характерно проявление формального фанатизма.

3. **Включение в религиозное сообщество.** На данном этапе человек включается в религиозную общность, возглавляемую лидером-кумиром, и теряет (естественным образом или целенаправленно подавляя) свою индивидуальность, полностью идентифицируя себя с религиозным сообществом. В этот период времени индивидуум пытается распространять религиозные взгляды и догматы своего сообщества за его пределами, как правило, в навязчивой форме, провоцируя конфликты с представителями «внешнего мира». Для указанной стадии становления фанатика характерно проявление миссионерского фанатизма

4. **Формирование перманентного конфликта с лицами, а также социальными и этническими группами, не входящими в религиозное сообщество.** Фанатик окончательно подчиняется религиозному лидеру-кумиру, идентифицирует себя с кумиром, свои цели с целями религиозного сообщества. Фанатик-неофит формирует агрессивное неприятие взглядов, догм, не совпадающих с проповедуемыми лидером-кумиром и его религиозным сообществом. Проявление экспансионистского фанатизма.

Типологизация религиозных войн также крайне условна. В её основе могут лежать самые разные критерии. В приведённой ниже типологизации в качестве отличительного критерия приняты *цели* религиозных войн.

1. *Сепаратистские войны* – направлены на достижение политической, экономической и идеологической автономии, политическое и территориальное отделение или физическое изгнание (как вариант – уничтожение) инорелигиозных общин в рамках деятельности инициатора войны. В данном случае религия играет роль идеологического обоснования религиозно-единого государства.

2. *Национально-консолидирующие войны* – направлены на объединение народа, исторически оказавшегося расселённым на территории двух и больше суверенных государств. В этом случае разделённый этнос, как правило, объединён не только сознанием единства, но и языком, символикой, а главное – религиозными взглядами, отличающими его от других этнических групп, проживающих в государствах, на территории которого расселились его представители.

3. *Внутриконфессиональные войны* - Такие конфликты чаще всего возникают в пределах какой-либо конфессии, когда из её среды выделяются догматико-литургически обособленные направления – секты, отличающиеся нетерпимостью к не разделяющим их взгляды экс-единоверцам. Как правило, представители сект борются против ущемления своих прав (как реального, так и мнимого) не только с государством, но и с представителями государственной (традиционной) религии, или господствующего религиозного направления.

4. *Религиозно-террористические войны* – Возникают в результате высокого уровня экспансионистского религиозного фанатизма среди представителей отдельных этнических, социальных или политических групп. Крайняя нетерпимость к конфессиональным группам, а тем более - иным конфессиям ведёт к военным конфликтам, сопровождающимся проявлениями крайней жестокости,

намеренного вывода фанатиками себя за грань человеческого достоинства (случаи каннибализма, осквернение инорелигиозных святынь, надругательство и убийство женщин и детей и т. п.). «В чистом виде» встречается сравнительно редко, причины абсолютизации конкретной религии и религиозной нетерпимости базируются на экономических, политических, и других факторах.

5. *Мессианские войны* – как правило, возникают при наличии харизматического лидера, чьи взгляды, поведение и лозунги способны довести до различной степени религиозной экзальтации значительные массы людей. В этом случае возможно возникновение массовых движений, одержимых миссионерской идеей распространения своих взглядов вне своей религиозной общины (в том числе и силовыми методами).

Не стоит считать такой феномен, как религиозная война, из ряда вон выходящим событием. Религиозные войны являются закономерностью определённых исторических этапов развития человечества, социума, религиозной конфессии.

Например, британский социолог Герберт Спенсер, говоря об эволюции человечества, выделяет три её вида: неорганический, органический, надорганический.

Если брать на вооружение теорию Спенсера, то надорганическая эволюция включает в себя влияние на развитие человечества как внешних, так и внутренних факторов.

К внешним факторам можно отнести такие, как климатические особенности ареала обитания человечества, как биологического вида; ландшафт места проживания; флора и фауна расселения этнических групп.

К внутренним факторам относятся физические качества этнических групп, их психо-эмоциональные отличительные черты, особенности интеллекта качества и социально-адаптивных способностей индивидуумов и социальных общностей.

В качестве примера влияния внешних факторов на развитие этноса можно привести последствия массовой вырубке лесов для народностей, проживающих в тропиках. Изменение окружающей среды влечёт за собой изменение образа жизни, вида хозяйствования, и, в конечном итоге, - мировоззрения и мироощущения, как отдельных индивидуумов, так и этнической группы в целом.

Религия является ярким примером влияния внутренних факторов на развитие человечества. Бесспорно, что религия, как социально-культурное явление обеспечивает, по мнению многих европейских учёных следующие аспекты развития социума:

1. принцип преемственности социальной структуры и культурно-исторической непрерывности развития общества;
2. принцип статусной и социальной идентификации личности внутри социальной группы и вне её при деятельности личности за пределами проживания его этноса и единоверцев
3. принцип сакрализации семейных уз, идеологизирующий семью, как социально-культурную единицу через ритуалы прощания с мёртвыми (похороны, кремация, и т. д.), а также реализации той или иной формы культа предков;
4. религия служит механизмом формирования нравственных ориентиров индивидуумов и общества в целом, задавая модель поведения членов общины в различных бытовых и сверхштатных ситуациях, поддерживает традиционные формы социальных взаимоотношений и механизмов функционирования единого социального общежития;
5. религия является одним из трёх основных факторов единства этноса, наряду с общим языком общения и общностью территории проживания;
6. через религиозную общность формируется национально-культурное единство этноса;
7. религия служит легитимации понятия собственности, создавая систему табу, касающуюся священных предметов, ритуалов, мест, экстраполирующуюся в понятие частной собственности для членов общины.

Существует мнение, что к религиозной регламентации повседневной жизни более склонны примитивные “милитаризированные” общества. Индустриально-капиталистические же сообщества согласно этой теории менее подвержены теологизации. Не стоит столь категорично проводить параллели между уровнем развития и уровнем религиозной экзальтации социума.

В данном случае значительную роль в теократизации социума и склонности его к религиозным военным конфликтам играют, например, следующие факторы:

1. *Наличие материально и технологически независимой базы для обеспечения материально-экономического благополучия подавляющего большинства членов религиозного сообщества.* Отсутствие такой базы в исторической перспективе ведёт к внесению элементов культа агрессии и религиозной нетерпимости в догматы религиозного учения, как идеологического оправдания экспансии для обеспечения общности материальными ресурсами.

2. *Наличие в непосредственной территориальной близости социумов, имеющих основания для территориального, экономического, политического, технологического соперничества.* При отсутствии таких соседей снижается уровень целесообразности создания в религиозной системе ценностей нравственных и поведенческих ориентиров агрессивного характера.

3. *Особенности харизматических лидеров религиозной конфессии.* Любое религиозное учение динамично в своих догматическом и литургическом аспектах. Значительное влияние на направление изменений в догматах веры оказывают наиболее авторитетные члены религиозной общины, либо люди, обладающие особыми способностями, пережившие божественное откровение и т. д. Зачастую субъективная интерпретация тех или иных событий может послужить изменению догматов, как в сторону толерантности, так и в противоположном направлении.

4. *Динамика включения в религиозное сообщество значительных масс неопитов, как групп не связанных между собой индивидуумов, так и целостных социальных и этнических групп.* Чем большее количество неопитов включается в религиозное сообщество, тем сильнее их влияние на общие догматические каноны через привнесение специфических толкований священных текстов, собственных традиций и образа мышления, национального менталитета, а также – проблем, связанных с п. 1 настоящего списка.

5. *Уровень внутренней религиозно-социальной интеграции религиозной общины.* Поскольку религиозная община, как правило, является единым социально-политическим элементом, то каждый член общины, вступая в неё, берёт на себя неписанную обязанность заботы о благополучии своих единомыслителей. В то же время он вправе рассчитывать на такую же помощь от других членов религиозной общины в своём отношении. При высокой степени внутренней религиозно-социальной интеграции конфликт одного или нескольких из членов общины с представителями другой конфессии может привести к полноценному военному противостоянию.

Безусловно, «факторов риска» намного больше, что и будет подробно рассмотрено далее.

Согласно современной социологии можно выделить шесть групп социальных институтов, обуславливающих внутреннее развитие социума:

- Бытовые;
- Ритуальные;
- Религиозно-идеологические;

- Политические;
- Профессиональные;
- Технологические.

В той или иной степени, каждая из указанных групп может служить механизмом, как эскалации, так и нивелирования религиозного конфликта. Рассмотрим их по порядку.

В рамках *бытовых* социальных институтов обычно рассматривается модель семьи, положение женщин и детей, социальные роли внутри родовых отношений и т. д. Фактически именно действующие в его социуме бытовые социальные институты определяют мировоззрение человека, в том числе и религиозное. Автору приходилось в 2004-2006 гг. общаться с семьями из стран Ближнего Востока, которые по религиозным соображениям ограничивали уровень образования своих детей, особенно девочек, фактически лишая их возможности в будущем изменить уклад своей жизни. При этом родители искренне признавали преимущества жизни в современном обществе для человека с высшим образованием и имели достаточные средства для обучения своих детей. Однако через традиции, сложившиеся веками, переступить попросту не могли и не хотели. Именно посягательство на традиционные бытовые социальные институты на протяжении истории человечества неоднократно служило *casus belli* для межконфессиональных и внутриконфессиональных войн. Зачастую – во время прогрессивных реформ, тормозя их, а то и направляя общества по пути регресса.

Ритуальные социальные институты. Используя этот термин, мы имеем в виду механизмы и учреждения, обеспечивающие упорядоченное существование и развитие социума через легитимное воздействие общества в целом на конкретного индивида. Такими механизмами можно назвать: административные учреждения, общественные институты, общественное мнение, выражаемое публично и т. д. Самый ранний вид механизмов регулирования – соблюдение исторически сложившихся обрядов, ритуалов. В какой-то степени эта система сохранилась до наших дней в виде повседневного и делового *этикета*. Любое нарушение действия указанных механизмов потребует либо немедленной адекватной замены, либо повлечёт за собой внутренний социальный конфликт. Как правило, такой конфликт возникает, когда из моноконфессиональной среды начинают выделяться самостоятельные религиозные течения сектантского типа.

Бытует мнение, что *политические* социальные институты формируются на базе ритуальных. При частичной справедливости

этого утверждения мы не можем свести процесс возникновения политических социальных институтов к эволюции ритуалов. Как правило, возникновение политических социальных институтов это ответ на возникающие запросы социума, либо изменения внешней среды от изменения природных факторов до изменения порядка взаимодействия с проживающими в непосредственной географической близости этносами. Политические институты социума обычно являются той или иной формой «общественного договора», отражающей потенциал общины. Следовательно – формой делегирования членами общины права распоряжаться от их имени небольшой группе собратьев или единоверцев. В данном случае значительное влияние за порядок взаимодействия между этносами или конфессиями может оказывать так называемый «человеческий фактор». Так, например, крайне неудачный выбор послов, которыми Российская империя и Французская империя обменялись в 1807 году после заключения Тильзитского мира, во многом предрешил крах русско-французского союза. Посол России граф П. А. Толстой слыл непримиримым противником франко-русского союза. Посол наполеоновской Франции Анн Жан Мари Рене Савари, был талантливым разведчиком и контрразведчиком, но несколько менее успешным дипломатом, да ещё и считался одним из виновников смерти герцога Энгиенского, которому в России симпатизировали. Естественно, что Савари не мог даже рассчитывать на российские симпатии. Единственное, что можно отметить, политические социальные институты сами по себе редко становятся причиной религиозных конфликтов.

Формирование *религиозно-идеологических* социальных институтов, как правило, занимает значительные отрезки времени. Созданное учреждение, ритуал, догма, должны не только выдержать испытание на легитимность внутри конфессии, они должны быть сакрализованы. Процесс сакрализации, то есть складывания особого отношения индивидов и социума в целом к элементам религиозно-идеологических социальных институтов. Процесс сакрализации, как правило, не может быть успешен без зафиксированных свидетельскими показаниями и оформленных документально фактов *чуда*. При наличии высокой степени сакрализации тех или иных догматов, они становятся руководством к действию для большинства членов общины.

Таким образом, можно отметить, что потенциал феномена религиозной войны изначально заложен в каждом сообществе, имеющем религиозное учение. С этой точки зрения тревожным

выглядит факт, что опрос Американского института общественного мнения (чаще именуемого в прессе Институтом Джорджа Гэллапа), проведенный в 1999 году, констатировал: 87 % населения планеты придерживаются какой-либо религиозной веры. Учитывая, что специалисты института проводили опрос в 60 государствах, с суммарным количеством населения 1,25 миллиарда человек, а количественная составляющая «выборки» - 50 000 человек, эти данные можно назвать достаточно объективными. Правда, американские политологи учли и такую «погрешность», как атеисты, которых они причислили к «верующим». С точки зрения фактов, это оправданно: даже если человек не придерживается религиозных убеждений, он *верит* в «не существование» Всевышнего. Дело в том, что *доказать* наличие бытия Всевышнего равно как и доказать обратное с точки зрения материалистического взгляда на мир попросту невозможно.

Тем не менее, можно со всей ответственностью утверждать, что опасность религиозных войн в каждой конфессии поддается прогнозированию. Важно лишь внимательно изучить историческое наследие по данному вопросу.

Глава 2.

Религиозные войны в Древнем мире.

Вопрос о религиозных войнах в Древнем мире в настоящий момент рассмотрен крайне скудно. Существует ряд причин, осложняющих рассмотрение данной проблемы.

Основной трудностью является точная идентификация религиозных войн среди актов внешней политики рабовладельческих государств Древнего мира. Далеко не всегда в хрониках отмечены причины войн и, напротив, значительная часть античных авторов употребляют в своих произведениях выражения, апеллирующие к богам для придания тексту дополнительной поэтической красоты, что обусловлено эстетическими взглядами того времени.

Однако изучение религиозных войн Древнего мира имеет большое значение для современной науки и практики. Дело в том, что основные религиозные доктрины политеистических языческих религий достаточно просты и даже антропоцентричны. Богам приписываются совершенно человеческие модели поведения, мотивации и эмоционально-психологические особенности. Таким образом, мы можем в ходе изучения религиозных войн Древнего мира проследить механизмы экстраполирования человеческих моделей поведения на объяснение закономерностей божественной поддержки и божественного вмешательства, что в свою очередь поможет нам

прогнозировать поведение активных пассионарных общностей в период формирования и развития более высокоразвитых религиозных конфессий, например, авраамических религий.

Среди религиозных сообществ, из которых были образованы древние государства, можно выделить следующие типы:

- *Племена и государства с теократической властью* - сообщества, в которых роль правителей и исполнение судебной и законодательной власти выполняли профессиональные священнослужители. Таким были, например, Древний Шумер, и др.

- *Племена и государства с персонификацией божественной силы в лице легитимного правителя.* К государствам этой категории можно отнести Древний Египет, Римскую империю, и т. д.

- *Племена и государства с социально-политическим и функциональным разделением светской и духовной власти.* К таким государствам можно отнести полисы древней Эллады, отчасти - племена кельтов, германцев и др.

Нужно отметить общую практику войн того периода, в той или иной мере касающуюся всех сообществ Древнего мира.

Как ни парадоксально, *сложно говорить о полноценных религиозных войнах в современном понятии в отношении древних государств, находящихся под любым видом управления, с любым уровнем влияния религии на светские дела.* Если рассматривать военные действия между городами Месопотамии, то можно заметить, следующую закономерность: любая община в Древнем мире представляла собой в той или иной мере обособленную религиозную ассоциацию. Неверно было бы представлять пантеон языческих богов каждой части античного мира, как нечто целостное и канонизированное. Фактически «упорядочение» пантеонов языческих богов происходит лишь на этапе объединения ряда религиозных общин в рамках единого государства, объединённого, как правило, силовыми методами. Лишь в этом случае происходит стратификация местных божеств и создаётся их «генеалогическое древо». Языческие боги не противоречили своим существованием один другому, при завоевании новое божество попросту «вливалось» в общий пантеон. Такова, предположительно, судьба бога вина Диониса, почитаемого в Элладе.

«Заимствования богов» в ходе войн не просто распространённое, но разновекторное явление. Заимствование имело место не только по вектору «от победителя к побеждённым», но и по вектору «от побеждённого к победителю», как это произошло в Междуречье, где к концу III – началу II тыс. до н. э. Завоеватели –

семитские племена аккадцев заимствовали пантеон богов Шумера. Особенно интересен этот факт в свете того, что в религии шумер правители, скорее всего, *считались прямыми потомками божеств языческого пантеона*. Косвенным доказательством этого тезиса может служить то, что во многих городах шумер-аккадской цивилизации найдены храмы, возведённые в честь царей, в целом аналогичные храмам, возводившимся для служения языческим божествам. Есть основания полагать, что храмы в честь «богоцарей» строились на частные средства. Другим косвенным доказательством божественного статуса правителей шумер являются их захоронения: в одном из захоронений женщины царского рода были обнаружены останки представителей женской свиты и придворного музыканта с инструментом в руках; в погребении Шуб-ад найдены тела 25 членов свиты, а в гробнице Абарги – 60 тел. Осмотр тел и их всесторонний анализ заставил учёных высказать гипотезу о *добровольном уходе слуг из жизни вслед за правителями*. В сочетании с тем, что пантеон «божественных царей» был заимствован их победителями, указанный факт заставляет усомниться в принципиальной возможности возникновения религиозного военного конфликта в данную эпоху в данном регионе. Позднейшие вторжения кутиев (в начале XXII века до н. э.), амореев (нач. II тысячелетия до н. э.), хеттов и касситов (во второй половине XVI в. до н. э.) и других племён не ведут к религиозным военным конфликтам. Причины достаточно банальны: в ряде культур (например – в шумерской) среди языческих богов не существует жёсткой иерархии даже в рамках единого государства, таким образом, любые божества и духи включаются в общий пантеон на равных правах, поэтому формирование перманентного конфликта с приверженцами иного языческого культа мало возможно. Кроме того, все сверхъестественные существа, в которые верят жители Месопотамии, фактически являются частями одной общей системы.

При этом, изучая эпос Месопотамии особенно – Вавилонского государства, можно констатировать наличие свидетельств того, что уровень внутренней религиозно-социальной интеграции общества Вавилонского государства откровенно недостаточен для возникновения ситуации, предполагающей переход от процессов мирной экспансии какого-либо религиозного культа к применению вооруженного насилия в целях духовного преобразования одних этнических или социальных групп другими. Больше того, в письменных документах, относящихся к данной культуре можно видеть образцы критики религиозных традиций.

В частности, изучение текстов законов царя Хаммурапи (1793-1750 г. до н. э.) указывает на отсутствие тотальности религиозной системы государства Вавилон. Религия не монополизировала повседневную жизнь и, тем более, политику государства и его духовную жизнь. Так, например, в отношении защиты чести и достоинства человека (ст. 1-4) от наказания за оговор, клевету жреческий статус не спасал. Равно как и от наказания за уничтожения чужих садов (ст. 59) и пр.

Отчасти это объясняется тем, что Вавилонская религиозно-мифологическая система, базировалась не на ритуально-догматических постулатах, а на передовом для своего времени образовании представителей вавилонского жречества, например – обширных сведений в области астрономии, времяисчисления, метрологии, и других точных и естественных наук. Таким образом, вавилонское жречество в значительной степени выступает не столько источником и носителем власти, сколько механизмом развития социума, подчиняющимся общим законам и общественному мнению.

Несколько по-иному развиваются события на территории Средиземноморья. Военные действия гражданских общин античных цивилизаций Средиземноморья представляли собой соперничество не только людей, но и богов-покровителей различных общин. Например, в произведениях Гомера упоминается чёткое разделение богов на покровителей ахейцев и покровителей троянцев. Гера, Афина, Посейдон, Эрида, Ирида, Фетида, Протей – выступали с точки зрения Гомера, на стороне ахейцев. Артемида, Аполлон, Афродита, Арес, Лето, Скамандр, Фобос и Деймос – на стороне Трои. Фактически, сражающиеся армии имели в лагере, а то и на поле боя, жертвенники, изображения своих богов, не говоря уже об амулетах и оберегах. Более того, есть основания полагать: члены языческих общин считали, что боги принимают участие в битвах наравне с людьми. Об этом, в частности, говорится в «Илиаде», а также – в произведениях Древнего Египта. В Египте особенно отличался описанием сражений бога на человеческих полях битв культ бога войны Монту. Так при описаниях походов Тутмоса III и Аменхотепа II встречается сравнение с Монту, который «метко стрелял в цель, ведя колесницу».

Неудивительно, что отношение к языческим богам на поле боя было более чем «человеческим». То есть божества проигравшей стороны могли быть пленены, оскорбляемы и лишены жертвоприношений. Таким, например, может быть одно из объяснений находки в городе Силчестере, на месте римского города Каллева Атребатум, одного из штандартов римских легионов в виде орла со

снятыми крыльями. Вполне возможно, что римского орла одно из местных племён посчитало божеством, которое было изувечено коренными жителями британских островов, чтобы это божество не могло оказывать в дальнейшем помощи римлянам, закономерно воспринимаемым местными жителями как захватчики.

Большую часть подобных конфликтов назвать религиозными войнами нельзя: при победе над врагом в государствах и племенах Древнего мира, чаще всего *не идёт речи о духовном преобразовании побеждённых в целях формирования соответствующей государственности, народности, а затем и нации*. Однако необходимо принимать во внимание, что сведения о военных действиях Древнего мира, которыми располагает современная историческая наука, весьма отрывочны, фрагментарны и мифологичны. Однако существуют косвенные доказательства и конкретные примеры того, что религиозные войны в Древнем мире всё-таки могли происходить.

Конечно, сложно назвать войной реформы фараона Аменхотепа IV (Эхнатона), правившего с 1353 по 1336 или 1351-1334 гг. до н. э. с целью установить главенство бога Атона в Египте и за его пределами. Тем не менее, некоторые особенности происходящего наводят мысль на наличие элементов феномена *внутриконфессиональной войны*. Но – только элементов и не более.

В сущности, реформы Аменхотепа IV сводились к попытке введения протомонотеизма на почве солнцепоклонничества, возвышение бога Атона и введение его культа в разряд государственного. То есть – переход от *государства с персонификацией божественной силы в лице легитимного правителя* к полноценному *теократическому* государству с переносом столицы и секуляризацией земельных владений храмов Атона (как конкурентов Атона), что привело к временному упадку Фив – центра атонианского культа. Первые случаи гонений на Атона и его служителей датируются 1343 г. до н. э., то есть 9-10 годом правления Аменхотепа IV. Через три года фараон начинает масштабное наступление на весь египетский пантеон, провозгласив Атона единственным богом. Существует предположение, что Аменхотеп IV инициирует массовое закрытие храмов и роспуск их жреческого персонала. **Однако нет достоверных доказательств, что этот процесс сопровождался широкомасштабными военными действиями.** Более или менее доказательно известно лишь, что на Аменхотепа IV – Эхнатона было совершено как минимум одно покушение: известно изображение этого события на одной из найденных росписей. Также известно, что в последние годы своего царствования Аменхотепа IV, фараон

вынужден был пользоваться услугами наёмников. Однако о полноценных военных действиях с религиозной подоплекой даже в этом случае говорить опять же не приходится.

Причиной столь слабых проявлений религиозных военных действий при наличии известного уровня религиозной нетерпимости в рамках Древнего Египта можно предположить в ряде идеологических и социально-экономических причин. Например, значительную роль в торможении религиозных конфликтов и препятствию перехода их в стадию религиозной войны играют следующие нюансы:

1. **Высокая степень сакрализации статуса и личности фараонов.** Именно в данном порядке. Фактически традиция обожествления легитимного правителя оказалась в случае реформ Эхнатона гарантией стабильности от катаклизмов с обеих сторон: с одной стороны не дала населению оказать фараону сопротивление червоточное внутриконтрафакциональной и гражданской войной. С другой стороны, даже при широком пассивном сопротивлении общества действиям Эхнатона, не произошло смены политической системы.

2. **Единообразная хозяйственно-экономическая система земель «метрополии» Египетской империи.** Некоторые живущие в своем хозяйственно-экономическом ритме окраины империи были потеряны. В то же время центр Египта в долине реки Нил не предполагал возникновение центров с различным объёмом базы для обеспечения материально-экономического благополучия подавляющего большинства членов религиозного сообщества, что повлекло бы стремление к переделу ресурсов и дало бы в руки соперников Эхнатона экономические рычаги влияния на ситуацию.

3. **Сложившаяся стабильная административно-политическая система, порядок работы которой был, относительно, мало зависим от «человеческого фактора».** Разветвлённая самодостаточная бюрократическая и административная система Египетской империи была способна к автономной и самодостаточной работе своих составных частей по территориальному делению. Таким образом, реформы Эхнатона, скорее всего, не вызвали коренных по сути изменений в повседневной жизни жителей Египетской империи.

Мир Эллады несколько отличается от мира Египта и Месопотамии. Чёткое разделение бытовой и сакральной сторон жизни создаёт своеобразную систему отношений человека, сверхъестественных существ и божеств.

Эврипид в своих поэмах повествует, как один из воинов перед битвой размышляет о том, что «Боги, сражающиеся на нашей стороне, сильнее тех, которые сражаются на стороне наших врагов». В

«Илиаде» Гомера также неоднократно встречается упоминание о том, что эллины воспринимают богов в военном отношении не столько как высших покровителей, сколько как на воинов в своём строю, обладающих большими возможностями, нежели человек. Так Гомер в главе «Илиады», повествующей о бое за тело Патрокла описывает, как на поле боя к сражающимся греческим героям спустилась, принявшая вид героя Феникса, богиня Афина Паллада воодушевляла их на доблесть. А Ксанф, чудесный конь Ахилла, вещает своему хозяину: *«Не наша вина, что погиб Патрокл. Его сразил стреловец Аполлон, он даровал победу Гектору. Хотя бы мы летали, подобно Зефиру»*...

С одной стороны, такой взгляд можно расценить, как религиозную подоплеку военных действий, но в работах античных историков, поэтов и философов нет свидетельств того, что эллины начинали сражения или войны ради изменения духовной сферы жизнедеятельности своих противников. Скорее здесь можно наблюдать обратный процесс: в мифах эллинов боги вступают в сражение среди человеческих армий, чтобы помочь людям, находящимся под их покровительством, *человеческих, земных целей*. Поэтому неудивительно, что военное искусство эллинов сугубо прагматично, но мало согласуется с современными представлениями об этике и морали. Герою не зазорно было обратиться в бегство от сильного противника или напасть на одинокого противника группой. Не считалось позором ударить в спину. Приемлемым было убийство женщин и детей, добывание раненных и казнь пленных. Так лакедемонянин Фебид вместе со своими воинами в мирное время захватил Фиванский акрополь. Спартанский царь Агесилай на вопрос о допустимости подобного поступка ответил, что для того, чтобы оценить поступок, нужно определить, насколько он полезен для родного полиса того, кто его совершает: если поступок полезен для отечества, то этот поступок прекрасен. Ещё более категорично рассуждал другой царь Спарты Клеомен: по его мнению, любой урон, который только можно причинить врагу, будет выглядеть справедливо в глазах богов и достойно в глазах людей.

То есть, мнение богов было весомо в момент планирования и начала дела, но после военной победы победитель-эллинин мог пользоваться её плодами, как заблагорассудится по его *человеческому* разумению. Так, например, граждане Афин на агоре после победы над полисом Мителина постановили, что жители должны быть уничтожены, невзирая на пол и возраст. Правда, через сутки афиняне изменили приговор, «ограничившись» казнью тысячи человек, но

оставив за собой земельные владения полиса. Примечательно, что большая часть казнённых пленников, не была посвящена богам, то есть казнь не имела характера жертвоприношения, как сакрального ритуала. Впрочем, и в «Илиаде», когда Ахилл убивал пленников у погребального костра Патрокла, он посвящал эту жертву не богам, а памяти своего убитого друга. И после взятия Платеи убийство всех мужчин города также не было чисто сакральным актом: не все жертвы пролили кровь на жертвенных камнях святилищ. Женщин, кстати, «просто» продали в рабство.

Если эллины обращаются к богам за благословением, то, как правило, это происходит в момент, когда человек или группа людей делает выбор. И обращение к богам носит скорее консультативный характер, чтобы обеспечить правильность выбора. Так в «Илиаде» Гомер описывает «священных вестников, несущих приношения, назначенные для клятвы богам... агнцев и вино». Автор подробно описывает ритуал, при котором полководец возлагает правую руку на голову живой ещё жертвы, говорит с богами, испрашивая у них содействия опять-таки в *человеческом* деле. После этого полководец жертвенным ножом перерезает горло агнцу на жертвеннике, и совершает возлияние жертвенного вина. Единственным групповым актом становится в этом ритуале хоровое произнесение воинами текста общей клятвы: «О, бессмертные боги! Пусть подобно тому, как было поражено железом это жертвенное животное, будет поражен первый, кто нарушит свою клятву».

В принципе, можно было бы считать религиозной войной военные действия ради захвата пленников, которые позже должны были предназначаться в жертву богам. В Элладе существовали все предпосылки для такого развития событий. Во-первых, ещё Фукидид в своих произведениях констатирует, что любые военные, политические, а, нередко и торговые договоры оформлялись исключительно жертвоприношением. Во-вторых, обряд жертвоприношения, описанный Фукидидом, абсолютно идентичен обряду, описанному Гомером. Различаются боги, которым поклоняется тот или иной полис и формулы клятв и прошений к богам. Ритуальная же сторона обряда отличается мало. Единый порядок ритуала говорит о единстве основных обычаев. В-третьих, жертвоприношение стало синонимом дипломатических и других правовых актов. В греческом языке того времени не было выражения, аналогичного современному «подписать договор», за то были следующие: *орκία τέμνειν* (принести жертву для клятвы), *ισπένδεσθαι* (совершить жертвенное возлияние). В обиходном

языке о сторонах, заключивших договор или сделку, говорили, как о «принёсших жертву».

Но практики походов «за человеческими жертвами» в Элладе всё-таки не сложилось. Причин тому может быть несколько. Вот наиболее вероятные из них:

- *Человек-раб представлял собой в Элладе значительную ценность.* В рабовладельческом обществе Эллады цена человеческой жизни была эквивалентна в числе прочего, той пользе, которую человек мог принести, будучи рабом. Убивать «ценное имущество» сверх необходимости было попросту экономически нерационально.

- *Статус эллинских богов предполагал их «человеческое» поведение.* В боевых действиях, по верованию эллинов, боги сражались на поле боя, вместе со смертными воинами. В договорах боги выступали в роли арбитров. Можно предположить, что в сознании эллинов жертвы богам экстраполировались на собственные потребности и составляли основу их собственных бытовых желаний. Канибализм же в Элладе распространения не получил и считался грехом (достаточно вспомнить миф о Тантале и Пелопсе). Исключение в данном случае делалось лишь для богов загробного мира Аида, или имеющих отношение к Тартару (при этом не следует смешивать понятия Тартара и Аида), например – богине колдовства Гекате.

- *Использование жертвоприношений, как стандартного ритуала совершения сделок предполагало большое количество жертв.* Степень заселения Эллады попросту не предполагала наличия ресурсов для слишком частых человеческих жертв. Поэтому жертвоприношения людей были лишь частью особо торжественных ритуалов с магической подоплекой.

Ещё одной причиной крайне малой возможности религиозных войн в Элладе была та же, что и в Месопотамии ситуация с взаимоотношением божеств в мифах, принятых на всей территории Эллады. Языческие боги не противоречили своим существованием один другому. На территории Эллады, а также греческих полисов на черноморском побережье найдены монеты, отчеканенные в честь союза тех или иных полисов, медали или геммы, изготовленные в честь тех же событий. Как правило, на таких изделиях изображены божества-покровители полисов, протягивающие друг другу руки традиционным эллинским жестом дружелюбия. Наиболее известны медали с изображением Артемиды Перигийской и Паллады Сидонской, Аполлона Милетского и Гения (Даймона) Смирнского.

Таким образом, можно сделать заключение, что история войн античной Эллады подтверждает наличие религиозного мотива в этих войнах лишь как вспомогательного и, как правило, не служащего ни основной причиной конфликта, ни его движущей силой, ни олицетворением его целей.

Намного более сложная ситуация сложилась в Римской Империи. Во-первых, в Римской империи сложилось своеобразное отношение к военным действиям.

1. Война рассматривалась низшими слоями римского общества как естественный процесс приобретения земельных владений. Ряд исследователей выдвигает гипотезу, что само отношение к войне у римского простонародья было сродни отношению к некоей части крестьянского труда, неприятной, но необходимой.

2. Среди аристократии Рима военные действия рассматривались, прежде всего, как социальный «лифт», дающий возможность за короткое время повысить статус, как конкретной личности, так и её рода.

3. Римская империя – одно из немногих государств античного мира (если не единственное), в мифологии и религии которого военные действия встречали со стороны богов безусловное одобрение.

Рассмотрим эти вопросы подробнее. На протяжении своего существования римская социальная система претерпевала значительные изменения. Чёткое разделение на граждан Рима и плебс само по себе разграничило социум на две неравные части. Единственным социальным лифтом для небогатых граждан Рима и даже плебеев стала служба в римской армии. Де-факто, культивирование военной службы не могло быть успешно проведено без соответствующего идеологического обоснования. Основным видом массовой идеологии античного мира были религиозные системы.

Религиозная же система Рима от времени Древнего царства до эпохи Юлия Цезаря представляла собой динамично развивающуюся эклектичную философско-мифологическую конструкцию, своеобразную «религию в себе». Недаром ряд историков называли римлян «завоевателями (или похитителями) богов». Изначально религия римлян, представлявших собой социум, сложившийся из представителей ряда италийских племён, была примитивным анимизмом. Каждое место, каждый человек, каждый хозяйственно-значимый объект (колодец, родник, гора, лес, ущелье, гора, выход руды, жила драгоценных камней, дом, и т. п.) имел в глазах римлян бестелесного покровителя, наподобие греческого «гения»,

олицетворяющего «душу», воплощение сущности этого объекта. Фактически древнейшая религия Рима – система поклонения безымянным духам природы и духам семейного очага. Однако в ходе завоевательных походов римляне начинают вводить в свой пантеон богов, почитаемых на захваченных территориях. Ряд историков высказывает мнение, что таким образом римляне пытались убедить богов захваченных ими народов не мстить Риму. Таким образом, римский пантеон развивается по пути непрерывного усложнения.

Казалось бы, Рим полностью повторяет путь Месопотамии и Эллады. Однако, механизмы, связывающие религию Рима и его *modus operandi*, включающий в себя значительное количество военных действий, намного сложнее.

- *В римской религиозной культуре уже на ранней стадии сформирован благоговейный страх перед божеством.* Если в Элладе возносящий молитвы богам, до общения с которым снизошёл житель Олимпа или на худой конец, его посланник (в лице бога Гермеса, как правило, сочетаются оба вида) был бы счастлив. В римской культуре простой смертный не мог рассчитывать на непосредственное общение с божеством по определению. Римлянин, возносящий молитвы, накрывал голову плащом, женщины – специальным тканевым покровом. Возможность созерцания божества, часто упоминаемая в эллинских мифах, воспринималась римлянами, как святотатство. В отличие от эллина, рассчитывающего на более или менее прямое указание от божества, римляне искали проявление воли сверхъестественных существ в естественных фактах: изменении погоды, полёте птиц, и т. д.

- *В Риме был очень высок уровень внутренней религиозно-социальной интеграции религиозной общины.* Максимально полная интеграция личности в религиозную общественную жизнь Римской империи ещё на начальном этапе складывания Римского государства стал неотъемлемой частью политики Рима и остался таковой до момента распада государства. Долгое время римский социум придерживался мнения о почитании богов, как неотъемлемой части военного и политического успеха своей державы, а победы считал наградой богов. В том числе и богов, «заимствованных» в период завоеваний. Этого мнения высказывали многие римские философы: Амвросий Макробий, Сенека, Марк Аврелий и другие. Наиболее известно изречение Цицерона: «Мы не превзошли ни испанцев своей численностью, ни галлов силой, ни пунийцев хитростью, ни греков искусствами; ни, наконец, даже италийцев и латинов внутренним и врожденным чувством любви к родине,

свойственным нашему племени и стране; но благочестием, почитанием богов и мудрой уверенностью в том, что всем руководит и управляет воля богов, мы превзошли все племена и народы».

- *Систематичность формирования пантеона.*

Создаётся впечатление, что языческая религия Рима развивается «чистого листа». До нас не дошли созданные первыми гражданами Рима мифы, легенды, и даже религиозные ритуалы. Подавляющее большинство элементов религиозной системы Рима либо в той или иной степени заимствованы от завоёванных народов, либо созданы для «цементирования» эклектичной религиозной системы. Но все их отличает одно – *универсальность, стандартность*. Так Амвросий Макробий в своих «Сатурналиях» (*Convivia Saturnalia*) и «Сне Сципиона» (*Somnium Scipionis*) приводит ряд стандартных «бытовых» формул римской повседневной жизни, праздников и военных действий. В числе прочего – текст стандартного проклятия в адрес врагов: «О боги, распространите страх и ужас и зло среди наших врагов. Лишите людей этих и всякого, кто живет среди их полей и городов, света солнечного; и пусть их головы и тела, их город и поля будут обречены вам». Именно стандартизация и тщательное «укладывание» новых элементов в стройную систему являются отличительной чертой римской религиозной системы.

- *Прагматический подход к общению с божествами.*

В отличие от религий Месопотамии, древнего Востока, а также Египта, римская религиозная традиция сводит к минимуму мистическую составляющую. Если рассматривать религиозные ритуалы Рима, то отчётливо видна тенденция к их рационализации, отсечению нецелесообразного, «лишнего». Можно предположить, что римляне, при своей крайней почтительности к богам не отличались тягой к таинственности, потребностью доказательства сверхъестественного могущества богов, как такового. В текстах Вергилия, Макробия, Страбона, Сенеки, других писателей, философов и хронистов сложно найти описание «божественных», сакральных чудес. Чудо, как таковое, истолковывается, как указание на волю богов, но не доказательство их могущества. Такое отношение к божеству вполне объяснимо, принимая во внимание, что Римское государство строилось на принципах единого для всей империи культурно-правового пространства, зафиксированного документально. Поэтому закономерно, что, выполняя ритуальные действия римские граждане (и другие лица, проживающие на территории римской империи и перенявшие римскую культуру и мировоззрение), ожидали не абстрактных «откровений» или «чудес», а строго определённой меры

помощи в конкретных делах. Это роднит данную систему с эллинской. Но в отличие от эллинского религиозного мировоззрения римский взгляд на божественное вмешательство также был *стандартизирован*. То есть, при совершении определённых стандартных религиозно-ритуальных действий, римлянин ожидал стандартной реакции богов и стандартного результата начатого дела. Римскими священнослужителями были составлены списки единообразных для подданных всей Империи форм обращения к божествам, включающие список богов Римской империи и перечисление жизненных ситуаций, в которых следовало обращаться к каждому из них. Эти списки назывались «Индигитаменты» (Indigitamenta) и стали одним из основных источников священного права. Римляне первыми в античном мире в значительной мере *алгоритмизировали* свою религию.

- Со временем римская религиозная система подверглась значительно влиянию эллинской культуры и до определённой степени *приняла практику «очеловечивания» отношений людей и богов*. Не все римляне приняли такие новшества с восторгом. Римский писатель Марк Порций Варрон с негодованием писал, что «Римские боги в течение 170 лет обходились без статуй. Позже лишь Веста не позволяла прославлять себя иначе, как языками очищающего огня». Но римский принцип первенства закона над индивидуальными желаниями, заставил жителей Империи принять новшества. Поэтому, как и в Элладе, богов римского пантеона (к тому времени уже в значительной мере заимствованного у тех же эллинов) стали «приглашать» на заключение гражданских актов. В ходе заключения мирных договоров, военных союзов, торговых конвенций входили в практику взаимные посещения религиозно-культурных событий (как правило – праздников, благо из-за обилия «завоёванных» богов в общем римском пантеоне, несложно было подобрать праздник к нужному дню) представителями обеих (и более) договаривающихся сторон. Другой формой «духовного единения» было открытие доступа в храмы, доверие ключей от культовых сооружений и т. д. Ряд исследователей видят в этих событиях своеобразную трансформацию системы заложников, которыми обменивались в древние времена союзные племена перед решающими сражениями. В качестве примера можно привести договор Рима и Ланувиума, по которому божество Ланувиума (кстати, завоёванного к тому моменту Римской империей) становилось одним из покровителей Рима. Римляне получили право входить в храмы Ланувиума и обращаться к местному божеству с жертвами и прошениями. В то же время, жители Ланувиума получили те же права в отношении римских богов.

Характерный нюанс, ритуальная сторона обрядов не изменялась, где бы эти обряды ни проводились. Так Вергилий подробно и всесторонне описывает порядок заключения мирного договора между враждующими войсками, которому он был свидетелем. Прежде всего, обращает на себя внимание факт, что для процесса заключения договора в случае, описанном Вергилием, была оборудована «нейтральная полоса». На месте, где предполагалось оформить заключение договора, были поставлены идолы богов, почитаемых обеими сторонами. Жрец в ритуальном белом одеянии проводит обряд. К сожалению, Вергилий не уточнил подданства жреца, но, скорее всего, служитель культа был представителем победившей стороны, то есть – римлянином. Именно представитель жречества произнёс клятву, призывая богов в свидетели, заколол жертвенное животное и приложил руку к водружению туши на священный огонь алтаря. По свидетельству Тита Ливия, согласно своду римского законодательства только участие представителя жречества – фециала и исполнение им религиозно-культовых обрядов установленного образца (по строго соблюдаемому алгоритму) делало заключаемый договор легитимным. «Договор не мог быть заключен без участия жрецов-фециалов и без исполнения священных обрядов, - пишет Тит Ливий, - потому что договор не есть простая сделка, *sponsio*, как сделка между людьми; договор заключается произнесением молитвы, *precatio*, в которой испрашивается, чтобы народ, не исполнивший тех условий, которые он обещался исполнить, был поражен, как только что закланное жрецом-фециалом животное».

Примечателен случай, в связи с которым упоминается первый город, заключивший союз с Римским государством. Это был город Цере, расположенный в Этрурии. Тит Ливий сообщает читателям, интересные сведения: когда произошло нашествие галлов и римское государство терпело тяжёлые бедствия, римские боги нашли убежище в Цере. Причём Тит Ливий утверждает, что римские боги не только жили в Этрурии, а ещё и то, что жители Цере поклонялись им с совершением всех положенных ритуалов! Таким образом, произошло проецирование «человеческого» закона гостеприимства, которого поддерживались этрунналии, с материально-бытовой сферы в область духовной! Священные узы гостеприимства связали, римских богов и этрусскую гражданскую общину. Ввиду этого религиозно-этическая система Рима не допускала даже намёка на вражду с Цере, и города заключили «вечный» союз, переживший Римскую империю.

Известны примеры исторических событий, когда мирные договоры заключались с нарушением алгоритма. Так, например, в 321

г. до н. э. в Кавдинском ущелье во время Второй Самнитской войны четыре римских легиона, возглавляемые Титом Ветурием и Спурием Постумием потерпели поражение от самнитского войска, возглавляемого блестящим полководцем Гавием Понцием, и вынуждены были сдаться. Понций предложил римским консулам заключить договор, согласно которому римские воины могли отступить и вернуться в Рим, очистив территорию самнитов. Более того, Понций предлагал Риму равноправный союз и военную помощь. До момента выполнения всех условий в расположении самнитов в качестве заложников должна была остаться когорта (около 600 человек) римских легионеров. Для того чтобы официально признать своё поражение, римские воины должны были по самнитскому обычаю пройти под висающим воловьим ярмом.

Результат похода не устраивал римский Сенат, и его члены воспользовались тем, что во время заключения договора самниты не озаботились найти жреца, который бы произнёс требуемые римскими законами формулы обращения к богам и клятвы. В Риме договор был объявлен недействительным, а лица, скрепившие его от имени Рима, были выданы самнитам. Гавий Понций, правда, не нашёл на них вины, после чего римляне были отпущены на свободу.

- *Наличие милитаристского сегмента в римской религиозной системе.* Значительная часть религиозной системы Римской империи была создана на основе канонизации военных подвигов правителей, выдающихся воинов и полководцев. Тем не менее, сложно говорить о наличии процесса обожествления военного дела, который, например, имел место у ряда кельтских племён и народов Скандинавии. Можно предположить, что внесение в религиозную структуру военной тематики имело скорее дидактическое, нежели сакральное значение.

Как следует из сказанного выше, Римская империя выглядит почти идеальным государством, на базе которого могла бы сформироваться теологическая экспансионистская идеология. Однако этого не происходит. Причины торможения процесса теократизации римского социума и аппарата управления, фундамент которого был заложен ещё в период первых римских царей с VIII по VI век до н.э. от Ромула до Сервия Туллия, и вторично набирающего обороты в период после 44 г. до н. э. (убийство Гая Юлия Цезаря), довольно разнообразны. Условно их можно разделить на следующие группы:

- «административно-правовые»;
- «политико-экономические»;
- особенности менталитета и мировоззрения.

Рассмотрим эти группы факторов, воздерживаясь от подробной их квантификации.

«Административно-правовые» факторы легко свести к следующему обобщённому определению: значительная многонациональная территория, сложившаяся под властью Римской империи в результате завоевательных войн могла эффективно управляться лишь при помощи единообразных механизмов. Учитывая, что в описываемый период универсальными рычагами воздействия на широкие массы различных народов и этнических групп могли быть только единая религия и единые для всех членов социума правовые акты, выбор у римского Сената, а далее – римских императоров был весьма ограничен. Поддерживать власть исключительно при помощи военной силы Рим уже не мог исходя из-за увеличения территории. Создание единой религиозной системы для Рима, который, по сути, не обладал к моменту экспансии даже собственной сложившейся религиозной системой, было невозможно. Таким образом, ввиду невозможности использовать военную и религиозно-философскую системы для поддержания порядка и формирования единообразного государства, Сенат, а вслед за ним и монархи Римской империи надолго сделали ставку на административно-правовой рычаг объединения, гарантирующий гражданам римской империи и лицам, соблюдающим её законы чётко определённые права, привилегии и возможности. В среде чёткого административного соподчинения, связавшей людей с *различными религиозно-этическими взглядами*, ограниченная возможность возникновения таких аспектов социальных характеристик, как высокая степень религиозной регламентации мировоззрения, быта и самоопределения индивидуумов в рамках одного религиозного культа, наличие религиозных ритуалов в общем порядке несения военной службы или высокий процент религиозных фанатиков. Кроме того, профессиональные жрецы на поле боя во время сражения не допускались, поскольку в римской армии действовал принцип: «работают все, в бой идут все». Также, играет большую роль сакрализация главы государства. Статус верховного жреца, *pontifex maximus*, который носил Римский император, официально давал ему права верховного жреца для каждой религиозной группы, входившей в систему Римской империи.

«Политико-экономические» факторы можно описать, как налаженную систему экономических связей, обеспечивающих сравнительно высокий уровень экономического развития на подавляющей части территории Римской Империи. Создание такой системы возможно исключительно за счёт взаимной зависимости

различных регионов от поставок сырья и наличия налаженных рынков сбыта, предоставляемых другими регионами того же государства. Обеспечить такое взаимодействие, как правило, возможно, исключительно при помощи налаженной инфраструктуры и экономико-политической стабильности, в обеспечении которой участвуют социумы всех заинтересованных (и разноконфессиональных) регионов. Таким образом, становится невозможным создание материально и технологически независимой базы для обеспечения материально-экономического благополучия подавляющего большинства членов каждого отдельного религиозного сообщества. Материально-экономическое благополучие римскими провинциями могло при сформированной системе экономических взаимоотношений достигаться только совместно.

Более внимательно нам придётся рассмотреть третью группу факторов - *особенности менталитета и мировоззрения римского социума*. Развитие римской общественной мысли и активное заимствование философского и научного наследия с завоёванных территорий, а также сам рационалистический подход ко всем сторонам общественно-политической жизни Империи, всё это сформировало в среде римской аристократии, а также – наиболее образованной страты других слоёв римского имперского общества своеобразное отношение к религиозно-этическим вопросам.

В среде аристократии, обладающей всей полнотой власти в различных учреждениях, сформировались взгляды, в которых рациональный подход к служебной проблеме превалировал над религиозно-этическим. В исторических хрониках описано значительное количество таких случаев. Правда, стоит отметить, что хронисты, как правило, заостряют внимание на пагубных последствиях пренебрежения указаниями богов.

В ряде источников упоминается история консула Публия Клавдия Пульхра, консула 249 г. до н. э. Получив под командование флот на Сицилии, повёл себя опрометчиво, сосредоточив флот в невыгодной позиции у Дрепана, где решил дать бой карфагенской эскадре под командованием Адгербала. Накануне сражения по заведённому распорядку был проведён ритуал птице гадания. Священные куры не стали клевать зерно, что было сочтено за дурное предзнаменование. Понимая, что отложить бой он не может, а несчастливое предзнаменование пагубно подействует на боевой дух подчинённых, консул приказал выбросить птиц за борт, произнеся историческую фразу: «Не хотят есть – пусть пьют!». После этого Публий Пульхр дал приказ строить корабли в боевые порядки. В

сражении флот Пульхра потерпел поражение. От Сената пришло послание, освобождающее Пульхра от командования флотом и требующее назначить вместо себя диктатора. Консул, оскорбившись пренебрежительным тоном письма Сената, назначил вместо себя посольного Глиция. По возвращении в Рим Пульхр был обвинён в измене, однако ему повезло: заседание суда пришлось отложить из-за внезапного ливня, который консул счёл за добрый знак. Консулу и в самом деле повезло: он отделался лишь штрафом.

Другой известный пример пренебрежения пророчеством вновь относится к Пунической войне, правда уже ко Второй. Консул Гай Фламиний, известный своими демократическими реформаторскими позициями, готовясь к битве с войсками Ганнибала в 217 году у Тразименского озера, также столкнулся с нежеланием священных куриц клевать зерно. Жрец, находившийся при нём, посоветовал отложить сражение. Тогда Гай Фламиний спросил, не придётся ли ему и завтра откладывать бой, если куры откажутся клевать зерно. Получив утвердительный ответ, Фламиний понял, что в этом случае его войско будет гарантированно разбито войсками Ганнибала, который получит возможность навязать бой на своих условиях. Грубо отказавшись от повторного гадания, Фламиний отдал приказ войскам строиться к бою. Однако ни знаменосец, ни подоспевшие ему на помощь легионеры долго не могли сдвинуть с места консульский штандарт. Воины предложили Фламинию всё-таки отложить бой, но Фламиний счёл, что за ночь после дурных предзнаменований люди окончательно потеряют веру в победу, и приказал идти в бой. В бою войско Гая Фламиния было разбито, а сам он погиб, не пожелав спастись бегством.

Почему же Фламиний был так неосторожен? Потому что в его жизни был и противоположный случай. В 223 году до н. э. он вместе с другим консулом Публием Фурием Филом командовал походом на галльское племя инсурбов. Во время похода вода одной из итальянских рек окрасилась в бурый цвет, а в небе над Римом люди увидели три луны (лунное гало). Эти явления были провозглашены жрецами недобрыми и предвещающими поражение. Сенат направил Фламинию и Фурию послание с требованием прекратить поход, вернуть армию в Рим и сдать командование. Однако письмо запоздало, и консулы прочитали его уже после того, как одержали над инсурбами убедительную победу. Войдя в Рим с богатой добычей, Фламиний и Фурий увидели, что их никто не встречает. Триумф полководцев прошёл на пустых улицах, а сразу после шествия консулы были отрешены от своих должностей. Оба римлянина чувствовали себя

оскорблёнными. Поэтому-то, став консулом во второй раз, Фламиний с недоверием и недоброежелательством относился к жрецам.

«Вот до какой степени, – пишет Плутарх, – представляли римляне всякое дело на рассмотрение богов и даже при самых больших удачах не допускали ни малейшего пренебрежения к прорицаниям и другим обычаям, считая более полезным и важным для государства, чтобы их полководцы чтили религию, нежели побеждали врага».

Однако необходимо отметить, что если мы формально не можем констатировать наличия в действиях римских полководцев признаков религиозного фанатизма, то можем видеть ряд косвенных явлений, которые заставляют предположить, что такой феномен всё-таки был свойственен и римскому социуму и, особенно, представителям его военного сословия в скрытой форме.

Например, к таким признакам можно отнести проявления «прагматичной» жестокости, основанной на идеологии исключительности Рима, как государства, «благословлённого и поддерживаемого богами» и римских граждан, как «богоизбранной нации», высшей расы. Судя по свидетельствам современников, такие проявления встречаются часто.

Так документы изобилуют примерами, как римские солдаты и офицеры даже в небоевой обстановке выказывают абсолютное пренебрежение к жизни и достоинству, а также – к религиозным и этическим взглядам представителей народов, не входящих в границы империи. Вергилий, Страбон, Тит Ливий, Плиний-младший и другие писатели, так или иначе, упоминают о том, что не-римлянин не обладает никакими правами, не может пользоваться никаким снисхождением, не смотря на пол и возраст. Что интересно, как только какая-либо территория включалась в состав империи, её жители при условии их лояльности к метрополии вскоре начинали пользоваться правами римского населения. Но при изучении описаний походов римской армии создаётся впечатление, что в момент военных действий римские воины вообще не рассматривали противника, как человеческое существо. Ради победы было дозволено всё.

Один из признанных героев Римской империи - полководец Муций Сцевола считал любую военную хитрость, любую уловку, позволяющую обмануть врага либо поставить его в беспомощное положение, прекрасным поступком. Не признавал каких-либо «правил» и «законов» войны и консул Луций Марций Филипп, приёмный отец будущего императора Октавиана Августа. Полководец Павел Эмилий поработил и продал на восточные рынки жителей Эпира, добровольно ему сдавшихся. В различных источниках

называются разные цифры проданных в рабство, судя по отзывам современников, их число доходит до ста тысяч.

Действия римских легионеров и их командования роднит с действиями солдат религиозных войн и то, что Рим вёл войну не против армии, а против народов, не пожелавших ему подчиниться, а также – почитать римских богов. Так обычной практикой было, что римские легионеры уничтожали мужчин, а женщин и детей превращали в рабов. Часто римские военачальники в случае ожесточённого сопротивления применяли тактику выжженной земли, уничтожая засеянные поля, вырубали сады. Интересно, что нередко резня, устраиваемая римскими солдатами, всё-таки носила характер религиозного мероприятия. Так уничтожение пленных, в случае если их невозможно было транспортировать или содержать, нередко посвящалось богу подземного мира Плутону и приобретало характер массового жертвоприношения. Правда, в данных случаях, как правило, алгоритмы религиозных культов соблюдались небрежно (если вообще соблюдались). Известно несколько случаев, когда военные действия римских легионов стирали с лица земли целые народы. В этом случае в римских источниках старались стереть и замолчать само его имя. Существует версия, что правители Рима сознательно вели политику отделения границ Рима от остальной Ойкумены буферной зоной безлюдных земель. В качестве примеров подобных действий можно назвать следующие:

- местность, в которой до прихода римлян находилось двадцать три города вольсков, позже была известна, как безлюдные Понтийские болота;
- были стёрты с лица земли пятьдесят три города Лациума;
- На территории Самниума, где была применена тактика «выжженной земли», местное население несколько десятков лет не могло восстановить уровень хозяйства, разрушенного войной.

Следующим косвенным свидетельством того, что жестокость римских воинов всё-таки носила, в определённом смысле, характер религиозного фанатизма, являются многочисленные случаи, когда римские завоеватели не истребляли побеждённых врагов и не включали их в своё государственно-правовое пространство. В таком случае римляне, как правило, «ограничивались» уничтожением их образа жизни, разрушением их политической структуры и, по возможности, религиозной системы путём уничтожения её материальной базы, священных предметов, служителей культа, а нередко – и культовых личностей. Так, например, известна история

убийства вождя алеманнов Витикабия (368 г.), организованного Флабием Валентинианом. Многие религиозные культы малых этнических групп, а иногда – служившие частью крупных языческих пантеонов просто переставали существовать.

Примечательно, что римляне, трепетно относившиеся к культуре семейного очага в собственном социуме, упорно истребляли его в социумах сопротивляющихся народов. С точки зрения голой прагматики этот процесс легко объясним: **с уничтожением семейных культов происходит быстрое разрушение самой структуры общества, его законодательной базы, правового пространства, понятие собственности, семейные ценности. То есть, человек теряет нравственные политические и... финансовые ориентиры.** В таких условиях гораздо легче воспользоваться потребностью компенсации социально-правовой среды дезориентированного человека и целой этнической или социальной группы для внедрения в её социальное пространство своих (в данном случае - римских) ценностей.

Убедительным свидетельством религиозной составляющей завоевательных войн Римской империи может служить *стандартный* текст капитуляции, который надлежало произнести после соответствующих ритуалов лицам, олицетворяющим персонифицированную светскую и духовную власть завоёванных народов: *«Я отдаю себя самого, мой город, мою землю, воды, которые в ней текут, моих богов Термов, мои храмы, мое движимое имущество, все, что принадлежит богам — все я отдаю римскому народу»*. Таким образом, мы можем констатировать, что римское право демонстрировало одинаковое «имущественное» отношение как к материальной собственности побеждённых (включая их самих), так и к их духовной сфере (в том числе и к божествам), что представляет собой разительный контраст по сравнению с тем, как относились римляне к собственному пантеону (включая «завоёванных» богов).

Справедливости ради нужно заметить, что в античном мире было распространено убеждение в том, что человек обязан поклоняться и приносить жертвы только своим богам. Возможно, именно экстраполяция такого взгляда на международные отношения и послужила основой для описанной выше модели поведения древних римлян. Тем более что подобные взгляды господствовали не только в Риме, но и в Элладе, у которой Рим в значительной мере заимствовал составные элементы духовно-этической и религиозной сферы. В античной литературе приводится следующий диалог: «Мы заключили договор и совершили возлияния, — обратились жители Платеик

спартанцам, — вы призвали в свидетели богов ваших предков, мы — богов, чтимых в нашей земле».

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что в античном мире при наличии всех исходных предпосылок возникновения религиозных войн, констатировать их наличие достаточно тяжело. Можно предположить, что в первую очередь это связано с низкой степенью обособления духовного и материального мира. Боги античности, по своей сути, представляли в глазах верующих не столько сверхъестественными существами, сколько очеловеченными воплощениями сил природы, элементов политико-социальной системы, а зачастую и их собственных потребностей. Система почитания античных богов не требовала распространения их влияния, не требовала увеличения приверженцев их культа. Сложные пантеоны языческих религий, осложняющиеся сакрализацией правителей и представителей жречества, предполагали динамичную изменчивость и существование «на равных правах» как различных сверхъестественных существ от духов-гениев до антропоморфных божеств, так и религиозных общин, придерживающихся различных религиозно-этических взглядов.

Глава 3 **Библейские войны.**

Религиозные войны в истории авраамических религий поразительно отличаются от проторелигиозных конфликтов античной эпохи. Фактически, семитские народы сравнительно рано переходят к модели религиозных войн, которые сравнимы с *modus operandi* современных религиозных фанатиков. Очень важно определить ту точку, которая воплощает в себе «эволюционный рубеж», превращающий религиозную систему и духовно-религиозные убеждения в потенциальный механизм эскалации социально-политических конфликтов. Более того, с определённого момента такой феномен, как религиозная война начинает возникать в масштабе заселённой людьми Ойкумены достаточно массово.

Постараемся определить, какой фактор можно считать опорной точкой «эволюционного рубежа», проследив процесс возникновения религиозных войн в среде и окружении адептов первых авраамических религий - иудаизма и раннего христианства (речь идёт об относительно единой христианской религии, развивавшейся до 1054 года). Для определения данного рубежа необходимо тщательное изучение исторических исследований в отношении территории

Палестины, а также священных текстов таких книг, как Тора (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие), Невим, Ктувим, Библия.

Возникновение иудаизма датируется приблизительно концом XXI – началом XX века до н. э. Имеет место сакрализация образа Авраама, характерная для античных религий. Так Авраам рассматривается в иудейской традиции не только и не столько как родоначальник еврейского этноса, сколько как родоначальник и основоположник стройного монотеистического вероучения. В более поздний период Аврааму стало приписываться ни больше, ни меньше, открытие существования единого Бога-творца, которого Авраам назвал Элохимом (в буквальном переводе – «Всемогущий Бог»), позже это произношение имени Бога трансформировалось в «Яхве».

Можно предположить, что создание монотеистической концепции в условиях соседства с этносами, исповедующими языческие, политеистические взгляды, резко выделило оформляющийся этнос из общей массы, закладывая в его рамках принципиально новую модель социально-религиозного сознания и этической традиции.

Другим фактором, выделяющим племя Авраама в ряду соседних племён, предположительно стал изначально отличный от них образ жизни и хозяйствования. Существует версия, что непосредственно перед началом процесса формирования иудаизма около 1900 г. до н. э. произошло переселение племени Авраама на берег реки Ефрат. Причём есть основания полагать, что изначально племя (по одной из версий носившее самоназвание «ибири») - «кочевая семья, отделившаяся от рода»), ведя кочевой или полукочевой образ жизни, переселились на новое место из земель, находящихся близ города Ура Халдейского в Месопотамии. Существует версия, что самоназвание «евреи» происходит от древнесемитского определения «эвер» - другая сторона. Таким образом «евреи» можно перевести, как «люди из-за реки».

Таким образом, можно констатировать, что формирование монотеистического религиозного представления евреев осуществлялась в условиях хозяйственного, культурного и бытового преобразования образа жизни племени и знаменовало отказ от всего «старого», в том числе «старых богов». Ситуация осложнялась наличием соседних племён-антагонистов, представляющих опасность для нового этнокультурного образования. Поэтому неудивительно, что представители раннееврейской общины, постоянно чувствующие отличие своей общины от окружающего мира, подвергаясь серьёзному прессингу со стороны соседей, создали в своей среде систему жёсткой

иерархии, существенно повышающую шансы на выживание и последующее активное развитие.

Кроме этого, свою роль в формировании социокультурного облика еврейского народа сыграло и экономико-географическое положение земель, на которых ему пришлось жить и развиваться.

Основным геополитическим фактором, определяющим путь развития иудейской этно-религиозной общины, стало географическое положение палестинских земель, находившихся на одном из главных «перекрёстков» мировых торговых путей. Фактически территория Палестины представляет собой на тот момент единственный при сложившемся уровне технического развития доступный сухопутный маршрут, связывающий Европу, Азию, Африку и, теоретически, Дальний Восток. Вдоль западного и восточного берегов Иордана проходили основные караванные пути, отличавшиеся всеми тремя факторами, делавшими их пригодными для дальних переходов:

- относительно ровной местностью,
- наличием воды
- системой постоянных природных ориентиров.

Совершенно естественно, что данная территория исторически представляла собой стратегически важный регион, контроль над которым обеспечивал государству, в пределах которого он будет находиться, как приток денежных средств, так и доступ к технологическим новинкам всей обитаемой Ойкумены, наличие доступа к важнейшим транспортным артериям мира, а также – высокую степень информирования. То есть – все составляющие части для потенциально форсированного развития государственного образования. Поэтому закономерны претензии на данную территорию большинства сопредельных держав. Фактически иудеям, как и римлянам, пришлось в кратчайшие сроки создавать военизированное государство. Однако, в отличие от римлян, основным мотивом для его создания выступали не экспансионистские интересы, направленные на захват ресурсов, а интересы сохранения этнического единства и оригинальной международной самоидентификации. Для того чтобы создать государство, которое просуществовало бы в этих условиях двенадцать столетий, начиная с XII века до нашей эры, этнос, создавший его, должен был бы либо быть многочисленным, либо иметь доступ к значительным материальным ресурсам, либо иметь сильнейший идеологический фактор консолидирующий общество. Естественно, что таким фактором для иудеев становится уникальная религиозно-этическая система, коренным образом отличающаяся от аналогичных систем, используемых народами-соседями.

И всё-таки, неверно было бы считать, что все библейские вооружённые конфликты, изначально носили характер религиозных войн.

Первой войной, упомянутой, как в Торе, так и в Библии, стал исход Авраама и его рода из Месопотамии. Демографический взрыв на малоазийских землях, расположенных севернее Междуречья порождает миграционные процессы, в результате которых происходит процесс объединения гетерогенных этнических групп. На этой почве происходит сближение между семитскими племенами (в том числе и родом Авраама) и народом гиксосов, представители которого основали в тот момент свою династию в Египте. Естественно, что гиксосы поощряли расселение на стратегически важных землях родовых кланов родственных народов, на лояльность которых они рассчитывали. Как видим, в данном случае речь не идёт о религиозной войне. Во-первых, сама по себе монотеистическая религия иудеев ещё в стадии формирования, во-вторых, сам еврейский этнос также находится в тот момент на стадии консолидации.

Хотя в начале существования государства Израиль вплоть до 1220 г. до н. э. сложно говорить о религиозном обосновании войн, ведущихся иудеями, необходимо отметить интересную особенность: крайне жёсткую регламентацию, существовавшую в еврейском войске. В книге «Исход» описывается следующий нюанс: основу израильского войска составляла пехота, бойцы которой не имели возможности самостоятельно выбирать себе оружие. В израильском этносе сложилась военная породовая специализация, критерием для которой стал тип оружия, профессионально используемый в том или ином колене. Нужно отметить, что историческая память об оружейной специализации сохранилась до начала XX века. Классическим примером может служить герб правителей Грузии, армянских князей Багратиони (Багратуни), ведущих свой род от «колена Давидова» и сохранивших в гербе своём изображение «родового оружия» – пращи. Безусловно, праща использовалась израильянами, как полноценное боевое оружие, и сам принцип «оружейной» памяти был сохранён. Что касается боевого потенциала такого разделения специализации, то он позволил израильянам создать монолитную армию, в которой принципиально невозможен, стал конфликт военачальников, представляющих отдельные роды и самостоятельность командующих отдельными подразделениями. Вместе с тем, любое сражение требовало задействования представителей нескольких родов одновременно, что было, безусловно, полезно для единой государственной идеологии и создания моноэтнического

самосознания, но составляло известную трудность в области логистики. И всё-таки, назвать религиозной войной даже сопротивление евреев при исходе из Египта пока не получается: с большим основанием мы можем назвать этот конфликт национально-освободительным движением.

А вот завоевание Ханаана гораздо более подходит под определение религиозной войны по следующим причинам:

1. *В Торе и Библии нашёл отражение тезис, согласно которому Бог обещал Аврааму отдать во владение землю Ханаан и обеспечить его роду многочисленное потомство.* Моисей, будучи представителем рода Авраамова претендовал на то, чтобы Бог, с которым он принял Завет у горы Синай, через него исполнил обещание, данное его предку.

2. *В войске израильтян существовала высокая степень религиозной регламентации мировоззрения, быта и самоопределения индивидуумов.* Как было сказано выше, система жёсткой регламентации нашла своё отражение даже в системе организации израильтянского войска.

3. *Верховный служитель Моисей принимает непосредственное участие в военных действиях.* Будучи вождём израильтян, он руководит разведкой, намечает план вторжения и реализует этот план. Священные книги подробно описывают подготовку Моисея к экспансии: «И послал их Моисей высмотреть землю Ханаанскую и сказал им:... и осмотрите землю, какова она, и народ живущий на ней, силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочислен? и какова земля, на которой он живет, хороша ли она или худа? и каковы города, в которых он живет, в шатрах ли он живет или в укреплениях? и какова земля, тучна ли она или тоща? Есть ли на ней дерева или нет? (Чис. 13:18—20)»

4. *В борьбе за Ханаан наблюдается принадлежность сторон военного конфликта к различным конфессиям.* В священных текстах нет точного указания на то, каких конкретно придерживались верований жители ханаанской земли, но уже то, что Бог *отдаёт* землю Моисею, принявшему его Завет, говорит о том, что ханаанцы такого Завета не принимали, и подобных договорённостей у Творца с ними нет.

В священных текстах, разумеется, нет сведений о количестве религиозных фанатиков в войске Моисея, но и указанные четыре аспекта, присущие его войску, позволяют считать завоевание Ханаана полноценной священной войной.

Интересен вопрос о религиозной подоплеке походов Иисуса Навина. Взятие Иерихона с точки зрения священных книг выглядит не менее чем фактом божественного вмешательства. Если рассматривать христианские и иудейские священные тексты, об этом говорится недвусмысленно:

«Тогда сказал Господь Иисусу... пойдите вокруг города все способные к войне и обходите город однажды; и это делай шесть дней; и семь священников пусть несут семь труб юбилейных пред ковчегом; а в седьмой день обойдите вокруг города семь раз... когда услышите звук трубы, тогда весь народ пусть воскликнет громким голосом, и стена города обрушится до своего основания... (Нав. 6:1—4)»

Согласно тексту Библии, после того, как Иисус Навин организовал буквально дословное выполнение указания Всевышнего, пророчество исполнилось.

«...обрушилась стена до своего основания, и народ пошел в город, каждый с своей стороны» (Нав. 6:19).

Интересно, что в ходе археологических раскопок остатков Иерихона факт чуда был косвенно подтверждён. Первые раскопки холма Телль-эс-Султана, в недрах которого были скрыты остатки развалин Иерихона, были проведены с 1907 по 1909 гг. Во главе экспедиции работали немецкие археологи профессора Эрнст Зеллин и Карл Ватцингер. Достаточно быстро были найдены остатки внешних и внутренних стен города. Стены Иерихона были изготовлены из обожжённого на солнце кирпича, обеспечивающего высокую плотность кладки. Судя по останкам города, Иерихин имел внешние крепостные стены толщиной около 2 метров, а внутренние – до 3,5. Высота же стен достигала 8-10 метров. В основании стен был заложен мощный фундамент циклопической кладки. Результаты исследования показали: стены города действительно упали! Причём внешние – наружу, а внутренние – внутрь города. Пространство между стенами носило следы чудовищного пожара. Позже в 1930 году экспедиция Джона Гарстанга убедительно доказала, что для разрушения стен осадные механизмы, существовавшие во время падения Иерихона (около 1400 года до н. э.) не использовались. Материалистического объяснения случившемуся найти до сих пор не удалось. Всё-таки тактические атомные заряды появились на вооружении армий мира относительно недавно...

Иисус Навин блестяще использует духовную и информационную сторону победы. Не даром после первой тактической неудаче при осаде Гая он начинает беспокоиться, что об

этом «...ханааней и все жители земли услышат»; (Нав. 7:9). Тем не менее, хотя в ходе дальнейших походов Иисус Навин пользуется исключительно своими личными дарованиями полководца, нельзя не учитывать, используемый им потенциал «богоизбранного войска», которое он внушает своим соратникам.

Таким образом, мы видим новый фактор, необходимый для становления культа религиозной войны: **вера воинов в военное чудо, посылаемое божеством, которому они поклоняются**. Мы не зря рассмотрели в одной связке взятие Иерихона и взятие Гая. Эти следующие друг за другом случаи показывают, что *войско, единожды получившее материальные доказательства покровительства своего божества может сохранять высокую степень религиозной экзальтации и готовность к самопожертвованию, невзирая на тактические и даже стратегические неудачи*.

Рассмотрение дальнейших действий армии Иисуса Навина в рамках христианских священных текстов, заставляет обратить внимание на следующий нюанс. После нескольких побед, последовавших за иерихонским чудом, к армии Иисуса присоединяются представители иных народов (например, гаваонитян), которые беспрекословно признают его своим правителем. Помимо «материальной» мотивации – стремления воспользоваться военной помощью израильтян, в этом акте присутствует и сакральный мотив – стремление воспользоваться благоволением бога, который уже доказал своё могущество, через его апологетов. Дополнительным доказательством могущества Бога, покровительствующего Иисусу Навину, для его союзников становится сам факт взятия израильтянами штурмом двух укрепленных городов. Дело в том, что в военном искусстве того времени взятие крепостей штурмом практически не предусматривалось. Крепости в основном захватывались либо «на аккорд» - с ходу, без подготовки, уповая на неожиданность, на то, что защитники не успеют закрыть ворота и организовать оборону, либо – в результате предательства части защитников, либо – путём долгой изнурительной осады. Для значительной части израильтян, гаваонитян, а также воевавших против Навина амореев, ханаанеев и их союзников сам факт ряда успешных штурмов ставил Иисуса Навина выше обыкновенных, даже очень талантливых полководцев.

Развитие идеи религиозной войны продолжилось в ходе, так называемой, Эпохи Судей, датируемой 1244 г. до н. э.— 890 г. до н. э. (поздний Бронзовый век). Эпоха закрепления во владениях израильтян территории, как к западу, так и к востоку от реки Иордан.

В эту эпоху в еврейском социуме, по всей вероятности, окончательно складывается идеология религиозного фатализма, абсолютному вверению себя в руки божественного Провидения. Этот социально-психологический феномен накладывается в еврейском социуме на веру в богоизбранность своего народа. Яркие отличительные особенности монотеистической религии в сочетании с блестящими результатами походов Иисуса Навина обусловили чёткую самоидентификацию индивидуумов еврейской общины, относительно представителей окружающих этносов. Даже делая скидку на то, что большая часть рядовых членов еврейской общины на тот момент ещё далека от понимания уровня потенциала чистого монотеизма, нужно признать, что в ходе реализации общегосударственных дел у исполнителей наблюдается **безусловное превалирование духовно-религиозной мотивации над материальной**. Монотеистическая вера постепенно приобретает *уникальные харизматические свойства*, делающие её эффективным инструментом консолидации социально-этнических групп, а также наделяя её свойствами *эффективной государственной идеологии*. Несколько поколений евреев успешно противостоит более развитой технически цивилизации ханаанеев, имевших преимущество в технике, вооружении, организации и строительстве укреплений.

В тексте Библии присутствует намёк на то, что добровольное присоединение части населения Цисиордании к государству израильтян также явилась плодом влияния харизматичности монотеистской религии. В данном случае к такому утверждению следует относиться с осторожностью: при всех выдающихся военных успехах Иисуса Навина, израильтяне на тот момент ещё не добились большого прогресса в обустройстве собственной земли. Усиливает сомнение во влиятельности монотеистической религии в тот момент и то, что во главе племенного объединения израильтян стоит Девора, имеющая славу пророчицы. Такая ситуация могла сложиться лишь при сохранении в социуме пережитков язычества. Так что приходится констатировать, что оформление монотеизма в социуме израильтян пока далеко от завершения.

С другой стороны, монотеистическая религия, пусть даже с элементами пережитков языческих верований, противостоит в Эпоху Судей активной экспансии языческого сообщества ханаанеев из равнинной Галилеи. Уступая соображениям целесообразности, Девора передаёт управление армией полководцу Вараку. Если верить христианским священным текстам, то Девора изложила Вараку подробный план кампании, фактически сделав его простым

исполнителем. Более того, Вараку удаётся шаг за шагом претворить план Деворы в жизнь.

Можно предположить, что Девора сознательно уходит на задний план, создавая необходимость **соответствия образа власти в ходе религиозной войны религиозно-этическим догмам**, сложившимся в религиозном учении её народа. Выражено патриархальный характер монотеизма израильтян мог бы привести к серьёзному внутреннему мировоззренческому конфликту в еврейском социуме, что не только осложнило бы военные действия, но и могло привести к расколу социума по религиозным и этическим мотивам, что могло иметь серьёзные последствия в условиях масштабных военных действий.

С другой стороны, при изучении хода войн Гедеона появляется впечатление, что израильтяне в данном случае вообще не используют религиозных мотивов для того, чтобы заручиться помощью потенциальных союзников и воодушевить своих воинов. Гедеон в ходе войны с кочевниками пустыни не злоупотребляет использованием потенциала религиозного монотеистического учения. И в ходе военных действий не рассчитывает на чудеса, успех Гедеона, как военачальника, складывается из блестящего использования тактических преимуществ своего войска: решительность действий, мобильность передвижения армии, способность буквально на ходу корректировать планы, неожиданность предпринятых действий для противника и... недюжинное внимание, уделяемое Гедеоном разведке. Так, например, решение Гедеона разделить свои силы непосредственно в ходе военной операции и атаковать по направлению вниз с холма Море, располагая лишь 300 пехотинцев, на долгие годы и даже века стало примером оправданного риска, не имеющего ничего общего ни с самоуверенностью, ни с надеждой на «божественное вмешательство». Операция, блестяще проведённая Гедеоном, базировалась исключительно на полученных Гедеоном оперативных разведанных от проверенных источников.

Примечательно, что среди затребованных Гедеоном разведанных была не только информация о тактическом расположении противника, но и о состоянии морального духа врага. Учитывая, что Гедеон лично принял участие в получении информации, он сам слышал, слова сомнений в успехе со стороны воинов мадианитян и выражение их мнения о нецелесообразности размещения военного лагеря в глубине израильской территории. Таким образом, Гедеон буквально на месте получил возможность провести рекогносцировку предстоящей атаки, сумев в полной мере

использовать такие, казалось бы, эфемерные факторы, как предрассудки и страхи врага. Но подготовка и проведение операций Гедсона происходили в рамках сугубо материального мира.

Эпоха Судей – ещё не время абсолютного преобладания в израильянском социуме теократической власти. Например, сын Гедсона Авимелех, «прославившийся» убийством своих братьев, даже не вспоминает о заповедях Яхве, впервые в истории попытавшись установить в древнем Израиле единое правило наследования. Пусть и таким варварским способом (Суд. 9). В ходе войны с жителями Сихема (Суд. 9:22—45), Авимелех, как и его отец рассчитывает лишь на разведку, тактический манёвр и взаимодействие со своими агентами на территории противника.

В полной мере религиозный фактор в отношении становления Израиля, как государства, а также идеологической базы военного искусства и военных действий проявляет себя в начале XII века до нашей эры, когда на земли, заселённые израильянами приходят племена филистимлян.

Филистимляне, по мнению исследователей Библии, израильских учёных Мордехая Гишона и Хаима Херцога, принадлежали к эгейским народам. То есть, их культурно-этические взгляды были близки крито-микенской и минойской культуре, а возможно, некоторая их часть принадлежала культуре других областей Греции и средиземноморских островов. Одним словом, израильянам пришлось иметь дело с эллинами. Причём – с той частью эллинов, которая не занималась обработкой земли или ремёслами, а предпочитала такой вид «хозяйствования», как морской разбой. То есть – социум, во-первых, придерживающийся религиозных взглядов «классического политеизма», проработанной языческой философско-этической концепции. И, во-вторых, при этом, исходя из образа жизни данного социума – хорошо умеющий воевать.

Свою «карьеру» на новом месте поселения филистимляне начали с попытки напасть на Египет. Причём – безуспешно: фараону Рамзесу III чтобы остановить экспансию «морского народа» пришлось дать филистимлянам кровопролитное сражение в Дельте Нила (около 1190 года до нашей эры). Причём победа над филистимлянами далась фараону настолько дорогой ценой, что в дальнейшем Рамзес III предпочёл заключить с филистимлянами соглашение и дать им возможность расселиться на территориях, которые формально считал находящимися под своей юрисдикцией. Такими территориями стали земли на юго-западном побережье Ханаана. И первое время филистимляне даже выполняли функции

гарнизонных войск фараона. Но с ослаблением влияния Египта, филистимлянские племена начали продвижение на равнины Южной Иудеи, что противоречило интересам еврейского народа и его правителей. А развитая металлургия и, следовательно, оружие из железа, которым располагали филистимляне и не располагали иудеи.

Таким образом, чтобы достичь победы евреям требовалось противопоставить филистимлянам, располагавшим передовыми технологиями изготовления оружия, лучшие организационные решения в области формирования армии. Традиционная теократическо-демократическая племенная амфикистия не давала возможности создать высокоманевренную, эффективную армию, способную к мгновенному манёвру и реализации сложных тактических действий. Вновь подтвердилась аксиома:

судьбы народов зачастую зависят от их способности противостоять вызовам, отказываясь от традиционных способов ведения государственных дел.

В связи с этим складывается достаточно парадоксальная ситуация: пророк Самуил, олицетворяющий духовную власть в иудейском социуме, убеждает глав еврейских кланов придерживаться традиционного порядка управления этносом и армией. Откровенно противореча духовному лидеру, вожди еврейских племен требуют от него избрания царя, олицетворение персонифицированной власти: «Нет, пусть царь будет над нами, и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши» (1 Цар. 8:19—20). Причём выбор царя вожди племён возлагают именно на Самуила. Таким образом, нужно отметить ещё одну особенность: **в случае конфликта духовной и светской власти и победы в нём представителя светской стороны, реализация принятого решения всё равно возлагалась на духовного лидера.** Самуил подчиняется требованиям племенных вождей создать прецедент единоначалия перед лицом опасности. В результате фигура будущего еврейского царя принимает сакральные черты ещё до его избрания. Многие исследователи описывают мудрость выбора Самуила, когда он избирает царём Саула из колена Вениаминова, самого небольшого из двенадцати. По-видимому, Самуил пытался таким образом нивелировать соперничество колен более крупных по числу людей.

Таким образом, избрание Саула положило начало преемственной череде правителей, каждый из которых изначально имел статус не только военного и административного лидера, но и духовного лидера, хотя в этом отношении его статус уступал статусу пророка или священнослужителя. Евреи использовали опыт многих

поколений народов, использовавших систему *государства с персонализацией божественной силы в лице легитимного правителя*. Исходя из вышесказанного, военные действия армии израильтян в период правления Саула (предположительно 2-я половина XI века до н. э.), а также – иных еврейских царей, упоминаемых в Библии, можно с определёнными оговорками причислить к религиозным войнам. Примечательно, что в тексте Ветхого Завета войны многих царей, являвшихся преемниками Саула, практически не рассматриваются с точки зрения религиозной направленности. Цари иудейские описываются скорее как носители некоторой божественной мудрости, хотя и будучи способными на ошибки. Например, войны Давида с филистимлянами. Когда же исследователи изучают историю борьбы израильского государства под предводительством Давида с арамеями, то сходятся на откровенно светских, материальных причинах этого противостояния. В частности, когда речь идёт о первом факте столкновения между израильтянами и арамеями, учёные констатируют, что причиной их была экспансия Израиля на земли, с которых евреям удалось вытеснить филистимлян (Моава): «когда Давид шел утвердить власть свою при реке Евфрате» (1 Пар. 18:3). Процесс же покорения арамеев и вовсе описан в достаточно реалистичной манере, скорее описывающий тактические приёмы сторон, нежели духовно-нравственные ориентиры воинов противоборствующих сторон. Больше того, крайне скупо говорится о верованиях арамеев. А этот аспект весьма интересен в рамках взаимодействия иудейской и арамейской культур (ведь арамеи были покорены Израилем).

Арамейская религия оседлого периода была подробно изучена в XIX и XX веках после расшифровки так называемых, царских надписей, относящихся к периоду кон. IX - нач. VIII в. до н.э. Среди античных историков религию арамеев подробно описал ещё *Лукиан* в своём трактате «О Сирийской богине». Найденные источники дают полное представление о языческом пантеоне арамеев и содержат своеобразные «формулы» призывов к богам (хотя и не настолько упорядоченные и систематизированные, как в Римской империи). По всей вероятности арамеи имели теократическое устройство государства: об этом в частности, говорит значительное количество теофорных имён собственных в арамейской истории и арамейском языке.

Элементы арамейской религиозной системы были динамичны, доказано, что значительная часть культов рядовых божеств арамеев распространилась в указанное время по всему Средиземноморью. В

этом контексте намного интереснее становится информация о наличии в арамейской религии типичного для древневосточных религий феномена – «триады» (сочетания триединства в одном божестве: «верховный бог-отец – богиня-мать – младшее божество-сын»), где верховным богом чаще всего является бог грома Хадад. Более того, ещё ряд нюансов наводит на мысль о позднейшем культурном обмене элементами между религиозными системами Израиля и арамеев. Так, в городе Баальбеке, расположенном у истока реки Оронт верховным богом почитался Баал-Хадад, бог Солнца. В качестве супруги верховного бога почиталась Атаргатис, богиня охоты, битвы, морской стихии и плодородия. Ее священными животными были *лев и голубка*. В Иерапольской триаде почитается сын Хадада и Атаргатис – вечно юный бог Симиос. Судя по найденным письменным и изобразительным источникам, в религии арамеев существовало детализированное представление об Аде, а также о награде за праведную жизнь и служение богам и царю. Правда, награда, как и наказание, следовали в земной жизни. В частности, наградой были признаны долголетие и благополучное потомство, а в качестве наказания выступали болезни, бесчестие, ранняя смерть и лишение похоронного обряда. Загробный «рай» был описан достаточно примитивно и утилитарно, представляя собой вечное застолье в компании богов. Учитывая, что позднее арамеи в значительной своей части приняли монотеизм иудеев, можно предположить, что монотеистические мировоззрения также уже не были чужды их культуре.

Что касается взаимоотношения религиозной стороны бытия иудейского народа и структуры армии, то необходимо отметить, что Давид, по всей вероятности, после масштабных реформ, в результате которых была создана национальная армия Израиля, ввёл в войске обязательное соблюдение религиозных монотеистических ритуалов. Это, впрочем, также само по себе не придаёт войнам израильской армии религиозного характера, но облегчает приданию военного конфликта религиозной «окраски».

Яркий пример попытки ведения религиозной войны можно наблюдать в период правления царя Соломона в 966 г. до н. э., когда под руководством царя Соломона начинается строительство общенационального Храма израильского народа, задуманное и подготовленное ещё Давидом. Военные действия начали Хадад, наследник свергнутой династии Эдома, и Иеровоам. Первый пользовался поддержкой египетского фараона Шешонка I, сменившего на престоле Псусеннеса II. Псусеннес, формально числя

иудейскую землю в числе владений Египта, не препятствовал созданию и становлению Израильского царства, а выдав дочь замуж за царя Соломона в качестве части приданого передал израильтянам крепость Гезер (Газер). Гезер был последним опорным пунктом египетской армии в Израиле, и его приобретение означало для Израиля фактическую независимость от Египта. Шешонк I, не осмелившись вести армию на приступ обновлённой и достроенной крепости, принимает решение поддерживать духовную и светскую оппозицию Соломону. Иеровоам же, имея значительное влияние на севере Израиля, пытается поднять на восстание против Соломона северные колена. Однако это ему не удаётся. Дело в том, что *возведение национального Храма по всей вероятности обоснованно воспринимается израильским народом, как очередной этап (после обретения Гезера и окончательного удаления египетских войск из Израиля) укрепления политической, а главное – духовной независимости, её легитимации в системе политических и духовных взаимоотношений в Малой Азии и Средиземноморье. Более того, создание единого общенародного символа структурно завершает формирование еврейского народа, как единого этноса.*

В то же время, безусловно, говорить об Израиле, как о теократическом государстве на данном этапе его развития будет опасной ошибкой! Сакральный статус царей Саула, Давида и Соломона на поверку оказывается статусом конкретной личности. Это становится очевидным, как только сын Соломона Ровоам пытается утвердить свою власть угрозами: «И отвечал царь народу сурово и пренебрег совет старцев, что они советовали ему; и говорил он по совету молодых людей и сказал: отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (3 Цар. 12:13—14). Результатом стала мгновенная потеря легитимности молодым царём и распад державы на Израиль и Иудею.

Впрочем, по другой версии Израиль со смертью Соломона просто утратил *харизматического лидера, чьи взгляды, поведение и лозунги способны довести до различной степени религиозной экзальтации значительные массы людей.* Не обладая харизмой Саула, Давида и Соломона (как говорится в Библии «наследников благословенного Богом Дома Давида»), последовавшие за Соломоном цари не получили поддержки сословия жрецов-левитов. Эта версия не совсем обоснована: Ровоам также принадлежит к Давидову колену. По всей вероятности, отсутствие поддержки левитов объяснялось не только отсутствием харизмы у израильских царей. Причин для

отсутствия поддержки может быть немало. Например, явственно прослеживается следующая закономерность: как только Израиль и Иудея объединялись против внешних врагов, их правители немедленно получали полнейшую и всестороннюю поддержку от жречества. Более того, можно предположить, что сословие левитов вполне обоснованно возлагало на себя мессианское предназначение содействовать объединению Израиля и Иудеи в единое теократическое государство.

Интересно и другое: библейский рассказ о походах против филистимлян, поддерживаемых египетскими фараонами, даёт возможность оценить состав и систему формирования и снабжения израильского войска после отделения Иудеи. И данные эти заставляют задуматься: судя по тексту Библии, организация израильского войска, принципы и механизм его обеспечения, даже система командования сохранилась неизменной со времён Соломона и практически до вторжения Рима.

Однако со стопроцентной уверенностью утверждать этого нельзя, слишком мало информации для объективного анализа ситуации. Но если система организации армии по образцу Соломона изменяется, то в этом может быть объяснение неуспеха оборонительных войн Израиля и Иудеи, поскольку в значительной мере систему Соломона или отдельные её элементы заимствовали в XVIII веке многие европейские государства (в частности – Российская империя). Однако если допустить, что система организации армии осталась неизменной (а об изменениях в Библии не сказано), приходится констатировать *катастрофическую потерю боеспособности армии израильтян только лишь по причине утраты верховным полководцем сакрального потенциала.*

Утрата процессом военных действий сакрального значения отражается уже в том, что о восстановлении Израиля как единой державы при царе Амврии (Омри) мы узнаём из Библии без тех подробностей, которыми отличаются повествования о делах Давида и Соломона. О захвате войском Амврия крепости Моав и вовсе узнаём исключительно из небиблейского источника - надписи на стелле Мешы. А о взятии Аммона и вовсе можем только догадываться. Неудивительным выглядит и то, что в Библии лишь эпизодически упоминается основание царём Амврием новой столицы объединённого царства, Самарии. Между тем, судя по результатам археологических раскопок, северное царство, принявшее общее название Самария по названию столицы, вступило в период благоденствия. Даже доблесть преемника Амврия – царя Ахава, который с 232 воинами атаковал

войско арамейского вождя Венадада II, насчитывавшее несколько тысяч воинов и одержал блестящую победу, описана без апеллирования к божественному чуду. Равно как и последующие его победы.

Однако противники Ахава, судя по священным текстам, напротив оценили его успехи, как прямое вмешательство божества, буквально «навязывая» Ахаву роль предводителя священной религиозной войны:

«Слуги царя Сирийского сказали ему: Бог их есть Бог гор, поэтому они одолели нас; если же мы сразимся с ними на равнине, то верно одолеем их»(3 Цар. 20:23—25).

При этом рассказ о том, как войско Ахава захватило Голанские высоты, одержав вторичную победу над арамеями, в Библии вообще отсутствует. Тем более показательным, что крайне скудны упоминания в священных текстах христиан и иудеев о противостоянии войск Ахава и империи ассирийцев.

В данном случае мы сталкиваемся с другой крайностью: *войско, ведомое военачальником, не получившим признания священнослужителем, религиозной войны вести не может. Его боевые действия будут оцениваться исключительно с материалистической и геополитической точек зрения.*

Повествование об Ахаве возобновляется лишь после возвращении войска во главе с Ахавом в Израиль с победой. Ахав, будучи на вершине своего могущества и славы, тем не менее, смиренно принимает отношение священнослужителей.

Возможно, «внезапное» благоволение левитов в адрес Ахава было вызвано тем, что царь Иосафат Иудейский выказал стремление к объединению усилий Израиля и Иудеи против захватчиков:

«На третий год Иосафат, царь Иудейский, пошел к царю Израильскому. И сказал царь Израильский слугам своим: знаете ли, что Рамоф Галаадский наш? А мы так долго молчим, и не берем его из руки царя Сирийского. И сказал он Иосафату: пойдешь ли ты со мною на войну против Рамофа Галаадского? И сказал Иосафат царю Израильскому: как ты, так и я; как твой народ, так и мой народ; как твои кони, так и мои кони» (3 Цар. 22:2—4).

Договор о союзе между Самарией (бывшим Израилем) и Иудеей был формально заключён ещё во время правления Амврия, и переговоры о реальном объединении сил для защиты двух братских государств проходили регулярно. По всей вероятности, они рассматривались и посещались представителями обеих сторон, как некая формальность, которая в перспективе способна

трансформироваться в реальные возможности для обеспечения коллективной безопасности и общего государственного устройства. Но после выдающихся побед армии Ахава ситуация изменилась. Иосафат трезво оценивал свои возможности, как талантливого организатора и вполне сносного правителя в мирное время, но слабого полководца.

Поэтому неудивительно, что, будучи патриотом своего народа, Иосафат ухватился за возможность объединить свои силы с Ахавом. Возможно, это решение он принимал без совета с левитами, поставив их перед фактом. Косвенно такая версия подтверждается тем, что библейский хронист начинает описывать события с момента переговоров, а не подготовки к ним.

Дополнительным стимулом к переговорам послужило без сомнения нарушение договора между Иудеей и арамеями со стороны царя арамеев Венадада II, который не вернул, как обязался, Иудее захваченные им израильские города и не отвёл свои войска от северной границы Галаада.

Ахав с радостью воспользовался инициативой Иосафата и принял командование объединёнными войсками. Можно выделить ряд причин, по которым Иосафат выказал полную покорность и готовность подчиниться Ахаву в этот момент. Но наиболее весомыми были три аспекта:

1. Репутация Ахава, как непобедимого военачальника;
2. Осознание необходимости восстановления контроля израильтян над бассейном реки Ярмук и ущельем Едреи для безопасности обоих государств и восстановления естественной труднопреодолимой границы.
3. Трезвой оценкой стратегических и экономических преимуществ контроля над Рамофом Галаадским, располагавшимся в зоне Царской дороги. Рамоф контролировал доступ в богатые и плодородные земледельческие районы западнее горного массива Аврана и на окраинные земледельческие земли, на которых еврейские крестьяне при высокой плодovitости земель, не могли обустроить хозяйства, испытывая прессинг со стороны иноверцев.

То, что договор между Самарией и Иудеей перешёл из состояния формальной договорённости в стадию конкретных задокументированных обязательств, да ещё и получил поддержку духовенства обоих государств, серьёзно обеспокоило Венадада. Вождь сирийцев понимал, что харизматическое лидерство Ахава столь велико, что следующее сражение изрильтяне вполне могут провести под лозунгом «все способные держать оружие...» Будучи

дальновидным политиком, Венадад признавал, что *воевать с народом не в состоянии ни одна армия мира, сколь бы фанатичной она ни была*. Поэтому перед генеральным сражением Венадад, собрав на совет своих военачальников, честно признался в том, что считает таланты Ахава, как военачальника и, главное, как лидера, многократно превосходящими свои способности. После этого *«сирийский царь повелел начальникам колесниц, которых у него было тридцать два, сказав: не сражайтесь ни с малым, ни с великим, а только с одним царем Израильским»* (3 Цар. 22:31). В бою сирийцы были разбиты, но Ахав получил смертельную рану и умер после окончания сражения.

История Ахава убедительно демонстрирует значение харизматического аспекта лидера и поддержки полководца со стороны жречества. Даже если эта поддержка обеспечивается *post factum*.

Что характерно, после гибели Ахава длительное время ни один из последовавших ему царей Израиля и Иудеи не сумел добиться *духовного* признания.

Итогом стало присоединение Израиля к империи ассирийского царя Тиглатпалассара III (734—732 годы до нашей эры). В ходе военных кампаний Ассирии 734—732 годов Сирия и Палестина были полностью завоеваны.

Иудейская же «военная доктрина» длительное время предусматривала оборону с использованием каменных городских укреплений и использования горного ландшафта. По всей вероятности, духовная составляющая при формировании армии была в значительной степени нивелирована.

В ходе археологических раскопок остатков крепости Арад были обнаружены образцы глиняных черепков - остраконов, созданных по принципу Эллады. На остраконах сохранились записи чиновника, ведавшего снабжением и расквартированием войска. Привлекает внимание текст *приказа о выдаче продовольствия греческим наемникам*. Археолог Иоханан Ахарони, обнаруживший черепки, датировал их временем Седекии, последнего иудейского царя (597/6-587/6 до н. э.).

Увы, эти и другие находки свидетельствуют об утрате армией Иудеи способности к священной войне. Армия Седекии стала полицейским аппаратом, утратившим функцию социально-политического консолидирующего элемента национального государства.

Глава 4

Христианско-мусульманские религиозные войны X-XV вв.

Проблема Крестовых походов.

Вопрос о причинах христианской религиозной экспансии сегодня потерял былую остроту. Намного большее число исследователей занимаются разработкой хронологически более раннего явления: мусульманской экспансии на Ближнем Востоке, в Малой Азии и Восточном и Южном Средиземноморье. Однако мы предлагаем продолжить рассмотрение религиозных войн христианства. Мы рассматриваем христианскую религию, как идеологизированную статусно-идентификационную систему крупного территориально-политического и политико-духовного центра человеческой цивилизации – Европы и Средиземноморья, сложившуюся к IV. н. э.

Мусульманство к VII веку становится идеологизированной статусно-идентификационной системой другого территориально-политического и политико-духовного центра: Малой и Средней Азии. Поэтому рассмотрение феноменов религиозных войн в рамках Ислама будет проведено в отдельной, специально предназначенной для этого части исследования.

Итак, вернёмся к истокам христианской экспансии. Причины христианской экспансии можно условно разделить на следующие группы:

- Сакральные причины
- Внешнеполитические причины (относительно христианских государств)
- Внутриполитические причины (относительно христианских государств)
- Влияние харизматических лидеров
- Изменение мировой экономико-логистической системы

Среди *сакральных причин* можно назвать три основные:

1. Попадание сакрального объекта общеконфессионального значения (храма Гроба Господня) в полтико-правовое пространство государства, объединённого иной конфессионально-идеологической системой, враждебно настроенной к христианству.

2. Необходимость создание в христианском мировоззрении прецедента условно достижимой духовной сверхцели, объединяющей христиан различного уровня (от высшего духовенства и монархов до рядовых верующих) как монолитной паствы.

3. Необходимость обеспечения доступа христианских паломников к общеконфессиональной святыне с обеспечением гарантии их безопасности.

Что касается внешнеполитических и внутривнутриполитических целей христианских государств, нужно отметить, что далеко не все представители европейских монархий всерьёз намеревались захватывать земли Палестины ввиду того, что это было тактически и стратегически неоправданно. Фактически ни одно европейское государство не обладало на тот момент ресурсами, которые бы позволили удержать завоёванные земли в условиях оторванности их от метрополии. Тем не менее, ряд внешнеполитических причин всё-таки присутствовал. Среди них можно отметить, например, следующие.

1. Использование упомянутого факта захвата Иерусалима мусульманами со стороны римских епископов для консолидации христианских светских владык, и их политических и военных сил под контролем Римской курии.

2. Римская курия ставила своей целью формирование в христианском мировоззрении и системе внешнеполитических отношений Европы системы борьбы с «врагами христианской веры», подконтрольной Римскому епископу.

3. Для ряда государств Крестовые походы – попытка поправить материальное положение казны.

4. Для ряда социумов Крестовые походы стали возможностью (во многом – призрачной) решить проблему «младших сыновей», обладающих рыцарским достоинством, но не обладающих средствами к существованию и вносящих массой своей дезорганизацию в ведение государственных дел.

5. Стремление ряда правителей поставить в зависимость от своей помощи Византийскую империю.

6. Стремление решить династические проблемы путём создания новых монархий на захваченных территориях.

7. Для многих простолюдинов Крестовый поход был надеждой освободиться от долгов, захватить военную добычу, искупить грехи, делающие невозможным их дальнейшую жизнь в рамках своей общины, найти землю для поселения, свободную от феодального гнёта.

По сути «основателем» святыни, известной в Христианском мире, как Гроб Господень именно как места, конкретного географического объекта и стратегического фактора, можно считать Императора Римской Империи Константина Великого. Флавий Валерий Аврелий Константин, он же Константин I, он же Константин

Великий в числе прочих реформ прославился тем, что: во-первых, перенёс свою столицу в город Византий (Константинополь); во-вторых, сделал ряд шагов, которые позволили превратить христианство в государственную религию.

Нужно оговориться, что Константин I сам не объявлял христианство государственной религией и, тем более, официальной идеологией. Его действия были куда осторожнее: Миланский эдикт 313 года узаконил свободу вероисповеданий, закон 319 года освободил христианские церкви от налогов и сборов, а эдикт 321 года позволил христианским церквям и монастырям приобретать имущество, то есть – составлять свою материальную базу. Покровительство же созыву Никейского собора в 325 году и поддержка противников арианства прочно утвердили Константина в числе святых мужей христианской церкви. Между тем сам Константин принял христианство лишь на смертном одре в 337 году.

Однако во время правления Константина доступ христианских паломников к Гробу Господню стал свободным, массовое строительство христианских храмов и других культовых сооружений, было воспринято, как «воцарение» новой веры. Христианство окончательно утвердилось, как основная религиозно-нравственная составляющая Римской империи, и её сателлитов. Недаром освящение церкви Святого Гроба превратилось в народное торжество, чего не могло произойти, если бы количество христиан среди жителей Византия было хотя бы равным, не говоря уж о том, чтобы уступать количеству язычников.

Когда император Флавий Клавдий Юлиан (он же Юлиан Отступник), правивший с 361 по 363 гг. пытается порвать с христианством, он не может добиться возвращения значительных масс римских граждан к язычеству, хотя как правитель он не вызывал отторжения у подданных. Аммиан Марцеллин пишет о Юлиане в своей работе «Римская история»: «Изданные им указы, безоговорочно повелевавшие то или другое, или запрещавшие, были вообще хороши, за исключением немногих. Так, например, было жестоко то, что он запретил преподавательскую деятельность исповедовавшим христианскую религию риторам и грамматикам, если они не перейдут к почитанию богов».

Во время Великого переселения народов в V-VI веках в Иерусалим и его окрестности прибывает значительное число христиан, из Западной Европы: с территорий Галлии и Италии, с берегов Сены, Луары и Тибра.

Что характерно, именно в эти годы произошла первая в Европе полноценная религиозная война. Это **война между Византийской империей и Персидской империей в 540-557 гг.** Персидский император Хосров I Ануширван завоёвывает территорию Палестины. Лишь Ираклий I отвоёвывает Палестину и возвращает реликвии, захваченные персидскими завоевателями. По сути, византийско-персидскую войну 602-628 гг., в которой Ираклий добился успеха, можно было бы посчитать одним из рядовых конфликтов, как и поход Хосрова I на Византию. Но Ираклий после победы совершил обряд, заставляющий нас расставить акценты по-другому: после возвращения Святого Креста, император Ираклий прошёл по улицам Иерусалима по тому маршруту, которым шёл Иисус Христос перед тем, как был поднят на крест. Ираклий I шёл босым, неся святыню – крест на плечах до самой Голгофы. Символический ритуал дался императору нелегко: по ряду свидетельств накануне Ираклий был ранен в битве. После этого акта Ираклий значительно укрепил свой личный статус среди подданных и сумел сакрализовать в глазах византийцев военные действия против персов.

Однако в VII веке Основным фактором опасности для Византийской Империи стала экспансия Арабского халифата. Летом 634 года войска тестя покойного пророка Мухаммеда - Абу-Бакра взяли Газу. А уже летом 636 года халиф Омар (полное имя - Абу Хафс 'Умар ибн аль-Хаттаб аль-'Адавий аль-Курайши), блестящий полководец и мудрый политик, осаждают Иерусалим. Обессиленные многолетними войнами с персами Византийская империя не может дать отпора свежим арабским войскам. Ухудшила положение Византийской империи болезнь и смерть императора Ираклия I, последовавшая в 641 году (несколько лет до смерти Ираклий I был болен и не мог руководить военными действиями).

Самым интересным нюансом является то, что **успешный поход арабского войска на восточную окранию Византии в 634-639 годах не имел характера религиозной войны!** Более того, халиф Омар, строго почитая заветы пророка Мухаммеда, которые ещё помнили очевидцы, а также строго почитая Коран, категорически воспротивился попыткам проявления религиозной нетерпимости со стороны своих воинов. Ограничения для христианских обрядов составили лишь ряд аспектов внешней их стороны. Увы, после смерти халифа Омара в 644 году требование пророка Мухаммеда «не принуждать силою» к мусульманской вере в Арабском халифате было оставлено ради реализации политических целей: халиф Усман ибн Аффан делает ставку на жёсткую централизацию халифата ценой

распределения власти между своими родственниками и унификации религиозно-правового пространства.

Итак, отметим первую причину религиозной экспансии Западных держав: *передвижение политических границ, в результате которых сакральный объект общеконфессионального значения перемещается на территорию иной конфессии, проявляющей к нему враждебность.*

Положение христиан ухудшилось в годы правления халифа Абу-Али Мансура ал-Хакима би-амри-Алла. Христиане были исключены из администрации халифа и государственных учреждений, где занимали сравнительно высокое положение, были ущемлены их имущественные права. Справедливости ради нужно сказать, что реформы Абу-Али Мансура ударили и по части мусульманских кругов. Папа Римский Сильвестр II лично убедился в бедствиях христиан, посетив Иерусалим в 986 году. Обнародование свидетельств Папы Сильвестра вызвало бурю возмущения среди европейских христиан самого разного ранга и положения в обществе. Интересно, что первая морская экспедиция флота Пизы, Генуи и Арля к берегам Сирии окончилась безрезультатно. Однако этот отрицательный результат был умело использован Римом, как пример того, что начинания, предпринятые поодиночке без благословения Папы обречены.

Между тем, в 1055 году Багдад захватили войска Тогрул-Бека, правителя огузов из династии Сельджуков. Халиф аль-Каим вынужден был капитулировать. Увы, в противоположность реформаторским действиям арабских правителей, прекрасно помнивших, что «час учения угоднее Аллаху, чем день молитвы», политика Тогрул-Бека отличалась преимущественно репрессивными действиями. В Иерусалиме пострадали все конфессии: и мечети и храмы были разрушены и осквернены сельджуками, гарнизон перебит.

В конце XI в. армия сельджуков, возглавляемая Сулейманом, племянником Мелик-Шаха, захватывает значительную часть Византийской империи: поход Сулеймана ознаменовался стремительным захватом Эдессы, Икония, Тарса, Никеи и Антиохии. Столицей сельджуков в Малой Азии была провозглашена Никея. Но и здесь религиозного характера войн мы не видим: армия Сулеймана вошла на территорию Византийской империи, как...союзник то императора Михаила VII, то одного из его взбунтовавшихся военачальников – норманна Русселя, то – мятежного аристократа Никифора Вриения.

В принципе, для любого отдельного государства Европы на данном этапе развития территорию Палестины можно было бы считать

потерянной. Однако в 90-х годах XI века сыграл свою роль *фактор харизматического лидера*. Идеологическое лидерство в ходе подготовки I Крестового похода большинством исследователей Петру Амьенскому, известному в исторической и житийной литературе, как Пётр Пустынник. Имя Петра Амьенского связано с множеством легенд. Согласно одной из них, Пётр Пустынник, лично побывав в Иерусалиме, начал проповедовать в Европейских городах необходимость очистительной войны, которая могла бы вернуть христианам контроль над святынями. Согласно другому преданию, будучи в Иерусалиме, Пётр Пустынник удостоился беседы с иерусалимским патриархом Симоном. Якобы именно Пётр Амьенский посоветовал владыке Симону обратиться за помощью «к владыке-папе и римской церкви, королям и князьям Запада», после чего предложил самого себя в качестве посла и посредника в переговорах. Учитывая положение патриарха Симона в Иерусалиме конца XI века, можно допустить, что фанатичный пилигрим имел возможность добиться встречи с ним. По третьей легенде на проповеди о Крестовом походе Петра благословил лично Иисус Христос, явившись Пустыннику в сновидении. Так или иначе, после посещения Иерусалима Пётр Амьенский добился приёма у Папы Римского Урбана II, на котором изложил ему идею похода в Святую Землю.

С другой стороны, известна иная причина, заставившая Урбана II начать подготовку к походу: в марте 1095 года к нему прибыл официальный посол византийского императора Алексея I Комнина (1081-1118 гг.) с просьбой о помощи. Так или иначе, Урбан II осознал, что для начала религиозной войны сложилась ещё одна важная предпосылка: *фактор существования объективных причин для недовольства единоверцев и обоснованной необходимости их солидарности с пострадавшими*.

Примечателен важный нюанс: Византийские императоры, начиная с Михаила VII Дуки Парапинака (1071-1078) отправляли послания к римскому папе и светским европейским монархам письма с просьбами прислать на помощь войска для борьбы с мусульманами. Первым европейским политическим деятелем, предпринявшим реальные шаги для похода на Восток, становится римский понтифик. Ещё примечательнее путь, которым воспользовался Урбан II.

Первым делом он собирает в Пьяченце Собор, куда приглашает представителей духовенства. На Собор съехалось больше двухсот архиепископов и епископов, четыре тысячи священников и монахов и тридцать тысяч светских лиц. В Пьяченцу приезжают и послы императора Алексея I. Однако Собор в Пьяченце оказался

бесплезен: Урбан II сделал ошибку, пытаясь добиться адекватной реакции на свои призывы в Италии, в социуме страны, которая в этот период ведёт беспрестанные междоусобные войны. Помимо воли, Урбан II сформулировал ещё одно правило потенциальной возможности начала религиозной войны: *религиозная война не может быть начата социумом с низкой степенью политической, этнической и идеологической консолидации.*

Итальянские горожане считали «своими» только жителей собственных городов и их окрестностей, а легитимными правителями – только своих дожей. Да и говорить о монолитности религиозной культуры также было сложно: каждый итальянский город в первую очередь чтит собственного местночтимого святого.

Урбан II и его кардиналы сделали выводы из ошибок и собрали новый Собор, который, по сути, был обречён на успех.

1. Собор был открыт в Клермоне во французской провинции Оверни, на территории одного из государств, отличавшихся наличием достаточно влиятельной централизованной власти (безусловно, далёкой от абсолютизма).

2. К публичному выступлению на Соборе был привлечён Пётр Пустынный, чьё выступление, как рассказ очевидца страданий христиан в Святой Земле, было особенно ценным идеологическим дополнением к публичному обращению, заготовленному Папой.

3. Местом Собора стала главная площадь города, не огороженная и открытая для любого желающего. Это давало возможность создать огромное количество *свидетелей* происходящего. В сущности, это был блестящий политический ход: *любой монарх или священник, выступая против похода на Иерусалим или даже отвечая уклончиво, рисковал не только нарушить свою репутацию в политических и религиозных кругах, но и потерять легитимность среди своих подданных.* В условиях частичной феодальной автономии, а то и раздробленности, поддержка вилланов иногда значила не меньше наличия боеспособной дружины.

4. Вопрос о походе на Иерусалим был только десятым по счету. Подготовленная *пауза*, срежиссированная Урбаном II, психологически подготовила зрителей, «взвинтив» их до состояния, граничащего с крайней степенью экзальтации. Не случайно сразу после проникновенных речей Петра Амьенского и Урбана II, на площади развернулось проявление крайней степени религиозного фанатизма.

Собор завершился полным триумфом папы Урбана II. Подготовка к Крестовому походу началась фактически ещё до закрытия Собора. Урбан II официально принимал на себя руководство

организацией похода и обещал будущим воинам Божьим прощение грехов, а также ряд «светских» преференций, в частности, списание их долгов и заботу о семьях, оставшихся в Европе.

Давайте рассмотрим список лидеров Первого Крестового похода 1096-1099 гг.): Раймунд IV, граф Тулузский (он вел войска из южной Франции и к нему примкнул папский легат), Гуго де Вермандуа (младший брат французского короля Филиппа I), Этьен-Анри (он же – Стефан) II граф Блуа и Шартра, герцог Нормандии Роберт III Куртгёз, граф Фландрии Роберт II, Готфрид Бульонский герцог Нижней Лотарингии, с братьями Евстахием (Эсташем) III графом Булони, и Балдуином (Бодуэном), а также племянником Балдуином (Бодуэном) Младшим, наконец, Бозмунд Тарентский (сын Роберта Гвискара), с племянником Танкредом.

Обратите внимание: мы имеем дело с теми самыми «младшими сыновьями», а также – правителями отдельных территориальных образований (графств) Франции, как правило, имеющим определённый доход, но стремящимся к большей политической самостоятельности и... не имеющим возможности удовлетворить свои честолюбивые притязания в Европе. То есть, *для начала религиозной войны оказалось достаточно лиц, обладающих личной, материальной заинтересованностью в его реализации и имеющих достаточное влияние, чтобы вести за собой определённый контингент подчинённых или ведомых, верящих в сакральные мотивы своих лидеров.* Это ещё одна предпосылка, без которой начало любой религиозной войны попросту невозможно.

Если следить за хроникой Крестового похода 1096-1099 года, создаётся впечатление, что *религиозный фанатизм участников похода обратно пропорционален их социальному положению.* Так, например, Жозеф-Франсуа Мишо, Раймунд Ажилский, Фульхерий Шартрский, Робер де Клари, Гийом Тирский и другие хронисты сходятся во мнении, что при взятии Иерусалима армией крестоносцев, основную военную силу составляли простые рыцари, а не свиты и отряды крупных феодалов, занимавшиеся в течение похода захватом городов и созданием своих собственных сеньорий. Особенно тяжело воспринял участвовавший во взятии Иерусалима и впоследствии ставший его королём Готтфрид Бульонский предательство своего брата Бальдуина, оставшегося со своими воинами во взятой им Эдессе и не пошедшего к конечной цели похода.

Первый Крестовый поход (1096-1099 гг.) стал единственным из череды аналогичных войн, достигшим своей цели: Иерусалим был захвачен, а на территории Леванта четверо из лидеров Крестового

похода смогли стать самостоятельными государями. Ими стали Готтфрид Бульонский (король Иерусалимский с 1099 г.), Бальдуин Бульонский (граф Эдесский, а после смерти брата Готтфрида – король Иерусалимский с 1100 г.), Боэмунд Тарентский (князь Антиохии с 1098 г.) и Раймунд Тулузский (граф Триполи).

Вероятно, абсурдно может прозвучать утверждение, что лишь первый из Крестовых походов может претендовать на название религиозной войны. Однако для такого утверждения есть некоторые основания. К 1103 году основная часть воинов, участвовавших в Крестовом походе, вернулась в Европу. Если рассмотреть судьбы некоторых из ключевых фигур, станет ясно, что Крестовый поход оставил в их судьбе не слишком значительный след, они не воспользовались его плодами, чтобы распространять свои религиозные убеждения и реализовать тот духовно-идеологический ресурс, который оказался в их руках после победы.

Пётр Пустынный удалился от общественной и политической деятельности в основанный им монастырь Нёфмутье (Neufmoutier) в Гюи. Через шестнадцать лет аскетической жизни он скончался и был похоронен в монастырской ограде.

Граф Роберт Фландрский вернулся во Фландрию, где занялся восстановлением своего графства, дела которого пришли в упадок за время отсутствия хозяина. Ему в целом удалось поправить дела графства, но скоро он погиб из-за несчастного случая на охоте. Международной политикой граф Роберт больше не занимался.

Герцог Роберт Нормандский в течение своей жизни больше времени уделял любовным приключениям, став героем многочисленных исторических анекдотов. Например, по легенде из-за любовного увлечения он упустил возможность занять престол Британии, на который имел право после смерти Вильгельма II Рыжего как прямой наследник. Прибыв в Нормандию, граф практически не занимался делами герцогства, вследствие чего восстановил против себя вассалов и духовенство. Его брат, Генрих I, занявший престол короля Вильгельма, воспользовавшись упавшей популярностью Роберта Нормандского, вторгся в родовой манор, легко разбил войска старшего брата и захватил его в плен. Через восемь лет заключения в замке Кардиф Роберт скончался, даже не попытавшись прибегнуть к помощи Святого престола.

Третий из братьев Бульонских – Евстафий, оставшись без престола в Святой Земле, вернулся в Лотарингию и вступил в наследство родовым манором. Евстафий больше не участвовал в войнах и политике, не пытался влиять на жизнь государства.

Уехавшие из Святой Земли до окончания Крестового похода брат французского короля Гуго Вермандуа и граф Стефан Блуазский оказались выключены из активной политики вследствие общественного позора за нарушение правил «честного рыцарства». Дошло до того, что супруга графа Блуазского изъявляла желание подать на развод с мужем, считая того изменником законам религиозной веры. Для того чтобы реабилитировать себя, Вермондуа и граф Стефан вынуждены были покинуть Европу и уехать в Палестину.

Характерно и то, что демонстрация трофеев, привезённых участниками Крестового похода, породила значительное число случаев, когда представители различных слоёв населения отправлялись в Палестину за добычей. Легенда о шести телегах Танкреда, наполненных золотыми и серебряными изделиями, захваченными в Иерусалиме, получила повсеместное распространение. Неудивительно, что значительное количество людей воспринимали Палестину как место с возможностями быстрого и гарантированного обогащения. И вот эти-то люди не руководствовались в своих путешествиях никакими религиозно-догматическими соображениями. Для относительно небольшой части из них путешествие на Восток действительно было связано с морально-нравственными причинами, как для герцога Бургундского, рассчитывавшего найти могилу своей дочери, погибшей в Малой Азии. Однако большая часть «пост-крестоносцев» ехала на Восток, как на увеселительную прогулку. Можно назвать среди них таких влиятельных лиц, как граф Гильом де Пуатье, один из влиятельнейших людей Франции, приходившийся родственником Императору Священной Римской Империи. В Святую Землю отправились также графы Неверский и Буржский, архиепископ Ансельм Миланский, граф Бландра из итальянской аристократии, герцог Баварский, а кроме того – некий маршал императора Священной римской империи граф Конрад (предположительно происходивший из саксонского дома). Мало того, кроме мужчин в Святую Землю отправляются и женщины, зачастую без мужской поддержки. Известно, что в Палестину в начале XII века отправилась, например, маркграфиня Австрийская, вовлечённая в эту авантюру десятки людей из своей свиты. Отказаться от участия в походе никто не мог, это рассматривалось, как святотатство и грозило серьёзными карами со стороны римско-католической церкви и позором со стороны светского общества. Примеры Гуго Вермандуа и Стефана Блуазского были перед глазами.

Тем не менее, приходится признать, что *начавшись, как религиозная война I Крестовый поход уже в ходе своей реализации*

выродился в обычную военную авантюру, направленную на захват земель и военной добычи.

Если проводить параллели, что несложно заметить, что **II Крестовый поход** (1147-1149 гг.) начался при схожих с первым Крестовым походом обстоятельствах:

- Идеологический стимул крестового похода исходил от представителя монашества, пользующего репутацией человека «святой жизни»;
- При организации похода основную часть расходов взял на себя представитель влиятельного государства, имевший личный стимул к его реализации.
- Идеологическим оправданием II Крестового похода становится религиозная экзальтация значительного количества людей, представлявших собой различные социальные слои средневекового социума.

Идеологическим вдохновителем похода становится блестящий проповедник и один из самых образованных людей своего времени Бернар, аббат монастыря Клерво, больше известный, как Бернар Клервосский. Если фигуры пап Римских Луция II (март 1144 - февраль 1145) и Евгения III (1145-1153) не выделяются как яркие политики (не смотря на то, что Евгений III был учеником Бернарда Клервосского), то сам Бернард, имея непререкаемый авторитет, по сути, становится одной из ключевых фигур религиозно-идеологического поля. Учитывая же настоящие военные действия между римским Сенатом и папским престолом в Италии (в результате одного из вооружённых столкновений, кстати, погиб Луций II), собственно получение одобрения и благословения похода от Римского понтифика приобретало формальный характер.

Финансовая и организационная функции в ходе подготовки II Крестового похода взял на себя Король Франции Людовик VII. Многие историки считают, что идея Крестового похода была подсказана (а по иным версиям и навязана) Людовику Французскому «всемогущим аббатом Бернаром». Есть основания усомниться в такой «чистой» версии событий. Дело в том, что I Крестовый поход создал прецедент прощения земных грехов и вывода преступника из-под уголовной юрисдикции, а также действия обычаев мести.

Именно в таком механизме нуждался в тот момент **Людовик VII Французский** (правил 1137-1180 гг.). Начало правления Людовика было удачным: ему удалось погасить сепаратистские настроения своих вассалов. После женитьбы на Элеоноре Аквитанской, Людовик VII принял под свою руку богатейшее герцогство Аквитания. Некоторые

исследователи даже утверждают, что Аквитания была присоединена к коронным землям королевского дома Франции, хотя этот вопрос спорен.

Однако в ходе конфликта Людовика VII с графом Тибо IV Великим де Блуа, последний обращается за помощью к папе Римскому и получает искомую поддержку. Людовик устраивает в Шампани настоящую резню. После взятия города Витри (в настоящее время - Витри-ле-Франсуа (Vitry-le-François)), король Людовик приказал сжечь церковь, в которой пытались укрыться тысяча триста прихожан.

Такой поступок сделал Людовика Французского уязвимым с точки зрения религиозно-идеологического обоснования и легитимации его власти. Сожги он любое другое здание с людьми, он был бы с точки зрения европейского дворянства, в своём праве. Но сожжение церкви означало автоматический конфликт с папой. Учитывая, что каждый монарх Средневековой Европы для легитимации власти проходил обряд помазания, по указанию папы они могли в любой момент организовать крестовый поход на Францию. Поэтому Людовик ухватился за сообщение о захвате Эдессы мусульманской армией, как за способ покаяния, обеспечивающий иммунитет от любого наказания.

В 1146 году на римско-католическое Рождество Людовик VII публично озвучивает своё намерение перед дворянством и духовенством. Епископ Лангрский публично же поддерживает короля. Бернар Клервосский прекрасно понимает мотивы Людовика Французского, но идею Крестового похода поддержал и посоветовал заручиться поддержкой папы Евгения III. Папа Евгений, нуждаясь в поводе отослать из Италии воинственных баронов, использует идею Крестового похода, и папская курия начинает пропаганду кампании, используя те же доводы, которые использовал Урбан II. Вести проповеди в пользу участия во II Крестовом походе папа Евгений III «поручил» своему учителю Бернару Клервосскому.

Правда, в германских княжествах идея крестового похода едва не вызвала совсем иное движение: согласно летописям некий монах Рудольф призывает перед походом истребить всех иудеев, как врагов христианства и союзников сарацин. Если по поводу враждебного отношения иудеев к христианству обвинения были отчасти справедливы, то о союзе европейских иудеев того времени с сарацинами свидетельств нет. Аббат Бернар употребил максимум усилий, чтобы потушить антисемитские настроения в германских землях. Еврейские общины по достоинству оценили усилия Бернара и внесли денежный вклад в подготовку похода.

Ещё больше усилий понадобилось аббату Бернару, чтобы убедить в целесообразности военных действий императора Священной Римской империи Конрада III. Император Конрад обоснованно опасался увеличения количества проблем в государстве в случае участия его самого и его баронов в Крестовом походе. Бернару удалось уговорить императора на участие в кампании лишь после публичной проповеди во время заседания генерального сейма в Шпейере. Успех проповеди Бернара Клервосского в Шпейере был огромным: кроме германских баронов принять участие в военных действиях изъявили феодалы Баварии, Чехии, Штирии и Каринтии, для истории стало большой удачей, что на Восток отправился и брат императора, Отгон Фрезингенский, ставший историографом похода.

Что характерно, Крестовый поход, предпринятый католическим сообществом, не был поддержан Византийской империей. Более того, император Византии Мануил Комнин непосредственно перед ожидаемым прибытием крестоносцев заключил мирный договор с конийским султаном Масудом I. Причины такой политики были весьма прозаические:

- В памяти византийцев ещё были свежи воспоминания о мародёрстве и откровенной наглости, которыми «отличились» крестоносцы во время I Крестового похода.

- В 1144 году Антиохийского княжества Раймунд де Пуатье пытается увеличить территорию княжества за счёт византийской Киликии. При этом он откровенно и беззастенчиво нарушил союзный договор, заключённый им с императором Иоанном II Комнином в 1137 году.

- Масуд I, совершая набеги на западную Анатолию и Киликию, не ставил перед собой задач захвата территории. Более того, в случае, если вторгшиеся на его территорию византийцы уходили на свою землю, войско конийского султана их не преследовало, признавая за своими противниками право на ответный набег.

Совершенно естественно, что в глазах Мануила Комнина султан Масуд I выглядел куда более надёжным и предсказуемым союзником, нежели идущие на религиозную войну крестоносцы, которых, кстати, византийцы на этот раз на свою землю не приглашали. Ряд западных авторов подробно описывает «вероломство» византийцев, вплоть до нападений на крестоносцев и неверные сведения о расстояниях. Однако ряд примеров «вероломства» вызывает сомнения. Например, как могли вожди крестоносцев идти в поход, не позаботившись о проводниках от «принимающей стороны», особенно такие опытные политики и

полководцы, как Конрад III или Рогир II Сицилийский? По какому праву крестоносцы, проходя через Византию, требовали с византийцев денег, жалуясь потом, что «ромей дают фальшивые деньги и не берут их потом обратно»? И так далее.

Таким образом, если I Крестовый поход на своих начальных этапах ещё имел признаки межконфессиональной войны, то II Крестовый поход уже принимает конфессионально-локальный характер.

II Крестовый поход окончился позорным провалом. Основной причиной поражения стала феноменальная недисциплинированность крестоносного войска и распри между его лидерами.

Сначала войско Конрада III, не ожидая прибытия французских рыцарей, отправляется в Ниеку, где от него откалывается серьёзная его часть численностью в 15 тысяч человек и начинает безо всякого плана передвигаться к Палестине вдоль побережья. Ослабленное войско Конрада III 26 октября 1147 года было наголову разбито под Каппадокией. Захваченные врасплох крестоносцы не смогли организовать серьёзного сопротивления. Остаткам войска во главе с уцелевшим Конрадом удалось вернуться в Никею.

Затем, после прибытия французского войска выяснилось, что Людовик VII не озаботился должным количеством запасов пищи, воды и фуража, зато привёз с собой свою супругу Элеонору Аквитанскую со всей её свитой. Результатом стали серьёзные потери во время перехода армий в Эфес. Конрад III, понимая, что остался без войска, уезжает в Константинополь, где принят императором Мануилом, как подобает. Войско же Людовика VII движется в Антиохию.

Зимовка 1147-48 годов в Антиохии повлекла за собой окончательный разлад лидеров крестоносного войска.

- Конфликт между Людовиком VII и Раймундом Антиохийским был вызван ревностью французским королём своей супруги к хозяину города;

- Конфронтация между Конрадом III и Мануилом Комнином была вызвана претензиями обоих на лидерство в христианском мире;

- Недоверие между Людовиком VII и Конрадом III было вызвано решением последнего возглавить войско короля Иерусалимского Бальдуина III и начать самостоятельный поход на Дамаск, который не входил в планы Крестового похода.

Результатом подобной политики стало образование антихристианской коалиции эмира Дамаска и мосульского султана Нур

ад-Дина. Парадокс заключался в том, что именно Мосул напал на Эдессу и подчинил её, а Дамаск напротив проводил крайне осторожную политику.

Таким образом, на этом этапе II Крестового похода мы снова видим исчезновение религиозной идеей и приходом ей на смену беспорядочных агрессивных походов, преследующих сиюминутные цели, диктуемые зачастую личными амбициями глав военных соединений.

Войско Бальдуина III и Конрада III бесславно простояло под Дамаском до осени 1148 года. Крестоносцы даже не смогли замкнуть кольцо блокады вокруг города, а отсутствие осадной техники окончательно сделало осаду бессмысленной. Впрочем, сами крестоносцы вместо того, чтобы честно признать, что поход был подготовлен безобразно (честнее было бы сказать, что абсолютно не подготовлен), предпочитали винить в неудачах неких злоумышленников. Жозеф Мишо так описывает взгляды крестоносцев и их апологетов на причины поражения в ходе штурма Дамаска:

«Причины неудачи христиан под Дамаском современные историки объясняли по-разному. Один мусульманский автор прямо утверждал, что король Иерусалимский был подкуплен жителями Дамаска. Некоторые латинские хронисты обвиняют во всем алчность храмовников, другие – злобу Раймунда Антиохийского, якобы таким способом отомстившего французскому королю. Но все сходятся на том, что в основе провала была измена».

Осенью 1148 года Конрад III отплывет в Константинополь. В начале 1149 года его примеру следует и Людовик VII. Провал II Крестового похода косвенным образом predetermined кризис всего крестоносного движения: к этому времени среди романских народов (особенно во Франции), хронисты и католические проповедники всё чаще стали проповедовать идею о том, что цели Крестовых походов остаются недостижимыми потому, что на дороге к Палестине расположено сизматическое Византийское государство. Всё чаще появляются призывы уничтожить это препятствие перед следующим походом. Эта идея, формирующаяся в Западной Европе в середине XII века, становится всё более популярной не только среди духовенства, но и среди монархов Западных государств. Зато рассказы о том, что в 1147-49 годах такой же позорный финал постиг поход саксонцев и датчан против балтийских славян, исповедовавших язычество. Во главе крестового похода против славян встаёт Генрих Саксонский. Под своим началом он собирает почти полторы тысячи крестоносцев, но оказывается не в состоянии одержать убедительной победы над

«варварами». После трехлетней бесперспективной войны крестоносцы были вынуждены попытаться сделать «хорошую мину при плохой игре», предложив мир при условии принятия славянами христианства по римско-католическому образцу. Представители славянских племён дали формальное согласие, после получения которого крестоносцы предпочли вернуться в Саксонию.

Третий крестовый поход (1189-1192 гг.), хоть и был инициирован двумя папами Римскими: Григорием VIII (1187 г.) и Климентом III (1187-1191 гг.), ещё меньше напоминал по определению религиозную войну.

Поводом для похода стал захват Иерусалима войсками талантливого полководца и энергичного правителя султана Египта и Сирии Салах-ад-Дина. 4 июля 1187 года войско Салах-ад-Дина одержало убедительную победу над крестоносцами иерусалимского короля Ги де Лузиньяна и магистра ордена рыцарского ордена тамплиеров Жерара де Ридфора. Оба лидера крестоносного войска попали в плен.

Основными причинами опять же следует назвать совершенно светские аспекты:

- Для итальянских городов актуальным был вопрос о торговле с Азией через Восточное Средиземноморье;
- Для Английского короля Ричарда Львиное Сердце поход и война, по отзывам современников, попросту были любимым делом;
- Для французского короля Филиппа II Августа и Фридриха I Барбароссы Крестовый поход стал возможностью поправить материальное положение своей казны.
- Герцог Леопольд V Австрийский рассчитывал укрепиться на Средиземноморье и распространить своё влияние на земли Византийской империи;

В сущности, к концу XII века духовный аспект утрачивает своё значение для крестоносного движения, оно окончательно превращается в систему грабительских походов, не ставя перед собой задачи окончательного отвоевания Иерусалима. На протяжении III Крестового похода практически ни одна осада не была проведена эффективно. «Полевые» сражения крестоносцы проводят вполне успешно, как, например, переход через Аскалон или битва при Арсуфе. Но откровенные ошибки опытных и умелых полководцев при осаде Акры с 1188 по 1191 годы и безуспешной осаде Иерусалима, а также бессмысленные метания крестоносцев под командованием Ричарда

Львиное Сердце с осени 1191 по весну 1192 года ничем не напоминают продуманной военной кампании.

Точку на религиозно-идеологической подоплеке крестоносного движения поставил **IV Крестовый поход** (1202-1204 гг.). Уже на стадии подготовки похода стало ясно, что этот поход будет в корне отличаться даже от третьего Крестового похода, не говоря уже о втором и, тем более, о первом.

Прежде всего, дело в условиях междоусобных европейских войн, поглощавших финансовые и человеческие ресурсы (в Германии происходит «раздел наследства» после смерти Генриха VI, а в Англии и Франции - Ричард Львиное Сердце продолжал вести войну с Филиппом Августом). Апофеозом европейских реалий Европы XIII века стала история несостоявшегося крестового похода короля Имре Венгерского. Имре Венгерский, принял Крест, собрал значительную армию и вынужден был использовать эту армию для междоусобной войны. Идея об освобождении Гроба Господня потеряла свою актуальность для европейского дворянства.

В то же время папа Иннокентий III (1198-1216 гг.) активно пытался найти светских монархов, готовых направить войска в Палестину. Сам Инокентий III тридцатитрёхлетний энергичный понтифик предпринимает свои шаги, чтобы оградить христианство в Палестине от притеснений. Например, папа покровительствовал созданию в Палестине в 1198 году Тевтонского рыцарского ордена и открыто покровительствовал первому Великому Магистру Ордена Тевтонской Божьей матери — Генриху Вальпоту.

Иннокентий III не без оснований считал необходимым участие в судьбе христиан, оставшихся в Сирии и Палестине. Поэтому с момента вступления на престол в 1198 году, Папа Иннокентий начинает активную рассылку посланий представителям европейского духовенства и светских властей Англии, Франции, итальянских городов, Венгрии. Папа пытался апеллировать к сопоставлению ситуации, когда цвет европейского рыцарства бессмысленно гибнет в бесконечных междоусобных войнах, в то время на Востоке складывается мощная сила, способная, овладев Иерусалимом и Ближним Востоком, представлять опасность для государств Западной Европы.

В своих устремлениях Иннокентий III показал себя искренним человеком. Если такие мероприятия, как рассылка легатов с призывами к походу во все царствующие дворы Европы (вплоть до русских княжеств), создание своеобразного «пакета льгот и преференций» для крестоносцев и расстановка кружек для сбора пожертвований во всех

храмах были в компетенции Папы, то пожертвование своих личных средств на подготовку похода произвело на европейские дворы впечатление. И... оставило равнодушными к идее Крестового похода.

Изменило положение... появление нового странствующего проповедника Фулька Нейского. Блестящий политик Иннокентий III принял решение использовать самобытного проповедника. В 1199 г. замке Эгри на Эне, во время Большого турнира баронов Шампанских с поединками и мелэ (схватками партий) Фульк Нейский произносит талантливую проповедь. Проповедь была произнесена к месту и ко времени. Разгорячённые схваткой и вином большинство участников турнира тут же дали публичный обет идти в поход с целью отвоевания Иерусалима. Здесь нужно отметить тонкость этикета классического Средневековья: публично данный обет не мог быть отменён или проигнорирован лицом рыцарского звания без угрозы потерять рыцарское достоинство «с переворачиванием щита, раскалыванием герба и торжественным утоплением его в навозе». Фактически, Папа Иннокентий III поймал некоторое количество знати «за язык». Среди «пойманных» оказались граф Тибо Шампанский, граф Луи Блуазский и Шартрский, графы Сен-Поль, де Лиль, Дампьер, Монморанси, епископы Суассонский и Лангрский, Симон де Монфор, Жоффруа Виллерадун, маршал Шампани, создавший хронику будущего похода. Вместе с подчинёнными количество участников кампании составило по различным источникам от 50 до 200 тысяч человек.

Тем не менее, не смотря на блестящий состав участников похода, нельзя не заострить внимание, что *старт подготовке похода был дан путём интриг, а не добровольного и искреннего согласия крестоносцев, как это было в прошлых случаях.*

Главой войска избрали графа Тибо Шампанского, имевшего репутацию человека безукоризненной рыцарской чести. Граф Тибо принял решение идти в Палестину морем. Остальные предводители одобрили этот план и отправили делегацию из шести уполномоченных в Венецианскую республику, чтобы договориться о перевозке войск. Дож Венеции Энрико Дандоло дал согласие и назначил цену: 50 тысяч серебряных марок. Имея наиболее крупный торговый и военный флот в Средиземноморье, Венеция могла себе позволить вести себя, как монополист.

Однако крестоносцы не смогли собрать денег, чтобы оплатить корабли, хотя ряд лидеров пожертвовали свои личные средства. Графы Фландрский, Блуа и Сен-Поль, а также Бонифаций Монферратский, возглавивший поход после безвременной кончины Тибо Шампанского не смогли набрать недостающей суммы в 50 тысяч марок серебра. В

качестве оплаты Дандоло предложил крестоносцам овладеть городом Зара (Задара) (конкурентом Венеции в области морской торговли) и передать его Венеции. Крестоносцы ответили согласием, не смотря на то, что Зара принадлежал Византийской империи. Иннокентий III отправил крестоносцам возмущённое послание с запрещением проливать христианскую кровь. Но вопреки посланию Папы 24 ноября 1202 г. Задар был взят штурмом и разграблен. Ситуация стала патовой.

В 1203 году положение усугубилось тем, что: византийский император Исаак II Ангел был свергнут с престола своим братом Алексеем (будущим Алексеем III Ангелом). Исаак был лишён зрения и заключён в тюрьму. Здесь необходимо учесть нюанс византийского законодательства: увечный человек не мог занимать правительствующего положения.

Сын Исаака, Алексей (будущий Алексей IV Ангел) бежал в Западную Европу, пытаясь заручиться поддержкой европейских монархов. Однако при европейских дворах и при дворе Папы Иннокентия III Алексей помощи не получил. Тогда византийский принц прибыл в лагерь крестоносцев. Расчёт был абсолютно верен: крестоносцы уже и так готовы были напасть на Византийскую империю, а присутствие в войске византийского принца, имевшего законные права на престол, окончательно формировало идеологическую подоплеку похода уже на Константинополь. Венецианцы также использовали факт пребывания в войске принца Алексея по простой причине: его соперник опирался в торговых связях на корпорации пизанцев и генуэзцев, конкурирующих с Венецией. Таким образом, произошло окончательное переориентирование идеологии IV Крестового похода с религиозной войны на войну династическо-торговую. Тем более что Византия также была христианским государством, как и государства, представители которых участвовали в IV крестовом походе.

К 13 апреля 1204 года Константинополь был взят в результате планомерной осады, организованной и проведённой по всем правилам последних достижений военного искусства. И в ходе осады крестоносцы не допускали таких позорных промахов, как в 1188 в Акре и при других осадах на Святой Земле. **Взятие Константинополя в 1204 году можно считать пиком кризиса крестоносного движения.** Позднее были предприняты ещё пять Крестовых походов, но назвать их религиозными войнами уже нельзя, поскольку единственным, что роднит их с религиозными военными конфликтами, является единоверие их участников и участие ряда духовных лиц в военных действиях.

Глава 5

Христианско-мусульманские религиозные войны X-XV вв.:

Испанская реконкиста

В период VIII – XV вв. единственной успешной для христиан межконфессиональной войной в Европе, которая, по крайней мере, по некоторым параметрам соответствует определению религиозной можно назвать испанскую реконкисту.

Понятие Реконкиста (*Reconquista*) включает в себя длительный процесс отвоевания у мавританских правителей пиренейскими христианами (представителями этнических групп, образовывавших этносы каталонцев, кастильцев, арагонцев и пр. народностей, сформировавших испанскую и португальскую нации) контроля над территорией Пиренейского полуострова.

Сама по себе борьба за Пиренейский полуостров началась ещё в VIII веке, после того, как с 704-705 годов остров Сардиния, оставшийся без вооружённой защиты крупного государства из-за вывода византийских гарнизонов, начал систематически подвергаться набегам со стороны кайруанских арабов. Если следить по тексту трактата «Анналы королевства франков», отредактированного Эйнхардом Зелигенштадтским и трактату «Жизнь императора Людовика» неустановленного автора, вторжения на остров Сардиния в VIII-IX веках были многократными: зафиксированы высадки арабов в 710, 733, 736, 752, 807, 813, 816, 817 и 935 гг.

Причём авторы указывают на наличие религиозного аспекта в военных действиях кайруанцев: в документах зафиксированы свидетельства, что в период между 721 и 725 гг. король лангобардов Лиутпранд организовал экспедицию в порт Кальяри, чтобы её участники доставили в Павию мощи блаженного Августина. Существуют различные версии относительно того, как и зачем это было сделано.

- По первой версии мощи были выкуплены у арабов;
- По другой версии, вывоз мощей носил характер эвакуации из-за опасности захвата их со стороны мусульман;
- По третьему предположению, вывоз мощей был просто актом лишения инструмента идеологического влияния обособившейся на Сицилии самостоятельной общины, независимой от Рима и Византии.

Таким образом, вопрос о вывозе мощей, как акте религиозной войны остаётся открытым.

С другой стороны, по свидетельству Ибн аль-Асира (Ибн аль-Атира), приведённом в его блестящем трактате «Полный свод

всеобщей истории» кайруанский амир требовал с сардинцев уплаты джизьи после очередного рейда арабов на остров в 753 г. Однако в указанный период джизья взималась не только и не столько как подать с иноверцев-зимми в мусульманских государствах. Куда чаще в VII-IX веках джизья взималась в процессе набегов, военных походов, как выкуп за сохранение жизни при завоевании. Таким образом, на начальном этапе конфликта мусульман и христиан на Пиренейском полуострове сложно говорить о мавританском завоевании территории будущей Испании, как о процессе завоевания и духовного преобразования одних народов другими (в целях формирования соответствующей государственности, народности, а затем и нации). Военная доктрина мусульманских государств на тот момент скорее ограничивается завоеванием жизненного пространства и ресурсов для построения в дальнейшей перспективе общества, организованного по законам Ислама. Тем более что на территории Пиренейского полуострова мавританские феодалы были не единственными противниками христианских монархов. Феодалные междоусобицы приводили к тому, что среди христианских монархов полуострова появилась практика привлечения исламских монархов к участию в феодальных войнах и помощи в борьбе с вассалами на правах союзников. То есть, можно предположить, что вплоть до конца XI века военные действия на Пиренейском полуострове, по сути, являлись чередой феодальных войн, развивавшихся по законам развития феодально-раздробленной территории. Нередки были случаи, когда христианская аристократия сохраняла влияние под владычеством мусульманских монархов (например, Ахила II – преемник (возможно - сын) короля вестготов Витицы, и его родственники) и наоборот.

Таким образом, Реконкиста, начало которой отсчитывается с победы христианского войска в битве при Ковадонге (718 г.), ещё не прошла своего становления, как религиозная война. В той же битве при Ковадонге со стороны мусульманского войска участвует христианский епископ Оппа, предположительно – брат вестготского короля Витицы, служивший епископом Севильи (по другим данным – Толедо).

Однако набеги на Европу продолжаются, и продвижение арабов на континенте было остановлено лишь победой над мусульманским войском вали Абд ар-Рахмана соединённой армии Карла Мартелла и герцога Эда Аквитанского (Великого) в битве при Пуатье в октябре 732 года. После же захвата Нарбонны королём франков Пиппином Кротким в 759 году, была на долгое время определена граница сфер влияния христианских и мусульманских государств.

Ситуация в корне меняется к началу XI века и усугубляется после начала Крестовых походов: *религиозная статусная идентификация европейских политических образований и этнических групп приводит к возникновению на Пиренейском полуострове и прилегающей к нему европейской территории ситуации религиозной войны*. К борьбе с маврами присоединяются военные монашеские католические ордена. Такие, например, как Бедные Рыцари Христа и Храма Соломона (тамплиеры). Если орден Тевтонской братии церкви Святой Марии Иерусалимской (тевтонцы) развивает свою деятельность в Прибалтике и Восточной Европе, а Иерусалимский, Родосский и Мальтийский орден Святого Иоанна (госпитальеры) действуют преимущественно в Малой Азии и Восточном Средиземноморье, то приораты тамплиеров участвовали в Реконквите весьма активно.

И всё-таки *первенство в создании прецедента религиозных войн на Пиренейском полуострове приходится признать за мусульманами*: 30 сентября 788 года только что вступивший на престол Кордовы эмир Хишам I объявляет джихад против христиан, населяющих северную часть полуострова. Правда его преемник, аль-Хакам I, вступивший на престол через восемь лет не проявляет агрессивного рвения к войне против христиан. Более того, он охотно принимает христиан на службу, что помогает ему сформировать блестящую дворцовую гвардию, сумевшую обеспечить порядок в городе и окрестностях, а также наладить мирное существование своего государства. Преемник аль-Хакама I эмир Абдаррахман II пойдёт дальше него и своей политикой религиозной терпимости сделает Астурию процветающим государством, а христианских подданных своими не меньшими почитателями, нежели мусульманские.

К священной войне против христиан призвал своих подданных диктатор Кордовы Мухаммад ибн Аби аль Мансур (Альманзор) в кон. X века. Талантливый полководец, мудрый, но жестокий правитель, фанатичный мусульманин, он совершает череду успешных походов против христиан, в течение 25 лет осуществляя удачные набеги на города христианских правителей. Однако в создании прочной империи Мухаммад ибн Аби аль Мансур не преуспел: система государственной власти в Кордовском халифате оказалась непрочной.

К началу Крестовых походов оформляется ряд очагов Реконкиты:

- Астурия, окончательно отстаившая свою независимость в период царствования Альфонсо II (791-842 гг.).

- Барселона, ставшая самостоятельным государством в 874 г. под властью графа Вифредо Мохнатого.

- Королевство Памплонское (баски), окончательно обособившееся в 902 году усилиями короля Санчо Гарсеса.

Распад Кордовского халифата в 1031 году ознаменовал практически непрерывную череду успехов Реконксты, прерванную на короткое время лишь рядом блестящих побед выдающегося полководца Юсуфа ибн-Тешуфина.

Как было отмечено выше, уже в начале XI века военные действия приобретают религиозную подоплеку. Яркое это проявляется в ходе разгрома мусульманского флота в Кальяри. В мае 1016 года на внешний рейд Кальяри подступает объединенный генуэзско-пизанский флот, насчитывавший более 300 кораблей, вооружённых по последнему слову техники и несущих на борту отлично вооружённые и многочисленные абордажные команды. Войска эмира Дении были разбиты, флот сожжён, сам он бежал, а гарем и сын эмира попали в плен к итальянцам. Все захваченные мусульмане были безжалостно убиты.

Но семью эмира Дении постигла другая участь. Дело в том, что мать Муджахиды, его жены, наложницы и многие «девушки, приятные глазу» были христианками, захваченными в рабство в ходе набегов. Христианские священники нашли их поведение извинительным, после чего женщины из гарема прошли очистительную процедуру «возвращения в лоно христианской церкви» и отбыли в Рим, где были помещены в монастыри до искупления своих грехов, совершённых во время пребывания во власти эмира. При этом христиане обращались с женщинами как с единоверками.

Ещё интереснее судьба сына эмира – Али. Али был объявлен заложником, за него был назначен выкуп и содержался сын эмира в Пизе на правах почётного пленника, хотя юношу захватили с оружием в руках. По одной из версий, кроме высокого положения принца, его спасло то, что он был сыном христианки и его юный возраст «позволял надеяться, что он ещё узрит свет истинной веры». Через 16 лет в 1031 году за Али был заплачен выкуп, и он покинул Пизу, сохранив, тем не менее, верность своей вере, в которой его, впрочем, во время плена не ущемляли.

По иронии судьбы, между победителями вспыхнул конфликт из-за контроля над захваченным городом, в котором дошло до прямого сражения. Пизанский флот разбил генуэзскую эскадру в бою у Порто-Торрес, после чего пизанцы приобрели и территорию и необходимость её защищать, с чем успешно справились, разгромив в 1034 году базу

противника в Боне (Тунис). Последний набег мусульман на территорию Сардинии зафиксирован в 1052 году.

Противостояние Кордовского халифата с империей Омейядов усугубило положение мусульман на Пиренейском полуострове. Свою роль сыграло и то, что ряд христианских правителей принимает на себя титул «владыки трёх религий», что обещает религиозную терпимость к сподвижникам. Приём оказывается действенным и на сторону христиан начинают переходить представители мусульманской оппозиции. С этой точки зрения прославился легендарный Родриго Диас де Вивар, более известный как Эль Сид Кампеадор, национальный герой Испании, известный тем, что одинаково защищал принявших его сторону христиан и мусульман, как от внешних врагов, так и от агрессии иноверцев внутри своего государства.

Увы, окончание Реконксты в 1492 году, когда Фердинанд II Арагонский и Изабелла I Кастильская стали монархами объединённой Испании стал отправной точкой эскалации религиозной нетерпимости.

2 января 1492 года было захвачено последнее мусульманское государство на Пиренейском полуострове - Гранада. Долгое время это государство просуществовало на правах данника Кастильской и Арагонской короны. После того, как глава Гранады Мухаммад Боабдил принёс ключи от замка-крепости Альгамбра представителю короля Фердинанда II Гутьерресу де Карденасу, на башне де ла Вела замка Альгамбра было поднято знамя Кастилии и установлен римско-католический крест. После захвата Гранады Фердинанд II и Изабелла Кастильская торжественно отказываются от титула «королей трёх религий» и объявляют объединённую Испанию католическим государством, в котором всем подданным вменяется в обязанность принять христианство. Не согласные на этот шаг изгонялись из пределов владений Фердинанда и Изабеллы...

Таким образом, можно сделать вывод, что Реконкиста на протяжении всего её развития носила смешанный характер. По целям и методам этот процесс имел светский, геополитический характер. Однако, ряд правителей (например, уже упомянутый Хишам I) пытались придать войнам на Иберийском полуострове религиозный характер. Однако, в конечном счёте эти попытки оказались неудачны. Тем не менее, в ходе Реконксты мы можем наблюдать развитие системы опознания «свой-чужой» по принципу принадлежности к той или иной конфессии, достигшей своего апогея к началу XVI века. Этот фактор во многом предопределил появление в дальнейшем Испанской Инквизиции.

Глава 6

Религиозные войны между христианскими конфессиями X - XVIII вв.

Полноценными религиозными войнами в европейской истории в основном можно назвать межконфессиональные конфликты между Католической церковью и «ересями», первый из которых разразился в XIII веке. Примечательно, что Православие практически не знало на протяжении своей истории религиозных войн, борясь с еретиками чаще словом, чем костром, а редкие проявления жестокости преимущественно были инспирированы светскими, а не духовными иерархами.

Агрессивность римско-католической церкви во многом объясняется её структурой, а также идеологией папоцезаризма, светской власти Пап Римских, на которую они претендуют ещё со времён Папы Юлия I (IV век). Принятие же на себя одновременно титулов Pontifex maximus (высший священник) и Patrimonium Petri (наследие апостола Петра) стало первой ступенью в претензии на власть надо всем христианским Миром. Ну а после того, как майордом Пиппин III Короткий, его сын – император Священной Римской империи Карл Великий и король франков Лотарь ввели в обиход помазание на царство от Римского понтифика, римские епископы стали обоснованно считать себя полноценной политической силой, способной сравниться влиянием с любым из светских владык христианского мира. Поэтому они трепетно относились к признанию своей власти, крайне агрессивно реагируя на любую попытку идеологического, а тем более – физического противостояния ей.

С XI века в ряде областей Европы складывается организованная духовная оппозиция Римскому епископату. Её основой становится учение «катаров» (этот оскорбительный для альбигойцев термин был изобретён рейнландским монахом Экбертом Шёнауским), большинство сторонников которого обосновались в Арагоне, Лангедоке, на северо-итальянских землях и в ряде германских княжеств. Сущность вероучения альбигойцев - «катаров» весьма противоречива. Первым догматом катаров стало учение о том, что весь материальный мир (включая Римско-Католическую церковь) является творением Сатаны и, по сути, представляет собой Преисподнюю. При этом признавалась необходимость церковной организации и разделение верующих на мирян и клир, равно как и соблюдение правил католической церкви. К клиру альбигойцев причислялись не только мужчины, но и женщины.

Согласно учению катаров, Спасение человек обретает после смерти, которая сама по себе является спасительным актом. Будучи приверженцами рационалистического объяснения действительности, альбигойцы высмеивали многие предрассудки, стяжательство иерархов римско-католической церкви... Даже не учитывая изменения порядка крещения и конфирмации, а также замену евхаристии ритуалом своеобразной реконструкции тайной вечери и толкования жертвы Христа не как Искушения грехов верующих, но как способа показать им путь спасения, такие действия были оценены римскими понтификами, как опасность для влияния Католической церкви и Папы Римского в частности.

Тем более что Альбигойское учение пользовалось популярностью на Юго-Западе Европы. На территории графства Тулузы оформилась крупная община альбигойцев и при покровительстве графа Раймунда VI Тулузского «альбигойская ересь» фактически стала официальной религией юга Франции.

Папа Иннокентий III, будучи убеждённым христианином, длительное время надеялся на богословский диалог. В 1199 году Иннокентий III отправляет на юг Франции талантливого проповедника и образованного богослова архидиакона Магеллона Пьера де Кастельно. Кастельно начинает проповедовать и вести публичные дискуссии с катарами и их священниками. Однако папский посланник не добивается успеха, в своих письмах в Рим он пишет, что еретики просто «не слушают доводов разума и логики», но при этом настаивает на мирном решении проблемы.

В 1202 году Иннокентий назначает Кастельно Апостольским легатом по борьбе с ересью и предоставляет ему широкие полномочия. Пьер де Кастельно начинает репрессии: в 1205 году он смещает с должностей епископа Вивьера и епископа Безье, считая их пособниками альбигойцев, а два года спустя провозглашает анафему графу Раймунду VI, графу Тулузы. Примечательно, что после публичной анафемы Кастельно встречается с графом и буквально уговаривает его отказаться от поддержки еретиков и публично покаяться. Впрочем, получив прощение, граф Раймунд не меняет своей политики.

15 января 1208 года Пьер де Кастельно снова встретился с графом, и уличил его во лжи. Раймунд Тулузский открыто отказался лишить альбигойцев своего покровительства и взбешённый легат выехал из резиденции графа по направлению к Риму. По дороге Кастельно был убит (по другой версии, он был убит в собственной постели). В убийстве обвинили одного из драбантов Раймунда

Тулузского. Графа обвинили в причастности к убийству, хотя его вина не была доказана. Существует версия, что графа Тулузского «подставили» по приказу короля Филиппа II Августа, опасавшегося усиления альбигойского «государства». Пьер де Кастельно позже был беатифицирован католической церковью. Раймунд Тулузский воспринял обвинения как оскорбление и не пожелал оправдываться.

Папа Иннокентий III, действуя в соответствии со своим статусом, объявляет анафему Тулузе и всем альбигойцам, после чего специальной буллой обещает наделить землями Лангедока всех, кто примет участие в походе против еретиков. Неожиданно для многих крестовый поход против альбигойцев отказывается возглавить «оплот» католичества Филипп II Французский. На самом деле это объяснимо: Филипп ведёт тяжёлую войну с английским королём Иоанном Безземельным. Поэтому армия крестоносцев представляет собой войско, собранное из безземельного рыцарства, «младших сыновей», рассчитывающих на приобретение земель. Во главе армии встаёт опытный боец и командир Симон де Монфор.

В 1209 году во главе 10 тысяч крестоносцев Монфор прибывает в Лион. Граф Тулузский пытается оправдаться и даже добивается снятия отлучения, но армия Монфора вторгается в Лангедок, начиная войну на уничтожение. Взяв город Безье, воины Монфора убивают всех жителей населённого пункта, хотя катаров среди них было всего около двух сотен. Согласно легенде именно во время резни в Безье аббатом Арно Амори была произнесена «крылатая» фраза: «Убивайте всех – Господь распознает своих!».

Бойня в Безье изменила характер событий:

1. К альбигойцам присоединяются жители Юга Франции, провансальцы, готовые защищать свою землю от захватчиков с Севера.
2. В союз с альбигойцами вступает король Арагона Педро II.

Таким образом, религиозная война получила поддержку в виде национально-освободительного движения.

Однако пока Раймунду Тулузскому удалось собрать соединённую армию, крестоносцы успели без боя взять Каркассон, Альби, Кастр, Монреаль и ряд других городов. В июне 1210 года после взятия города Минерв состоялось первое массовое сожжение еретиков: 140 катаров, отказавшихся принять католичество, были публично сожжены на кострах.

Лишь в 1213 году войско Педро II пришло на помощь графу Тулузскому и его соратникам, но в битве при Мюре объединённое войско терпит поражение, а сам Педро II гибнет. Раймунд VI отводит

своих людей в Тулузу и занимает оборону. Остальная часть Южной Франции оказывается в руках Симона де Монфора, который объявляет себя вассалом французской короны. Этот ход ставит королей Франции в двусмысленное положение: теперь их отказ участвовать в походах против альбигойцев может быть расценен, как отказ отстаивать свои владения. Узнав об этом, граф Раймунд бежит в Англию. В 1215 году Тулуза была захвачена армией Монфора. На Четвёртом Латеранском Соборе альбигойцы были осуждены, а Иннокентий III инспирировал утверждение Инквизиции.

Раймунд VI в 1216 году возвращается из эмиграции и начинает вновь собирать войско. К этому моменту провансальцы, возмущённые притеснениями со стороны чужаков-северян, захвативших власть, оказывают графу Тулузскому широкую поддержку. Раймунду удаётся захватить власть в Тулузе. После же гибели Симона де Монфора в июне 1218 года, «обезглавленная» армия крестоносцев вынуждена отступить. После смерти Раймунда VI его сын Раймунд VII Тулузский, опираясь на поддерживающую его альбигойскую общину и местных жителей, в 1224 году захватывает Каркассон.

Это было ошибкой: захват Каркассона заставил вмешаться в войну французского короля Людовика VII. В 1225 году Раймунд VII Тулузский, как и его отец, ранее, был отлучён от церкви, а жители Юга Франции не были готовы сражаться против одной из сильнейших держав своего времени. Если Симону де Монфору сопротивлялось всё население Лангедока и Прованса, то армия Людовика Французского захватывала города без сопротивления. Единственным городом, оказавшим сопротивление, стал Авиньон. Но в 1226 году он был взят французскими войсками. Надеждам альбигойцев, появившимся после скоростной смерти Людовика VIII, сбыться не пришлось: возглавивший армию Франции Юмбер де Боже опустошил графство Тулузское, заставив к 1229 году Раймунда VII капитулировать.

Что интересно, Иннокентий III удовольствовался лишением еретиков политической силы. Масштабное физическое уничтожение катаров началось после вступления на престол Папы Григория IX, когда Инквизиция была наделена широкими полномочиями в области борьбы с еретиками. В 1233 году начинается последний крестовый поход против альбигойцев. Фактически этот поход ознаменовал агонию движения катаров: после взятия крепости Монсегюр, продержавшейся почти год и павшей 16 марта 1244 года, альбигойцы уже не смогли оправиться. Последний случай казни за принадлежность к альбигойской ереси был зафиксирован в 1321 году.

Нужно отметить, что феномен альбигойской ереси создал в Европе Средневековья прецедент явления, когда значительная этническая группа, объединённая территориальным и языковым единством, избирает модифицированное вероучение, базирующееся на догматах общеевропейского религиозного учения.

Много общего с историей альбигойской ереси можно найти, рассматривая эволюцию гуситского движения. В первую очередь, необходимо выделить общие черты, которые бы позволили нам выявить закономерности развития конфликта.

- Гуситское движение так же, как и альбигойское учение является локальным и построенным на социально-экономических и политических условиях конкретного региона.

- Подобно альбигойскому учению, концепция Яна Гуса (1369-1415 гг.) отлично адаптируется в идеологию национально-культурной самоидентификации, а также – идеологию национально-освободительного движения.

- Аналогично альбигойскому учению, концепция Гуса обладает потенциалом консолидации всех слоёв социума.

Однако есть и ряд принципиальных различий, которые придают гуситству оригинальность и уникальность, как социально-политическому явлению

- Концепцию Яна Гуса нельзя назвать «ересью» или сектанством в чистом виде. Скорее это именно план реформации римско-католической церкви без введения новшеств в области догматики и литургики (в отличие от лютеранства, протестанства, англиканства и пр.).

- Движение гуситов на определённом этапе изменяется, уходя от национально-освободительных и национально-охранительных целей, и переходя к экспансионистским действиям.

- Концепция Яна Гуса затрагивает не только религиозные, но и культурные аспекты жизни Восточной Европы.

Для того чтобы рассмотреть, что представляет из себя гуситское движение, необходимо определить основные положения концепции Яна Гуса.

Религиозно-философская система Яна Гуса базируется на двух постулатах: а). Право человека на знание б). Строгое следование библейским заповедям. Именно исходя из этих двух постулатов Ян Гус, предвосхищая появление немецкой идеологии Реформации церкви, выдвигает следующие тезисы:

- Требование бесплатности и доступности религиозных ритуалов и треб;

- Требование отмены церковных бенефиций;
- Отказ от принятия Церковной организации и церковной иерархии, как высшего авторитета в пользу самостоятельного осмысления реальности;
- Требование соответствия легитимности власти выполнения данной властью библейских заповедей;
- Частная собственность, по мнению Гуса, может быть легитимной лишь, если она получена законным путём, а её владелец соблюдает библейские заповеди;
- Христианин, согласно учению Гуса, обязан «искать правду» при любых жизненных условиях.

Как мы видим, основной причиной недовольства клира римско-католической церкви стало не изменение догматов или литургики, а подрыв финансового потенциала административной системы римско-католической церкви. Фактически, начиная со времени правления Папы римского Николая I (858-867 гг.), римско-католическая церковь начинает приобретать черты финансово-коммерческой системы. Подрыв данной системы действия потребовал бы не только пересмотра образа действий римского понтифика и его подчинённых, но и во многом разрушил бы финансово-кредитную систему Европы. Кроме того, требование о легитимности высшей власти только в случае если она соответствует требованиям Библии, фактически предоставляло правовой инструмент для политического обособления отдельных земель, этнических групп и государств, в которых сильны были сепаратистские настроения.

Потребность чешского народа в освобождении от протектората германских княжеств, этнической и культурной самоидентификации и статусной идентификации делает концепцию Яна Гуса очень популярной во всех социальных слоях.

После казни Яна Гуса, последовавшей 6 июля 1415 года, в течение четырёх лет складывается идеология, в которой сам Ян Гус рассматривается не столько как автор, сколько как мученик даже не за религиозное обновление, а за национальное возрождение.

2 сентября 1415 года в адрес Констанского собора, собравшегося, чтобы урегулировать вопрос одновременного наличия в Европе трёх (!) Пап Римских, было передано послание рыцарства и дворянства Моравии и Богемии, осуждающее казнь Яна Гуса и винящее в этом событии в частности, Императора Священной Римской империи Сигизмунда I Люксембурга. Ответное письмо императора Сигизмунда в адрес авторов послания содержало оскорбления и прямые угрозы в адрес реформатов. Этого оказалось достаточно, чтобы

спровоцировать на территории Моравии и Богемии вспышку агрессии в адрес сторонников императора и римско-католической церкви.

Всего против гуситов было предпринято пять Крестовых походов (1420-21, 1421-23, 1425, 1427, 1431). По сути дела, ни один из этих крестовых походов не продолжался дольше первого же крупного сражения. Основными причинами поражения крестоносцев можно назвать следующие:

- Основу крестоносного войска составляли рыцари и тяжёлые кнехты. Эти виды войск и их тактика оказались устаревшими в борьбе с гуситами, поскольку крестоносцы не знали что такое согласованные действия, в то время как гуситы начали применять работу в едином строю. К тому же гуситские войны – первые европейские войны, в которых массово используется ручное огнестрельное оружие;

- Слабая дисциплина крестоносцев, которой противостояло сплочённое национально-освободительными идеями войско гуситов;

- Отсутствие реальных потребностей у участников крестовых походов для вторжения на территорию Чехии: на земли они, как правило, не претендовали, единства в Римско-католической церкви удалось добиться лишь по смерти всех трёх пап и антипап. Единственной реальной причиной участия в крестовых походах против гуситов были грабительские устремления;

- «Человеческий фактор». Наличие среди гуситов талантливых полководцев Яна Жижки, Прокопа Большого (Голого), Прокопа Малого и др. Разработка Яном Жижкой специального полевого устава для своей армии, конструирование гуситских боевых телег, своеобразных боевых машин, а также умение при помощи пехоты противостоять вооружённой коннице, делает чешских полководцев опасными противниками;

- Раздробленность и высокая степень сепаратистских настроений в самой Священной Римской Империи.

Фактически, единственной причиной безрезультатности борьбы гуситов стал раскол в их собственных рядах, приведший в 1424 году между умеренной группой гуситов (чашники) и радикальным крылом (таборитов). Именно чашники разгромили таборитов в последнем крупном сражении гуситских войн 30 мая 1434 года, после чего победители приняли условия императора Сигизмунда. Однако разлагающую роль сыграло и то, что начиная со второго Крестового похода против сторонников учения Гуса, войска гуситов систематически начинают пересекать границы своих земель сначала с

целью разгрома армии противника, затем якобы для того, чтобы обезопасить себя от последующих походов крестоносцев. А после смерти Яна Жижки в 1424 году, гуситы вторгаются на чужие земли – откровенно преследуя грабительские цели.

В течение последующего периода исторического развития европейской цивилизации большинство конфликтов на религиозной почве, возникавшие в пределах христианской римско-католической конфессии, как правило, соединяли внутри себя четыре составляющие:

- Собственно, религиозно-идеологическая, когда из среды римско-католического церковного учения выделялись догматико-литургически обособленные направления. Правда, относительно отношений приверженцев «исходной» римско-католической церковной доктрины и отделившихся сектантов, можно заметить одну особенность. Именно представители «исходной» доктрины первыми начинают проявлять агрессивную нетерпимость к не разделяющим их взгляды экс-единоверцам.

- Социально-политическая составляющая. Как правило, представителями сектантских и протестантских доктрин становились представители социальных групп, испытывавшие необходимость борьбы против ущемления своих политических прав. Причём иногда источником ущемления прав выступали не столько государственные институты, сколько представители Римско-католической церкви. Зачастую именно в епископах и служителях церкви «латинян» представители народов, государства которых пребывали в состоянии феодальной раздробленности (германские княжества, Нидерланды, швейцарские кантоны, итальянские города и т. д.), видели препятствие для объединения. Для государственных деятелей не всегда был допустим надзор со стороны духовных лиц за их принятием политических решений и зависимость от римского понтифика.

- Экономическая составляющая. Как крупный феодал, взимающий плату с каждого жителя Европы, Римско-католическая церковь не могла не вызывать агрессии со стороны всех слоёв населения (в том числе и части собственного клира).

- Культурно-идеологическая составляющая. В отличие от Православия, система взаимоотношений римско-католического клира с паствой предусматривала планомерное ограничение возможностей приобретения мирянами и представителями низшего клира дополнительных теологических знаний вплоть до запрета на чтение текстов Священного писания. С развитием системы знания об окружающем мире, первым инстинктом верующего человека становится корреляция новых естественнонаучных, философских или

бытовых знаний с религиозной доктриной, которой он придерживается. При отсутствии свободного доступа к чтению и квалифицированному толкованию священных текстов, самостоятельное тайное изучение религиозной догматики с неконтролируемым осмыслением иносказательных и аллегорических толкований Священных текстов может дать непредсказуемые результаты, что и произошло в ряде регионов Европы.

Очень ярко связь всех четырёх составляющих проявилась в процессе основания и становления реформатской церкви в Германии и Швейцарии.

Для того чтобы понять истоки религиозной Реформации и последовавших за ней религиозных войн на территории германских княжеств, необходимо рассмотреть все виды составляющих, сложившиеся в германских княжествах к началу XV века.

Социально-политическая составляющая будущей Реформации состояла в неопределённом, эфемерном состоянии единого германского государства. Священная Римская империя к концу XIV века не представляла из себя единого государства, но и окончательно раздробленной её назвать было нельзя. С одной стороны, германский этнос сохранил своё относительное единство, с другой политическая система была очень аморфной.

- В германских княжествах параллельно существовали три линии власти: императорская, городская (магистратская) и княжеская. Принцип автономности вассалитета («вассал моего вассала – не мой вассал») и дублирование административных органов и должностей создавали ситуацию, в которой любое решение императора могло быть (а зачастую и было) саботированным со стороны местной власти.

- Имперский сейм, по сути, не имел узаконенных рычагов реализации своих решений, кроме силовых.

- Единственным органом власти с упорядоченными полномочиями была Курфюршеская коллегия. Именно права её членов были прописаны законодательно в 1256 году в тексте «Золотой буллы». Но права эти сводились буквально к нескольким аспектам: право избирать императора, право неделимости маноров, право чеканки собственной монеты. Причём эти права были узаконены лишь для Майнца, Трира, Кёльна, Саксонии, Чехии, пфальцграфства Рейнского и маркграфства Бранденбург.

Справедливости ради нужно отметить, что на ряде заседаний коллегии с 1456 по 1476 годы курфюрсты и председательствующие по традиции Майнцские епископы предлагали проекты упорядочения

политической системы Священной Римской империи, но дальше проектов дело не пошло. Особенно остро встал вопрос о системе соподчинения в период царствования императора Фридриха III (1452-1493 гг.). Венский конкордат, заключённый с Папой Николаем V дал Фридриху возможность распределять до 100 церковных бенефиций и назначать 6 епископов на территории Империи. В своём роде это был инструмент, при помощи которого при умелом руководстве страной, можно было бы создать предпосылки для консолидации германских земель. Тем более что Фридрих III был коронован лично Николаем V (последний из императоров Священной Римской империи), а это давало ему определённый идеологический капитал. Однако Фридрих реализовать эти возможности не сумел. Более того, в начале XVI века в германских княжествах появляется идеология обеспечения независимости политики Империи и каждого княжества в отдельности от влияния Рима.

Экономическая составляющая проявилась в постепенном обнищании аристократии и становлении экономической независимости и финансового могущества городов. Парадоксально, но эти диаметрально противоположные тенденции привели мелкопоместное дворянство и имперское рыцарство в один лагерь с горожанами. И этот лагерь оказался оппозиционным Риму. В начале XVI века всё популярнее была идея объединения Германии под властью единого Императора, устранение самоуправства местных князей, упорядочение финансовой системы.

Культурно-идеологическая составляющая предпосылок Реформации сложилась практически на глазах Мартина Лютера, в первые годы XVI века. Развитие литературы памфлетного сатирического характера, а также распространение гуманистических взглядов и научных исследований с потенциалом реализации в широких массах, принадлежащих перу Эразма Роттердамского, Ульриха фон Гуттена, Йохана Рейхлина и других учёных.

Многие исследователи говорят о мистическом характере немецкого гуманизма, но есть и иной аспект. Труды Иоганна Рейхлина и Эразма Роттердамского, создание словаря еврейского языка, публикация античных источников и публикация трудов Иосифа Блонделя, Лоренцо делла Валла о поддельности «Исидоровых декреталий» и «Константинова дара», включавших в себя сборник документов, обосновывавших претензии Пап Римских на власть над Вселенской церковью, и другие труды подготовили почву для переосмысления Священного писания. Однако в Германии было слишком мало людей, владеющих латынью настолько, чтобы свободно

читать Библию в издании Рима. Рано или поздно неизбежно должен был появиться человек, который занялся бы переводом Библии на немецкий язык.

Началом Реформации большинство исследователей считает 1517 год, когда сын богатого горнодобытчика, доктор богословия и выпускник Эрфуртского университета Мартин Лютер выступает против продажи индульгенций. Именно ему приписывают перевод Библии на немецкий язык.

Религиозно-идеологическая составляющая была сформулирована Мартином Лютером во II десятилетии XVI столетия. Отрицание учения о сверхзаслугах католических святых. Суть этого учения в том, что ряд канонизированных лиц сотворил такое количество добрых дел, что помимо собственного Спасения оказался способен помочь и тем, кто живёт после него. Этот-то «фонд» сверхзаслуг и лежал в основе принципа *индульгенций* – прощения грехов за плату. Отрицание индульгенций и издание Мартином Лютером его «тезисов», обосновывающих неправомерность торговли индульгенциями, стало первым шагом Реформации. Кроме того, Лютер сформулировал Учение об оправдании верой.

В сущности, многие другие элементы Реформации появились независимо от Лютера.

Переход от идеологической борьбы к вооружённой осуществился очень быстро: после Вормского сейма 1521 года, когда император Священной Римской империи Карл V и его князя объявили учение Лютера ересью, а самого Лютера вне закона, фон Гуттен и Лютер призвали своих сторонников к борьбе. Практически сразу зимой 1521-22 годов начались католические погромы в Виттенберге. Лютер пытается обратиться к погромщикам с просьбой – остановиться, но разрушения католических храмов и избияния католических священников продолжаются. Пока эти действия невозможно назвать войной, как и восстание германских рыцарей в 1522-23 и крестьянский бунт 1524-25 годах. Лютер понимает, что начатое им движение выходит из-под контроля и идёт на союз с немецкими князьями, создавая систему подчинения церкви государству. Князья германских земель видят в Реформации возможность получить контроль над церковью в своих землях, одновременно освободившись от влияния Рима. Фактически, князья, принявшие Реформацию, конфискуют в свою пользу собственность римско-католической церкви, превращают духовенство фактически в своих чиновников, а сами начинают принимать права локальных духовных лидеров. Система эта в германских землях сложилась к 1526 году, причём её искренне

приняли некоторые феодалы, официально оставшиеся католиками. Пойдя на союз с феодалами, Лютер вынужден был идти до конца, именно поэтому он выступает против крестьянского восстания 30-х годов XVI века, видным деятелем которого был Томас Мюнцер. Погромы и секуляризация по-прежнему имеют совершенно светские мотивы.

Интересен и другой факт: лютеране борются не только с католиками, они столь же нетерпимы и к, казалось бы, идеологическим союзникам: цвинглианцам!

Учение Цвингли распространяется параллельно лютеранству, причём не только по времени, но и по набору событий: в 1522 году Цвингли произносит свою знаменитую проповедь о посте (необоснованность запрета на употребление мяса в пост), 29 января 1523 года состоялся его публичный диспут с викарием констанцкого епископа блестящим богословом Иоганном Фабером, противником Реформации. Цвингли одержал верх на диспуте, результатом чего стало решение городского совета Цюриха принять учение Цвингли и решать религиозные вопросы самостоятельно, без привлечения представителей католической церкви. В 1529 году складывается предвоенная ситуация между католическими и цвинглианскими кантонами, лишь Капелльский договор о праве каждого кантона устраивать духовную жизнь по своему разумению. Однако было ясно, что мир непрочен: сторонники цвинглианства не собирались терять приобретённой независимости, а сторонники католичества не могли примириться с потерей церковных ресурсов.

Накануне войны, когда обоим учениям и их лидерам грозит опасность, ландграф Филипп Гессенский устраивает встречу Цвингли и Лютера, надеясь на возникновение союза. Союза не получилось: Лютер и Цвингли разошлись в ряде вопросов. Так Лютер считал причащение таинством, а Цвингли – лишь памятью об искупительной жертве Христа; Лютер стоял за консисторскую структуру церкви, Цвингли – за пресвитерианскую и т. д. Даже опасность не заставила духовных лидеров хотя бы на время забыть о разногласиях. Более того, Лютер не позволил курфюрсту Морицу Саксонскому и Филиппу Гессенскому заключить оборонительный союз со Страсбургом и Ульмом – городами, принявшими цвинглианство. В своей политике Лютер уподобился сторонникам римско-католической церкви. В 1531 году Цвингли был убит в битве при Капелле.

Но настоящая война начинается только после того, как в 1530 году оформился Шмалькальденский союз лютеранских князей, а император Карл V, испугавшись, что в Курфюршеской коллегии

лютеране получают большинство (Саксония, Бранденбург и Пфальц уже были лютеранскими), поспешно заключает невыгодный, но «своевременный» мир с Османской империей (1545 г.). В 1546 году Лютер умирает, а Карл V начинает войну со Шмалькальденским союзом. Как и в случае Альбигойских войн, противостояние приобретает для духовной оппозиции характер национально-освободительной войны: Карл V, девять лет проведший вне Германии, был для них чужаком, а его войско было в основном сформировано из наёмников.

На первом этапе Карл V одерживает победу, захватив в плен курфюрста Саксонии и графа Гессенского. Мориц Саксонский официально перешёл на сторону Карла. Однако победа оказалась пирровой: лютеранам предлагает союз король Франции Генрих II Валуа, а вот папа Павел III помогать императору Карлу не спешил, поскольку боялся чрезмерного усиления его политического влияния. В Риме ещё не понимали всей угрозы движения Реформации. Кроме того, на стороне лютеран выступили города и сельская беднота, что окончательно лишила императора Карла V социальной базы, на которую он мог бы опереться.

В 1552 году Шмалькальденский союз, усиленный французской помощью и народным ополчением начинает войну за освобождение Германии от иноземных захватчиков. Мориц Саксонский вновь возвращается в лагерь лютеран и направляет своё войско на резиденцию Карла V в Тироле. В течение трёх лет императорская армия была разбита и в 1555 году война заканчивается Аугсбургским миром.

Аугсбургский мир (25 сентября 1555 г.) – яркий пример религиозного сепаратизма. По этому документу лютеране сохраняют свои завоевания, приобретённые в годы Реформации, получают свободу вероисповедания, а князя - принцип "сuius regio, eius religio". Согласно последнему принципу, подданные обязаны были исповедовать веру, разделяемую правителями. Что интересно, в документе было специально оговорено, что привилегии и преференции, провозглашённые Аугсбургским мирным договором, на кальвинистов и цвинглианцев не распространяются.

Таким образом, можно заключить, что агрессия нового для Европы религиозного учения лютеранства была направлена многовекторно: как на римо-католичество, так и на параллельно развивающиеся протестантские учения. Возможно, именно в силу этой особенности, исключаящие союз лютеран с кем-либо из иных религиозных противников, католическая церковь сравнительно быстро

примирилась с существованием лютеранской. Куда более длительной и жестокой стала борьба католиков с протестантами на территории Французского королевства.

Дело в том, что в отличие от сравнительно простой структурно политики германских княжеств, *на территории Франции кроме духовных институтов противоборствующих учений на их стороне действуют политические партии.*

Начнём с того, что французская духовная оппозиция принимает доктрину юриста и богослова Жана Кальвина (1509-1564 гг.) о божественном предопределении. Мартин Лютер в ходе разработки своей доктрины идёт по пути «очищения» догматиколитургической составляющей церкви от противоречащих Библии элементов. Кальвин идёт по пути «домысливания», упрощения и «уплощения» церковной догматики и литургии. Фактически он исклочает из церковной практики не только то, что «противоречит Священному писанию», а ещё и то, что, по его мнению, может противоречить или то, что он просто признаёт «ненужным». Догматика Кальвина рациональна и очень проста в исповедании. Центральная доктрина Кальвина – верховенство воли Бога в любых вопросах. В том числе и в вопросе спасения человека: примет человек Божью благодать или нет – решит Бог. Предопределение спасётся человек или нет, совершается помимо воли человека. Такое «освобождение от ответственности» за свои поступки пришлось по вкусу многим французам и другим жителям Европы.

С этой точки зрения показателен пример короля Наварры Генриха IV (1553-1610 гг.), который, изначально, будучи главой партии протестантов, сравнительно легко переходит в католичество, когда встаёт вопрос о наследовании французского престола, произнеся в качестве объяснения и оправданий историческую фразу: «Париж стоит мессы».

Эпоха религиозных войн началась во Франции в 1559 г. со смертью короля Генриха II от случайного удара обломка копья графа Габриэля де Монтгомери и закончилась подписанием в 1598 г. Нантского эдикта, гарантирующего всем французам свободу вероисповедания.

Накануне начала эпохи религиозных войн во Франции складывается и развивается тяжелейший экономический и социальный кризис. Этот кризис имеет множество аспектов:

- Право баронов Французского королевства самостоятельно чеканить монету провоцирует хаос в денежном обращении Франции;

- Ряд лет, отличающихся неурожаями, вызывают дефицит продуктов питания, рост цен на них и масштабные спекуляции;
- Беспорядочная налоговая политика последних Валуа вызывает обнищание рядовых французов, что в свою очередь ведёт к снижению суммы собираемых налогов и росту дефицита бюджета;
- Развивающийся кризис усиливает социальные потрясения и ведёт к развитию бунтов горожан и крестьянских восстаний;
- Тяжёлым моментом в истории страны становится вторжение на её территорию интервентов из государств, поддерживающих разные политические партии.

Политические партии возглавляются влиятельнейшими людьми государства. Так «католическая» партия возглавляется Марией Стюарт – супругой короля Франциска II Французского, находившегося под влиянием своей жены и герцогов де Гиз. В «партию королевы» входили братья де Гиз, а также – вдовствующая королева Екатерина Медичи, женщина блестящего ума, твёрдой воли и незаурядного дипломатического таланта. Военное руководство католической партией олицетворял Франциск (Франсуа) Лотарингский, известный своими блестящими победами, в числе которых отвоёвание Меца и взятие последнего оплота англичан во Франции - порта Кале. Идеологическими вопросами занимался Карл (Шарль) Лотарингский, кардинал и доверенное лицо Папы во Франции. Братья де Гиз считаются вдохновителями жёсткой репрессивной политики по отношению к протестантам. Им приписывается и создание католического альянса, поддерживаемого Генрихом II Валуа. Предполагается, что именно братья Гиз убедили Франциска II незадолго до его смерти подписать в 1559 году эдикт, предполагающий смертную казнь за исповедование протестантизма.

Во главе протестантской партии стоят представители королевского дома Наварры: принц Антуан де Бурбон герцог де Бомон король Наваррский и принц Людовик I де Бурбон-Конде. Нужно отметить, что география распространения кальвинизма во Франции весьма широка: реформатские общины возникают в предместьях Парижа, по берегам рек Луары и Роны, Лионе, Базеле и других городах, а также в Лотарингии и Франш-Конте, на тот момент принадлежащем Испании.

25 мая 1559 г. в Париже собирается первый в истории Франции кальвинистский синод, участники которого принимают

решение требовать от французского короля официального признания протестантской церкви.

Во время короткого правления Франциска II 1559—1560 гг. фактически продолжилась политика его предшественника - Генриха II Валуа. Декларация, подписанная в Виллер-Котре, ноябрьский эдикт 1559 г., февральский эдикт 1560 г., ужесточают наказания за исповедание кальвинизма.

Можно предположить, что королевскому двору нужен «внутренний враг», победы над которым могли бы обеспечивать стабильное пополнение казны: Гизы не воспринимают протестантов как серьёзного противника. И на 1560 год такое отношение имеет основания: будучи многочисленными и отлично организованными, протестанты не имеют ни одного серьёзного военного лидера. Антуан Наваррский не отличается инициативностью и военными талантами. Многие исследователи, считают, что значительной частью своего влияния Антуан был обязан своей супруге, королеве Наварры, мудрой королеве Жанне д'Альбре. Людовик Конде также не принадлежал к выдающимся полководцам. Создаётся впечатление, что ему удавалось поддерживать дворянские круги, интригующие против братьев Гизов, но – и только.

Укрепляет католическую партию в её пренебрежительном отношении к протестантам «Амбуазская смута» состоявшаяся сразу после смерти короля Франциска II. «Амбуазская смута» выглядела странно: среди инициаторов и руководителей смуты не было ни одного из легитимных деятелей протестантской партии. Цели смуты также были размыты: по одной версии заговорщики пытались подать прошение королеве Марии Стюарт, по другим – захватить в плен короля Франциска II. Учитывая, что на собрании в Нанте, когда заговорщики договаривались о выступлении, их лидеры во главе с мелкопоместным дворянином ла Реноди принесли клятву: «не предпринимать ничего против Его Величества короля, принцев крови и законов королевства». Создаётся впечатление, что участники заговора и сами не слишком хорошо понимали, чего они добиваются. Заговор был разгромлен, а Франциск Лотарингский использует прецедент Амбуазской смуты (Амбуазского заговора), как предлог для преследования кальвинистов.

Неожиданно их противницей оказывается вдовствующая королева Екатерина Медичи. Многие исследователи приписывают Екатерине Медичи инициативу Варфоломеевской ночи, однако это, скорее всего, не соответствует действительности, поскольку Екатерина Медичи приложила значительные усилия для примирения сторон.

После смерти Франциска II, уже 28 января 1561 г. Екатерина Медичи отправляет в парламенты французских городов послания, приказывающие прекратить юридическое преследование протестантов. Кроме того, вдовствующая королева, пользуясь тем, что в стране продолжается период безвластия, когда преемник Франциска десятилетний Карл, будущий король Карл IX, ещё не вступил на престол, требует освобождения заключённых, арестованных по религиозным делам. Так по её приказу 13 марта Королевский совет освобождает «под честное слово благородного рыцаря» арестованного ранее принца Людовика де Бурбона-Конде. Более того, его брату Антуану де Бурбону королю Наварры 24 марта 1560 года по приказу королевы-матери предоставлены полномочия и титул королевского наместника. А 30 июля 1561 года была отменена смертная казнь за кальвинистское вероисповедание.

Ещё более последовательной политика умиротворения Екатерины Медичи становится, когда она добивается статуса регента при малолетнем государе Карле IX. В 1562 году королева-регент созывает Генеральные штаты по вопросам религиозного урегулирования. Перед этим в Пуасси состоялся религиозный диспут, целью которого было предотвратить нарастание конфронтации между католиками и протестантами. Высшим достижением Екатерины Медичи на этом этапе урегулирования конфликта становится Сен-Жерменский эдикт от 15 января 1562 года, создателем которого становится канцлер Франции Мишель де Лопиталь. Согласно тексту эдикта протестанты получили право отправлять свои богослужения. Свобода вероисповедания была сильно урезана, поскольку богослужения протестантов разрешалось проводить лишь вне городских стен и не в дни католических праздников. Но, во-первых, протестантам разрешалось собираться в частных домах, а во-вторых, *Сен-Жерменский эдикт создал прецедент законодательно закреплённого религиозного равноправия на территории Французского королевства.*

Эдикт был подписан вовремя: к тому моменту образованный 6 апреля 1561 г. союз когда-то враждовавших высших сановников Французского государства Франциска де Гиза, коннетабля Анна де Монморанси и маршала Жака д'Альбона де Сент-Андре, планомерно готовит религиозный конфликт. В сущности, каждый из участников «триумвирата» преследовал личные цели: например, Франциск де Гиз стремился к укреплению личной власти, а де Сент-Андре опасался следствия за растрату.

1 марта 1562 года в местечке Васси (Шампань) произошло убийство группы кальвинистов. Ситуация усугубилась тем, что убийство произошло во время богослужения, при этом убито и ранено было свыше ста человек. *Это событие стало началом первой религиозной войны во Франции II половины XVI века.*

Первая религиозная война во Франции продолжалась с 1560 до 1563 года. Первой особенностью религиозной войны во Франции стало *демонстративное пренебрежение правами коронованных особ под предлогом защиты веры.* Воины Гиза, Монморанси и Сент-Андре захватили молодого короля Карла IX и королеву-регента в Фонтенбло и потребовали от них отмены Сен-Жерменского эдикта. Часть исследователей считает, что члены «триумvirата» добились этого, но есть версия о том, что подписи короля и королевы были просто подделаны.

Сложилась нетипичная для Западной Европы ситуация: в качестве защитников католического короля и его матери выступили... протестанты.

Принц Людовик Конде и его соратник, талантливый полководец Франциск де Колиньи д'Андело собирают войско и штурмом берут Орлеан, превратив город в столицу гугенотского сопротивления. Для принца стало неожиданностью, что к его войску присоединилось немало католиков, которые, сохраняя свою религиозную идентичность, шли за Конде чтобы отомстить де Гизу и его соратникам за оскорбление короля. Кальвинисты отправили послов в Англию к королеве Елизавете I с просьбой о помощи. Английская королева ответила согласием и отправила на помощь Конде и д'Андело экспедиционный корпус. Однако к моменту, когда английские войска должны были соединиться с армией протестантов в Руане, город был взят войсками герцога де Гиза, вовремя введёнными этим выдающимся полководцем в Нормандию. Во время взятия Руана был убит один из командующих католической армией Антуан де Бурбон герцог де Вандом, когда-то бывший главой кальвинистов, но перешедший на сторону Екатерины Медичи после того, как королева освободила его из заточения в 1560 году.

На помощь протестантам не пробилось подкрепление англичан, зато неожиданно к ним присоединилось значительное воинское ополчение протестантов из германских княжеств. Увеличившаяся армия протестантов, падение популярности братьев Гизов, а также талантливые действия кальвинистских военачальников позволили армии принца Конде успешно наступать на Париж. Лишь талант военачальника Франциска де Гиза позволил католикам 19

декабря 1562 года одержать победу в битве у Дре. Победа досталась католической армии дорогой ценой: хотя глава протестантского войска принц Конде был взят гизарами в плен, в этой же битве был убит маршал Сент-Андре, а коннетабль Анн де Монморанси оказался в плену. Главы вражеских армий вернулись в свои станы в порядке обмена и Колиньи, вместе со своей армией, вернулся в Орлеан. Многие исследователи считают неоправданным прекращение похода кальвинистов на Париж, однако 18 февраля 1563 г. герцог Франсуа де Гиз был убит протестантом Польшро де Мере. Во главе государства снова фактически оказалась Екатерина Медичи. Королева-регент немедленно поручает канцлеру Мишелю де Лопиталю подготовить текст мирного соглашения. Пикантность ситуации состоит в том, что принц Конде ещё до своего освобождения ознакомился с условиями предполагаемого мира и их одобрил. *Вполне возможно, что именно знание того, что получают протестанты, как только Екатерина Медичи придёт к власти, заставили кальвинистов отказаться от похода на Париж.*

19 марта сторонами был подписан «Амбуазский эдикт примирения». Согласно этому документу на территории Французского королевства объявляется свобода вероисповедания. Однако протестантами запрещено отправлять культ в Париже: столица объявлена католическим городом. Кроме того, протестантство приобретает согласно эдикту черты религии «для дворянства». Фактически право исповедания протестантства без ограничений по эдикту имеют дворянство, а также – представители высшего чиновничества. Для кальвинистов-простолюдинов отправление культа разрешено только в определённых населённых пунктах (по одному городу на бальяж (судебный округ)). Храмы кальвинистов по-прежнему разрешается устраивать только за городской чертой, но собрания кальвинистов разрешены практически без ограничений. Однако в долговечность этого мира не верили даже Екатерина Медичи и Мишель де Лопиталь.

Вторая религиозная война во Франции продолжается недолго: с сентября 1567 по март 1568 годов. По сути, она стала конфликтом, в котором обе стороны совершили массу ошибок. Истоки конфликта сложились в результате недоверия, которое протестанты питали к королевскому дому Франции. В Руане 17 августа 1563 г. провозглашается совершеннолетие Карла IX, и он формально вступает на трон, хотя по-прежнему фактически королевством правит королева-мать. С 14 июня по 2 июля 1564 г. в Байонне Екатерина Медичи проводит тайную дипломатическую встречу со своей дочерью –

Елизаветой Валуа, которая будучи супругой короля Испании Филиппа II, убеждённого католика, известного своим религиозным фанатизмом, приезжает на встречу в сопровождении советника Филиппа II Фернандо Альвареса ди Толедо III герцога Альба, также известного своим фанатизмом. Эта встреча не приводит к реальным последствиям для протестантов Франции, но сам факт встречи заставляет Людовика Конде совершить ошибку. Конде и его соратники принимают решение сделать то же, что сделали католики перед первой религиозной войной – захватить короля Карла IX и королеву-мать Екатерину Медичи. Заключив союз с английской королевой Елизаветой I и пфальцграфом Вольфгангом фон Цвайбрюкеном, и получив от последнего в помощь 14 тысяч солдат, в сентябре 1567 года принц Конде пытается привести свой план в исполнение в местечке Мо.

План Конде не удаётся, но в других городах Франции начинается избиение католиков. Так в Ниме начинаются католические погромы, а магистрат города Ла-Рошель объявляет свой город протестантским и требует от католиков эмигрировать.

10 ноября 1567 г. происходит битва при Сен-Дени. Принц Конде и его армия вновь разбиты, однако в сражении получает смертельную рану полководец католической армии Анн де Монморанси. Радость протестантов оказалась преждевременной: командование берёт на себя брат Карла IX – Генрих, герцог Анжуйский.

Ситуация складывается патовая: королевские войска не могут продолжать войну из-за пустой казны, что является последствием тяжёлого экономического кризиса, а протестанты не заинтересованы в длительной войне, поскольку изначально готовились к быстрой и победоносной операции.

23 марта 1568 года в Лонжюмо был подписан мирный договор, который подтвердил все права протестантов, оговорённые в Амбуазском эдикте, но без ограничений.

Многие протестанты считали мир в Лонжюмо своей победой, но в действительности мир обернулся серьёзной стратегической неудачей: оскорблённая заговором Конде королева Екатерина Медичи не без основания сочла действия принца Людовика предательством. После подписания мира в Лонжюмо Екатерина Медичи, блестящий политик, одна из самых влиятельных персон во Франции и Западной Европе решительно переходит на сторону католической партии. Свообразным знаком перемены политики вдовствующей королевы стала отставка канцлера Лопиталья, последовавшая уже 24 марта 1568 года.

Третья религиозная война началась уже через полгода, осенью 1568 года и продлилась до лета 1570. По сути, военные действия начинаются в тот момент, когда католическая партия Франции получает некоторую уверенность в том, что из-за границы протестанты помощи не получают. Время выбрано мудро: в Нидерландах герцогу Альбе удаётся минимизировать сопротивление протестантов, что затрудняет переброску войск на помощь кальвинистам с северной границы Франции. К тому же герцог Анжуйский, брат Карла IX к этому моменту уверенно занимает пост главнокомандующего. И всё-таки на открытый конфликт правительство Карла IX предпочитает не идти. Согласно новым эдиктам, 28 сентября и 22 декабря 1568 г., во Франции сохраняется свобода вероисповедания. Однако на кальвинистов и других протестантов накладываются серьёзные ограничения.

- Запрет на отправку любых религиозных культов кроме католического и галликанского;
- Требование добровольной эмиграции с территории Франции членов высшего клира протестантских церквей в течение двух недель;
- Введение религиозного ценза на занятие государственных должностей (протестанты увольняются с выходным пособием);
- Требование присяги на верность католичеству от членов парламента и преподавателей учебных заведений.

Сами по себе эдикты, хоть и вызвали серьёзное недовольство, но не послужили отправной точкой начала военных действий. Война начинается с очередной попытки со стороны правительственных войск «обезглавить» протестантскую партию, захватив в плен принца Конде и Франциска де Колиньи. Однако лидеры гугенотов успевают укрыться в Ля-Рошели.

13 марта 1569 года принц в битве при Жарнаке принц Конде был убит. Командование войсками протестантов принимает Колиньи, но становится ясно, что у армии не хватает харизматичных лидеров.

Вдова Антуана Наваррского, Жанна д'Альбре представляет войскам своего сына принца Генриха де Бурбона герцога де Бомона, а также фанатичного кальвиниста, молодого принца Генриха де Бурбона-Конде. Однако молодые люди ещё не имеют необходимого военного опыта, и в сражении при Монконтуре армия протестантов вновь терпит поражение.

На помощь Франциску де Колиньи из Англии прибывает талантливый военачальник и человек редкой личной храбрости

Габриэль де Лорж граф де Монтгомери с отрядом добровольцев. Объединённая армия протестантов захватывает Тулузу. Граф де Монтгомери – человек, которому заслуженно симпатизируют лидеры обеих сторон, кроме Екатерины Медичи, не собирающейся простить Монтгомери гибели своего супруга. 8 августа 1570 года стороны вновь заключают мир. Помимо подтверждения условий Амбуазского эдикта, в качестве гарантии прав протестантов, их владением признаются четыре крепости: Ла-Рошель, Монтобан, Ла-Шарите и Коньяк. Кроме территориальных и политических уступок, Карл IX вынужден был пойти и на идеологические уступки. Так Карл Французский вынужден был признать «своими добрыми родственниками и друзьями» принца Вильгельма Оранского и его брата Людовика Нассауского, врагов испанского католицизма, что поставило под угрозу мирный договор с Испанией. Кроме того, были начаты переговоры о браке между Елизаветой Английской и герцогом Анжуйским, а также – о браке между Генрихом де Бурбоном и принцессой Маргаритой Валуа. Любой из этих браков призван был сцементировать мир между конфессиями. Договор был заключён сроком на два года.

Четвёртая религиозная война (1572-1573 гг.) во Франции началась сразу, как только истёк срок мирного договора от предыдущего конфликта. На этот раз война началась с бракосочетания принцессы Маргариты Валуа, сестры Карла IX и главы партии протестантов Генриха IV Наваррского, состоявшейся 18 августа 1572 года. 22 августа наёмный убийца выстрелом ранит Колиньи. А в ночь на праздник святого Варфоломея, с 23 на 24 августа 1572 года в Париже и других крупных городах Франции начинается массовое истребление протестантов. Только в Париже было убито 2000—3000 протестантов и еще 6000—10 000 в провинции. В Париже погиб и адмирал Колиньи. Генрих Наваррский успел спастись бегством.

В настоящий момент существуют различные версии о том, по чьей инициативе была организована резня протестантов. Самой распространённой версией является версия о причастности к организации резни королевы Екатерины Медичи и короля Карла IX. Однако, учитывая попытки вдовствующей королевы укрепить мир в королевстве, данная версия выглядит не бесспорной. Другой версией является вопрос о причастности герцога Генриха де Гиза, одного из лидеров католической партии. В результате борьба протестантов принимает характер народного движения. В Ла-Рошели, ставшей центром сопротивления, королевским войскам происходит объединение католиков и протестантов под командованием талантливого полководца де Лану. Попытки королевской армии взять

Ла-Рошель ни к чему не приводят. В июле 1573 года в Булоне вновь заключён мир между протестантами и католиками.

С этого момента религиозная подоплека войн в значительной мере уходит на второй план: в сущности, процесс борьбы за права протестантов становится лишь привычной частью политических игр. Так, например **пятая религиозная война во Франции** (1574-1576 гг.) стала процессом легитимизации нового короля Генриха III, вступившего на престол после смерти Карла IX. Заручившись поддержкой рода Гизов через брак с Луизой Лотарингской – сестрой Генриха де Гиза, Генриху III Валуа пришлось присоединиться к политике своих родственников. Понимая, что в результате военных действий он только теряет контроль над новыми и новыми провинциями своей страны, Генрих III вынужден был пойти на заключение Монсёрского мира, дарующего протестантам право свободного проведения богослужений за пределами Парижа. Однако род де Гизов не успокоился. Стремясь расширить своё влияние, Генрих де Гиз выступает инициатором создания Католической лиги – объединения, стремящегося не только к уничтожению протестантизма во Франции, но ещё и к ограничению власти короля в пользу крупных феодалов. **Шестая религиозная война** (1576-1577 гг.) по сути, была начата по личной инициативе герцога де Гиза и его соратников по Лиге. Результатом стал Бержаракский договор, аннулирующий условия Монсёрского мира.

Дальнейшие военные действия, известные в исторической науке под названием Седьмой религиозной войны (1579-1580 гг.) и «Войны трёх Генрихов» (1584-1589 гг.) уже окончательно переводят религиозный конфликт между королевской властью, партией протестантов и Католической лигой из плоскости межконфессионального конфликта в область династического. Если первый из конфликтов разворачивается вокруг стремления брата короля Франсуа Анжуйского удержать самовольно захваченные им графство Фландрия и герцогство Брабант, то второй состоит в процессе оспаривания прав на корону Франции тремя Генрихами: Генрихом де Гизом, Генрихом Наваррским и Генрихом III, фактически находившимся на троне. После гибели от рук убийцы Генриха де Гиза и Генриха III, королевская корона Франции достаётся Генриху де Бурбону, королю Наварры, который, приняв ради коронации католичество, подписывает 13 апреля 1589 Нантский эдикт, которым вводит во Франции свободу вероисповедания. Фактически это означало **победу протестантов в многолетней борьбе.**

Согласно Нантскому эдикту вводилось полное равноправие между католичеством и протестантством. Протестанты получали во владение на 8 лет 200 крепостей, получали право иметь при дворе своих представителей. Для протестантов по всей территории Франции были учреждены специальные судебные палаты и т. д. Впоследствии, когда Нантский эдикт был отменён Людовиком XIV в 1661 году, военных действий уже не случилось.

Также убедительную победу одержало протестантское движение на территории современных Нидерландов. В исторической литературе принято называть Нидерландской буржуазной революцией. Иногда в исследованиях встречается название **«Восьмидесятилетняя война»** (1568-1648 гг.). Однако в этой войне сочетание религиозного и национально-освободительного компонента весьма своеобразно.

- Выглядит бесспорным то, что протестантство становится идеологической базой борьбы за независимость североευропейских провинций от испанского господства;

- Ещё до подъёма протестантского движения в Нидерландах сложился серьёзный экономический кризис. Ряд неурожайных лет, как и во Франции, завершившийся голодом после неурожая 1566 года, серьёзно подорвал благосостояние рядовых жителей Нидерландов;

- Свою роль сыграла многократная смена подданства за короткое время, сформировавшая потребность этнических групп зеландцев, утрехтцев, голландцев и др. в самоидентификации на государственном уровне. Как известно, Филипп IV Красивый (Кастилия), будущий Филипп I Испанский передал Нидерланды в дар своему сыну Карлу V (Священная Римская империя), который в свою очередь в 1549 году при помощи «Прагматической санкции» сделал Нидерланды манором Габсбургов, а в 1555 году отрёкся от них в пользу своего сына Филиппа II Испанского. Естественно, что постоянная смена государственной атрибутики, национальности господствующего высшего сановничества (при сохранении собственной аристократии) и государственного языка (французский-немецкий-испанский) подрывает осознание жителями Нидерландов себя, как части какого-либо крупного государства.

- Значительное влияние на подъём освободительного движения оказало развитие протестантской церкви на территории Нидерландов. Ряд запретов, дополнительно бьющих по самоидентификационному аспекту сознания жителей Нидерландов (запрет на богослужение на родном языке, запрет на духовную литературу на родном языке, ограничение на вступление в высший

клир уроженцев Нидерландов и пр.) провоцируют *восприятие протестантской религии, как идеологии борьбы за независимость, а репрессивные меры против протестантов закрепляют эту стойкую ассоциацию в сознании жителей Нидерландов.*

- Не последнюю роль в начале вооружённой борьбы сыграл «человеческий фактор». Штатгальтер Мария Пармская и сменивший её Фернандо Альварес ди Толедо III герцог Альба своими действиями, а последний и мерами борьбы при помощи Испанской инквизиции с укрепившимся национально-освободительным движением спровоцировали переход политико-социального конфликта в военный.

Начало войны большинство исследователей связывают с иконоборческим восстанием августа 1566 года во Фландрии. Однако спровоцированная Амбруазом Вилье и Себастьяном Матте череда выступлений сама по себе не повлекла бы таких острых последствий. Дело в том, что к 60-м годам XVI века протестанты на территории Нидерландов составляли подавляющее меньшинство и самостоятельно поднять серьёзное восстание, были не в состоянии. Ключевую роль сыграла реакция правительства Нидерландов на это событие.

Дело в том, что государственный кризис зрел ещё с 1558 года, когда в Генеральных штатах представители дворянства Нидерландов (например, граф Ламораль IV Эгмонт, Филипп де Монморанси граф Горн и др.) требуют от короля Филиппа пересмотреть разорительную для региона налоговую политику, подрывавшую торговлю и ремесло (можно предположить, что в назначении налогов сановники Филиппа II Испанского руководствовались опытом аграрных государств вроде той же Испании, не учитывая специфику Нидерландов), а также ограничить действия испанской Инквизиции.

После того, как под руководством Себастьяна Матте был разгромлен монастырь в Стеенворде, а по Фландрии прокатилась иконоборческая волна (протестанты воспринимали статуи католических святых, как атрибут «идолопоклонничества»), Филипп II отправляет в Нидерланды Фернандо Альвареса ди Толедо III герцога Альба. Причём отправляет во главе 10 тысяч солдат. Но и тогда ещё войну, по всей вероятности, можно было предотвратить: по прибытию в Брюссель герцог Альба был связан в своих действиях. В тот момент Испания вела тяжёлую войну с Османской империей. Однако Вильгельм I принимает решение воспользоваться помощью турок в борьбе против испанцев. Решение это оказалось ошибочным: Филипп II Испанский с полным основанием обвинил лидеров нидерландской оппозиции в измене (теперь уже реальной), а турецкий султан

Сулейман Великолепный, хоть и оказывает финансовую и дипломатическую поддержку протестантам (через дипломата Иосифа Нази), но оказывается не в состоянии серьёзно повлиять на ситуацию на севере Европы.

С 1566 по 1570 гг. испанцам удаётся крайне жёсткими мерами подавить сопротивление на территории Нидерландов. Однако в этот момент совершает ошибку герцог Альба. Он требует ввести дополнительный 10% налог на содержание испанской армии со всех сделок на территории Нидерландов. Такой налог мало того, что был унизителен, он фактически уничтожил торговлю Нидерландов, делая товарное производство нерентабельным во многих областях, поскольку, по мнению ряда исследователей, введение этого налога сделало бы в этих местах налогообложение большим, чем стоимость сделки без учёта издержек. Против армии Альбы объединяются и протестанты и католики.

1 апреля 1572 года армия восставших под руководством графа Генриха Роберта де ла Марка захватывает город Брилле. Этот ничтожный с военной точки зрения успех сыграл очень серьёзную идеологическую роль:

- Создание прецедента победы над испанскими войсками;
- Доказательство возможности успешного сотрудничества католиков и протестантов Нидерландов в борьбе с общим противником;
- Доказательство возможности подготовки боеспособных соединений в условиях тайны и силами добровольцев (что категорически отрицали испанцы);
- Создание территории, освобождённой от «испанских налогов»;
- Создание территориальной и экономической базы для сопротивления.

Результатом взятия Брилле стало присоединение к восстанию большинства крупных городов Нидерландов (за исключением Амстердама и Мидделбурга) и подъём национально-освободительного движения в остальной части Нидерландов. Во главе повстанцев встаёт католик Вильгельм I Оранский, который перешёл в кальвинизм лишь в 1573 году.

1573 год стал во многих смыслах переломным: в этом году становится ясно, что жёсткие меры герцога Альбы не дают результатов, а действия Испанской инквизиции только увеличивают сопротивление нидерландцев. Филипп II распоряжается заменить

герцога Альбу на выдающегося дипломата и талантливого полководца Луиса де Рекезенса.

Прекрасно понимая, что умиротворение Нидерландов возможно только путём уступок, де Рекезенс объявляет о подготовке созыва Генеральных штатов, а 5 июня 1574 года объявляет политическую и религиозную амнистию. Однако он не только не получает поддержки со стороны короля Филиппа II, ему не идут на встречу и лидеры повстанцев. В 1575 году Испания объявила дефолт, и Луис де Рекезенс оказывается неспособен платить испанским солдатам, которые не получая жалования всё чаще становятся мародёрами. Тем не менее, Луису де Рекезенсу удаётся серьёзно разрядить обстановку, завершать победой те военные действия, в которые он вынужден вступать и отчасти нейтрализовать взаимные претензии сторон. Однако здоровье дон Луиса не выдерживает физического и морального напряжения и 5 марта 1576 года он умирает.

Буквально через восемь месяцев оголодавшие испанские солдаты поднимают мятеж, получивший название «Испанского бешенства» («Испанской ярости»). Банда мародёров громит Антверпен и убивает около 8 тысяч его жителей. Результатом становится объединение северных (протестантских) и южных (католических) провинций Нидерландов для совместного противостояния испанцам. 8 ноября 1576 года заключается Гентское умиротворение, закрепляющее на территории Нидерландов принцип религиозной веротерпимости, отменявшее санкции и конфискации, проведённые во время герцога Альбы, объявляющее всеобщую амнистию и закрепляющее единство Нидерландов в борьбе с единым врагом.

Однако в течение трёх лет протестантская церковь на территории Нидерландов от мирного сосуществования переходит к открытой агрессии в адрес римско-католических священников и рядовых католиков. Поэтому с прибытием на Юг Нидерландов испанской армии под командованием Алессандро Фарнезе, ряд южных провинций без принуждения выказывают лояльность испанскому королю Филиппу II.

6 января 1579 года в Аррасе представители провинций Артуа, Хайнаулта и Валлонской Фландрии подписывают **Аррасскую унию**, утверждающую их лояльность к испанскому королю и выход из условий Гентского умиротворения. В ответ северные провинции и другие области, лояльные Гентскому умиротворению присоединяются к **Утрехтской унии**, подписание которой состоялось **23 января того же года**. Нидерланды оказались разделены на два враждующих лагеря,

среди которых протестантские провинции уже составляли безусловное большинство.

В 1581 году в Нидерландах опубликован **Акт о клятвенном отречении**, в котором сторонники независимости подробно изложили аспекты, по которым король Филипп II Испанский не выполнил своего долга, как государь, и резюмировали документ выводом, что не считают больше Филиппа II своим государем. Вместе с этим возник вопрос о правителе: Елизавета I Английская отказалась принять корону Нидерландов, а герцог Эркюль Франсуа де Валуа герцог Анжуйский, согласившийся принять корону, оказывается неспособен к правлению и покидает Нидерланды в 1583 году. Но самой большой потерей для протестантов становится убийство 10 июля 1584 года католиком Бальтазаром Жераром признанного лидера кальвинистов – Вильгельма I Оранского.

Алессандро Фарнезе герцог Пармский начинает наступление на «обезглавленный» Север Нидерландов, и в 1585 году захватывает Антверпен, расширяя сферу влияния католической Испании. Опасаясь укрепления Испании в Нидерландах, королева Елизавета I Английская направляет на помощь протестантам шеститысячное войско во главе с графом Дадли Робертом Лестером, но в течение года граф Лестер не добивается успеха и отбывает в Англию. Не видя реальных претендентов на роль правителей Нидерландов, Генеральные штаты назначают в 1587 году главнокомандующим 20-летнего Морица Оранского, сына погибшего герцога Вильгельма. К удивлению правителей Испании армия протестантов вновь начинает побеждать: в короткое время армия Морица завоёвывает Берген-оп-Зом (1588 г.), Бреду (1590 г.), Зютфен, Девентер, Делфзейл и Неймеген (1591 г.), Стеенвик, Коворден (1592 г.), Гертруденберг (1593 г.), Гронинген (1594 г.), Грунло, Энсхеде, Оотмарсум, Олдензал (1597 г.) и Граве (1602 г.). Блокада Антверпена через устье Шельды окончательно подрывает торговлю католических провинций Нидерландов.

Испания в этот момент не может ничего противопоставить повстанцам: неудача вторжения в Англию и гибель Непобедимой Армады в 1588 году, вступление в 1589 году в войну против Генриха Наваррского на стороне герцога де Гиза, вторичный дефолт Испании в 1595 году, серьёзно подорвали силы Испанской империи. А отречение Филиппа II от власти в 1598 году подвело итог провалу его политики в Нидерландах.

В 1600 армия Морица Оранского направилась к Дюнkerку для ликвидации опасности для голландской торговли со стороны испанских корсаров, база которых находилась на побережье. Если в

битве у Ньивпорта нидерландцы не смогли завоевать решительного перевеса и взять Дюнкерк, то моральное значение от победы над испанской армией в открытом бою было колоссальным. Однако Мориц Оранский не поддаётся эйфории, зная, что победу ему принесло грамотное использование артиллерии, в том числе и взаимодействие с корабельными батареями. Такого случая далее могло не быть. И Оранский отводит армию на переформирование. Уводит её победителем, предпочтя создать военно-морской флот своего молодого государства. С 1609 по 1621 год военные действия между Испанией и Нидерландами практически прекратились.

Интересно, что война за независимость Нидерландов – одна из немногих войн, в которой вопрос религиозного урегулирования до конца оставался определяющим. В числе причин продолжения военных действий стоял вопрос веротерпимости не только на территории Нидерландов, но и на территории протестантских провинций Нидерландов. Наряду с торговыми интересами Нидерландов на крупнейших торговых маршрутах мира, вопрос веротерпимости стал краеугольным камнем военных действий 1621-1648 годов, принесшей протестантам горькое разочарование. В ходе войны стало ясно, что безусловной поддержки протестанты уже не получают: к этому моменту понятия «кальвинизм» и «национально-освободительное движение» уже не отождествляются в сознании, особенно у младшего поколения. Причины тому были самые элементарные:

- Религиозная нетерпимость самих протестантов к католическому населению, оставшемуся на их территории даже в случае, если представители католичества оказывали искреннюю поддержку национально-освободительному движению;
- Низкая дисциплина в армии протестантов, особенно после смерти Морица Оранского в апреле 1625 года;
- Отсутствие планомерной поддержки со стороны иностранных единоверцев;
- Компетентное руководство подконтрольными Испании провинциями Нидерландов преемниками Филиппа II;
- Религиозная рознь внутри кальвинистского сообщества (разделение кальвинистов на *арминийцев*, придерживавшихся идеи республиканского правления и *гомарийцев*, отстаивавших идею монархии). Не случайно речь идёт о политических пристрастиях деятелей религиозных течений: в основе разделения вновь лежали финансово-политические интересы отдельных социальных групп единого религиозно-этнического сообщества.

В основном, результаты Восьмидесятилетней войны, зафиксированные 30 января 1648 года Мюнстерским мирным договором, оцениваются как победа. Семь провинций – Голландия, Зеландия, Утрехт, Гронинген, Гельдерн, Оверэйсел, Фрисландия, получили независимость от Испанской империи, образовав конфедерацию Семи Соединённых Провинций. Ещё две провинции – Бельгия и Люксембург остались под властью династии Габсбургов. Однако нужно признать, что последний этап национально-освободительной и религиозной войны народов Нидерландов против Испании проиллюстрировал окончательный переход религиозно-духовной сферы в подчинённое состояние относительно финансово-политических интересов социальных групп и конкретных личностей в рамках Европейской духовной и политической культуры.

Глава 7.

Средиземноморские мусульманские корсары VII-XVI вв.

После формирования в VII-VIII вв. мусульманской державы Арабского халифата и его расширения на территории Восточного Средиземноморья и Северной Африки, на самом Средиземном море произошли серьёзные изменения. Во-первых, не смотря на то, что арабы были кочевым народом, хозяйственная система которого строилась преимущественно на перегонном скотоводстве, уже в VII веке Арабский халифат формирует современный для своего времени военный флот. Создание мусульманского флота историки связывают с именем **Муавий ибн Абу Суфьяна (603-680 гг.)**. Уже в 648 г. этот талантливый полководец впервые в истории халифата возглавил морской поход на Крит. В 649 году арабский флот захватил Кипр, в 654 году — Родос, затем Сицилию и Мальту. И хотя впоследствии Арабский халифат лишился последних двух островов, это мало отразилось на ситуации в государстве. Однако нужно отметить, что мастерство флотоводцев стало достоянием Халифата не сразу. Например, неудачное командование флотом во время похода арабов на Константинополь в 674-678 гг. привело к потере основной массы кораблей. Фактически флот мусульманской державы перестал существовать.

Однако к VIII веку ситуация серьёзно изменилась:

- Владения Арабского халифата распространились на восточное и южное побережья Средиземного моря, которые исторически были на протяжении античности и раннего Средневековья центрами кораблестроения и флотоводства;

- Политика династии Омейядов, при которой отслуживший в армии человек не мусульманского вероисповедания, получал те же привилегии, что и мусульманин, привлекла на службу Омейядам значительное число моряков и кораблестроителей из числа коренных народов Средиземноморья;
- Контроль над значительной частью побережья позволил Арабскому халифату сформировать сеть опорных пунктов для своего флота.

В частности, в VII веке арабами был завоёван Тунис. На территории Туниса существовали прибрежные берберские поселения, население которых было хорошо знакомо с судоходством и кораблестроением. По одной из исторических гипотез, в 710 году **Сали I ибн Мансур** со своим отрядом занял горный хребет Эр-Риф и прилегающие к нему территории, обратил значительное количество местных берберов в ислам и основал государство Некор. Об этом государстве известно немного, в частности, мало известно о флоте Некора. Зато историки сходятся во мнении, что, например, берберское племя амациргов, приняв Ислам, стало «поставщиком» людей в *пиратские эскадры* Эр-Рифа, Алжира, Марокко и Туниса.

Пиратскими эти эскадры мы можем назвать, поскольку на данном этапе истории мусульманской Африки нет сведений ни о едином командовании берберскими кораблями, ни об официальной государственной службе их капитанов. Однако с начала VIII в. корабли североафриканских мусульман начинают систематические рейды на северное побережье Средиземного моря. Эскадры пиратов осуществляли успешные нападения даже на крупные города: Рим, Марсель, Геную.

Назвать эти рейды эпизодами религиозной войны было бы сложно, если бы не три чётко прослеживавшиеся тенденции:

- корабли африканских мусульман шли в рейд под флагами, содержащими цветовую и графическую мусульманскую символику;
- система халифата предполагает наряду со светским и духовное лидерство монарха;
- в ходе рейдов арабские воины захватывали в рабство исключительно христиан, оставляя без пленения единоверцев. При этом необходимо признать, что на территории арабских государств, проживавшие в них христиане и иудеи, не испытывали притеснений.

К этому моменту мусульманский флот, вопреки распространённому мнению, во-первых – представлял собой мощную

силу, во-вторых, не являлся при этом монолитным. За неполные сто лет количество моряков-мусульман в Южном и Восточном Средиземноморье возросло в такой степени, что во флотах мусульманской Африки количественное преобладание немусульман над мусульманами было, как минимум, снижено. Есть версия, что в отдельных областях к данному моменту оно было полностью преодолено.

Поэтому закономерной выглядит тенденция, в рамках которой христианские государства в VIII-IX вв. могли успешно противостоять мусульманскому флоту, как правило, в союзе друг с другом. Такая тенденция может объясняться во-первых, тем, что наиболее боеспособным флотом в Северном Средиземноморье в данный период оставался флот Византийской империи и флоты итальянских государств. Однако даже в случае объединения они сильно уступали по численности мусульманским эскадрам. Поэтому победы флотов христианских государств в данный период времени были достаточно редкими. Иногда победа доставалась христианским государствам в результате удачного стечения обстоятельств. Ирония судьбы в том, что примером может служить исторический эпизод, обладающий всеми признаками религиозной войны.

В генеральном сражении христианской лиги (объединённых флотов Папской области, Неаполитанского герцогства, флотов городов Амальфи, Гаэта и Сорренто) и арабским флотом, победу христианам принёс шторм.

В 849 г. арабский флот сравнительно легко захватил ряд побережных городов о. Сардиния. Христианские государства Средней и Южной Италии приняли решение объединить силы для противостояния флоту мусульманских монархов. Базой флота христианской лиги стал порт Остия. Порт отличался объективно-качественно укреплённой береговой линией и вместительным рейдом. Командование войсками христианской лиги осуществляли непосредственно **герцог Неаполитанский Сергей I (ум. 864 г.)** и папа **Римский Лев IV (годы жизни 790-855 гг.)**, что подтверждает тезис, что противостояние христианской лиги и арабского флота всё-таки являлось религиозной войной. Общее командование флотом взял на себя второй сын герцога Неаполитанского Кесарь. Папа Лев IV согласно свидетельствам современников отслужил перед битвой молебен и благословил командиров и офицеров флота лиги.

Нужно отметить, что сражение у Остии фактически стало битвой за владение Римом, не только как крупным административно-торговым центром Европы, но и центром христианства. Арабский флот во

многих итальянских городах пользовался репутацией непобедимого: на счету арабов были многочисленные успешные рейды не только против торговых караванов и прибрежных деревень, но и рейды на крупные города - Рим, Геную, Марсель. В качестве добычи арабские рейдеры часто рассматривали не только драгоценные металлы и меха, но и Северной Африке купалась в роскоши, созданной руками тысяч христианских рабов.

Точно ход сражения сейчас реконструировать сложно, но с высокой степенью достоверности можно предположить противостояние парусного арабского флота и гребного итальянского. Общепринята версия, что **битва при Остии (849 г.)** началась с атаки неаполитанских галер на арабские суда. Затем на сражающиеся суда налетел сильнейший шквал с последующим штормом. Исторические источники утверждают, что итальянские корабли укрылись на внешнем рейде Остии за мысом, защищающим их от бури, а затем вернулись на место боя, чтобы добить уцелевшие от шторма дрейфовавшие арабские корабли. Такое поведение арабских капитанов можно объяснить, прежде всего, зависимостью мусульманского флота от ветра.

Ситуация для христианских государств усложнилась к началу X века после того, как в 909 году от Палестины и Сирии до Магриба сложилось мощное государство шиитов-исмаилитов **Фатимидский халифат** (909—1171 гг.) Активные действия флота фатимидских халифов **Абу Мухаммада Убайдаллаха ибн аль-Хусайна аль-Махди (873-934 гг.)** и его сына **Абуль-Касима Мухаммада ибн аль-Махди аль-Каима Биамриллаха (893-946 гг.)** позволили фатимидскому флоту захватить Сицилию, Сардинию, Корсику и Балеарские острова.

В 934—935 годах аль-Каим отправил флотилию под командованием **Якуба ибн Исхака ат-Тамими** в дальний рейд по побережью западного Средиземноморья. Флот Якуба ибн Исхака, подошёл к Генуе, после чего абордажная команда фатимидского флота быстро захватила город. Для европейцев оказалось полной неожиданностью использование во время сражения системы осадных механизмов, которые не использовались в европейском военном деле, поскольку в Европе ещё не сложилось искусства осады крепостей (что пагубно сказалось позже на результатах Крестовых походов). После взятия и разграбления Генуи, флот Якуба ибн Исхака атаковал ряд населённых пунктов Прованса и Калабрии.

В следующих рейдах подразделения Фатимидского халифата вторглись на побережье Италии, а также совершили ряд рейдов на всём Средиземноморье. Арабы сравнительно легко захватили

Сардинию, Корсику, Мальту, Крит... Однако чаще рейды не ставили задачей захват территории. Войска Фатимидов ограничивались разграблением городов и плановым отступлением. Такой вывод можно сделать, исходя из того, что когда халиф аль-Махди отдал соответствующий приказ, его армия молниеносно вторглась и укрепилась в Южной Италии, создав долговременный торговый и военный плацдарм. В Сицилии наместник Фатимидов **Абуль Аббас Халидибн Исхак** в 937 году основал новую столицу аль-Халиса близ города Палермо. Таким образом, к середине X века мусульманский флот контролировал все торговые пути в западной части Средиземноморья. Только в Адриатическом море, где базировалась Венецианская республика, находившаяся на подъёме своей военной силы, влияние мусульманского флота было существенно ограничено.

Однако войны Фатимидов на данном этапе назвать религиозными нельзя: ограниченный контингент участников, светские цели и отсутствие целенаправленной борьбы с иноверием, позволяют отметить, что данные войны отличаются светским геополитическим характером.

В 1002 году арабский флот под командованием наместника Фатимидов на Майорке **Муджахид аль-Амири аль-Сиклаби** совершает рейд на город Пизу. В 1005 и 1011 годах арабы совершают повторные рейды на город. Для противодействия молниеносным и эффективным рейдам Аль-Муджахида пизанцы обращаются за помощью к Папе римскому Нападения, возможно, продолжались бы, если бы не усилия Папы римского **Сергия IV (ум. в 1012 г.)** и пизанцев, которые сначала выбили Аль-Муджахида из Италии, а затем в 1017 году, уже в период понтификата папы римского **Бенедикта VIII (ум. в 1024 г.)**, и с Сардинии.

К этому моменту в Средиземноморье сложился достаточно прочный баланс сил. С одной стороны – христианские государства укрепились на северных берегах Средиземного моря, с другой стороны – правители Арабского халифата и Североафриканских мусульманских государств достаточно эффективно искоренили неконтролируемое пиратство со стороны своих подданных. К середине XI века на Средиземном море установился достаточно прочный мир между христианскими и мусульманскими государствами.

К середине XI в. В Средиземноморье сложилась система экономических отношений, предполагавшая упорядочение отношений между мусульманскими и христианскими государствами. Так североафриканские государства массово закупали на Сицилии и в других городах Южной Италии, находившихся под их протекторатом

зерно, фрукты и овощи. Византийская империя наладила торговлю с арабским миром через Палестину. Стремительно развивается новый центр транссахарской торговли на Северо-Западе Африки — первый арабский город на территории Северной Африки — Кайруан. Флот мусульманских государств по-прежнему главенствовал на большей части Средиземного моря. Многие современники называли в этот период Средиземное море «мусульманским озером».

Однако в XI в. Средиземноморье накрыл «веер викингов» — широкая норманнская экспансия, продолжавшаяся свыше 200 лет. Начинаясь экспансия достаточно незаметно: в 1017 году в Южную Италию якобы для совершения паломничества в святилище Михаила Архангела на Монте-Гаргано прибыл отряд из 250 норманнов под руководством конунга **Райнульфа Дренго (ум. 1045 г.)**. Согласно хроникам, на командных должностях в его отряде были братья Дренго — Гильберт (Жильбер), Осмонд (Озмон), Раульф (Ральф), Асклетин. По одной из версий главой отряда был старший брат Дренго — Гильберт. Существует также версия, что Дренго с родственниками и своими людьми вынужден был бежать в Италию из-за конфликта с герцогом Нормандии **Ричардом II Добрым (963-1026 гг.)**. Так или иначе, но норманны прибыли в Средиземноморье, как новая сила христианской конфессии.

Изначально отряд Дренго участвует в христианской междуусобице, принимая участие в национально-освободительной борьбе апулийских лангобардов против войск Византийской империи, известном как **восстание Мелуса**. В октябре 1018 года войска лангобардов потерпели поражение от византийской армии в битве при Каннах. Византийский катапан (наместник) Василий Боиоаннес, воспользовавшись высокой дисциплиной своего войска, планомерно разбил восставших. В битве при Каннах погиб Гильберт Дренго. Ещё 11 лет отряд норманнов фактически вёл жизнь наёмников до того момента, пока герцог Сергей IV Неаполитанский не принял решение создать подконтрольный себе норманнский анклав. В 1029 г. выдал за Райнульфа Дренго свою сестру и помог норманнскому конунгу принять в 1030 г. под свою руку графство Аверса. Аверса стала первым норманнским графством в Южной Италии и превратилась (вместе с Мельфи, где десятилетием позже осели д`Отвили) в оплот дальнейшей норманнской экспансии.

В 1035 году в Южную Италию отправляются старшие сыновья нормандского рыцаря **Танкреда де Готвиля (д`Отвиля) (ок.980-1041 гг.)**:

- **Гильом (Вильгельм) Железная рука (ок. 1010 – 1046 гг.)**, с 1041 г. занявший трон графа Апулии;
- **Дрого д'Отвиль (ок. 1010-1050 гг.)** – сменивший брата на графском престоле в 1046 г.;
- **Онфруа (Готтфрид) д'Отвиль (ум. 1057 г.)** – один из лидеров объединённых норманнских сил против Рима и Византии.

После захвата братьями д'Отвиль города Мельфи, произошло становление графства Апулии под властью династии д'Отвилей.

Союз Апулии и Аверсы успешно противостоял союзу папы Римского **Льва IX (1002-1054 гг.)** и императора византийского **Константина IX Мономаха (1000-1055гг.)**. В битве при Чивитате норманнская армия сравнительно легко разгромила армию папы Льва IX, а его самого взяла в плен. Армия Византийской империи под командованием *Аргира сына Мелуса* не решилась вступить в сражение с норманнами.

Тем не менее, норманны Аверсы и Апулии подчёркнуто позиционировали себя как христианское воинство. Так согласно свидетельствам современников, папу Льва IX, когда он под конвоем был приведён в лагерь норманнов, войско победителей встретило, стоя на коленях. В Беневенто, где Льва IX девять месяцев до 12 марта 1054 года содержали на правах пленника, норманны сумели создать условия, сравнимые с теми, в которых он жил в Риме. Более того, представители папы Льва IX, направлявшиеся в Константинополь для предъявления прав римских епископов на главенство над Вселенской Церковью, были препровождены норманнскими воинами к Аргиру, который и организовал их дальнейшее путешествие в Константинополь, завершившееся Расколом Христианской Церкви 1054 г. Текст мирного договора между норманнскими графами Аверсы и Апулии до нас не дошёл. Известно только, что Рим признал Аверсу и Апулию, как самостоятельные государства, а папа Лев IX был освобождён. Интересно, что результатом договора, казалось бы, обеспечивающего самостоятельность норманнских государств в Северном Средиземноморье стал союз между римскими епископами и норманнскими графами и герцогами Южной Италии. В 1059 году **Ричард Дренго (ум.1078 г.)**, граф Аверсы князь Капуи, и граф Апулии **Роберт I д'Отвиль Гвискар («Хитрец»)** (1016-1085 гг.), признали себя вассалами Рима.

Поэтому неудивительно, что сын Роберта Гвискара - **Роже I Борса (1060-1111 гг.)** с благословения папы начинает войну против арабских гарнизонов в Южной Италии. Однако больших успехов он не

достиг, будучи вынужден бороться за власть в своём государстве с братом Боэмундом Тарентским.

Намного успешнее действовал в отношении завоевания Сицилии **Роже I д'Отвиль (1031-1101 гг.)**. Ещё в 1059 г. Роберт I Гвискар получает от папы **Николая II (ум. 1061 г.)** титулы герцога Апулии, Калабрии и Сицилии. Если первые два титула были фактическими, то третий был классическим «титолом претензии»: Сицилия находилась под контролем арабов-мусульман. Младший брат Роберта Гвискара - Роже I д'Отвиль в 1061 г. фактически возглавляет кампанию по завоеванию Сицилии.

Нужно отметить, что к середине XI в. на Сицилии располагалось мусульманское государство Сицилийский эмират. История Сицилийского эмирата началась в 948 году фатимидский халиф **Абу Тахир Исмаил ибн аль-Каим аль-Мансур Биллах (914-953 гг.)** поручает пост наместника (эмира) Сицилии **Хасану аль-Кальби**. Хасан аль-Кальби стал родоначальником династии Кальбидов, правившей Сицилией до 1072 г. К 1061 году Сицилийский эмират переживает серьёзный династический кризис. Территория эмирата контролируется тремя противоборствующими политическими группировками. Самая большая территория - Северо-запад острова, включая коммуны городов Мацары, Трапани и Палермо признавала законным правителем **Абдуллу ибн Хаукаля**. Юго-восток острова, контролировал градоначальник Сиракуз и города-порта Катании **ибн ат-Тимнах**. Уступающая перечисленным выше территорией, центральная часть Сицилии, отличающаяся тем, что на ней расположена столица острова Энна контролировался правителем Энны **ибн аль-Хавасом**. Ситуация усугублялась тем, что ни один из претендующих на власть над Сицилией Кальбидов не признавал над собой власти Кайруанских халифов. Дополнительный элемент дестабилизации обстановки вносило на Сицилии то, что большинство населения на восточном побережье острова составляли греки, исповедующие восточное христианство. Впрочем, и на западном побережье греческая диаспора имела значительное влияние. Раскол Западной и Восточной христианских Церквей ещё не принял формы ожесточённой конфронтации между рядовыми верующими, поэтому можно предполагать, что норманнские правители рассчитывали на помощь единоверцев. Тем более, что немусульмане-зимми на Сицилии находились в условиях большей дискриминации, нежели на материке. Надежда на поддержку со стороны христианского населения базировалась на опыте Роберта Гвискара при завоевании Калабрии в 1060 г., когда христиане обеих Церкв оказали норманнам деятельную поддержку в борьбе против мусульман.

Изложенное выше доказывает, что походы Роберта Гвискара и Роже д'Отвила на Сицилию имеют несомненные признаки религиозной войны. Первые кампании Роже д'Отвила напоминают грабительские набеги. В феврале 1061 года его отряд из 160 рыцарей разграбил Рометту и Милаццо, но не сумел захватить Мессину. Но уже в мае того же года объединившись с войсками своего брата Роберта Гвискара, Роже I захватывает Мессину и укрепляется в ней.

Ибн ат-Тимнах пытается использовать норманнов в своих целях и предлагает им союз против соперников и совместный *поход на Энну*. Энна в XI в. – великолепно укрепленная крепость. Поэтому Роберт Гвискар и Роже д'Отвиль не пытались её штурмовать. Зная, что ибн аль-Хавас подготовил достаточно мощное войско, норманские сеньоры приняли решение выманить мусульманский гарнизон (немусульмане на Сицилии не имели права носить оружие и служить в армии) на полевое сражение. В течение пяти дней отряды братьев д'Отвиль демонстративно совершали манёвры на виду крепости. Через пять дней ибн аль-Хавас отдал приказ о вылазке. По сообщениям Малатерры, численность арабской армии достигала 15 000 бойцов. Армия братьев д'Отвиль насчитывала 700 рыцарей. Такое соотношение может показаться неправдоподобным, если не учитывать, что каждый норманский рыцарь имел вооружённую свиту от 2 до 10 человек. Статус Роберта Гвискара не позволял ему иметь в подчинении рыцарей, способных поднять раздвоенный флаг, то есть командовать крупным подразделением. Поэтому приходится признать значительный перевес в численности со стороны армии ибн аль-Хаваса. Однако тяжёлая европейская конница в лобовом столкновении легко взяла верх над лёгкой кавалерией мусульман. Армия ибн аль-Хаваса была разбита, но взять Энну норманской армии не удалось. В декабре того же года Роже д'Отвиль захватил Тройну.

1062 год стал для норманнов неудачным на Сицилии. Значительная часть христиан – греков перешла на сторону арабов, возмущённая притеснениями со стороны норманнов и римско-католических священников. Роже д'Отвиль со своей армией был осаждён в Тройне и лишь чудом сумел выбраться из осады. Абдулла ибн Хаукаль и ибн аль-Хавас, понимая, что самостоятельно не в состоянии остановить норманнскую экспансию, объединяются против ибн ат-Тимнаха, разбивают его армию. Сам ибн ат-Тимнах гибнет. После этого Абдулла ибн Хаукаль и ибн аль-Хавас обращаются к Кайруанскому халифу *Тамиму Абу Йахье ибн аль-Муиззу (Тимину)* за помощью. Кайруанский султан направляет на Сицилию две армии общей численностью до 30 тыс. человек. По одной из версий, армиями командовали его сыновья

Али и Аюб. Однако *в битве при Черами 1063 г.* Тяжёлая рыцарская конница вновь разгромила силы кайруанского халифа и его сторонников.

Тем не менее, своих собственных сил для захвата Сицилии у Роже д'Отвиля не хватало. С 1064 и 1068 гг. Роже I вынужден был действовать в одиночку, не рассчитывая на помощь брата. В этот период времени его активность ограничилась рядом рейдов на территорию, контролируемую Кальбидами, а также строительством опорных пунктов для своих войск. Свою резиденцию Роже д'Отвиль расположил в крепости Петралия. Позже норманнам удалось использовать удачное для них стечение обстоятельств. На Сицилии во II половине 60-х гг. активизировалась борьба между представителями Кальбидов (сицилийская династия) и Зиридов (тунисская династия). В 1067 году войска Зиридов одержали победу, эмир Энны Ибн аль-Хавас был убит, а власть над арабской Сицилией перешла в руки туниССского полководца Аюба, сумевшего подчинить и включить в административную систему своего государства города Палермо и Энну. Аюб ибн Тамим принял решение дать генеральное сражение норманнской армии Роже д'Отвиля. Армия Роже в 1068 г. выступила в рейд, в ходе которого у города Мисилмери оказалась перед готовой к сражению армией Аюба ибн Тамима. **Сражение при Мисилмери 1068 г.** произошло стремительно. Это единственный факт, который отмечают современники. Арабская армия была полностью разгромлена. После сражения при Мисилмери эмир Айюб вынужден был вместе со свитой вернуться в Тунис, фактически оставив Сицилию на произвол судьбы. Династия Кальбидов была разгромлена, и организовать единое управление островом среди арабской аристократии было просто некому: достаточно высоким статусом градоправители не обладали, а чтобы объединить арабскую Сицилию силовыми методами – не обладали достаточными армиями, поскольку население и так было истощено многолетними династическими войнами и борьбой с норманнами. Но у Роже д'Отвиля также не было достаточной военной силы для того чтобы если не завоевать, то удержать Сицилию. Сложилась патовая ситуация, в которой время играло на руку норманнам. К 1091 году Роже д'Отвиль взял под контроль основную часть острова и объявил себя Великим герцогом Сицилийским. Папа римский Урбан II (1042-1099 гг.) поддержал претензии Роже д'Отвиля, а позже, после ряда идеологических конфликтов 5 июля 1098 года Урбан II подписал «Сицилийскую легацию», наделяющую Великого герцога Роже I д'Отвиля рядом прав, которыми пользовались, как правило, папские легаты:

- Правящие монархи династии сицилийских д'Отвилей обладали совещательным голосом при назначении папой своего легата на Сицилию и правом ветирования неугодных кандидатов;
- правящие монархи династии сицилийских д'Отвилей наделялись полномочиями легатов римских епископов на Сицилии;
- правящие монархи династии сицилийских д'Отвилей имели полномочия определять состав и количество сицилийских епископов, участвующих в соборах, собираемых Римскими понтификами.

Таким образом, власть правящих монархов династии сицилийских д'Отвилей получила серьёзный уровень сакрализации, превышающий уровень сакральности ряда европейских монархов. Поэтому военный поход Роже I Сицилийского на Мальту, например, формально можно было бы считать религиозной войной только из-за участия в нём самого монарха.

Сицилия являлась одним из основных поставщиков зерна в Северную Африку, поэтому Тамим Абу Йахья ибн аль-Муизз и другие североафриканские монархи заключили с Роже I мирные договоры, по которым обязались обеспечить безопасность морской торговли. Мир был нарушен лишь после того, как второй сын Роже I – Роже II (1095-1154 гг.) стал королём Сицилии и попытался в 40-х гг. XII века расширить свои владения за счёт земель Северной Африки, что имело лишь кратковременный успех.

По сути, завоевание Сицилии имеет все признаки религиозной войны. Единственным аспектом, который может послужить основанием для сомнений, являются сложные взаимоотношения между норманнами римско-католического вероисповедания и греками восточно-христианского вероисповедания, населявшими значительную часть Сицилии.

Некоторое обострение ситуации на Средиземном море, последовавшее в период первых четырёх Крестовых походов, не изменило общего расклада сил в регионе. В период с XI по середину XVI вв. назвать пиратские захваты на Средиземном море признаками религиозной войны нельзя. Отношения в между мусульманскими и христианскими государствами в данном регионе были скорее нейтральными, что объясняется глубокой взаимной заинтересованностью сторон в торговых отношениях.

После захвата в 1453 г. Константинополя турками-османами ситуация изменилась. Интересно, что ряд авторов, например А. Г. Рагуштейн утверждали, что одной из движущих сил османов являлся религиозный фанатизм, однако многие современники отмечали, что в

первое время после захвата территории Византийской империи османы-мусульмане проявляли по отношению к православному населению большую веротерпимость, чем католические завоеватели ранее. Тем не менее, формирование Османской империи в корне изменило соотношение сил в Средиземноморье.

В Северо-Восточном Средиземноморье продолжалась экспансия османов. Турецкий флот планомерно захватывал опорные пункты на море, позволяющие султану Османской империи **Мехмеду II Фатиху (Завоевателю) (1432-1481 гг.)** контролировать морскую торговлю и передвижение по морю. В 1462 году османский флот занял остров Лесбос. Захват Лесбоса поставил под угрозу торговые пути Венецианской республики. Венеция начинает морскую войну против османов. Венеция к этому моменту не без помощи крестоносцев добила монопольного положения в средиземноморской торговле, оборудовав ряд укрепленных факторий на берегах Адриатического моря. В частности, крупные фактории венецианцев располагались на островах Крит и Кипр. Охрану факторий осуществляли, в том числе и силы **Иерусалимского, Родосского и Мальтийского Суверенного Военного Странноприимного Ордена Святого Иоанна** (рыцарей госпитальеров-иоаннитов), базировавшегося на острове Родос.

Султан Мехмед II Фатих, не без основания считая госпитальеров основной ударной силой, способной противостоять его войскам в войне с венецианцами, готовит мощную армию для десантно-штурмовой операции на острове Родос, целью которой является ликвидация центральной цитадели ордена иоаннитов.

В десантной операции приняли участие 70 тысяч османских пехотинцев и кавалеристов, на 160 кораблях высадившиеся на остров. В цитадели иоаннитов под командованием Великого магистра ордена **Пьера д'Обюссона (1423-1503 гг.)** бой приняли 600 рыцарей и 2000 рядовых воинов ордена (ряд источников утверждает, что это было наёмное войско), а также – ополчение из населения Родоса. Не смотря на отличную артиллерийскую подготовку штурма, во время которой османскими артиллеристами в стенах крепости были проделаны бреши, османам не удалось захватить цитадель. Неудача армии Мехмеда II объясняется рядом причин, начиная от более высокой дисциплины и воинской квалификации членов ордена госпитальеров, до необходимости турецким войскам вести бой пехотными строями, тогда как основной силой осман к тому времени оставалась лёгкая кавалерия. Свою роль сыграла и личная смелость и самоотверженность защитников Родоса.

Обращает на себя внимание легенда, что десантной операцией османов непосредственно руководил грек **Мануил Палеолог**. Ряд

исследователей отождествляет не менее как с Мануилом Палеологом, младшим сыном греческого деспота Морей Фомы Палеолога и Катерины Заккарии. Если бы это предположение было справедливо, то пришлось бы признать, что Родос штурмовал родной брат законного наследника византийского престола **Андрея Палеолога (1453-1502 г.)**, а также – Великой княгини Московской Софии Палеолог и жены Сербского деспота Елены Палеолог. Однако Мануил Палеолог родился лишь в 1455 году, следовательно, на момент штурма Родоса ему было всего семь лет, и возглавить османскую армию он попросту не мог. Год спустя султан Мехмед II вновь пытался захватить Родос, однако по пути к острову он скончался. Несмотря на ожесточённые сражения, полководцы-противники выказывали друг другу уважение. Не случайно младший сын султана Мехмеда II **Гияс ад-Дин Джем (Зизим) (1459-1495 гг.)** после смерти отца, опасаясь за свою жизнь из-за борьбы за власть со старшим братом, добровольно передал себя в руки Пьера д'Обюссона.

Однако временный успех христиан не остановил османской экспансии на побережье. В 1517 году армия осман заняла Александрию, фактически поставив под контроль транспортные коммуникации Красного моря. Весной 1522 года турецкого султана Сулеймана I Великолепного армия численностью 100 тысяч человек десантировалась на Родос. Флот вторжения из 400 кораблей под командованием визиря Мустафы-паши и адмирала Курдуглу высадил армию на остров и организовал её снабжение. Сухопутные войска возглавил сам Сулейман I. Взять цитадель османам удалось ценой огромных потерь и лишь после того, как укрепления крепости были практически полностью разрушены. К 20 декабря 1522 г. крепость вынуждена была сдаться. Поражённый мужеством защитников крепости, Сулейман I оставил им свободу, оружие и даже организовал за свой счёт эвакуацию с острова. Решением Совета Ордена госпитальеров и Великого магистра **Филиппа Вилье де Лиль-Адана** все христианские церкви на острове перед эвакуацией иоаннитов были уничтожены.

В 60-е гг. XVI в. флот Османской империи захватывает крепости на островах Эгейского моря, «запирая» Восточную Европу на материке. В 1566 году армия османов занимает остров Хиос, в 1569 г. после короткой войны турецкий флот осуществляет успешный десант на Кипр. Однако христианские флоты сохранили в качестве опоры порты базирования на островах Сицилия, Мальта, Корсика.

Тем не менее, борьба за средиземноморские острова в целом включает в себя элементы религиозной войны. Даже учитывая геополитические цели похода османских завоевателей на Родос и другие острова Адриатики, необходимо учесть значительную роль религиозной

идентификации сторон-противников, участие в боях духовных лиц и стремление обеспечить приоритет своей конфессии на захваченных территориях.

В Западном Средиземноморье происходили диаметрально противоположные процессы. В 1492 году после окончания Реконквисты Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская слагают с себя титул «королей трёх религий» и начинают проводить активную политику христианизации на Иберийском полуострове. Значительная часть мусульман бежала в Северную Африку, где осела на территории Магриба и Марокко. Часть выходцев из Кастилии и Арагона позже основала на берегах реки Бу-Регрег настоящую пиратскую державу, долгое время угрожавшую речному судоходству европейских кораблей.

В результате религиозных войн на Востоке и Западе Средиземноморья, в регионе вновь складывается ситуация, закономерным элементом которой становилось возникновение новой волны религиозной морской войны, в том числе и в виде пиратских набегов.

При рассмотрении религиозного противостояния в Средиземноморье необходимо рассмотреть такой фактор, как пиратские набеги алжирских беев, известных под именем братьев Барбаросса.

Ситуация к началу XVII века складывается таким образом, что вследствие ряда карательных рейдов на североафриканское побережье со стороны пострадавших от пиратских набегов христианских государств, арабские, турецкие и мавританские государства предпочитали соблюдать на море относительный нейтралитет. Однако в начале XVI века два предприимчивых новообращённых мусульманина изменили расклад сил в регионе.

Речь идёт об **Арудже ибн Якубе** прозванном **Барбаросса (1473-1518 г.)** и его младшем брате по имени **Хайрадин (Хызр, Хайремин, Хайр-Эддин, Хайр ат-Дин) Барбаросса (1475-1543 гг.)**. По данным Британской энциклопедии, прозвище «Барбаросса» (Рыжебородый) носил лишь младший из братьев – Хайратдин. Однако достоверно данный факт не подтверждён.

Наиболее известная версия о происхождении братьев гласит, что Арудж и Хайратдин были сыновьями турецкого военнослужащего **Якуба Ениджердара**, получившего за службу надел земли на территории Балканского полуострова. Согласно данной версии Якуб Ениджердар вступил в брак с гречанкой христианского вероисповедания и его дети первоначально были христианами. Данная версия крайне неправдоподобна, поскольку, как правило, в османской империи брак

заклучался священнослужителем, а чтобы вступить в брак с мусульманином и стать полноправной женой, женщина также должна была принять ислам. Таким образом, вызывает серьёзные сомнения то, что в мусульманской семье, тем более – семье, глава которой был этническим турком, для которого ислам был одним из важнейших элементов этнической и культурной самоидентификации, дети могли быть крещены. Так или иначе, принято считать, что в семье Якуба Ениджердара было шесть детей: две дочери и четыре сына — Илья (Ильяс), Исаак, Арудж и Хызр (Хайрадин). По одной из версий, Якуб, начал заниматься мелким предпринимательством, развозя свой товар по Эгейскому морю и далее на собственном паруснике, управлять которым ему помогали сыновья. Точных сведений о том, имел ли молодой Арудж патент от османского правительства на каперскую деятельность, не сохранилось. Но сложно предположить, чтобы в ограниченной акватории Эгейского моря Османская Порта допустила систематическую пиратскую деятельность молодого капитана на небольшом судне, если он не действовал с одобрения её руководства.

На данном этапе назвать действия Аруджа религиозной войной сложно: религиозный мотив в его действиях по всей вероятности присутствовал, но это скорее был принцип религиозной идентификации «свой-чужой», принятой в тот момент на территории Европы и Азии.

Ряд авторов утверждают, что Арудж был в плену и бежал. После плена, будучи на службе Османской империи, Арудж поднимает бунт на своём корабле и уводит его к берегам Туниса, где предлагает свои услуги тунисскому бею, по всей вероятности **Абу Абдаллаху Мухаммаду V ал-Мутаваккилу**. Легенды говорят о том, что Арудж предложил тунисскому бею за покровительство «пятую монету добычи». Достоверно условия взаимодействия тунисского правительства и Аруджа неизвестны, но известно, что корсар получил возможность оборудовать базу для кренингования и базирования на крупном острове Джерба.

Уже весной 1504 года Арудж провёл операцию, считавшуюся невозможной. По Тирренскому морю из Генуи на юг продвигались две галеры, принадлежавшие папе римскому **Юлию II (1443-1512 гг.)**. Арудж вышел против двух хорошо вооружённых галер на маленьком галиоте, значительно уступавшем размерами и вооружением любой из галер. Вместо традиционной для корсаров атаки отставшего корабля, команда Аруджа молниеносно захватила переднюю галеру, а затем, переодевшись в одежду христианских моряков, пользуясь темнотой и фактором внезапности, захватили и вторую галеру.

Огромная добыча, отчаянная смелость и искусство, а главное – статус захваченных кораблей сделали Аруджа легендой и кумиром по

обе стороны Средиземноморья. Первенство 31-летнего пирата признало большинство корсаров североафриканского побережья. С этого времени молодого корсара стали называть Арудж Баба – Отец Арудж.

Однако успешный рейд Аруджа Барбароссы имел не только боевое, но и политическое значение. Жертвой корсаров стали не просто корабли, а личная собственность духовного главы западно-европейской цивилизации. Можно с высокой степенью достоверности предположить, что ряд христианских правителей воспринял захват папских галер именно как акт религиозной войны.

В руках же Аруджа Барбароссы уже находилась эскадра из трёх боевых кораблей. Позже удачные захваты увеличили численность эскадры Аруджа до пяти вымпелов. Король Испании **Фердинанд II Арагонский (1452-1516 гг.)** организовал карательную экспедицию на тунисский город Оран и охраняющую его крепость Мерс-эль-Кебир. Экспедицию возглавил опытный офицер **Диего Фернандес де Кордова**. 9 сентября 1509 г. Диего Фернандес, командуя 10-тысячной армией осадил Мерс-эль-Кебир. Крепость сдалась после случайной гибели начальника гарнизона. Испанский командующий отдал приказ выпустить гарнизон со знамёнами и оружием, а также – не допустить притеснения местных жителей. Диего Фернандес не имел средств, чтобы платить своим солдатам, и потому старался не обострять отношения с местными жителями. Однако это не помогло: большая часть испанских отрядов, не дождавшись обещанной оплаты, покинула армию Фернандеса, город Оран взят не был, а сам Фернандес погиб.

16 марта 1509 года для борьбы с эскадрой Аруджа Барбароссы из Испании выступил флот из 80 боевых вымпелов, не считая транспортных судов, под командованием **кардинала Франсиско Хименеса де Сиснероса (1436-1517 гг.)**, что является дополнительным фактором, позволяющим отнести военные действия между Тунисом и Испанией к категории религиозных войн. Оран был взят штурмом, после чего испанские солдаты устроили на улицах города избиение мусульман.

Таким образом, в действиях испанского государства на данном этапе можно идентифицировать все основные признаки религиозной войны: участие духовных лиц, религиозный фанатизм, использование религиозной символики и идеологии, вовлечённость в конфликт всех слоёв населения и т. д.

После взятия Орана кардинал Хименес отбыл в Испанию, оставив командующим генерала **Педро де Наварро графа Оливето (1460-1528 гг.)**, мастера осадной войны и знатока минного дела. 1 января 1510 года армия графа Оливето осадил город порт Беджая, центр торговли воском в Северной Африке. Правитель Беджии **Абд-аль-**

Рахман принимает решения сдать город, вывести гарнизон и эвакуировав жителей. Однако в тюрьме был оставлен заключённый туда за заговор племянник Абд ар-Рахмана Абдаллах, который выдал испанцам планы своего дяди. Армия Абд ар-Рахмана была разгромлена, а сам он убит. После этого сражения беи Алжира добровольно признал власть Испании, а армия графа Оливето 25 июля 1510 года с минимальными потерями захватила Триполи, множество мусульман были убиты испанскими солдатами. Единственным препятствием для полного подчинения Испании Северо-Западного побережья Африки стала база корсаров на острове Джерба.

Испанский десант, насчитывавший до 3500 человек, высадился на острове, пытаясь атаковать крепость Аруджа Барбароссы со стороны суши, однако корсары окружили испанский отряд возле одного из немногочисленных колодцев и нанесли войскам графа Оливето сокрушительное поражение: по разным данным вырваться из окружения удалось от 400 до 600 испанских воинов.

Фактически эскадра Аруджа Барбароссы осталась единственной боеспособной силой мусульман на Северо-Западе Африки. К 1514 году Арудж Барбаросса подготовил армию вторжения и заручился поддержкой тунисского султана Абу Абдаллаха Мухаммада V ал-Мутаваккила и предпринял попытку освободить Беджию. Однако моряки Барбароссы, обученные морским сражениям и десантным операциям, оказались беспомощны перед крепостными укреплениями. Арудж, лично участвовавший в сражении, был тяжело ранен и потерял в бою правую руку. Командование войсками принял брат Аруджа Хайратдин Барбаросса. Не пытаясь отбить крепость, он повёл войска на захват испанского флота, что ему удалось. Однако Арудж на этот раз ставил своей целью освобождение мусульманской территории от власти Испании, а не захват добычи.

Нельзя бесспорно идентифицировать эту личную войну Аруджа, как религиозную, однако не вызывает сомнений, что религиозный фактор присутствовал в мотивах действий Барбароссы и его братьев. Также можно не сомневаться, что религиозная идеология присутствовала в войсках, как испанцев, так и Барбароссы.

Весной 1515 года Арудж вновь осадил Беджию. Однако Фердинанд II отправил на помощь городу мощное подкрепление, и армия Аруджа оказалась вынуждена сражаться на два фронта, а флот корсара – заблокирован в заливе. Кроме этого, в бою погиб брат Аруджа **Исаак ибн Якуб**, командовавший артиллерией. Арудж принимает нелёгкое для моряка решение спасти остатки своей армии, уничтожив флот. В устье реки Уэд-эль-Вебира Арудж приказывает экипажам

кораблей «выброситься» на берег. После этого армия Аруджа уходит в горы.

23 января 1516 года скончался Фердинанд II Арагонский, что стало поворотной точкой в испанской внешней политике. Прежде всего, ослабел контроль за североафриканскими владениями Испании. В Алжире был избран новый бей - шейх *Селим ат-Туми (Эйтеми)*. Эйтеми, понимая, что не в состоянии бороться с испанскими войсками самостоятельно, обращается за помощью к Аруджу Барбароссе. Объектом атаки стала испанская крепость Пеньон в Алжире. Арудж принял решение возглавить экспедицию. Вместе с братом Хайратдином он набрал мощную армию и осадил Пеньон. Однако во время осады Арудж и Хайратдин посчитали, что султан Селим Эйтеми не способен управлять Алжиром. Согласно самой распространённой версии, Арудж и его люди убили султана, а затем Арудж объявил себя султаном Алжира. Легко подавив попытку заговора против своей власти, Арудж провозгласил начало борьбы с испанским владычеством.

В данном случае можно было бы сделать однозначный вывод о начале религиозной войны со стороны армии Аруджа если бы не два нюанса: во-первых, в ходе захвата власти Арудж оказался причастен к гибели духовного лидера значительной части мусульман Алжира шейха Селима, избрание которого соответствовало законам мусульманской общины. Во-вторых, согласно свидетельствам современников, при подавлении заговора против своей власти, часть участников заговора была убита людьми Аруджа в здании мечети. Таким образом, Арудж Барбаросса оказался в положении грешника, находящегося в двусмысленном положении по отношению к своей конфессии.

Против алжирской армии король Кастилии и Арагона Карлос I, будущий император Священной Римской империи **Карл V (1500-1558 гг.)** направляет в Алжир экспедиционный корпус под командованием гранда *Диего де Вера*. Однако разведка Аруджа позволила алжирской армии подготовить засаду для испанской армии. 30 сентября 1516 года испанская армия начала штурм Пеньона. Однако Барбаросса заранее подготовил ловушку, позволившую окружить и полностью разгромить испанский корпус. Эта победа позволила Аруджу отчасти примириться с алжирским населением и, главное, с алжирским мусульманским духовенством.

Однако вместо продолжения борьбы с христианской Испанией Арудж совершает нападение на Тлесмен, город-крепость на северо-западе Алжира, находящийся под управлением мусульманской династии. В 1517 г., воспользовавшись династическим кризисом в Тлесмене, Арудж направил туда свою армию, которая легко одержала победу над войсками

основного претендента на трон Тлесмена *Мулей-бен-Хамида*. Сам Мулей-бен-Хамид бежал. После победы, Арудж Барбаросса приказал казнить и другого претендента на тлесменский трон Мулей-бен-Заина вместе со всеми его родственниками мужского пола. После этого были уничтожены несколько десятков представителей аристократических родов Тлесмена, что настроило местных жителей против Аруджа и окончательно вывело его действия за рамки религиозной войны.

Мулей-бен-Хамид обратился за помощью к Карлу V. В начале 1518 г. войска испанцев блокировали армию Аруджа, а местные мусульмане отказали Барбароссе в поддержке. В мае 1518 года Арудж Барбаросса во главе полутора тысяч воинов вынужден был отступить, рассчитывая найти поддержку у султана Марокко. Власть в Алжире Арудж оставил своего брата Хайратдина Барбароссу. Однако испанские части перехватили армию Аруджа Барбароссы в ходе её переправы через реку (в ряде источников названа река Саладо). Свидетельства участников сражения говорят о том, что Арудж Барбаросса успел переправиться на безопасный берег, но не пожелал оставить своих воинов и, переправившись назад, погиб в неравном бою.

Испанские солдаты поглумились над телом Аруджа Барбароссы, выставив его отрубленную голову напоказ в Орানে, а затем отправив её в Испанию. Мулей-бен-Заин был назначен Карлом V правителем Тлисмена.

В отличие от Аруджа Барбароссы, император Карл V придавал победе над противником в том числе и религиозно-пропагандистское значение, представив разгром армии Аруджа, как торжество христианского оружия. Однако таким образом он добился лишь того, что брат Аруджа Хайратдин Барбаросса начал против испанцев свою личную войну, одной из идеологических составляющих которой стало межконфессиональное противостояние.

После гибели Аруджа, его брат Хайратдин Барбаросса, поняв, что в одиночку он не выстоит против войск Карла V, обратился к султану Османской империи Селиму I Грозному (1465-1520 гг.) с просьбой о покровительстве и предложением своей вассальной присяги. Предложение было неожиданным для Селима I и принятие присяги Хайратдина Барбароссы автоматически вовлекало Османскую империю в военные действия против Испании и Священной Римской империи. Однако османский султан принял решение поддержать Алжир, как единоверцев и перспективный плацдарм для дальнейшего подчинения Северной Африки. Селим I даровал Хайратдину Барбароссе титул бейлербея («эмир эмиров») - титул фактически соответствовал по статусу наместника Северной Африки) и прислал ему на помощь отряд из двух

тысяч янычар. С 1518 года Хайратдин Барбаросса начинает серию успешных рейдов: в 1518 г. войсками Хайратдина был взят Тлемсен, в начале 1519 года — Бона. Попытка испанского флота под командованием Уго де Монкада осуществить в 1518 году десантную операцию закончилась провалом. С 1519 года эскадра Хайратдина Барбароссы начинает систематические рейды по Средиземному морю, захватывая корабли, десантируясь на побережьях Испании, Прованса, Италии. Существует версия, что именно эскадра Хайратдина Барбароссы осуществляла негласную поддержку войск короля Франциска I Французского в рамках союзнических обязательств султана **Сулеймана I Великолепного (1494-1566 гг.)**. Именно Сулейман I назначил Хайратдина Барбароссу адмиралом.

16 августа 1534 года флот под командованием Хайратдина Барбароссы захватил для Османской империи Тунис и вышел к границам Испании. В конце мая 1535 г. испанский флот под командованием адмирала **Андреа Дориа (1466-1560 гг.)**, насчитывавший 74 боевых гребных галер и 300 парусных боевых кораблей и транспортных судов выдвинулся навстречу эскадре Хайратдина Барбароссы. Император Карл V ставил перед своим флотом амбициозные задачи: захват Северного побережья Африки. По мнению ряда современников, для фанатично-верующего человека, каким был Карл V, данная кампания против провинций Османской империи имела для императора характер своеобразного личного крестового похода.

Численное преимущество и техническая подготовка позволили эскадре Андреа Дориа 1 июня 1535 года заблокировать и успешно штурмовать крупнейший порт Хальк-эль-Уэд (Ла-Гулет, Голета). Хайратдин и его офицеры вынуждены были отступить из города, в котором испанские солдаты во время пребывания там убили до 30 тысяч мирных жителей, включая стариков, женщин и детей. Единственное, что смог сделать Хайратдин Барбаросса, лишившийся большей части своего флота, это провести десантную операцию в порту Маон на Балеарских островах, принадлежащих Испании. Крупная добыча, взятая флотом Барбароссы в Маоне, отчасти примирила Сулеймана I с потерей Туниса. Более того, султан назначил Хайратдина капудан-пашой (главнокомандующим флотом Османской империи). Также на службу султану были приняты и лучшие офицеры Аруджа и Хайратдина Барбароссы: известны имена капитанов Драгута или «Грека», Синана по прозвищу «Смирнский еврей», Айдина-раиса по прозвищу «Каха дьябло» («Бич дьявола»), Мурада и Салиха.

Дальнейшие походы Хайратдина Барбароссы уже сложно причислить к религиозным войнам: заняв должность капудан-паши, он

действует не как самостоятельная личность и не как идейный противник Испании, но как высший морской офицер Османской империи, следовательно, его действия стали частью общеосманской геополитики. Однако ряд кампаний на Средиземном море, в которых участвует Хайратдин Барбаросса, имеют все признаки религиозных войн.

Так в мае 1537 года флот Османской империи провёл разрушительный, но неудачный с тактической и стратегической точки зрения рейд на побережье Апулии. В ответ на нападение османского флота папа римский **Павел III (1468-1549 гг.)** в 1537 году начал организацию военно-морского союза получившего название **Священной лиги**. Если рассмотреть систему создания Священной лиги, то в этом процессе легко увидеть сходство с подготовкой Крестовых походов. *Фактически, создание Священной лиги проходило под идеологической подоплекой борьбы с Османской империей, не только как геополитическим противником, но и как государством-представителем враждебной конфессии.*

В состав Лиги вошли войска папской области, Испании, Генуэзской и Венецианской республик, а также остатки войск Мальтийского ордена. Генеральное сражение между флотом Лиги и османской эскадры произошло 28 сентября 1538 года в **битве у залива Превезе**. Нерешительность Андреа Дориа, взаимное недоверие генуэзцев и венецианцев и отчаянная импровизация Хайратдина Барбароссы и его капитанов привели к тому, что флот Священной лиги бежал с поля боя. Крахом закончилась и попытка императора Карла V захватить в 1541 году Алжир. *Фактически, религиозная война, развязанная папой Павлом III, оказалась скоротечной и не принесла ожидаемых результатов христианским государствам.*

После смерти Хайратдина Барбароссы в 1546 году, военные действия на Средиземном море не прекратились. Более того, христианские государства, хоть и продолжали нести потери от морских набегов мусульманских корсаров и каперов Османской империи, начали стремительно приобретать искусство противостояния турецким и арабским флотоводцам. Так в 1551 году один из талантливейших капитанов братьев Барбаросса бей Драгут «Грек» не сумел захватить Мальту, не смотря на колоссальный опыт морских сражений и десантов. Число защитников Мальты было не слишком велико: хроники говорят 3-4 сотнях орденских рыцарей-госпитальеров, от 1500 до 2000 наёмных солдат и 4-5 тысячном ополчении мальтийских городов. Однако даже турецкие источники признают более высокую выучку мальтийских моряков и больший военный профессионализм орденских рыцарей и наёмной армии.

18 мая 1565 года османский флот из 120 боевых галер и 60 военно-транспортных судов вновь приступил к десантированию турецких войск на Мальту. Так началась **Великая осада Мальты**. По разным источникам, численность экспедиционного корпуса Османской империи достигала 30, а по некоторым данным и 50 тысяч человек. В числе армейских подразделений находились части янычарского корпуса. Во главе османской армии был поставлен некий **Мустафа-паша**. Иногда авторы исторических сочинений высказывают утверждение, что Мустафа-паша ранее прославился при осаде Родоса в 1522 году, однако точных данных на этот счёт нет. Имя Мустафа было достаточно распространено в Османской империи. В ряде источников Мустафа-паша, командовавший Великой осадой, отождествляется с Лала Кара Мустафой-пашой, командовавшим позже осадой Кипра. Однако это утверждение вызывает сомнения, ведь в это время Лала Кара Мустафа-паша выполнял обязанности воспитателя наследника османского престола Селима II и не имел военного опыта.

Вопрос о религиозном характере данной кампании ставить нецелесообразно по ряду причин.

- Великий магистр Мальтийского ордена **Жан Паризо де ла Валетт (1495-1558 гг.)** являлся легитимным сюзереном Мальты, обладая правами светского правителя, но не духовного лидера мальтийского населения, не смотря на свой орденский титул;
- Попытка захвата Мальты рассматривалась Сулейманом I с точки зрения геополитических перспектив контроля Средиземного моря. Нет никаких сведений о том, что она рассматривалась, как попытка религиозного прозелитизма;
- Вовлечённость в осаду Мальты населения Османской империи была крайне низкой: в экспедиции участвовал ограниченный воинский контингент.

Так или иначе, но Великая осада Мальты не принесла османам победы. Более того, попытка захвата Мальты фактически стала последним случаем экспансии Османской империи на Средиземном море в масштабах общегосударственной политики.

Однако в Северной Африке позиции мусульманского флота и мусульманской армии были ещё сильны, их базой оставался Алжир, культовыми фигурами для молодёжи которого оставались его бывшие правители – братья Барбаросса. В 1568 году скончался сын Хайратдина Барбароссы бейлербей Алжира капудан **Хасан-паша (1517-1572 гг.)**. Султан Османской империи Селим II Пьяница даровал титул правителя Алжира турецкому аристократу, умелому воину и офицеру **Улуджу-Али (1518-1587 гг.)**. Улудж – Али – один из капитанов покойного Хайратдина

Барбароссы, итальянец по происхождению **Джованни Диониджи Галени**, принявший ислам, чтобы избавиться от рабства. Неплохо для своего времени образованный, умелый моряк и опытный администратор к этому времени рассматривает назначение на должность правителя Алжира как ступень в карьерной лестнице.

Попытка короля Испании Филиппа II в 1559 году вернуть Алжир в подчинение Испании завершилась поражением испанской армии **11 мая 1560 г. в битве при Джербе**. Эскадра османских и алжирских галер под командованием Драгута «Грека» и его союзника **Улуджа-Али** разгромила испанскую эскадру, заставив её командующего – адмирала **де ла Серета герцога Мединасели** бежать с поля боя. Экспедиционный корпус испанской армии под командованием **Альваро де Сауда** вынужден был сложить оружие, окружённый превосходящими силами алжирцев.

Тем временем Османская империя начала наступление на Северное Средиземноморье, развязав **Турецко-венецианскую войну 1570-1573 гг.** 3 июля 1571 года турецкий флот провёл десантную операцию на Кипре, контролируемом венецианской республикой. Экспедиционный корпус Османской империи по всем правилам осадил столицу острова Никосию. Однако папа римский **Пий V (1504-1572 гг.)** к этому моменту завершил подготовку к формированию союза христианских государств для борьбы с мусульманской армией.

Военные действия испано-итальянских войск против армии Османской империи в 70-х гг. XVI в. можно с уверенностью назвать религиозной войной. Пий V и его наиболее активный союзник король **Филипп II Испанский (1527-1598 гг.)** рассматривали свой союз, как борьбу не с государством, а с противниками христианства. Позже к войскам испанского короля и папы Римского присоединилась сводная армия итальянских городов во главе с Великим констеблем Неаполя **Маркантонио II Колонна (1535-1584 гг.)**. Объединённые силы Испании, Папской области и итальянских городов на 206 кораблях вместо того, чтобы выступить на помощь осаждённому Кипру, задержались из-за споров о том, кто должен возглавлять объединённые силы.

Не дождавшись подхода подкреплений, Никосия сдалась турецкой армии, и центр сопротивления на Кипре переместился в город-порт Фамагуста. В Фамагусте занял оборону шеститысячный гарнизон защитников острова во главе с умелым полководцем **Маркантонио (Марком Антонио) Брагадином (1523-1571 гг.)** и правителем Никосии **Асторре Бальони (1526-1571 гг.)**. Шеститысячный гарнизон противостоял 100-тысячной турецкой армии, располагавшей до 1500

орудий, а со стороны моря город подвергался систематической бомбардировке флотилии из 150 кораблей Османской империи. Войска Селима II, боясь подхода испано-итальянского флота, пытались взять крепость штурмом. В непрерывных штурмах армия Селима II понесла огромные потери. Европейские историки называют цифру до 52 тысяч человек. Даже с учётом завышения потерь османской армии нужно признать, что потери турок по численности превысили численность гарнизона Фамагусты. Однако значительный перевес сил противника и отсутствие помощи со стороны армии Филиппа II заставили Брагадина и Бальони пойти на переговоры с османским командованием.

Согласно общепринятым нормам военного этикета XVII в. крепость, не взятая в результате штурма, обладала определённым иммунитетом. В частности, гарнизон крепости имел право на беспрепятственный выход из неё с оружием и знамёнами, а сама крепость освобождалась от грабежа, хотя за победителями оставлялось право на контрибуцию. Селим I Грозный и Сулейман I Великолепный и их полководцы во время войн с европейскими державами придерживались военного кодекса чести, поэтому защитники Фамагусты поверили обещаниям турок выпустить защитников крепости, не причиняя им вреда. Однако командующий турецкой армией Лала Кара Мустафа-паша (ок.1500-1580 гг.) отдал приказ казнить оставшихся в живых защитников крепости. Маркантонио Брагадин подвергся многодневным пыткам (ему отрезали уши и нос, заставляли носить тяжести и привязывали на солнце). После чего с него заживо сняли кожу. Остальные защитники крепости после пыток были обезглавлены.

Этот акт устрашения оказался роковой ошибкой для Османской империи. Во-первых, разногласия в испано-итальянской армии были немедленно забыты. Во-вторых, население Кипра с этого момента сражалось до последнего, поднимаясь в бой по принципу «все, способные держать оружие». В-третьих, время сезона штормов, во время которого флот христианских государств не мог атаковать османскую эскадру, прошло в подробном инструктаже и тщательной подготовке каждого корабля и каждого капитана. Во главе христианского флота встал, бастард императора Карла V, но опытный и талантливый полководец **Хуан (Гуан) Австрийский (1547-1578 гг.)**. В свои 24 года молодой человек не потерпел ни одного поражения и отличался не только искусством, но и незаурядной храбростью.

Генеральное сражение флотов произошло **в битве при Лепанто 7 октября 1571 года**. Флот Священной лиги, возглавляемый Хуаном Австрийским, насчитывал 212-224 корабля, а флот Османской империи - от 220 до 274 галер. Примечательно, что одну из абордажных команд

испанского флота возглавлял *Мигель де Сервантес Сааведра*, будущий автор знаменитого «Дон Кихота».

Встреча противников в Патрасском заливе оказалась неожиданной для обеих сторон, но Хуан Австрийский, быстро сориентировавшись, сумел блокировать флот противника. Более того, он приказал снять цепи с христиан-невольников, работавших гребцами на галерах, вооружил их и заявил, что победой они заслужат себе свободу. Затем дон Хуан выдвинул вперёд тяжёлые галеасы, оставив лёгкие гребные галеры во второй линии. Испанский флотоводец позволил противнику окружить свои корабли, делая ставку на лучшую подготовленность абордажных команд Христианской лиги.

Расчёт оправдался полностью: абордажные команды испанцев и итальянцев не только трёхкратно превышали по численности турецкие (120-150 человек на европейский корабль против 30-40 - на турецкий), но и были удобнее вооружены и технически обеспечены. Против вооружённых саблями и не имевших брони турецких абордажников, не использующих никаких приспособлений, кроме абордажных крючьев, выступили испанские и итальянские бойцы в лёгких доспехах, неплохо защищающих от сабельного удара, вооружённые тяжёлыми абордажными кортиками, удобными для нанесения коротких и быстрых ударов, использующие абордажные трапы и другие приспособления, хорошо известные туркам, но не подготовленные для этой битвы с их стороны.

В решающий момент успех испано-итальянских абордажных команд закрепил ввод Хуаном Австрийским в бой галерного резерва. Разгром османского флота был полным: в бою флот Селима II потерял до 224 галер и до 35 тысяч солдат и офицеров. Свыше 10 тысяч христианских невольников получили свободу. Испано-итальянский флот потерял до 15 кораблей и до 7 500 человек убитыми.

Военные действия продолжались до 1573 года, но они носили локальный характер и уже не имели характера религиозной войны. В конце XVI – начале XVII века морской разбой в Средиземноморье не прекратился. Ряд капитанов корсарских эскадр принадлежали к различным конфессиям.

Известны имена мусульманских корсаров Мурата-раиса старшего и Мурата-раиса младшего, Сулеймана-раиса, Али Пинчини, принявшего Ислам Симона Дансекера, Джека Варда, оставшегося христианином, но пошедшего на службу к алжирским беям, христианского корсара Средиземноморья Питера Истона, но их деятельность не изменила межконфессиональных отношений в регионе.

Глава 8.

Англиканско-католические религиозные конфликты. Феномен религиозной идентичности, как маркера этнокультурной идентификации на территории Британских островов.

История англиканской протестантской церкви отличается от остальных протестантских церквей тем, что Реформация в Англии была проведена «сверху» и изначально ставила протестантов в приоритетное положение по отношению к католикам, чего не было в других регионах Европы.

Если рассматривать структуру англиканской Церкви и особенности вероисповедания англиканства на ранней стадии развития данной религиозной системы, то можно увидеть, что единственной принципиальной разницей в религиозной системе англиканской Церкви и Римско-Католической Церкви было верховное подчинение Церкви, клира и мирян. В Римско-Католической Церкви верховным главой клира и мирян является папа Римский, то есть – представитель клира, а в Англиканской Церкви – король Англии (в момент формирования англиканской церкви – **Генрих VIII Тюдор (1491-1547 гг.)**).

«Акт о супрематии», подписанный Генрихом VIII Тюдором, юридически оформил королевскую власть над Церковью Англии, как акт божественного дара: «для утверждения и укрепления христианства в Англии, для подавления и искоренения прежних ошибок и ересей, а также других чудовищных преступлений и злоупотреблений, имевших место прежде...».

Таким образом, противостояние католиков и англикан на территории Английского королевства XVII в. Изначально имело политический характер. Однако в ходе борьбы оно приобрело все признаки религиозной войны.

Религиозная регламентация мировоззрения, быта и самоопределения индивидуумов, составляющих руководство и вооружённые силы, сторон конфликта были практически идентичны. У католиков данные аспекты сохранились в отношении их верности богословской доктрине Римско-Католической Церкви, а англикане в целом унаследовали от католицизма верность той же доктрине и в той же степени, но с единственной разницей – почитание своим духовным лидером короля Генриха VIII (позже – его наследников). Таким образом, верность присяге королю Англии приобрела в рамках англиканской церкви не просто характер юридического, но и характер сакрального акта, духовной присяги.

Наличие религиозных ритуалов в общем порядке несения военной службы сохранялось по единому, католическому образцу (различия сформируются лишь в эпоху Елизаветы I Тюдор), но присутствовали в армиях обеих сторон конфликта. Отмечено и участие священнослужителей в военных действиях (хотя, как правило, оружия в руки они не брали, ограничиваясь идеологической ролью). Учитывая же, что принадлежность к англиканской церкви фактически стала критерием самоидентификации сторонников короля, можно идентифицировать принадлежность сторон конфликта к различным догматическим течениям одной конфессии. Таким образом, конфликт англикан и католиков на территории Британских островов достаточно быстро перешёл в стадию религиозной войны.

Первым серьёзным реальным конфликтом, после подписания «Акта о супрематии» 1534 г. стало *«Благодатное паломничество»*, зародившееся на Севере Англии в октябре 1536 г. *«Благодатное паломничество» представляло собой движение католиков, проявивших сопротивление (как пассивное, так и активное) секуляризации церковного имущества, притеснениям представителей Римско-Католической Церкви.*

В октябре 1536 г. в британском обществе начали циркулировать слухи о том, что за роспуском католических монастырей, инициированным Генрихом VIII последует принудительное закрытие всех приходских римско-католических церквей с полной конфискацией их имущества вплоть до одежд священнослужителей. Обоснованность этого слуха в данный момент вызывает определённые сомнения, но он послужил поводом для череды народных волнений. Обращает на себя внимание то, что наряду с требованиями сугубо экономического плана (запрет на практику огораживания, ограничение роста арендной платы для земледельцев и т. д.), участниками волнений были выдвинуты требования религиозного плана. Среди этих требований – восстановление католических праздников, введение принципов веротерпимости, и т. д. Интересно, что в волнениях участвовали представители всех слоёв общества от крестьян до дворянства (петицию одного из отрядов королю передал лично Джон Толбот I-й граф Шрусбери). *Однако назвать волнения началом военных действий нельзя: хватило приказа Генриха VIII, чтобы участники волнений разошлись по домам.*

Куда решительнее действовали восставшие в Йоркшире (тот же год). Во главе восстания встали стряпчий (юрист) **Роберт Аск** (1500-1537 гг.) и **Томас I барон Дарси** (1507-1537 гг.) (в некоторых изданиях его называют лордом Дарси). Под своим началом они сумели

собрать до 30 тысяч человек и начать поход на Лондон. В действиях восставших можно заметить определённую непоследовательность: с одной стороны, они выступали против англиканской церкви, как против религиозного и социального института, но активно проповедают признание прав Генриха VIII, как законного монарха. Основные мишени восставших – **архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер** (1489-1556 гг.) и лорд-канцлер **Томас Кромвель** (1485-1540 гг.), являвшиеся проводниками политики внедрения англиканства, как государственной религии. Королевская армия насчитывала лишь 7-8 тысяч человек и не могла бороться с повстанцами Аска и Дарси. Командующий армией Генриха VIII **Томас Ховард III-й герцог Норфолк** (1473-1554 гг.) предложил повстанцам переговоры. Аск и Дарси согласились, но Генрих VIII не идёт на уступки. Он приглашает Аска на аудиенцию, чтобы лично принять у него петицию, зная, что Аск не рассматривает короля, как врага. Вопреки опасениям Аска, Генрих встретил его весьма радушно и в ходе переговоров, проходивших в духе дружеской беседы, повторил обещание созвать парламент для рассмотрения и урегулирования всех спорных вопросов. Аск, по всей вероятности, поверив королю, отправился в многодневный обратный путь, что было выгодно королю Генриху: ведь в течение этого времени герцог Норфолк ведёт экстренные мероприятия по усилению своей армии и разрабатывал детальный план внесения раскола между лидерами и рядовыми членами оппозиционного движения.

Созывать парламент Генрих даже не собирался: в течение всего своего правления он старался снизить значение Парламента. Также нет документальных свидетельств о намерении короля договариваться о чём-либо с «бунтовщиками».

В январе 1536 г. противники англиканской церкви, не дождавшись реформ, начали вооружённое восстание. Нападению подверглись Халл, Карлайл и Скарборо. Генрих VIII немедленно отдаёт герцогу Норфолку приказ начать уничтожение повстанческих отрядов. Сначала были уничтожены мелкие соединения, а затем армия Норфолка сравнительно легко разбила основные силы повстанцев. Аск был казнён в Йорке, Дарси обезглавлен в Лондоне, 70 крестьян из северо-западных областей были повешены в своих деревнях, несколько (точные данные неизвестны) римско-католических священников, монахов и послушников повесили на монастырских колокольнях, а одну женщину сожгли на костре, как еретичку. Всего было казнено около 200 человек. Ч. Поулсен в своей книге «Английские бунтари» утверждает, что казни были проведены по прямому и личному приказу

короля. Так или иначе, но репрессии продолжились и после подавления «Благодатного паломничества».

«Благодатное паломничество» вряд ли можно назвать религиозной войной, однако действия армии сэра Томаса Дарси и Роберта Аска обладают всеми признаками религиозной войны, кроме одного: оппозиция всеми силами старалась избегать собственно военного столкновения. С другой стороны, нужно признать, что *Генрих VIII в данном случае вёл против повстанцев полноценную религиозную войну. Единственным моментом, ставящим данный постулат под сомнение, может служить то, что догматико-литургические отличия англиканства от римско-католической доктрины в тот момент ещё не были оформлены ни юридически, ни догматически.*

Смерть Генриха VIII мало изменила во внутренней политике Англии: на троне оказался девятилетний Эдуард IV, а реальная власть перешла в руки регента **Эдварда Сеймура I герцога Соммерсета (ок. 1500-1552 гг.)**, продолжившего реформационную церковную политику Генриха VIII, вводя литургические отличия Церкви Англии от католицизма. Эдуард IV и архиепископ Томас Кранмер стали деятельными союзниками герцога Соммерсета. Так началось резкое разделение догматической и литургической практик англиканской и римско-католической доктрин. Так в 1547 г. в англиканской церкви было введено причащение прихожан «под обоими видами» (то есть – и хлебом и вином), в отличие от католичества, в котором причащение происходило «под одним видом» (то есть – только хлебом). С 1549 г. англиканским священникам разрешили вступать в брак. Окончательное разделение Церквей произошло в 1549 г., когда была введена в употребление составленная архиепископом Кранмером «Книга общих молитв», содержащая тексты исключительно на английском языке. Эта книга с небольшими изменениями используется в Церкви Англии до сих пор. В богослужении особое внимание уделялось чтению Библии. В ходе Шотландской войны (1547-1550 гг.) значительная часть оккупированной территории была обращена в протестантизм, что дало толчок и добровольному распространению Реформации в Шотландии.

Фактически, при Эдуарде IV англиканство с оформлением оригинальной догматико-литургической доктрины получило потенциальную возможность вести религиозные войны с католичеством не только де-факто, но и де-юре.

Новый виток межконфессионального конфликта в Англии произошёл, когда на английский престол взошла **Мария I Тюдор (1516-1558 гг.)**. В европейском фольклоре она осталась под именем

Марии Уродливой и Марии Кровавой. Будучи убеждённой (и фанатичной) католичкой, Мария I буквально с момента восшествия на престол 1 октября 1553 г. начинает борьбу с Англиканской Церковью. Ненависть к англиканам у Марии Тюдор была с её точки зрения обоснованной: именно англиканская церковь оформила развод её отца Генриха VIII с её матерью Екатериной Арагонской. В 1527 году брак был расторгнут, и статус принцессы Марии стал аналогичен статусу бастарда короля, сына Элизабет Блаунт – Генриха Фицроя. Более того, она стала служанкой второй жены своего отца Анны Болейн, которая, по свидетельству современников, неоднократно публично выражала свою ненависть к падчерице. Более того, все эти годы с 1527 по 1553, Мария страдала от попыток заставить её принять англиканство. После же смерти её брата Эдуарда VI, вопреки праву старшинства, вместо принцессы Марии на престол была возведена «протестантская принцесса» леди **Джейн Грей (1537-1554 гг.)** - правнучка короля Генриха VII, дочь герцога Саффолка, формально вообще не имевшая права на престол. К тому же на долю Марии выпала сложная задача. Ей досталась разорённая страна, а свергнутая после девяти дней правления Джейн Грей стала «знаменем» для широкомасштабного **восстания Томаса Уайетта**. *Более 3000 человек поднялись, чтобы не дать совершиться браку Марии I Тюдор и Филиппа II Испанского.* При подавлении восстания Мария I вела себя в соответствии с кодексом чести королей раннего Средневековья: она руководила подавлением мятежа лично, надев специально изготовленные для неё доспехи, хоть такое поведение женщины и не одобрялось Римско-Католической Церковью. К англиканам королева применила жесточайшие репрессии.

Взойдя на престол в 1553 году, Мария Тюдор приказала отправить в тюрьму архиепископа Кентерберийского Томаса Кранмера. Через три года заключения, сопровождавшихся пытками, архиепископ Кранмер был казнён. Кардинал **Реджинальд Поул (1500-1558 гг.)**, папский легат, привез от папы **Юлия III** буллу (1554), снимающую с Англии отлучение от церкви за ересь. В Парламенте была проведена унижительная для светского монарха процедура покаяния перед папой. Кардинал Поул стал после этого последним католическим архиепископом Кентерберийским. Парламенту были предложены законы против ереси, которые были приняты и немедленно введены в действие. С в 1555 года репрессии против англикан принимают масштабный характер: свыше 3000 духовных лиц были лишены своих мест, а свыше 300 англиканских священников

были обвинены в ереси и сожжены на кострах. *Однако масштабных выступлений против Марии I так и не произошло.*

Во время правления **Елизаветы I Тюдор (1533-1603 гг.)** межконфессиональное противостояние окончательно прекратилось. *Даже заговоры Марии де Гиз и Марии Стюарт уже не носили религиозного характера. Борьба между претендентками на английский трон носила сугубо династический характер.*

Елизавета I, вернувшись к политике Реформации, оказалась перед деликатной проблемой. С точки зрения Англиканской Церкви и «Акта о супрематии», подписанного её отцом, она должна была стать главой Англиканской церкви. Однако согласно сложившейся религиозной практике (имеющей общехристианские и, в частности, римско-католические корни) женщина не могла быть главой Церкви и вообще занимать место церковного иерарха. Елизавета I вышла из положения, отредактировав в 1559 году «Акт о супрематии». С одной стороны, новый Акт подтверждал права королевы на верховенство в Англиканской Церкви, с другой – значительно изменял её статус на данном посту. В тексте Акта термин «Верховный глава Английской Церкви» (*Supreme Head of the Church of England*) был заменён на термин «Верховный правитель Английской Церкви (*Supreme Governor of the Church of England*)». Таким образом, замена термина «*Head*» на термин «*Governor*» наделяла правами главы Англиканской Церкви архиепископа Кентерберийского, оставляя его в подчинении королевы Англии. Сделано это было явно для того, чтобы гендерный статус королевы Английской не вошёл в противоречие с духовно-религиозным статусом главы Церкви. Это были правила, явно унаследованные англиканством от римско-католической доктрины, в которой Церковь от государства де-факто не отделялась. При этом в новом Акте наличествовало требование особой письменной присяги на верность королеве как главе Церкви всех представителей клира, гражданских чиновников, судей, преподавателей.

С точки зрения перспективы развития религиозного конфликта и возникновения религиозных войн на Британских островах, «Акт о супрематии» от 1559 г. существенно уменьшил их вероятность, поскольку юридически отделил Церковь от государства. Таким образом, при возникновении межрелигиозной конфронтации британский монарх, принимая участие в конфликте, не обеспечивал этим фактом участие в данном конфликте главы представителей Англиканской Церкви.

Последним случаем противостояния, которое может претендовать на статус религиозного, в Англии можно считать

«Пороховой заговор» 1605 года, представлявший собой попытку государственного переворота. Заговор заключался в попытке группы английских католиков взорвать здание Парламента с целью покушения на короля **Иакова I Английского (он же – Иаков VI Шотландский) (1566-1625 гг.)**. Будучи королём Шотландии, Иаков I (VI) столкнулся с противоборством политических группировок радикальных протестантов и католиков, но в данном случае религиозная принадлежность скорее выступала, как форма политической самоидентификации. Во всяком случае, полномасштабного военного противостояния не произошло. В Англии восшествие на престол Иакова I расценивали, как возможность Контрреформации, но король Иаков принял решение поддерживать Англиканскую Церковь и не возобновлять конфронтации.

Истоки заговора остаются не определёнными. Наиболее распространённая версия – попытка католического реванша. Однако ряд исследователей придерживается иной трактовки событий. Например, альтернативной версией является гипотеза, что «Пороховой заговор» был задуман и осуществлён, как провокация против английских иезуитов. Так или иначе, заговор не принял масштабного характера. С одобрения главы английских иезуитов, отца Генри Гарнета, пять заговорщиков: Роберт Кейтсби (Robert Catesby), Томас Уинтер (Thomas Winter), Томас Перси (Thomas Percy), Джон Райт (John Wright) и Гай Фокс (Guy Fawkes) предприняли попытку во время тронной речи Иакова I в Парламенте взорвать здание, в котором кроме короля присутствовали члены обеих палат парламента и верховные представители судебной власти страны. Позже к заговорщикам присоединились ещё как минимум восемь человек, среди них Роберт Кейс (Robert Keyes) и Френсис Трэшем (Francis Tresham). Взрыв был запланирован на **5 ноября 1605 года**.

Заговор был раскрыт. Официально – благодаря анонимному письму, сообщавшему о подробностях заговора **Роберту Паркеру IV барону Монтиглу (1575-1622 гг.)** – члену палаты лордов, который и предупредил власти, а конкретно – лорда-хранителя Малой печати, лорда-казначея и члена Тайного совета короля **Роберта Сессила I графа Солсбери (1563-1612 гг.)**.

В ночь с 4 на 5 ноября был произведен обыск здания парламента. В подвале «с поличным» был взят Гай Фокс. При нём обнаружили фитили, трут и часы, а в подвале – бочки с 2,5 тоннами пороха. На допросах Гай Фокс выдал всех участников заговора и уже к 12 ноября все злоумышленники были найдены и арестованы.

Таким образом, в «Пороховом заговоре» мы не видим признаков религиозной войны. Во-первых, число заговорщиков было ограниченным, и говорить о вовлечённости в него всех слоёв населения не приходится. Во-вторых, представители духовенства не принимали непосредственного участия в событиях. В-третьих, цели заговорщиков ограничивались сменой монарха, во всяком случае – для более масштабных действий у заговорщиков не было ни рычагов влияния, ни военной силы.

Подводя итоги противостоянию католиков и англикан на Британских островах, приходится признать, что единственным периодом, в который противостояние достигает стадии религиозной войны – начальная стадия становления англиканства, как государственной религии. В иных случаях, даже если религия остаётся маркером для самоидентификации, она всё равно не является определяющим фактором для возникновения и развития религиозной войны. Можно предположить, что такая тенденция обусловлена рядом объективных причин:

- Доктринальной и литургической близостью римско-католической и англиканской религиозно-этических систем на начальном этапе становления англиканства;
- Отсутствие исторически сложившихся причин для противоборства;
- Светский характер руководства Англиканской Церковью;
- Жёсткое противопоставление католичества национальному суверенитету Англии.

Глава 9.

Борьба Инквизиции с Иудаизмом и Исламом на территории Пиренейского полуострова.

Согласно словарю Брокгауза и Ефрона, в истории Инквизиции можно выделить три последовательных периода развития:

- 1) этап преследования еретиков до XIII в.;
- 2) этап доминиканской Инквизиции со времени Тулузского собора 1229 г.
- 3) этап испанской Инквизиции с 1480 г.

Однако эта периодизация весьма схематична и нуждается в ряде уточнений. Прежде всего, необходимо помнить, что Святая инквизиция, легендарная в литературе и кинематографе появляется лишь на финальной стадии развития данной структуры, ранее же функции Инквизиции и методы её работы несколько отличались от тех, образов, которые устоялись в массовом сознании.

Инквизиция (*Inquisitio haereticae pravitatis*), или *святая Инквизиция*, или *святой трибунал (sanctiofficio)* — учреждение римско-католической церкви, специализировавшееся на расследовании внутренних злоупотреблений клира Римско-Католической Церкви, а также имевшее целью розыск, суд и наказание еретиков. Вкратце рассмотрим этапы деятельности Инквизиции и их особенности.

Сам термин «инквизиция» происходит от латинского слова «*Inquisitio*», переводящегося, как «розыск», «расследование». Основание Инквизиции приписывается папе Римскому **Иннокентию III** (1161-1216 гг.). Однако фактически действия, аналогичные деятельности Инквизиции велись ещё с IV века ещё на территории Римской Империи. Так Константин I Великий (272-337 гг.) издаёт закон о конфискации собственности *христиан-донатистов*, отказавшихся сотрудничать с римскими властями. **Феодосий I Великий** (346-395 гг.) указом ввёл смертную казнь за принадлежность человека к религиозным группам *манихеев* (382 г.) и *присциллиан* (385 г.). Ересиарх Присциллиан был осуждён, и в 385 году вместе с 4-мя последователями был обезглавлен в Трире. *Это был первый случай казни еретиков в европейской истории.*

В 844 г. король Западно-Франкского королевства **Карл II Лысый** (823-877 гг.) вменил в обязанности епископам своего королевства вести миссионерскую деятельность посредством проповедей, а также расследовать и исправлять заблуждения франков («*ut populi errata inquirant et corrigant*»).

Упорядочение борьбы с ересями произошло на **Веронском синоде**, в **1184 г.**

В ноябре 1184 г. папа **Луций III** (1097 – 1185 гг.) во Дворце Епископа Вероны на Синоде Епископов, в присутствии императора **Фридриха I Гогенштауфена Барбароссы** (1122-1190 гг.) утвердил декрет **Ab Abolentam**, установивший новый принцип, позднее ставший основанием для деятельности Инквизиции и обоснованием её судебных процессов: *допускается обвинение в ереси и начало судебного процесса против еретика, даже в отсутствие свидетелей.* Точные правила преследования еретиков были утверждены и изданы, а епископов Луций III обязал систематически ревизовать свои епархии и создать «разведывательную сеть» из зажиточных мирян по розыску еретиков для предания их епископскому суду. Епископам разрешалось добиваться подчинения клира не только путём убеждений, но и страхом отлучения и других наказаний.

Однако Инквизиция, как учреждение была создана специальной буллой папы Иннокентия III. Около 1203 г. Иннокентий

III утвердил полномочия цистерцианских монахов монастыря Фонфруад в Нарбоннской Галлии – Пьеру де Кастельно и Раулю как своих личных легатов, направленных проповедовать против альбигойской ереси позже эта пара была «усилена» настоятелем монастыря Арно (Арнольдом) Фонфуадским. Больше того, существуют свидетельства, что ещё в 1199 году в те же области Франции с теми же полномочиями были направлены ещё два цистерцианских монаха Гюи и Ренье. Таким образом, было положено начало формированию новой структуры Римско-Католической Церкви, неподотчётной епископам, зато подчиняющейся непосредственно папе.

Поворотным моментом в истории Инквизиции стал Тулузский собор 1229 г. После окончания войны католиков с альбигойцами, предводительствуемыми графом Тулузским, положение Римско-Католической Церкви в Лангедоке было достаточно шатким. В ноябре 1229 года кардинал-легат **Ромен де Сент-Анж** прибывает в Тулузу. Ромену де Сент-Анжу предписывалось не покидать пределов Лангедока до полного обеспечения прочной базы новой политики Римско-Католической Церкви в государстве. После торжественной церемонии встречи, Сент-Анж приказывает созвать в Тулузе Собор с участием всех южных прелатов для решения следующих вопросов:

1) основание или, скорее, обновление Университета в Тулузе (легат Гонорий Конрад де Порто в 1220 году основал в Монпелье медицинскую школу, позже в 1289 году эта медицинская школа получила от папы статус Университета);

2) надежная и эффективная организация репрессий против ересей.

Решением Собора, утверждённым папой Гонорием III была создана Инквизиция. Сначала она не представляла собой централизованного учреждения: было определено, что каждый епископ должен назначать отряд для тайного розыска еретиков в пределах своей епархии. В состав отряда согласно проекту должен был входить священник и его помощники из числа светских лиц (от одного человека и более).

Всё изменилось, когда к 1233 году инквизиторские обязанности были изъяты из компетенции епископов и вверены представителям католического монашеского ордена доминиканцев. С этого времени начинают действовать инквизиционные суды. Логика папы Римского проста: монахи не были связаны с мирянами личными и общественными узами, а доминиканский орден подчиняется исключительно папе Римскому **Григорию IX** (ок. 1145-1241 гг.). *Всем мужчинам старше 14 лет и женщинам старше 12 лет*

вменялось в обязанность доносить на всех, кого они заподозрят в ереси. Более того, верующим вменялось в обязанность ходить к исповеди не реже трёх раз в год, а раз в два года приносить присягу о борьбе с еретиками. Всякий, кто не выполнял данных требований, попадал под подозрение в ереси. Согласно букве законов, действовавших в XIII веке, еретик, отошедший от ереси добровольно, объявлялся вне подозрений. Тем не менее, обращённый еретик должен был изменить место жительства, а на своей одежде нашить на грудь и спину матерчатые кресты, отличающиеся по цвету от одежды. Обращённый не мог исполнять никаких общественных должностей и допускался к подписанию документов только после того, как папа или легат специальным указом восстанавливали его в правах.

Тем не менее, значительная часть усилий нового учреждения была направлена не только на выявление и наказание еретиков, но и на пресечение злоупотреблений со стороны представителей христианского (конкретно - римско-католического клира). Эти функции Инквизиции сохранились и в период последующего времени её развития.

Исходя из приведённого выше описания, можно сделать вывод, что на начальных этапах своего существования (включая доминиканский период) Инквизиция, как учреждение и предшествующие ей организации были структурно не предназначены для ведения религиозных войн. Фактически, Инквизиция до XV века выполняла скорее полицейские и надзорные функции.

Подлинный расцвет Инквизиции, как орудия борьбы с инаковерующими наступает в XV веке, когда супруги король **Фердинанд II Арагонский** (1452-1516 гг.) и королева **Изабелла I Кастильская** (1451-1504 гг.) учредили в 1478 г. Испанскую инквизицию. Фердинанд и Изабелла учредили Испанскую Инквизицию после того, как завершилась победой Испанская Реконкиста. После захвата Гранады Фердинанд II и Изабелла Кастильская торжественно отказываются от титула «королей трёх религий» и объявляют объединённую Испанию католическим государством, в котором всем подданным вменяется в обязанность принять христианство. Не согласные на этот шаг изгонялись из пределов владений Фердинанда и Изабеллы. Изначально мишенью новой Инквизиции стали две категории населения: *мarrаны* и *мориски*. Именно их королевская чета считала наибольшей опасностью для католической веры в Испании.

***Мarráны** или **Maráны** (исп. *Marrano*, от араб. мухаррам — запрещенное), — термин, которым в конце XIV—XV вв. в Испании и*

Португалии называли принявших христианство евреев, и их потомков, независимо от добровольности крещения.

***Мориски** (в буквальном переводе с араб. маленькие мавры, мавританшики) в Испании и Португалии так называли мусульман, официально (как правило, насильно) принявших христианство, а также их потомков.*

Марраны и мориски находились на самой низкой социальной ступени, являясь согласно терминологии, принятой испанцами и португальцами, «новыми христианами».

Прежде чем начать разговор о борьбе иудеев, мусульман и их потомков против Инквизиции необходимо затронуть такой аспект, как религиозные восстания на Пиренейском (Иберийском) полуострове, в период Реконкисты. Речь идёт о **Мудехарских восстаниях**.

***Мудехары** – жители мусульманских кварталов в христианских (испанских) городах.* Мудехарские кварталы представляли собой своего рода закрытые анклавы с собственной внутренней жизнью, своими законами и этико-моральными нормами. Мудехарские восстания стали довольно распространённым видом борьбы мусульманского населения против насильственного введения христианских законов в сфере светского общения. Позже, после падения в 1492 году Гранадского эмирата, начинается насильственная христианизация мудехаров и в своём сопротивлении они соединяются с морисками, о чём будет рассказано ниже.

Мудехарские восстания интересны тем, что представляют собой борьбу религиозного характера, но за светское пространство. Первые мудехарские восстания датируются XIII веком (1244, 1248-58, 1276 гг.) и не имеют отношения к Инквизиции. Однако эти выступления имели всё-таки локальный характер и были направлены на соблюдение своих прав, а не на осуществление доктринального и военного соперничества различных конфессий. География восстаний также была сравнительно невелика: речь идёт о лишь Валенсии. Исключение составляет лишь мудехарское восстание в Севилье (Мурсия), произошедшее в 1264 году. Если в предыдущих случаях восставшие либо добивались от власти уступок, либо шли на компромисс, то севильские мудехары были в большинстве своём изгнаны из города и государства в Гранадский эмират. Правда, следует учесть, что часть мудехаров осела на городских окраинах и в сельской местности.

Достаточно крупное восстание мудехаров произошло в 1276 году в Арагоне. Восстание было подавлено силой оружия. Правда, в отличие от Изабеллы Кастильской, её муж Фердинанд Арагонский не

стал депортировать мусульман, более того, он приложил усилия для того, чтобы сохранить компактность их мест проживания.

Однако попытки связать мухаджарские восстания с деятельностью инквизиции на данном этапе не имеют под собой оснований.

Вообще на территории Пиренейского полуострова, инквизиция начала применять репрессии и смертную казнь сравнительно поздно: впервые «еретики» были приговорены к сожжению лишь в 1301 году — в Каталонии и в 1314 году — в Арагоне. Однако в 1478 году папой **Сикстом IV** (1414-1484 гг.) была издана специальная булла, позволявшая «католическим государям» создание «территориальной» инквизиции. По сути, хотя формально булла разрешала учреждение «новой» инквизиции всем монархам, исповедующим католичество, этот документ стал инструментом для активных действий главным образом в Испании.

Как утверждает историк Тоби Грин, инквизиция в Испании отличалась особенно большим количеством обвинительных приговоров в течение первых пятидесяти лет после ее учреждения в 1478 г. Если верить воспоминаниям очевидцев, за этот период подверглись пыткам более 50 000 человек. Как пишет историк Мануэль Бласкэз (Blazquez Miguel), значительная часть подследственных, после пыток была сожжена на кострах во время торжественных аутодафе. В качестве примера масштаба репрессий Бласкэз приводит пример 1492 г., когда до 2 000 человек были сожжены «телесно», а еще 2 000 - символически, то есть – в изображении. Сожжение «в изображении» - вид казни, представляющий собой сожжение куклы, символизирующей отсутствующего на казни приговорённого. Применялась, как правило, к лицам, сумевшим бежать от преследования инквизиции, и оформляла юридический статус таких лиц, как людей «вне закона». С 1486 по 1499 гг. в Толедо через трибуналы Инквизиции прошло около 10 процентов населения города. Лишь с 1540 года масштабы работы трибуналов Инквизиции несколько снизились.

Совершенно логично, что мориски и марраны возмутились. И если марраны чаще всего выражали своё возмущение «пассивно», спасаясь бегством, то мориски встали на защиту своей жизни достаточно активно. Сначала были испробованы легальные средства: в начале 80-х гг. XV века папе Сиксту IV от морисков был направлен ряд петиций с просьбами ограничить произвол трибуналов Инквизиции, судивших и казнивших морисков за «тайное поклонение Магомету», обвиняя их в тайном отпадении от христианства и

возвращении в Ислам. Более того, мориски были не одиноки в протесте против Инквизиции: жалобы на злоупотребления инквизиторов подавали даже епископы римско-католических приходов Испании. Сикст IV вместо расследования злоупотреблений судей отдал в 1483 г. приказ испанской Инквизиции продолжать политику борьбы с ересью без изменений и смягчения. Рассмотрение же жалоб на Инквизицию Сикст IV вменил в обязанность епископу Севильи Иньиго Манрикесу.

С 1483 года главой Испанской Инквизиции был назначен волевой, талантливый и безжалостный **Томас де Торквемада (1420-1498 гг.)**. Потомок марранов, духовник королевы Изабеллы Кастильской, Томас де Торквемада видел в религии в основном рычаг для объединения Кастилии и Арагона, а также вновь отвоёванных реконкистой территорий в единое и мощное государство. Хронист Себастьян де Ольмедо называет Торквемаду «молотом еретиков, светом Испании, спасителем своей страны, честью своего ордена». Первый историк Инквизиции Хуан Антонио Льоренте инкриминирует Торквемаде многочисленные смертные приговоры и масштабные казни. Однако нельзя не признать, что Томас де Торквемада подчас ограничивал фанатизм своих неистовых соратников по Инквизиции: он осудил фундаментальный обвинительный труд «Молот ведьм», отказавшись сделать его «руководством к действию» Испанской инквизиции. Также Томас де Торквемада, помня об изначальных целях Инквизиции, наряду с еретиками, жестоко боролся со злоупотреблениями в среде римско-католического клира.

В 1484 г. Торквемада организовал в Севилье смотр персоналу испанских инквизиционных трибуналов, причём все члены трибуналов должны были явиться лично. Во время Собора был утверждён специальный кодекс, регламентировавший порядок следственных действий и судебного процесса трибунала Инквизиции. Первоначально кодекс состоял из 28 статей, позже он был дополнен и к XVIII веку насчитывал 39 пунктов.

Состав трибунала был невелик: председатель-судья, два юриста («ассессора») и 3-4 советника (как правило – представители королевской администрации). Главным учреждением испанской Инквизиции стал *Consejo de la suprema* или *Высший совет*. Испания территориально была разделена на четыре части, в каждой из которых работал свой инквизиционный трибунал, ответственный перед Высшим советом. Позже система трибуналов была реорганизована, и их число достигло 10. Конфискованное у обвиняемых имущество делилось между доносителем, Инквизицией и королевской казной.

Признавая высокие волевые и личные качества Томаса де Торквемады, нельзя забывать, что Испанская Инквизиция, созданная им, как система, представляла собой мощный репрессивный аппарат. С 1481 по 1498 год на кострах было сожжено от 7600 до 9000 человек (чаще всего в источниках и литературе фигурирует усреднённая цифра 8 800 человек). Свыше 90 000 человек «отделались» конфискацией имущества и церковными епитимиями. Правда, вместо 6 500 человек, «спасшихся» от казни посредством бегства или смерти, были сожжены их изображения, в виде чучел или портретов. Однако этот факт не добавляет «гуманности» в действия Инквизиции, однако следует признать, что к 1489 году во многом благодаря усилиям Торквемады, Испания обрела настоящее единство, а Инквизиция приобрела значительный духовно-нравственный авторитет. Однако после смерти Торквемады, в 1498 г., пост Великого инквизитора Испании занял севильский епископ **Фра Диего де Деса и Тавера** (на должности 1499-1506 гг.), действовавшим менее удачно и взвешенно. Уже в 1507 г. Инквизиция Испании разделена на Инквизицию Кастилии и Инквизицию Арагона.

И всё-таки приходится признать, что до полноценной религиозной войны *марранов* и Инквизиции дело не дошло. Даже гибель инквизитора **Пéдро де Арбуэса (1441-1485 гг.)**, прославленного позже Римско-Католической Церковью в лике святых, нельзя назвать военными действиями, поскольку Арбуэс и его люди были уничтожены наёмными убийцами. Вместе с тем, существуют свидетельства о заговорах марранов против Инквизиции. Так Тоби Грин описывает один из них: *«Сказочно богатый Диего де Сусан, глава еврейской крещеной общины, призвал своих соплеменников запасть оружием, чтобы дать отпор инквизиторам. Однако его красавица-дочь, болтливая и легкомысленная, как и многие юные девушки, открыла под страшным секретом тайну своему возлюбленному — и на следующий день в Севилье начались аресты. Вместе с заговорщиками было схвачено много невинных людей. Начался суд, пытки, мучения — и признания. 6 февраля на специально отстроенном за стенами города помосте для аутодафе, называемом «кемадеро», состоялось первое публичное сожжение осужденных. Затем они стали происходить с пугающей регулярностью один или два раза в месяц».*

Однако и такие события сложно назвать войной. Ну а после изгнания отказавшихся принять христианство иудеев из пределов Испании согласно Альгамбрскому эдикту, состоявшегося после 1 августа 1492 года, об организованном вооружённом сопротивлении

марранов говорить не приходится. Иная ситуация сложилась по отношению к морискам. Когда в 1491 году объединённой армией Кастилии и Арагона был захвачен Гранадский эмират. 2 января 1492 года был подписан договор о капитуляции, в числе условий которого были следующие:

- неприкосновенность личности и имущества мусульман;
- право мавров на свободное проживание на своей прежней территории в своих прежних жилищах;
- свобода вероисповедания Ислама, неприкосновенность мечетей и их имущества;
- запрет на совершение насилия христианами по отношению к мусульманам;
- сохранение за маврами права назначать своих собственных правителей и судей-мусульман;
- предоставление свободы военнопленным маврам;
- ограничение налогового бремени мусульман закятom и десятиной;
- право мавров на переезд и распоряжение имуществом;
- и главное, согласно тексту договора «...никто не должен принуждать лиц, принявших ислам, к переходу в христианство; буде же мусульманин изъявит желание принять христианскую веру, ему предоставят несколько дней на размышление; после чего он должен предстать перед судьями — мусульманином и христианином, и если сочтёт необходимым вернуться к исламу, будет удовлетворена его воля».

Однако договор позднее был нарушен. И если в 1492 году иудеи были изгнаны из Испании, то маврам пришлось пережить насильственное окатоличивание. Политика окатоличивания осуществлялась под руководством гранадского епископа Эрнандо де Талаверы. Такая политика вызвала настоящее военное сопротивление.

В 1499 – 1501 году в Альпухаррасе в квартале Альбайсин началось стихийное вооружённое восстание, поводом к которому стала попытка насильственного окатоличивания девушки-мавританки приближенными толедского епископа и главы Инквизиции Кастилии Хименеса де Сиснероса (1436-1517 гг.). Девушка была избита католическими «миссионерами», что вызвало восстание, продиктованное как светскими (нарушение мирного договора), но и духовными причинами. Неподобающее отношение к женщине противоречило всем законам. Благодаря дипломатическим способностям Эрнандо де Талаверы, мятеж удалось было погасить.

Однако, Хименес де Синерес, пользуясь своим положением духовника королевы, убедил испанских монархов продолжить насильственное окатоличивание, что вызвало подъём религиозной войны в Басе, Гуадиксе и в горах Филадельфа. Лишь к 1501 году кастильской армии удалось разгромить восставших. По условиям мирного договора с маврами 1501 г., не согласные принять христианство имели возможность беспрепятственного выезда из страны. Оставшиеся же и принявшие римское католичество с этого времени и получили прозвище «морисков».

Итак, в данном случае мы вновь встречаемся с феноменом тождества этнокультурной и религиозной идентичности участников религиозных войн, как фактором, определяющим образ действий различных этнических и конфессиональных групп. Марраны и мориски оказались примерно в одинаковом положении на Иберийском полуострове после его политического объединения под властью кастильско-арагонской династии. Однако особенности исторического развития этнических групп продиктовали различные пути сопротивления насильственному окатоличиванию и действиям Инквизиции. Если марраны выбрали пассивное сопротивление, то мориски становятся участниками и одной из деятельных сторон серии религиозных войн. Можно предположить, что истоки подобных действий лежат в исторически сложившихся образе жизни и образе мышления народов, к которым принадлежали мориски (берберы-мавры, арабы и т. д.).

Восстания морисков повторились, а в 1568-1571 гг. переросли в полноценный военный конфликт – Альпухарскую войну. Поводом к войне стало фактическое введение «Прагматического эдикта». Прагматический эдикт, ставивший под запрет мусульманские одежды, имена, песни, танцы и даже мавританские бани, которые превратились в своего рода политические клубы, был издан ещё в 1526 году. Однако это законодательство оставалось лишь формальностью до 1 января 1567 г. В этот день было объявлено, что Прагматический эдикт будет введен в действие в течение двух лет в полном объёме.

Цель эдикта была шире, чем просто окатоличивание морисков. Фактически, «Прагматический эдикт» запускал механизм изменения этнокультурной идентичности значительной части населения страны. Позднее такими же методами будут пользоваться имамы Северо-Кавказского имамата.

Мориски, будучи притесняемыми со стороны римско-католической церкви, на протяжении второй половины XV- начала XVI вв. активно сотрудничали с магрибинскими пиратами и

работоторговцами (поэтому прозвище морисков «похитители детей», сложившееся в этот период, отчасти было заслужено). Также мориски охотно оказывали услуги Османской империи. Существует версия, что посредником в переговорах морисков с султаном Сулейманом I Великолепным (1494-1566 гг.) выступал легендарный пират и султан Алжира Хайрадин Барбаросса (1475-1546 гг.), но подтверждения такой версии в данный момент не найдено.

Начавшееся в конце 1567 года, восстание охватило горные районы между Сьерра-Невадой и побережьем. В 1569 году мориски восстали в Верхней Андалузии. Численность армии «новых христиан» составила около 4 тысяч человек. Примечательно, что, по свидетельству современников, не все восставшие вернулись в Ислам, некоторая часть повстанцев продолжала исповедовать христианство. Однако необходимо учесть, что значительная часть молодых морисков, будучи потомками мусульман, сами с детства воспитывались в христианской вере. Вероятно, для них переход в Ислам представлял серьёзный нравственно-этический акт, на который шёл не каждый из восставших.

К 1570 году к восставшим морискам присоединяются североафриканские мусульмане. Большинство из них принадлежали к этносам берберов (мавров) и турок, проживавших в Северной Африке. Вместе с африканским подкреплением число восставших достигло примерно 25 тысяч человек. Восставшие очень удачно выбрали время выступления: основные боеспособные части испанского короля Филиппа II (1527-1598 гг.) были задействованы в войне против гёзов в Нидерландах.

О масштабах успехов повстанцев говорит письмо, отправленное 26 октября 1569 г. из резиденции Филиппа II папе римскому Пию V (1504-1572 гг.) от папского нунция. В письме корреспондент папы прямым текстом сообщает, что если мятеж не будет подавлен до конца зимы 1570 года, то Испанию ждёт кризис.

Ситуация усугублялась активной помощью, которую Османская империя оказывала повстанцам. Не имея возможности помочь своим союзникам в Нидерландах иначе как финансами и дипломатическими средствами, султан Сулейман I Великолепный сосредоточил свои усилия на помощи восставшим морискам. В 1569 году вассал Османской империи алжирский бейлибей, организовал для морисков поставки оружия и военного снаряжения. Османские и алжирские войска в том же году совершили ряд опустошительных рейдов на испанское побережье. В январе 1570 года войска Османской Порты вошли в Тунис, находившийся под испанским протекторатом.

Филипп II не смог найти средств и войск, чтобы этому помешать. Характерно, что хотя для морисков римско-католическая церковь во главе которой стоял бывший инквизитор Пий V, была политическим и идеологическим противником (причём не только духовным, но и военным), на контролируемой территории мориски, по всей видимости, не проводили широкомасштабной политики насильственной исламизации (во всяком случае, достоверных сообщений на эту тему не найдено).

К моменту высшего подъёма восстания, армия морисков насчитывала до 45 тысяч хорошо вооруженных бойцов, однако численное и техническое превосходство всё-таки оставались на стороне испанцев. К тому же Испания обладала лучшей для своего времени пехотой. К ноябрю 1570 г. восстание морисков было подавлено. Мероприятия, направленные на то, чтобы восстание не повторилось, были продуманы крайне поверхностно: Филипп II испанский попытался обезопасить себя, «рассеяв» морисков по всей территории Испании, чтобы уменьшить их возможности собраться в единую силу. Из района восстания, как в районы континентальной Испании, так и в её заморские владения, было по различным данным депортировано от 70 до 150 тысяч морисков. До 20 процентов переселенцев погибли в дороге от голода и суровых условий, которые, по мнению Инквизиции, являлись частью «заслуженного наказания». Расселённые против своей воли по всей Испании мориски составили ядро сопротивления Инквизиции уже не в локальном, а в общеиспанском масштабе. Инквизиция и испанский король получили прямо противоположные запланированные результаты своей победы в Альпухаррской войне. Спohватившись, король Филипп II издаёт эдикты, запрещающие морискам селиться в приморских районах Андалузии (с 1579 г.) и Валенсии (с 1586 г.). Однако к этому моменту достаточное число повстанцев уже осело в прибрежных районах Испании.

Нужно отметить, наличие свидетельств современников, заставляющих предположить, что репрессии против марранов и морисков пользовались широкой поддержкой испанского населения. Существуют сведения о том, что во многих городах Испании конца XV- XVII вв. аутодафе входило в программу церковных и светских праздников. Более того, на лучшие места аутодафе продавались входные билеты. В то же время репрессии Инквизиции против христиан (даже если это были потомки марранов и морисков) в Арагоне вызывали серьёзный протест. Он выразился в ряде восстаний, которые носили скорее социальный характер, поскольку восставшие не

пытались вести борьбу с римско-католической церковью как таковой, а сводили свои цели к ликвидации Инквизиции, как административно-карательного института.

Фактически борьба морисков с Инквизицией и Римско-Католической королевской администрацией завершилась массовой депортацией морисков из Испании, начатой 9 апреля 1609 года и продолжавшейся около пяти лет. Свыше 272 тысяч морисков были вывезены из страны, лишь около 10 тысяч смогли избежать депортации. Таким образом, было депортировано около 4 % населения страны. Сведения о депортации 2 и даже 3 миллионов морисков из Испании, население которой в начале XVII века составляло около 7 миллионов человек, вызывают серьёзные сомнения. После депортации около 70-73% (в ряде источников – до 75%) морисков осели на территории Магриба и Марокко, где вернулись в Ислам. Часть морисков основала на берегах реки Бу-Регрег настоящую пиратскую державу, долгое время угрожавшую речному судоходству европейских кораблей. Мориски, принявшие решение остаться христианами, переселились на территорию современной Франции (большинство осело в провинции Прованс).

Справедливости ради стоит отметить, что отмечены случаи, когда Инквизиция выступала в защиту морисков и других верующих против злоупотребления клира. Так, по документам, приведённым Хуаном Льоренте, 18 января 1556 года папа Римский Павел IV (1476-1559 гг.) направил к инквизиторам Гранады Мартину де Алонсо и Мартину де Коскохалесу бреве, в котором сообщал о том, «что некоторые духовники злоупотребляют своим званием до такой степени, что побуждают женщин к греху сладострастия на самом месте покаяния. Папа приказывает инквизиторам преследовать священников, которых общественный голос обвиняет в столь великом преступлении, и не прощать ни одного из них». Однако случаи защиты интересов морисков и марранов остаются единичными, поэтому не могут влиять на общую оценку деятельности Испанской Инквизиции к иноверцам.

В данном случае можно идентифицировать Испанскую Инквизицию, как системный фактор в структуре Испанского государства, послуживший катализатором для возникновения межконфессионального конфликта, переросшего в масштабную религиозную войну. Однако называть действия Инквизиции единственной причиной религиозной войны морисков против испанцев некорректно. Деятельность Испанской Инквизиции лишь обострила противоречия, вызванные религиозной нетерпимостью испанского правительства, характерной для эпохи Филиппа II.

Глава 10.

Религиозные войны Арабского халифата в эпоху Праведного халифата и правления династии Омейядов.

История религиозных войн в мусульманских государствах эпохи становления и начального периода развития Ислама богата событиями в области внутриконфессиональных конфликтов. Это, прежде всего, связано с тем, что условия становления Ислама, как религии, морально-этической и социальной системы сходны с условиями становления Иудаизма. Пророк Ислама **Мухаммед (ок. 570 (580?) -632 гг.)** из рода **Бану Хашим** племени **курайшитов** оказался поставлен перед фактом, что его учение не просто послужило объединяющей силой для множества арабских родов и кланов. Ислам фактически стал своеобразным стержнем формирования «нового» человека, новой нации, живущей по непривычным для Аравийского полуострова и его народов единым правовым и морально-этическим законам. Таким образом, Мухаммеду кроме развития своего вероучения пришлось решать проблемы выживания своего народа (в данном контексте под понятием «народа Мухаммеда» автор имеет в виду мусульманскую умму, как социум – прим. Авт.), находящегося в окружении языческих общин, крайне агрессивно относящихся к проповеди единобожия, следовательно к исламу как религиозной системе и мусульманам как носителям данной конфессиональной традиции.

В сложившейся ситуации Мухаммед был поставлен перед выбором: вести вооружённую борьбу против противников Ислама, либо отказаться от борьбы и признать ошибочными свои убеждения, чем обречь своих единоверцев либо на возвращение к язычеству, либо на уничтожение.

Первое столкновение мусульман с язычниками, согласно сохранившимся сведениям о жизни Мухаммеда, произошло ещё в период его жизни в Мекке в *614 году*, когда при попытке группы язычников помешать молитве мусульман, осуществлявшейся в отдалённой от города местности, завязалась драка. Один из мусульман, двоюродный брат Амины бинт Вахб, матери пророка Мухаммеда 19-летний **Саад ибн Абу Ваккас (595 – 664 гг.)** нанёс ранение своему противнику, ударив его, согласно преданиям, первым попавшим под руку предметом, которым стала кость от челюсти верблюда.

Конечно, этот случай ещё нельзя назвать проявлением религиозной войны, однако он показывает, что взаимоотношения между представителями молодой монотеистической религии и традиционных для Аравийского полуострова языческих культов

изначально вышли на уровень конфронтации. При этом необходимо учесть, что ещё до Откровения Мухаммеду в 15-летнем возрасте пришлось участвовать в таком событии, как **Харб аль-фиджар (585 г.)** – «война беззакония» или «кошунственная война». Этот конфликт получил название «аль-фиджар» из-за того, что начался в месяц рамадан (священный месяц, который почитался, арабами, как время, запретное для войн). Таким образом, можно предположить, что Мухаммед, точно зная, что в среде его соплеменников есть люди, готовые нарушать собственные священные законы, установленные ранее, изначально учитывал возможность конфликта, в котором его противники, будут действовать без учёта исторически сложившихся религиозных и этических ограничений.

*Этап от Откровения, ниспосланного Мухаммеду, до хиджры 622 года принято называть **джахилия**. Иногда джахилией называют доисламский период вообще.*

В ходе *джахилии*, как этапа становления Ислама до *хиджры* в Медину (исхода мусульман из Мекки в 622 г.), сторонники Мухаммеда подвергались на родине систематическим гонениям. Так *в 615 году* произошла *первая хиджра в истории ислама*. Часть мусульманской общины Мекки вынуждена была, спасаясь от преследований, эмигрировать в Эфиопию. 83 мужчины, не считая женщин и детей (не все мужчины эмигрировали с семьями), под руководством **Джафара ибн Абу Талиба** (погиб в 629 г.). В тот момент Эфиопия являлась преимущественно христианским государством. Правитель Эфиопии негус **Наджаши** принял эмигрантов, позволив им исповедовать свою веру. Согласно преданиям, когда из Мекки прибыло посольство, Наджаши, прежде чем принять решение, выяснил, что ставится в вину эмигрантам на их родине. *Узнав, что ни в преступлениях, ни в побегах из рабства ни один из них не виновен, а вся вина Абу Талиба и его спутников состоит в исповедании монотеистической религии, каноны которой сходны с канонами авраамического монотеизма, Наджаши принял эмигрантов под свою защиту.* Ряд мусульманских историков утверждает, что негус Наджаши принял Ислам, однако это утверждение в данный момент вызывает сомнение, поскольку принятие Ислама негусом, немедленно привело бы либо к исламизации всей верхушки эфиопской аристократии, либо к её разделению по религиозно-конфессиональной принадлежности. Однако источники не говорят ни о том, ни о другом.

Фактически, в 615 году мусульманская умма впервые в своей истории оказалась на грани перерастания религиозного конфликта в религиозную войну. Перспектива развития военных действий была

пресечена дипломатической и военной поддержкой христианской аристократии Эфиопии.

Обострение отношений язычников Мекки и мусульман происходит после **619 года**, когда умирают дядя и опекун Мухаммеда **Абу Талиб ибн Абд аль-Мутталиб (549-619 гг.)** – глава племени курейшитов и покровитель Мухаммеда, а также – первая супруга Мухаммеда Хаджиджа, уважаемая негоциантка, обладающая высоким авторитетом в своём роду. Из-за преследований и угрозы убийством в **622 году** состоялась **хиджра**: Мухаммед вместе со своей общиной вынужден был переселиться в Медину. В изначальном смысле *понятие «хиджра» подразумевает переселение из Мекки в Медину собственно пророка Мухаммеда, датированное в большинстве исторических источников 24 сентября 622 года.*

Уже в **623 году** Мухаммед начинает военные действия против курейшитов - язычников. В течение этого года Мухаммед совершает со своим войском четыре похода:

- поход на Абву (11 месяц от хиджры),
- поход на Буват (месяцем позже),
- поход на Сафан поже называемый «первым походом на Бадр» (сентябрь 623 г.)
- поход на Аль-Ашир.

Не смотря на то, что первые два похода завершились практически без боестолкновений, а вторые два свелись к серии мелких стычек, события 623 г. можно характеризовать, как начало полномасштабной религиозной войны мусульман и язычников.

Первым крупным сражением стала знаменитая **битва при Бадре (17 марта 624 г.)**. Чуть более 300 мусульман (в ряде источников называется цифра 313 человек) успешно противостояла войску из 1000-2000 язычников-курейшитов под командованием **Амра ибн Хишама аль-Мугира ибн Абдуллаха ибн Умара по прозвищу Абу Джахль (отец невежества) (ум. 627 г.)**. Судя по всему, сражение было относительно мало кровопролитным для своего времени: источники говорят о 14 убитых мусульманах, и 50 – 70 жертвах среди их противников. Тем не менее, мусульмане, сумев взять под контроль стратегически-важный пункт - единственный пригодный для питья колодец в окрестностях, одержали убедительную победу.

Интересно, что победе при Бадре мусульмане придавали не столько стратегическое (хоть она и привела к ускоренному распространению Ислама по Аравийскому полуострову), сколько идеологическое, духовное значение. Так, например, это – единственный случай в военной истории, в котором обе

противоборствующие стороны признавали участие в сражении сверхсуществ. Об «участии в сражении ангелов» на стороне мусульман говорят как мусульманские авторы, так и языческие. Так об этом писал **Абу Суфьян ибн Харб (560-650 гг.)**. Известно, что Абу Суфьян (реже – Абу Суфьян) упоминал об участии сверхсуществ в битве на стороне мусульман ещё до 630 года, когда он принял Ислам.

За поражение при Бадре язычники сумели взять реванш в **битве при Ухуде (626 г.)**. В этом сражении язычники-курейшиты сумели использовать своё численное преимущество, массовой атакой кавалерии расстроив строй мусульман. Однако битва при Ухуде стала последним поражением армии Мухаммеда.

Вообще нужно отметить, что в войне против язычников у сторонников Мухаммеда, как правило, не было преимуществ в численности. Так при **осаде Медины** (в литературе известно под названием «**битвой у рва**») с 31 марта по середину апреля 627 года, войско Мухаммеда более чем втрое уступало войску Абу Джахля. 3 000 мусульман противостояли 10 000 язычников. Битва окончилась победой мусульман, и вновь сравнительно малой кровью.

Уже в **628 году** Мухаммед со стороны мусульман и Усман ибн Аффан с Сухайлем ибн Амром со стороны язычников заключили десятилетний **Худайбийский мирный договор**. Согласно условиям договора:

- Мусульмане и курайшиты обязались не пытаться вернуть в свою веру тех, кто по каким-либо причинам перешёл в другую веру;
- Через год язычники-курайшиты обязались покинуть Мекку на три дня, чтобы мусульмане имели возможность совершить малый хадж (умру).
- Стороны обязались не препятствовать друг другу в заключении союзов с другими арабскими родами и племенами.

Большинство историков и современников сходятся во мнении, что, сторонами, подписавшими документ, условия соглашения в целом соблюдались, и только конфликт между союзным язычникам племенем Бакр и союзным Мухаммеду племенем Хузаа привёл к нарушению договора. Многие мусульманские историки утверждают, что к моменту нарушения Худайбийского договора аристократия язычников-курайшитов, а также рядовые общинники-язычники в своей массе не видели смысла враждовать с Мухаммедом и его последователями. Встречаются утверждения, что многие из язычников склонны были выполнять законы Ислама, формально ещё не исповедуя данной религии. Эти факты говорят о том, что в течение восьми лет Мухаммеду и его сторонникам удалось создать единое правовое и

морально-этическое пространство, объединившее представителей различных конфессий. Поэтому достаточно правдоподобным выглядит утверждение, что посланные на мирные переговоры к Мухаммеду послы Абу Суфйан, Хаким ибн Хазам и Будайла ибн Варка, не добившись мира, приняли Ислам. **11 января 630 года войска Мухаммеда вошли в Мекку**, где встретили лишь локальный очаг сопротивления под командованием Абу Джахля, который был легко подавлен.

Религиозная война Мухаммеда с язычниками интересна в первую очередь с точки зрения целей сторон. Если со стороны язычников-курейшитов война с Мухаммедом и его сторонниками была, прежде всего, борьбой за сохранение традиционной морально-этической, социальной и правовой систем, то со стороны Мухаммеда и его последователей военные действия объяснялись как ходом борьбы за право Ислама на существование и развитие, так и простейшими задачами физического выживания уммы. Начиная вооружённую борьбу, Мухаммед выполнил свой долг перед единоверцами, проявив себя, как незаурядный лидер, что в значительной степени и привело к тому, что Ислам, как религия и идеология и мусульманская умма, как социальная «точка фокуса» выступили объединительными механизмами арабских племён в единую нацию, а сам Мухаммед удостоился признания как Пророка. Первые религиозные войны мусульман фактически оформили статусно-идентификационную систему внутри мусульманской общины, положив начало новой аристократии и новой социальной структуре, позже получившей развитие в рамках Арабского халифата.

Под понятием **Праведного халифата** сегодня имеют в виду период с 633 по 661 гг., эпоху правления четырех праведных халифов: Абу Бакра, Умара I ибн ал-Хаттаба, Усмана ибн Аффана, Али ибн Абу Талиба.

Период Праведного халифата длился всего 28 лет, но за это время был заложен фундамент формирования Арабского Халифата, как уникальной теократической империи, развитие которой в свою очередь предопределило пути развития многих аспектов науки и культуры Европы и Азии.

После смерти Мухаммеда в 632 году *ансары* и *мухаджирсы* избрали своим светским и духовным главой – халифом **Ас-Сиддика Абу Бакра Абдуллаха ибн 'Усмана аль-Курайши**, более известного в литературе, как **Абу Бакр ас-Сиддик (573-634 гг.)**.

Ансары — коренные жители Медины (в большинстве своём принадлежащие к племенам Хазрадж и Аус), принявшие Ислам и ставшие соратниками пророка Мухаммеда.

Мухаджир — мусульманин, во времена пророка Мухаммеда переселившийся из Мекки в Медину в 622 году. Вместе с ансарами мухаджирсы составили элиту мусульманской общины.

12-тилетнее правление Абу Бакра приходится на сложный период истории Ислама и мусульманского государства. Во многом государство Мухаммеда существовало и развивалось благодаря личному влиянию Пророка. Часть племён после смерти Мухаммеда не стала приносить присягу его преемнику, а многие люди и даже племена, принявшие ислам, после смерти Мухаммеда отошли от халифа, связывая новую для них религию исключительно с именем Пророка и не признавая ничьей теократической власти. Попытки Абу Бакра ас-Сиддика привести их к повиновению, вызвали вооружённое сопротивление.

Не менее серьёзной проблемой для халифа стало появление в среде арабских родов харизматических лидеров, выдававших себя за новых пророков. Источники упоминают имена Асвад аль-Анси, Тулайха ибн Хувайлид аль-Асади (Тулайха), Саджаха, Масламы ибн Хабиб (Мусайлима), и др.

Однако Абу Бакр ас-Сиддик, зная, что ему потребуется авторитет победоносного правителя поставил первоочередной задачей рейд на южные земли Византийской империи. Во главе войска халиф поставил молодого полководца **Усаму ибн Зейда (ум. 678 г.)** Примечательна, биография этого полководца. Усама ибн Зейд – сын невольника Хаджиджи и невольницы отца Мухаммеда, не участвовал в сражениях при Бадре и Ухуде по причине своего несовершеннолетия. Несмотря на его попытки пойти на войну, пророк Мухаммад запретил ему делать это. Только в битве при Хандаке он получил от него разрешение на участие в сражении. Позже Усама ибн Зейд зарекомендовал себя, как смелый военачальник и верный соратник Мухаммеда. Согласно свидетельствам очевидцев, в момент похода против Византии ему было не более 17 лет! Остаётся неясным, почему Мухаммед доверил такое ответственное поручение молодому человеку, происходящему из семьи невольников, что неизбежно стало вызовом «старой аристократии». Можно предположить, что помимо оценки выдающихся способностей Усамы ибн Зейда, это решение было продиктовано рядом политических и идеологических причин. Например – демонстрацией «социального лифта», предоставляемого мусульманской уммой лицам, отстаивающим её интересы.

26 июня 632 года армия ибн Зейда вторгается в пределы Византийской империи. Этот поход, длившийся около двух с половиной месяцев, не носил религиозного характера, он в большей степени представлял собой вооружённый рейд в духе арабских традиций вооружённых набегов на земли соседей. Такие набеги имели статусное значение для правителей арабских племён. Усама ибн Зейд вернулся с победой и трофеями, что определило его статус в арабском обществе, как состоявшегося полководца.

Заручившись поддержкой подданных и располагая средствами от удачного набега войска ибн Зейда, Абу Бакр начинает **Войну вероотступничества (632-633 гг.)**. Война вероотступничества традиционно рассматривается, как ряд военных кампаний против мятежных арабских племён, отказавшихся принести присягу Абу Бакру. Нужно отметить, что *религиозный характер данным войнам придаёт то обстоятельство, что статус халифа соединяет в себе статус светского государя и духовного лидера. С этой точки зрения, все войны, которые начинает халифат можно считать религиозными.* Однако если мы рассмотрим задачи и методы военных действий, то становится ясно, что в данном случае политические цели превалировали над религиозными: Абу Бакр не поощрял насильственной исламизации (как не поощрял её и Мухаммед), но и не осуществлял притеснения иноверцев, если они признавали над собой власть халифа.

К тому же необходимо признать, что начало активных военных действий произошло по инициативе противников Ислама: пока корпус Усамы ибн Зейда находился в походе, Мекка выдержала ряд нападений и осад со стороны мятежных племён. Однако попытки взять город были успешно отбиты, и ещё до возвращения армии ибн Зейда из похода, халиф Абу Бакр принял *закят* от племён Бану Амр, Бану Авф и Тай.

Понятие **Закят** обычно подразумевает один из пяти столпов Ислама: обязательный годовой налог в пользу бедных, нуждающихся, а также на деяния, способствующие распространению Ислама. В данном случае принесение *закята* со стороны племени или рода было равнозначно материальному свидетельству признания первенства халифа и его права на духовную и светскую власть над племенем или родом. То есть даже в ходе оборонительной войны Мухаммед и его сторонники продолжали распространять своё политическое и идеологическое влияние между арабскими племенами.

Во главе армии, которую Абу Бакр подготовил к борьбе против мятежных племён, он поставил опытного полководца по имени

Нуман ибн Мукаррин аль-Музани (погиб 642 г.). Выбор Абу Бакра был не случаен: перед армией стояла более сложная задача, чем набег на чужие земли. С одной стороны, необходимо было привести мятежные племена к прочной покорности, с другой стороны, сделать это так, чтобы сохранить присоединённые племена в качестве хозяйственных субъектов. То есть, кроме таланта военачальника необходим был талант дипломата. Однако немного позже Абу Бакр не смотря на предостережения мусульман Медины, сам присоединился к армии. После битвы у Рамзы, в которой армия мусульман одержала победу, Абу Бакр вернулся в Медину. Непосредственное участие главы государства в военных действиях в VII веке было в порядке вещей, а в глазах арабов было очень почётным, повышая статус правителя в глазах не только рядовых общинников, но и кругов аристократии.

После возвращения в Медину, Абу Бакр отдал приказ разделить армию Усамы ибн Зейда на 11 отрядов. Каждый из отрядов получил отдельное задание, для выполнения которого были необходимы личные и деловые качества его командира и достаточно количество бойцов конкретного отряда. Столь значительное дробление сил было необходимо Абу Бакру для того, чтобы одновременно подавить сопротивление на значительной территории халифата. Это был риск, но Абу Бакр вынужден был на него пойти, поскольку противники мусульманского государства обладали достаточными возможностями, чтобы начать военные действия в тех частях государства, которые не будут контролироваться мусульманской армией. А такие территории обязательно появились бы, если бы армия Абу Бакра сосредоточила усилия на одном-двух направлениях. Среди угроз Халифату, существовавших в середине VII века, можно выделить следующие.

- Серьёзную опасность для молодого мусульманского государства представляла армия **Масламы ибн Хабиба**, больше известного, как **Мусайлима**. Будучи призван около 620 года в столицу Ямамы Хаджару, где в 630 году в ходе конфликта с мусульманским населением Хаджары, Мусайлима объявил себя пророком. Решение это было для Мусайлимы чисто политическим: концепция единства светского, военного и духовного лидера – халифа была понятна арабам и принята арабскими племенами. Согласно свидетельству ряда мусульманских историков, Мусайлима вступил в брак с Саджах Месопотамской, также выдававшей себя за пророчицу.

- Не меньшую угрозу представляли сторонники другого лжепророка по имени *Тулайха ибн Хувайлид аль-Асади*. Тулайха один из военачальников племени Асад, участвовавший в борьбе с мусульманами в 626-627 гг. После смерти Мухаммеда, подчинил себе племя Фазара. Своей столицей Тулайха объявил местечко Бузаха.
- В Йемене в городе Сана закрепились власть **Асвада аль-Анси («Чёрного»)**, человека, по мнению современников, маниакально ненавидящего Ислам и мусульман. Если сам аль-Анси был убит за день до смерти Пророка Мухаммеда, то его сторонники продолжали удерживать власть в Йемене.

Абу Бакр лично возглавил отряд, выступивший против мятежных племён Абс и Зубьян, а после сравнительно быстрого приведения их к покорности, двинулся на соединение с отрядом Халида ибн аль-Валида.

Хали́д ибн аль-Вали́д (592-643 гг.), удостоенный современниками почётного титула «Меч Аллаха» (Сайфуллах), за время своей военной карьеры не потерпел ни одного поражения. Изначально отряд ибн аль-Валида принял добровольное изъявление покорности от племени Тай и разгромил племя Фазара, лишив Тулайху его основной опоры. После соединения с войсками Абу Бакара, армия мусульман разгромила армию Тулайхи, вынудив самого Тулайху скрыться (позже он принесёт повинную, примет Ислам и погибнет в 40-х гг. VII века при завоевании мусульманами Сирии).

Против Мусайлимы выступил отряд во главе с военачальником по имени **Икрима ибн Абу Джахль (погиб 636 г.)**, сыном «отца невежества» Абу Джахля, который после взятия Мекки Мухаммедом принял Ислам и стал одним из верных сторонников Халифата. Однако он не сумел добиться успеха, и вынужден был направиться в Оман. Против Мусайлимы же выступило соединение под командованием Халида ибн аль-Валида, которое в сражении при Аркабе разгромило войско Мусайлимы. Мусайлима был убит, а Саджах бежала.

В Омани мусульманское войско встретило серьёзное сопротивление, сломить которое удалось лишь в **сражении при Дабе**. Объединённые отряды Хузайфы ибн Мухсина, Афраджа ибн Харсама и Икрима ибн Абу Джахля сумели подавить сопротивление и восстановить власть Халифа.

В Йемене восстановление влияния Халифата осуществлял отряд Тахира ибн Абу Халы. Мусульманский отряд сравнительно легко покорил племена Ук и Ашар, после чего выступил на Сану. По

дороге к отряду Тахира ибн Абу Халы присоединились войска Мухаджира ибн Абу Умайи и Халида ибн Усайида. Сана была взята. После того, как объединённые отряды Мухаджира ибн Абу Умайи и Икрима ибн Абу Джахла вошли в Хадрамаут, Йемен полностью перешёл под контроль мусульман.

Один из лидеров мусульман Бахрейна - Джаруд, по собственной инициативе собрал сильный отряд, который совместно с посланным в Бахрейн войском под руководством Ала ибн аль-Хадрами выступил против вероотступников. Армия мусульман и на этот раз одержала победу.

633 год стал богатым и на внешние военные конфликты. В 633 г. Абу Бакр с миссионерскими целями направляет двухтысячное войско в земли нижнего течения Евфрата. Отряд возглавил Халида ибн аль-Валида, пользовавшийся заслуженной славой наиболее опытного полководца мусульманского государства. В задачи Халида ибн аль-Валида и его людей входила как организация распространения ислама, так и охрана проповедников. Не были забыты и геополитические цели: необходимо было по пути следования привести к присяге халифу жившие в этих землях общины бедуинов. Отряд Халида ибн аль-Валида успешно справился со всеми поставленными задачами, одержав победу над армией иранского наместника Нижнего Евфрата.

В мае 633 года произошло важнейшее сражение войск Арабского халифата и Сасанидской империи – *битва при ал-Валадже*. Командующий арабскими войсками Халид ибн аль-Валид применил тактику контролируемого отступления центра строя своих воинов, чтобы спровоцировать втягивание армии противника в окружение. Персидский командующий *Андарзагар* вместе с основной частью войска попал в окружение, и вынужден был бежать, бросив свои отряды. После этого войска мусульман вторично нанесли персам тяжёлое поражение в *битве при Уллайсе* (Кровавый канал), и в мае 633 года взял столицу Сасанидского государства Аль-Хиру. Успешными оказались и бои с отрядами арабских общин, исповедовавших христианство.

В 634 г. арабы одержали победу над византийскими войсками в Верхней Палестине. Перед битвой при Ярмуке Абу Бакр тяжело заболел и, понимая, что его болезнь смертельна, обратился к ближайшим соратникам с предложением инициировать заблаговременно выборы нового халифа. Согласно свидетельствам историков Ислама, его военачальники и государственные деятели отказались выбирать нового халифа, мотивировав это тем, что духовный лидер должен сам назвать своего преемника. Абу Бакр

выдвинул для оценки кандидатуру Умара ибн аль-Хаттаба. Предложение Абу Бакра было поддержано его соратниками и единоверцами. Ещё при жизни Абу Бакра было публично объявлено об избрании нового халифа. Халиф Абу Бакр скончался в походе **23 августа 634 года**.

Подводя итоги недолгого правления халифа Абу Бакра необходимо отметить, что военные действия, которыми мусульманскому лидеру пришлось заниматься в течение всей его жизни, в значительной мере носили религиозную окраску. Халиф Абу Бакр сумел силой оружия искусством проповедников добиться главного: Ислам стал признаком не только религиозной, но и национальной самоидентификации арабов, причём религиозная самоидентификация постепенно начала вытеснять родоплеменную. Фактически уже в 634 году можно видеть, что при военных действиях против сасанидских войск арабская армия уже гораздо в меньшей степени подразделяется по родовому признаку.

Характерно также, что полководцы Абу Бакра, приводя к покорности, например, Оман и Йемен не пытаются насильственно насаждать Ислам, предлагая побеждённым принять его добровольно. Эта особенность будет сохраняться на протяжении всего времени процесса формирования Арабского халифата.

Последствия победы при Ямруке начал реализовать уже второй халиф Арабского халифата – Умар ибн аль-Хаттаб. **Абу Хафс Умар ибн аль-Хаттаб аль - Адавий аль-Кураши (585-644 гг.)** вошёл в историю, как завоеватель. После поражения при Ямруке Византия уступила арабам Иерусалим. Любой поход халифа, как уже говорилось выше, можно было бы признать религиозной войной. Однако цели походов арабских войск в период правления Умара ибн аль-Хаттаба не всегда имели религиозную подоплеку. Так, войдя в Иерусалим в простом плаще, халиф Умар гарантировал Патриарху Софронию Иерусалимскому неприкосновенность православных храмов словами: «Во имя Аллаха... ваши церкви будут сохранены в целостности и сохранности, не будут захвачены мусульманами и не будут разрушены», после чего совершил намаз у Гроба Господня и заложил мечеть на горе, на которой прежде находились Иерусалимские храмы (как первый, так и второй). На горе в момент, когда арабские войска вошли в Иерусалим, располагалась городская свалка. Рыцарь-тамплиер Чарльз Дж. Аддисон, описывая, как Умар ибн аль-Хаттаб лично очистил вершину горы от мусора, называет его действия «благочестивыми деяниями»...

Военным центром Арабского халифата становится Медина. Главными направлениями агрессивной внешней политики Умара ибн аль-Хаттаба становится распространение влияния халифата на восточные провинции Византии, Египет и западная часть территории современного Ирака.

В 638–639 гг. арабская армия захватывает Антиохию и продвигается дальше, территорию Армении. После непродолжительного сопротивления арабские войска штурмом берут и столицу Армении - Двин. В следующие 3 года арабы продвинулись на север в Азербайджан и взяли его столицу Ардебиль. Полководцы армии Умара одержали несколько побед в районе Тигра и Евфрата, захватили столицу персов Ктесифон, разграбили ее и покорили Курдистан.

В 638 году арабская армия, которой командует талантливый и амбициозный военачальник **Амру ибн аль-Ас ибн Вали ибн Хаши ибн Саид ибн Сахм аль-Курайши**, больше известный, как **Амр ибн аль-Ас (583(573?) – 664 гг.)**, захватывает Иерусалим. Захват Палестины рассматривался полководцами Умара ибн аль-Хаттаба, как плацдарм для похода на Египет.

Однако летом 639 года в Палестине начинается эпидемия чумы. Вопреки приказу халифа, Амр ибн аль-Ас начинает наступление на Египет с ослабленной армией и 12 декабря 639 года берёт египетский город аль-Ариш.

В конце февраля – начале марта 640 года через месяц осады был взят штурмом город Билбейс. Византийцы потеряли около 1000 человек убитыми и около 3000 пленными. Летом того же года арабы осадили Вавилон (южная часть современного Каира). Вавилон был одной из сильнейших крепостей Северной Африки, имеющей стены высотой до 18 метров и шириной до 2 метров, сложенные из камня и обожжённого кирпича. *К осени к войскам арабов присоединяются копты, исповедующие христианство-монофизитство. Амр ибн аль-Ас обещает не притеснять их веру и копты на длительное время становятся надёжными союзниками арабов.* Вавилон был взят штурмом в немалой степени за счёт помощи коптов-христиан и использования передовых технологий военного искусства. На месте современного Каира, *Амр ибн аль-Ас в 640 г. осматривает Эль-Фустат — один из крупнейших по площади и населению городов раннего Средневековья.* Этот эпизод даёт понять, что поход Амра (как и большинство других походов в эпоху правления Умара ибн аль-Хаттаба) сложно назвать религиозной войной, не смотря на то, что они велись от имени халифа, а армия арабов имела религиозную

идеологию. Более того, в период Праведного халифата временами мусульмане на контролируемой ими территории оказывались терпимее к иноверцам, чем христианские правители.

В 642 г. арабское войско и их союзники захватывают Александрию, столицу византийской провинции в Египте. Увы, по преданию именно тогда была уничтожена знаменитая Александрийская библиотека. Согласно легенде, узнав, что ни в одной из её книг не рассказано ни об Исламе, ни об Аллахе, ни о Мухаммеде, Амр ибн аль-Ас якобы приказывает сжечь «совершенно бесполезные книги», об этом в частности свидетельствует арабский историк Абд аль-Латиф (1160-1231гг.). Войска Амра ибн аль-Аса в течение следующих месяцев продвинулись до оазиса Завилы в центре пустыни Сахара.

Халиф Умар ибн аль-Хаттаб за 10 лет сумел существенно увеличить территорию Арабского халифата, после чего «государство мусульман» трансформировалось в многонациональную и поликонфессиональную империю. В халифате удалось сформировать централизованный административный аппарат, но мусульмане всё-таки оставались меньшинством среди населения.

Единственным актом, который можно было бы считать недружественным по отношению к немусульманскому населению халифата - после введения фиксированного размера *хараджа* (государственный поземельный налог, взимаемый как с немусульманского населения, так и с мусульман), введение дополнительного налога *джизьи*.

О *джизье* необходимо сказать подробнее. Сегодня это понятие чаще всего трактуется, как «*выкуп за сохранение жизни при завоевании*» взимаемый с немусульманского населения – «*зимми*». Однако порядок взимания джизьи с момента своего введения предусматривал существенные ограничения: джизью не выплачивали женщины, старики, инвалиды, нищие, рабы, а также - христиане, воевавшие в мусульманской армии. Таким образом, говорить о джизье, как о налоге на сохранение жизни, по крайней мере, на данном этапе истории арабского государства, нельзя. Скорее джизья в VII-VIII веках представляла собой своеобразный налог на право светского населения исповедовать свою религию, если это не Ислам. Косвенно подтверждает такую точку зрения и то, что джизья не взималась и с христианских монахов вплоть до конца VIII века. Однако введение джизьи нельзя назвать военными действиями. Это – часть административной и финансовой реформы халифа Умара ибн аль-Хаттаба. Халиф Умар направляет значительную часть средств на

широкую программу градостроительства, составившую значительную часть политики его правления. При Умаре ибн аль-Хаттабе серьёзное развитие получили Медина, Мекка, расширились крупные торговые центры Басра и Куфа.

Таким образом, во время правления Умара ибн аль-Хаттаба формально под определение религиозных войн подходят все экспансионистские походы. Однако, если оценивать задачи и результаты походов, они вызывают серьёзные сомнения в религиозном характере большинства войн халифа Умара.

Резко отличаются от предшественников методы ведения политики, которую вёл третий праведный халиф **Усман ибн Аффан аль-Умави аль-Кураши (574-656 гг.)**. Участник хиджры в Эфиопию, женатый первым браком на дочери Мухаммеда Рукайие, прошедший серьёзную школу управления государством при дворе двух первых халифов, Усман ибн Аффан, продолжая завоевательную деятельность, тем не менее, больше времени уделял развитию Ислама не только как религиозной системы, но и как системы государственной идеологии. Поэтому неудивительно, что именно в период его правления был окончательно составлен канонический текст Корана и развёрнуто широкое строительство мечетей, кроме того, при халифе Усмани разворачивается широкая миссионерская деятельность мусульман на территории Арабского халифата, особенно – на вновь завоёванных территориях. Возможно, одним из поводов для такой политики стало то, что второй праведный халиф Умар ибн аль-Хаттаб был убит во время намаза фанатиком – огнепоклонником. Однако войны правительства Усмана ибн Аффана также сложно считать религиозными. В 646 году верховную власть Медины признала Армения, в 647 году армией халифата была захвачена Киренаика, а в 649 году армией халифа был завоёван Кипр.

Блестяще проявил себя, как военачальник, будущий первый халиф династии Омейядов **Муавийа ибн Абу Суфьян**. Именно он в 648 г. впервые в истории халифата возглавил морской поход на Крит.

Однако Усман ибн Аффан злоупотребил веротерпимостью, назначая на ответственные посты своих родственников, не все из которых были мусульманами. В условиях социума, бытовой идеологией которого стал Ислам, причём не просто как религиозная система, а как морально-этическая структура, опирающаяся на священный текст (Коран), то есть – система с чётко зафиксированными принципами существования и развития, возведение на ответственные должности лиц немусульман, не имеющих при этом заслуг перед Исламом, было ошибкой. Усман был убит мятежниками в собственном

дворце в 656 г. Халифом был избран **Али ибн Абу Талиб (599-661 г.)**, позже признанный последним, четвёртым праведным халифом.

Собственно, с этого времени начинается первая в Исламе гражданская война, повлекшая за собой раскол Ислама, - **первая фитна**.

Если с военной точки зрения можно смело утверждать, что арабские завоевания вышли на качественно-новый уровень после создания мусульманского флота, то, что касается религиозного характера войн, ведомых Арабским халифатом в данный период, это утверждать сложно. Как правило, принципы ведения военных действий и их мотивации при Усмани ибн Аффане не отличаются от принципов ведения войн Умара ибн аль-Хаттаба, а мусульманских прозелитизм начинается на завоёванных территориях после юридического включения их в состав Халифата. Даже повсеместное введение джизьи, по сути, имеет те же ограничения, что и при Умаре ибн аль-Хаттабе. То есть остаётся признаком приоритета Ислама в государстве, но мужчина, проходящий военную службу в армии халифата, от неё освобождается вне зависимости от вероисповедания.

Первая фитна – гражданская война 656-661 гг. в Арабском халифате, результатом которой стал приход к власти династии Омейядов и ставшая началом раскола мусульман на хариджитов, шиитов и суннитов.

После того, как халиф Усман ибн Аффан погиб в собственном доме, в Арабском халифате разразился кризис верховной власти. Существовал реальный и авторитетный кандидат на пост Халифа – Али ибн Абу-Талиб, набравший в 644 г. в качестве кандидата на престол одинаковое количество голосов с Усманом ибн Аффаном на шуре, собранной умирающим Умаром ибн аль-Хаттабом.

Однако против Али ибн Абу Талиба сложилась сильная в военном и духовном плане оппозиция. Её возглавили один из претендентов на престол **Тальха ибн Убайдуллах (595-656 гг.)**, один из шести советников Мухаммеда **Абу Абдуллах аз-Зубайр ибн аль-Аввам (594-656 гг.)** и **Аиша бинт Абу Бакр (612-678 гг.)** – супруга пророка Мухаммеда и дочь первого праведного халифа Абу Бакра. Аиша участвовала в создании Корана, передавая и обрабатывая немало хадисов своего отца.

Шура – совет, отражающий интересы всех мусульман. Один из элементов соборности традиционного Ислама.

Историки и теологи выдвигают ряд версий причины восстания оппозиции. Среди них и раздача награды за исповедование Ислама

(что противоречило принципам халифата), и неполучение Тальхой и аз-Зубайром ожидаемых наместничеств в Басре и Куфе – крупных торговых центрах, руководство которыми сулило высокие доходы. Однако очень многие придерживаются иной версии: Али ибн Абу Талиб по этой версии не спешил с расследованием убийства своего предшественника, что и возмутило Аишу бинт Абу Бакр. Согласно данной версии событий именно она призвала своих родственников Тальху и аз-Зубайра к военным действиям против Али ибн Абу Талиба. В то же время правитель Сирии **Муавийа ибн Абу Суфьян** приказал выставить в центральной мечети Дамаска окровавленную одежду халифа Усмана ибн Аффана, после чего заявил, что не признаёт Али ибн Абу Талиба своим правителем. Примечательно, что Муавийа ибн Абу Суфьян не выступил совместно с родственниками Мухаммеда, он, выказав неповиновение, остался в контролируемой им земле, стремясь к административной независимости.

Тальха, Аиша и аз-Зубайр со своими сторонниками переместились в Мекку. Однако и Али ибн Абу Талиб и его противники с трудом набирали войска. Дело в том, что обе стороны обладали серьёзным духовным авторитетом и как заявил талантливый полководец, пользующийся репутацией праведного мусульманина Саад ибн Абу Ваккас, не готовы были воевать, если им не дадут «меч, различающий истинно верующих от неверующих». Противникам халифа Али пришлось в конце концов эмигрировать в Басру.

Лишь **в начале декабря 656 года** произошла **битва «Джамал» («Верблюжья битва»), «Битва верблюда»** располагая силами от 20 до 35 тыс. человек мятежники достаточно уверенно повели переговоры, на которые пошёл халиф Али, располагавший армией от 8 до 10 тысяч воинов. Однако переговоры завершились схваткой. Основным полем битвы стало пространство вокруг верблюда, на котором находилась Аиша, ставшая для мятежников своеобразным «знаменем». Тальха и аз-Зубайр погибли в бою, а Аиша была взята в плен. По приказу халифа Али, Аишу с почётом доставили в Мекку, где она была отпущена на свободу. В конечном итоге свободу получили все пленники халифа Али, захваченные в «Битве верблюда».

В продолжение борьбы с мятежниками, халиф Али ибн Абу Талиб направляется в Сирию. **19-28 июля 657 года** состоялась **Сиффинская битва** между 90-тысячной армией Али ибн Абу Талиба и 120-тысячной армией Муавийи ибн Абу Суфьяна. Эта битва стала своеобразной иллюстрацией религиозного характера войны халифа Али с мятежниками. Умелый полководец и отважный человек халиф Али после нескольких попыток переговоров, не принёсших результата,

начал активные боевые действия и Муавийа, сам отличный полководец, достаточно быстро понял, что битва склоняется в пользу халифа Али. Тогда Муавийа ибн Абу Суфьян приказал закрепить на копьях своих воинов свитки Корана. Сознывая свою ответственность, как духовного лидера, халиф Али отдал приказ остановить сражение, чтобы его воины не совершили кощунства.

Было принято решение назначить третейский суд. В качестве судей были избраны Аль-Ашари со стороны Али ибн Абу Талиба и Амр ибн аль-Ас со стороны Муавии ибн Абу Суфьяна. Суд состоялся в марте 658 года и не принёс успеха противникам халифа Али. Однако ловушка, поставленная Али ибн Абу Талибу Муавией ибн Абу Суфьяном и его советником Амром ибн аль-Асом всё-таки сработала: значительная часть сторонников Али была возмущена переговорами с Муавией. С их точки зрения, сам факт согласия Али на третейский суд лишил его легитимности, так как это была передача людскому суждению сакрального права. Около 12 тысяч воинов халифа Али отказались служить ему и покинули лагерь. Эти воины принесли присягу **Абдаллаху ибн Ваххабу ар-Расибу**. Однако сведений о том, что Абдаллах ибн Ваххаб был избран халифом, в настоящий момент не найдено.

Воины, покинувшие войско халифа Али образовали течение в Исламе, получившее позже название *хариджитов (выступивших, покинувших)*. Своей базой хариджиты сделали Басру. Этот факт стал *первым профессиональным расколом в Исламе*. Основным пунктом учения было признание равенства всех мусульман, идеи выборности халифа, ограничение его деятельности функциями исполнительной власти и высшая власть принадлежащая шуре.

Хариджиты избрали основным методом борьбы с халифами вооружённые набеги, организацию мятежей и политические убийства. К лету 658 года халиф Али ибн Абу Талиб вынужден был организовать поход против хариджитов: убийства наместника Нахравана Абдуллы ибн Хаббаба, с его беременной женой и другими женщинами, а также убийство парламентаря посланного халифом Али требовали наказать виновных. Для халифа это был шанс отчасти восстановить авторитет, пошатнувшийся после битвы при Сиффине. **17 июля 658 г. в Нахраванской битве** халиф Али получил возможность обезопасить свои города от хариджитских набегов. Осадив Нахраван, халиф требует выдачи убийств, но хариджиты заявляют, что вина лежит на них на всех. Тогда Али ибн Абу Талиб отправляет к хариджитам блестящего дипломата Абу Айюба аль-Ансари. Аль-Ансари сумел уговорить большинство хариджитов сдаться и присягнуть халифу.

Однако около 1800 хариджитов во главе с Абдуллою ибн Ваххабом решают обороняться. После штурма остались в живых только девять человек, бежавшие в Басру. Именно они составили заговор, в результате которого **халиф Али был предательски убит в мечети 22 января 661 года**. Одновременно были совершены покушения на Муавийю ибн Абу Суфьяна, к тому моменту объявившего себя халифом Иерусалимским и на Амра ибн аль-Аса, захватившего власть в Египте. Однако покушения на них были безуспешными.

Правление Али ибн Абу Талиба и династический кризис, возникший во время него интересны с точки зрения трансформации династического конфликта в полноценную религиозную войну, повлекшую за собой раскол мусульманской уммы на ряд противоборствующих между собой течений.

С января по июнь 661 года во главе Халифата стоял сын Али ибн Абу Талиба **аль-Хасан ибн Али ибн Абу Талиб (624-669 гг.)**. Согласно наиболее распространённой версии об образе смены династии, сознавая, что удержат власть он не сможет, халиф Хасан добровольно передал власть Муавийи ибн Абу Суфьяну с условием, что унаследует трон после его смерти. Однако в 669 году Хасан умирает. При жизни Хасан ибн Абу Талиб остаётся II шиитским имамом (I шиитским имамом считается сам праведный халиф Али ибн Абу Талиб). *Шииты* обвиняют халифа Муавийю I в отравлении имама Хасана.

По одной из версий, именно в это время начинается второй конфессиональный раскол Ислама. Из общей мусульманской уммы выделяется такое направление, как *шииты*.

Шииты (от араб. — приверженцы, партия) — направление ислама, объединяющее различные общины, признавшие Али ибн Абу Талиба и его потомков единственно законными наследниками и духовными преемниками пророка Мухаммеда

О времени возникновения шиитского течения в Исламе точных сведений нет. Значительная часть историков и теологов считает, что движение шиитов возникло ещё во время жизни Пророка Мухаммеда, другие относят время возникновения шиизма к моменту смерти Мухаммеда, третьи относят зарождение шиизма ко временам правления Али, четвёртые к периоду правления халифа Хасана после убийства халифа Али ибн Абу Талиба.

Так или иначе, но 661 год, как дата передачи власти халифу Муавийе I ознаменовал кардинальное изменение системы духовной власти в Арабском халифате: произошёл переход от системы выборной, соборной власти к системе власти наследственной. Умма

утратила возможность избирать себе духовного и светского лидера. Фактически, произошло присвоение сакральной власти родом Омейядов. С этого момента сакрализация власти халифа утрачивает в глазах значительной части мусульман свой бесспорный характер, следовательно, религиозный характер военных действий Арабского халифата уже не может однозначно связываться с сакральной фигурой главы государства.

Первый халиф династии Омейядов **Муавийа I ибн Абу Суфьян (603-680 гг.)** оказался в ситуации, похожей на ситуацию халифа Абу Бакра: ему значительную часть своей жизни пришлось подавлять мятежи против своей власти в пределах территории Арабского халифата. Однако назвать действия Муавийи I религиозной войной нельзя: речь не идёт о борьбе различных конфессий и даже течений в Исламе, речь идёт об установлении сугубо политического господства.

В 676 г. жителями Мекки и Медины впервые в истории была признана наследственная власть халифов, когда они торжественно присягнули на верность сыну Муавийи I – Язиду. Это стало новшеством, поскольку до этого халиф принимал присягу от подданных при вступлении на престол. «Заблаговременная» присяга была нужна Муавии для того, чтобы обеспечить беспроблемную передачу власти над Арабским халифатом по наследству. Муавийа I переносит столицу Арабского халифата в Дамаск и окончательно превращает Сирию в провинцию своей империи.

Однако полностью уберечь своего сына от борьбы за трон Муавийи I не удаётся. Вступив на престол, Язид I вынужден был начать войну. Во время правления Язида I в стране было неспокойно – с самого начала правления Язид I столкнулся с восстаниями иракских шиитов, мединцев. Иракские шииты – представители нового течения в Исламе, утверждали, что халифом может быть только прямой потомок Али как близкий родственник пророка Мухаммеда. В своих проповедях они критически относились к правомерности избрания трех праведных халифов, считая человеческое вмешательство в процесс определения правителей неправомерным и посягающим на права Аллаха.

Именно шиитские имамы стали политическими соперниками халифов династии Омейядов на протяжении долгого времени. Так халифу Язиду I противостоял на поле политической борьбы III шиитский имам **Аль-Хусейн ибн Али ибн Абу Талиб (626-680 гг.)**, младший сын халифа Али. Однако до полноценной религиозной войны дело не дошло. Язид I принял решение либо привести имама Хуссейна

к присяге, либо уничтожить его. Согласно версии шиитских богословов, имам Хуссейн не захотел подвергать Каабу опасности осквернения кровью и вышел вместе со своими соратниками (18 родственников и 54 последователя) и членами их семей, зная, что их ждёт смерть.

В пустыне Кербела имам Хуссейн и его товарищи разбили лагерь, надеясь получить помощь от жителей Куфы. Однако халиф Язид I к этому моменту успел заключить с Куфой союз и имам Хуссейн остался без поддержки. Халиф Язид передал имаму Хуссейну и его товарищам предложение сдаться и признать власть халифа, но шииты отказались это сделать. Утром войска халифа Язида пошла на штурм. Мужчины в шиитском лагере были перебиты, а женщины взяты в плен. Шиитские историки утверждают, что в ночь перед последней битвой имам Хуссейн предложил своим воинам уходить, но никто из них этого не сделал. Большинство мусульманских историков, вне зависимости от течения Ислама, к которому принадлежат, признают стойкость воинов имама Хуссейна. По ряду преданий, женщины, взятые в плен, были публично опозорены (победители сорвали с них верхнюю одежду). Однако этот конфликт нельзя называть религиозной войной, прежде всего потому, что в него не были вовлечены широкие слои населения противоборствующих сторон. По сути, это трагическое событие представляло собой акт династической борьбы двух ветвей мусульманской аристократии, имеющих свои претензии на сакральную власть.

Последний сын имама Хуссейна **Абуль-Хасан Али ибн Хусейн ас-Саджад (658-712 гг.)**, больше известный, как **Зейн аль-Абидин** или же IV шиитский **имам Саджад**, был доставлен ко двору Язида I в Дамаск, но позже Язид I освободил имама Саджада. Имам Саджад до конца своей жизни занимался научным и богословским исследованием вопросов мусульманского вероучения в Медине, не принимая активного участия в политической жизни Арабского халифата.

После гибели Язида I ибн Муавийи халифом был провозглашён его сын **Муавийа II ибн Язид (624-692 гг.)**. Основным конфликтом, который имел признаки религиозного, в эпоху правления Муавии II стал конфликт халифа с **Абдуллою ибн аз-Зубайром (624-692 гг.)**, который с момента присяги Абдулле ибн аз-Зубайру жителей Мекки и Медины приобретает все черты религиозной войны.

Абдулла ибн аз-Зубайр – человек непростой судьбы. Первый мусульманин, родившийся в Медине после хиджры, зарекомендовал себя в эпоху праведного халифата, как талантливый полководец и

умелый политик. Верный сподвижник Муавии I ибн Абу Суфьяна, он отказывается присягать Язиду I, и оказал помощь его сопернику имаму Хусейну. После гибели имама Хусейна в Кербеле, Мекка и Медина присягают Абдулле ибн аз-Зубайру на верность. Посланная из Дамаска армия успеха не добилась. Согласно свидетельству ряда источников, сторонники Абдуллы ибн аз-Зубайра провозгласили его халифом, формально уравнивая его с халифом Муавией II. Однако в июне 684 г. Муавия II, страдая от болезни, отрёкся от престола. После смерти Муавии II от болезни, Абдулла ибн аз-Зубайр остался на определённое время единственным халифом на территории Арабского халифата. Родство с Мухаммедом по женской линии давало ему, в глазах ряда сторонников, определённые династические права на престол, а бесспорные заслуги перед Исламом – духовный авторитет. Однако династия Омейядов продолжала отстаивать свои права на верховенство в государстве. *Династический конфликт вновь приобрёл характер религиозной войны.*

Халифом был провозглашён **Марван ибн ал-Хакам (623-685 гг.)**, для которого победа над армией Абдуллы ибн аз-Зубайра была возможностью получить признание от сомневающихся сторонников. Халиф Марван одержал ряд убедительных побед, был признан мусульманами Сирии и Египта, однако не успел взять Медину и Мекку, поскольку был предательски убит. По одной из версий, его задушила одна из жён Язида I, поскольку Марван ибн ал-Хакам объявил наследником не сына халифа Язида I – Халида ибн Язида, а своего собственного сына **Абдула-Малика ибн Марвана (646-705 гг.)**.

Получив «в наследство» борьбу с халифом Мекки и Медины Абдуллой ибн аз-Зубайром, молодой халиф Абдул-Малик не стал рисковать и отправил против восставшей Медины армию из 2 тысяч человек под командованием опытного военачальника, отличающегося жестокостью и умелого администратора **Аль-Хаджаджа ибн Юсуфа ас-Сакафи (661-714 гг.)**. Халиф Абдул-Малик поставил перед Хаджаджем ибн Юсуфом чёткую задачу – по возможности не допустить кровопролития в Мекке и Медине. Не смотря на прозвище «аль-Хаджадж» («ломающий кости»), полководец и администратор действовал, и как умелый дипломат. Располагая всего двумя тысячами воинов, обещаниями амнистии и апелляцией к священным текстам, Аль Хаджадж сумел осадить Мекку, где находился центр мятежа и убедить перейти на сторону халифа Абдул-Малика более 10 тысяч человек, включая двух сыновей Абдуллы ибн аз-Зубайра. Поняв, что дальнейшие уговоры бессмысленны и в Медине остались лишь

фанатичные приверженцы аз-Зубайра, Аль Хаджадж попросил у халифа Абдул-Малика военной помощи и разрешения на штурм города. В *октябре 692 года Мекка была взята.*

Захват Мекки сопровождался катапультным огнём, от которого гибли мирные жители, а Кааба оказалась серьёзно повреждённой. Аль Хаджадж одержал победу, а Абдулла ибн аз-Зубайр погиб в бою. Однако Абдул-Малик, не отправил своего полководца в опалу, а сделал его главой провинции Хиджаз. Такая реакция халифа наглядно демонстрирует, что в ситуации соперничества с халифом Мекки и Медины халиф Абдул-Малик в отличие от, например, халифа Али ибн Абу Талиба не ставил духовный аспект на преобладающее место.

Двойственной ситуацией 692 года пользуются хариджиты, поднимая восстание, подавление этого восстания заняло около пяти лет, и оно завершилось только в 697 году.

Во внешней политике халиф Абдул-Малик сохраняет политику своих предшественников, чётко разделяя геополитические завоевания и религиозную политику.

В первую очередь халифу Абдул-Малику пришлось урегулировать отношения с Византией. В 685 г. с ней был заключен мирный договор на тяжелых для арабов условиях. Этот мир был вынужденной мерой, поскольку халифу необходимо было аккумулировать силы для подавления внутренней оппозиции. В 685 году на престол Византийской империи взошёл 16-летний Юстиниан II, не отличавшийся талантами полководца и государственного деятеля, зато отличающийся жестокостью. В 688 г. войска Абдул-Малика разгромили византийцев и вернули Арабскому халифату отнятые территории. Одновременно арабская армия вела сражения с сирийцами, басрийцами, и иранскими хариджитами; удачные битвы произошли в Северной Африке. В 696 г. арабы завоевали Карфаген. Все африканское побережье на севере континента перешло в руки мусульман. Тем не менее, в этих военных действиях сложно найти признаки религиозной войны.

Однако нельзя сказать, что исламизация завоеванного населения не была прерогативной задачей. Распространение Ислама среди покоренных народов шло сравнительно быстро и успешно. Частично это можно объяснить тем, что христиане отвоеванных у Византии земель и зороастрийцы Ирана видели в новой религиозной доктрине нечто не слишком им чуждое: не противоречащая доктринальной базе иудаизма и христианства, частично также и

зороастризма, молодая религия была достаточно близкой и понятной тем, кто уже привык верить в единого Творца.

Немаловажную роль играла и тщательно выверенная экономическая политика Арабского халифата: принявшие Ислам платили в казну халифата обязательный налог-*закят* и десятину-*ушир*, тогда как представители иных конфессий были обязаны выплачивать и подушную подать - *джизью*. Более тяжелый поземельный налог *харадж* (от одной до двух третей урожая), изначально выплачивало немусульманское население, однако с расширением халифата, харадж начали взимать и с мусульман.

Результаты не замедлили сказаться: завоеванные территории, от Испании до Средней Азии, стремительно исламизировались, причем исламизация шла фактически добровольно, во всяком случае без активного принуждения и преследования немусульман.

Одним из объяснений столь стремительного распространения Ислама можно считать проводимую параллельно политике арабизации. В ходе завоеваний и быстрого расширения захваченных арабами территорий большое количество воинов-арабов, вчерашних бедуинов, расселялось иногда чуть ли не целыми племенами на новых местах, где они, естественно, занимали ключевые позиции и брали себе в жены представительниц местного населения, зачастую активно пользуясь разрешением многожёнства, оговорённым в канонах Ислама. Исламизированные жены из числа местного населения арабизировались, как, естественно, и их многочисленные дети.

Кроме того, близость арабского языка и культуры семитскому, в основном арамейскому населению Сирии и Ирака способствовала быстрой арабизации этих районов. Знание арабского языка было важнейшим элементом более или менее благополучного существования. Тем более оно было неизменным залогом успеха и процветания в жизни: если в период Праведного халифата управление находилось в руках местных властей и велось в основном на греческом и персидском языках (ведь это были земли, отвоеванные у Византии и Ирана), то представители династии Омейядов, жёстко изменили правила. Арабский язык повсюду вводился в качестве обязательного в делопроизводство. Он был, как упоминалось, единственным в сфере науки, образования, литературы, религии, философии. Быть грамотным и образованным значило говорить, читать и писать по-арабски и вообще едва ли не быть арабом почти столько же, сколько и представителем своего родного языка и этноса. Исключение делалось только для сохранявшихся анклавов христиан и иудеев - те и другие считались почти духовными братьями мусульман, во всяком случае

вначале, уважительно именовались «людьми писания» и пользовались практически одинаковыми с мусульманами правами и признанием. Именно поэтому христианизованное население Египта, Ливии и всего Магриба арабизировалось значительно позже и медленнее.

Таким образом, вплоть до начала VIII в. религиозные войны носили в арабском мире преимущественно внутриконфессиональный характер прежде всего по той причине, что Ислам на данном этапе своего развития не рассматривал сторонников других монотеистических религий, как соперников, тогда как попытки доктринального плюрализма в самом Исламе, соединяясь с вопросами династических и духовных прав различных родов на первенство в мусульманском государстве вызывали жёсткую непримиримую позицию у всех сторон конфликта, что и выливалось нередко в военные действия, имеющие мощную религиозную составляющую.

Внешнеполитический курс претерпел коренные изменения и при преемнике Абдул-Малика **аль-Валиде ибн Абд аль-Малике (668-715 гг.)** Энергичный и дальновидный правитель, аль-Валид ибн Абд аль-Малик, пятый халиф из династии Омейядов, окончательно привёл к повиновению провинции, хотя все 10 лет его правления прошли в постоянных войнах с соседями. В 711 г. арабская армия расширила границы халифата до устья реки Инд и покорила Северную Африку, выйдя к побережью Атлантики.

Впервые в истории произошло столкновение христианской и мусульманской цивилизации. **19 (возможно – 23) июля 711 года** состоялась **битва при Херес-де-ла-Фронтера** первая битва, в которой противостояли друг другу христианская и мусульманская армии.

На предыстории этого исторического события следует остановиться подробнее. В начале VIII века при халифе Валиде I границы Арабского халифата вплотную приблизились к королевству вестготов. Знаменитый полководец той поры вали (правитель) Африки **Муса ибн Нусайр (640-716 гг.)**, усилив свою армию принявшими ислам берберами, в 707—709 годах завоевал остатки ещё сохранившей независимость Северной Африки и вышел к берегам Атлантического океана. Только Сеута оказала арабам ожесточённое сопротивление и надолго задержала их продвижение. Она принадлежала Византийской империи, но Константинополь находился слишком далеко, чтобы оказать Сеуте реальную помощь, и поэтому правитель города **Олбан Юлиан (Хулиан) Сеутский** вступил в союзные отношения с вестготами. По сложившимся традициям, Юлиан послал свою дочь Флоринду (Ла Каву) к толедскому двору, чтобы она получила воспитание соответствующее её положению в обществе. Согласно

свидетельствам современников (достоверность которых мало проверена), в скором времени стало известно, король вестготов **Родерих** (погиб в 711 г.) из прихоти обесчестил девушку. Оскорблённый Олбан Юлиан открыл арабам ворота города, предварительно заключив с ними мир на почётных условиях. Муса бин Нусайр, по свидетельствам современников, крайне нетерпимый к предателям и перебежчикам, узнав, что толкнуло Юлиана на сдачу города, отказался считать его изменником и заключил с ним военный союз, как с равным.

Христиане в тот момент не воспринимали Ислам как противоборствующую религиозную систему, поэтому многие христиане, бывшие до того момента союзниками вестготов, отказались служить королю Родериху, поскольку его поведение противоречило кодексу чести, принятому у христианской аристократии и присоединились к Олбану Юлиану Сеутскому. Олбан Юлиан выступил со своими войсками и присоединившимися к ним христианами на стороне арабской армии и предоставил арабам флот для вторжения на Пиренейский полуостров.

Муса бин Нусайр оказался перед сложным стратегическим и этическим выбором: с одной стороны, его армия не была готова к ширококомасштабным операциям на полуострове, с другой – Олбан Юлиан Сеутский со своими кораблями и воинами стал неожиданным и ценным союзником, готовым содействовать армии мусульман в наступлении на вестготскую провинцию Бетика. Кроме этого, существует версия, что арабов склоняли к походу и представители иудейских общин Иберийского полуострова, угнетаемые администрацией готов (в том числе и по конфессиональному признаку). Муса бин Нусайр, будучи верен принципам субординации, принял решение лишь получив согласие на десантную операцию от халифа аль-Валиба ибн Абд аль-Малика. Арабский полководец поручил кампанию в Бетике командующему небольшим разведывательным отрядом по имени **Абу Зара Тариф ибн Маллак** (Маллак). Об этом военачальнике не известно практически ничего, кроме того факта, что он командовал отрядом, который летом 710 года совершил рейд на Бетику. Абу Зара Тариф, с четырьмястами воинов и сотней лошадей переправился через Гибралтарский пролив на четырёх кораблях предоставленных Олбаном Юлианом, опустошил окрестности Алхесираса и вернулся назад в Африку с богатой добычей.

Широкое же вторжение на Пиренейский полуостров возглавил берберский мусульманин **Тарик ибн Зияд (670-720 гг.)**, согласно

преданию принявший Ислам, чтобы освободиться от рабства. Он вторгается на территорию Иберийского полуострова с 7-10 тысячами воинов (в основном берберов) и начинает широкомасштабное наступление.

Битва при Херес-де-ла-Фронтера на правом берегу Гвадалахира стала первым в истории значительным столкновением армий с различными религиозными идеологиями: мусульманской и христианской. При этом называть это сражение эпизодом религиозной войны нельзя по следующим причинам:

- На Иберийском полуострове вестготы воспринимались местным населением, как оккупанты, поскольку вели дискриминационную политику в отношении ромеев, исповедовали непонятное местному романскому населению арианство и вели изолированный от него образ жизни;
- К армии Тарика ибн Зияда присоединилось значительное число христиан халифата, Сеуты и ромеев полуострова, следовательно, говорить о «монолитном» мусульманском войске не приходится;
- В восприятии наследников имперских римлян вестготы оставались варварами, чуждыми культуре;
- Многие вестготы не признавали власти короля Родериха, поскольку после смерти предыдущего правителя вестготов Витицы в 710 году Родерих силой захватил власть, нарушив права сына Витицы – Агилы (Ахилы), из-за чего часть вестготской аристократии хоть и пассивно, но противодействовала Родериху.

Таким образом, вопреки мнению многих историков, теологов и публицистов, вторжение арабов на Пиренейский полуостров и его дальнейшее завоевание, как и испанская Реконкиста, так и не стали религиозными войнами.

В годы правления **Сулеймана ибн Абд аль-Малика (674-717 гг.)** вопрос о религиозных войнах практически не поднимался. Фактически этот халиф оставил лишь сомнительный след в истории, будучи известен в основном репрессиями своих политических противников. При новом халифе мусульмане в 717 г. осадили Константинополь и с суши, и с моря, но через несколько месяцев армия вынуждена была отступить из-за разразившейся в военном лагере эпидемии (предположительно – бубонной чумы).

Кардинальные перемены в халифате Омейядов наступают лишь когда на престол вступает халиф **Умар ибн Абд аль-Азиз (682-720 гг.)**, более известный, как **Умар II**. Блестящий администратор, за 6 лет создавший передовую для своего времени транспортную и ирригационную инфраструктуру Медины, Мекки и Таифа.

Щепетильный к казне, ведущий пуританский образ жизни он заслужил обоснованные симпатии современников (как мусульман, так и представителей иных конфессий). Интересно, что многие авторы, отмечая фанатичную религиозность Умара II, заявляют, что за 3 года правления, он не сделал ничего значительного. При самом поверхностном анализе, это утверждение вызывает серьёзные сомнения: при Умаре II были заложены основы научной мусульманской теологии, развёрнута широкая государственная программа поддержки богословов и религиозного образования. Становлению этой системы помешала ранняя смерть халифа.

Для рассматриваемой темы важны следующие аспекты правления Умара II:

- *во-первых, то, что именно в период его правления начинается серьёзное догматическое обособление мусульман от «людей писания»;*
- *во-вторых, Умар II практически стал последним халифом, пытавшимся найти путь примирения с хариджитами;*
- *в-третьих, Умар II жёстко препятствовал повышению джизьи с иноверцев, поощряя их переход в Ислам или службу халифату.*

В 720 году после смерти Умара II на престол восходит **Язид ибн Абд аль-Малик** или **Язид II (685/687-724 гг.)**, сын Абд ал-Малика. Язид II показал себя способным военачальником, ведя войны с хариджитами, однако как политик он добился немногого. В контексте религиозных войн интересен **указ Язида II об уничтожении всех изображений живых существ на территории халифата, изданный в июле 721 г.** Это был первый прецедент нападений мусульман на христианские церкви. Лишь во время правления сына Язида II - **аль-Валида ибн Язида** указ был отменён, однако возвращение к разумной политике мирного межконфессионального сосуществования было запоздалым.

Следующий халиф, брат Язида II, **Хишам ибн Абдул-Малик** продолжил недалновидную политику притеснения иноверцев на территории халифата. Результаты не замедлили сказаться.

Первой проблемой стал конфликт с Хазарским каганатом за контроль над Закавказьем. Лишившись возможности узнавать оперативную информацию через иудеев Халифата, притесняемых по приказу Язида II, халиф Хишам оказался не готов к вторжению хазарской армии в пределы халифата в ноябре 730 года.

6-7 декабря 730 года в битве при Ардебиле, сын кагана **Барджиль Барсбек** (погиб в 731 г.) легко разбил войско халифа, а его

армия начала грабёж страны, остановившись лишь под Диарбекиром (Диарбакыром).

Ещё более унижительным стало поражение арабской армии в битвах «**День Жажды**» (721 г.) и **Битве на перевале Тахтакарача** (731 г.) от тюргешей, откровенно уступавших арабам и в вооружении и в выучке.

Ещё более тяжёлым стало восстание индуистов Синда под руководством **Джая Сингха**. Восстания в Мавераннахре (736—737 гг.) и берберских племён Северной Африке (740—742 гг.) поставили халифат Омейядов на грань развала.

Попытки хоть отчасти поправить экономическое положение за счёт повышения налогов на короткое время наполнили казну, но в перспективе окончательно подорвали экономику державы. Интересно, что ряд авторов описывает халифа Хишама, как «активного государственного деятеля, умело подавлявшего постоянные внутренние волнения. ... В 743 г. берберы и другие восставшие племена были окончательно разбиты, а империя восстановлена в прежних границах».

Эта версия не соответствует действительности: *притеснение немусульманского населения и недалёковидная религиозная и экономическая политика халифа Язида II и халифа Хишама в I пол. VIII в. были в числе важнейших причин, которые привели к тому, что распад халифата Омейядов принял необратимый характер.*

Последние годы существования Арабского халифата Омейядов изобиловали локальными религиозными войнами. С 744 г. во главе Арабского халифата встал халиф **Аль-Валид II** или **аль-Валид ибн Язид (743-744 гг.)**. Этот халиф правил около года, но оставил серьёзный след в истории. Многие историки описывают его, как деспотичного человека. Однако именно Аль-Валид II отменил указ об уничтожении изображений живых существ (людей и животных), который спровоцировал длительные гонения на христианские церкви, став своеобразным прообразом иконоборчества. Существует версия, что именно гонения на изображения живых существ в Арабском халифате послужили примером для иконоборческой политики византийского императора **Льва III Исавра** (ум. 741 г.), однако бесспорных доказательств этой версии на сегодняшний момент не найдено.

С первых дней правления халиф аль-Валид II, племянник халифа Хишама, вынужден был возглавить борьбу с религиозными группами, ведущими боевые действия против правительственных войск. Фактически ему достались в «наследство» все религиозные

конфликты, которые начались во время правления халифов Язида II и Хишама. Особенно жёсткое противостояние с Арабским халифатом по-прежнему вели хариджиты и шииты Персии. В этих условиях объявление халифом аль-Валидом II наследниками своих сыновей, рождённых от рабыни-наложницы, то есть оскорбление собственной семьи, выглядит более чем опрометчиво. Халиф был убит и на престол возшёл его двоюродный брат **Язид ибн аль-Валид ибн Абдул-Малик** или **Язид III (701 — 743 гг.)**.

Полугодовое правление Язида III, продолжавшееся с апреля по октябрь 744 года прошло в междоусобицах. Произошёл раскол внутри династии Омейядов. Население Хомса подняло мятеж, призывая отомстить за убитого аль-Валида ибн Язида, и объявило халифом его сына Хакама ибн Аль-Валида. Повстанцы убили наместника провинции и под предводительством Абу Мухаммад ас-Суфьяни пошли на Дамаск. Отряд был разгромлен Сулейманом ибн Хишамом и Абдул-Азизом ибн аль-Валидом. Однако антиарабские восстания на национальных окраинах продолжались: восстаниями были охвачены не только христианские Армения и Палестина, но и в значительной мере мусульманский Азербайджан.

После краткого правления **Абу Исхака Ибрахима ибн аль-Валида (743)**, длившегося всего 70 дней, последним халифом из династии Омейядов стал **Марван II ибн Мухаммад ибн Марван (688-750 гг.)**, больше известный, как Марван Глухой. Способный полководец, талантливый администратор, сочетавший жёсткость правления и умение улаживать межконфессиональные споры, проявляя уважение не только к мусульманам, но и представителям иных конфессий, проведший успешную реформу армии, Марван II уже не мог преодолеть центробежные тенденции в государстве и справиться с процессом распада халифата.

В 743 году, узнав об убийстве халифа Хишама, Марван ибн Мухаммад поспешил в Дамаск, где провозгласил себя халифом (744 г.). По сути, Марван ибн Мухаммад оставался халифом «параллельно» с халифами Язидом III и Исхаком. Опираясь на вооружённые силы своих сыновей Убайдаллы и Абдаллы, Марван II пытается предотвратить распад государства. Однако, не будучи признан значительной частью мусульманского общества ещё при жизни халифов Язида III и Исхака, он не сумел добиться признания своих прав как халифа и после их гибели. Если восстание в Сирии халифу Марвану II за полтора года в целом удалось подавить, то попавшую под контроль хариджитов Месопотамию удалось вернуть под власть халифата только частично.

Основной проблемой для Марвана II стало восстание шиитов, в Хорсане. Во главе восстания встал **Абдурахман ибн Муслим аль-Хурасани** он же **Абу Муслим (700—755 гг.)**. Согласно преданиям, Абу Муслим был персидским рабом, освобождённым от неволи шиитским имамом. Выполняя долг благодарности, Абу Муслим, якобы сумел в Хорсане собрать ядро будущих восставших, в число который вошли как арабы, не признающие власти Омейядов, так и представители покорённых народов: персидские крестьяне, беглые рабы. Ряд западных авторов сравнивает Абу Муслима со Спартаксом. То, что Аббасидам не удалось сделать за два десятилетия, Абу Муслиму удалось за неполных два года.

15 июня 747 года Абу Муслим выступает со своей армией против армии халифа Марвана II. Неожиданно для многих, проявив блестящие способности военачальника, Абу Муслим зимой взял достаточно сильную крепость Мерв - один из главных центров арабской литературы и науки, располагавший десятью библиотеками. В течение 748 года армия Абу Муслима взял Нишапур и Тус. Интересно, что во взятых городах значительная часть населения встретила Абу Муслима, как освободителя, а его жёсткое противодействие грабёжам со стороны не самой дисциплинированной и разношерстной армии сторонников шиитов, сделало его настоящим национальным героем.

Окончательно подорвало силы армии Марвана II **сражение на реке Большой Заб (25 января 750 г.)**. Не располагая тяжёлой конницей, способной противостоять коннице Марвана II, полководец Абу Муслим принял решение противостоять коннице силами пехоты. Абу Муслим неожиданно для современников применил тактику «глубокого строя», используя большое количество грубо сделанных длинных копий. По одной из версий, эту идею ему подсказали жители Мерва, приведя в пример римские пехотные строи тяжёлых копейщиков-гастатов. Атака омейядской конницы разбилась о двойной строй тяжёлых копий, после чего армия Марвана II обратилась в бегство. В сражении погибло до трёхсот членов клана Омейядов — практически вся мужская составляющая семейства халифа.

2 сентября 749 шииты овладели **Куфой**, а через несколько недель, 28 ноября, **Абуль-Аббас Абдуллах ибн Мухаммад ас-Саффах (722-754 гг.)**, правнук Абдаллы ибн Аббаса — двоюродного брата Мухаммада, был избран халифом.

Марван II бежал через Дамаск, Палестину и Иордан в Египет, где был пойман и казнен 6 августа 750 года. Его сыновьям удалось

укрыться в Эфиопии, Убайдалла погиб в бою. Наиболее удачливым из Омейядов оказался **Абд ар-Рахман I ибн Муавийа (731-788 гг.)**, по прозвищу «ад-Дахил» («Пришелец»), основавший на значительной части территории Пиренейского полуострова в **756 г. Кордовский эмират**.

Война шиитов и Омейядов 747-750 гг. в полной мере может считаться религиозной, поскольку представляла собой не только и не столько династический конфликт, сколько борьбу двух самостоятельных течений Ислама, охватившую все слои общества с обеих сторон. Результатом же военных действий стало политическое и духовное преобладание одного из конфессиональных направлений.

Подводя итоги правлению Омейядов необходимо отметить, что характерной чертой внутренней политики в исламском государстве стало слияние религии и политики, духовных структур и светской власти. Мусульманство никогда не было отделено от государства, а наоборот, являлось духовной основой, руководством к действию для арабских халифов. Основная часть религиозных конфликтов, перетекающих в войны, на данном этапе становления Ислама, как мировой религии заключалась во внутриконтрафессииальных конфликтах, имевших, как правило, политическую подоплеку. Первые же попытки насаждения религиозной нетерпимости по отношению к иноверцам (особенно к «людям писания») привели к серьёзному подрыву экономической системы и обороноспособности, а в конечном итоге и распаду Халифата Омейядов.

Глава 11.

Религиозные войны Арабского халифата династии Аббасидов.

Династия Аббасидов, происходившая от **Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба (566-653 гг.)**, дяди пророка Мухаммеда, правила Арабским халифатом с 750 по 1258 год. Оппозицию новой династии по-прежнему составляли хариджиты и шииты (особенно – шииты Ирана).

Первый халиф династии **Абуль-Аббас Абдуллах ибн Мухаммад ас-Саффах (722-753 гг.)** начал своё правление с масштабной «зачистки» политического пространства государства. В первую очередь были казнены многие представители династии Омейядов, а также ряд хорасанских аристократов, способных, по мнению халифа и его приближённых, организовать вооружённое сопротивление. Избрание Абуль-Аббаса халифом противоречило доктрине шиитов поддерживавших претензии на престол представителей династии Алидов. Однако халиф Абуль-Аббас

действовал энергично и не дал шиитам времени и возможности, чтобы организовать сопротивление его власти. Борьба против соперников, которую вёл халиф Абуль-Аббас, имеет мало общего с религиозными войнами: халифа интересовало в основном политическое преобладание. Жестокость расправ с соперниками послужила причиной того, что халиф получил от современников кличку «ас-Саффах» - «живодёр», «мясник». В 753 году, после четырёхлетнего правления 32 (по другим источникам – 33) летний халиф скончался от оспы в столице своего государства Анбаре.

Становление халифата Аббасидов реализовал лишь брат Абуль-Аббаса ас-Саффаха – **Абу Джафар Абдуллах ибн Мухаммад аль-Мансур** (ум. 775 г.).

Однако Абу Джафар получил власть из рук своего брата, и поэтому законность его власти долгое время оставалась не признанной значительным числом мусульман. В частности, Абу Джафара не признал халифом его же дядя **Абдулла ибн Али**, полководец, принявший активное участие в низложении Омейядов и до самого конца преследовавший последнего омейядского халифа Марвана ибн Мухаммада. Абдулла ибн Али отказался признать права племянника, мотивируя это тем, что ас-Саффах якобы завещал власть тому, кто изгонит Омейядов (по всей вероятности Абдулла ибн Али сам претендовал на престол).

Народный герой, полководец и лидер антиомейядского восстания Абу Муслим признал права Абу Джафара, и халиф отдал приказ Абу Муслиму выступить против Абдуллы ибн Али. Абу Муслим оставил править Хорасаном своего соподвижника Халида ибн Ибрагима и выступил в поход. В Мосуле к нему присоединились войска правителя Армении аль-Хасан ибн Кахтаба, назначенного Абу Джафаром. Дойдя до **Харрана**, войска Абу Муслима заняли позиции для сражения с армией Абдуллы ибн Али.

Абу Муслим оказался в сложном положении: с одной стороны, он опасался гибели Абдуллы ибн Али в сражении, поскольку даже считая Абдуллу ибн Али мятежником, судя по отзывам современников, относился к нему, как к сакральной личности – кровному родственнику халифа, духового лидера, данного его народу Аллахом. Кроме того, Абу Муслим сознавал, что при малейшем конфликте в будущем халиф Абу Джафар мог обвинить Абу Муслима в убийстве своего близкого родственника, как превышении полномочий.

В этот момент Абдулла ибн Али совершает серьёзную ошибку, перед боем, устроив в своём лагере настоящую «охоту на ведьм», и

казнив ряд хорасанских военачальников и офицеров по обвинению в предательстве. Совершенно закономерно, что в лагере Абдуллы ибн Али после таких его действий произошел раскол. В то же время солдаты Абу Муслима, среди которых преобладали хорасанцы, узнав о случившемся в лагере противника, восприняли предстоящее сражение, как возможность избежать резни только в случае победы. Этим обстоятельством воспользовался Абу Муслим.

Поняв силу пропаганды, Абу Муслим отдаёт приказ распространить среди находившихся в стане противника выходцев из Дамаска, слухи о том, что он якобы назначен халифом наместником Сирии и прибыл для выполнения указаний халифа, а не для сражения с Абдуллой ибн Али. Сирийцы, не захотев нарушать распоряжения халифа, вернулись в Дамаск. Фактически, Абу Муслим выиграл сражение ещё до его начала, используя духовный и моральный авторитет халифа, его сакральный статус.

Абдулла ибн Али был вынужден отступить. Абу Муслим, уйдя из временного лагеря, занял подготовленные позиции, оставленные противником, и начал военные действия. Однако Абу Муслиму удалось переломить ход войны и одержать победу лишь через пять месяцев. Абдулла бежал в Басру, где укрылся у своего брата Сулаймана ибн Али; другой его брат, Абдуссамад, постоянно поддерживавший его, бежал в Куфу, где нашел приют у племянника Исы ибн Мусы ибн Мухаммада (позднее он был схвачен халифом аль-Мансуром и умер в темнице).

Таким образом, Абу Муслим сумел выиграть сражение, переведя его в глазах воинов противника из плоскости светского политического соперничества в область религиозной войны, противоречащей религиозному сознанию значительной части воинов противоборствующей армии.

Абу Муслим сохранил солдатам побежденной армии жизнь, а многих, разоружив, отпустил по домам. Это поступок типичен для Абу Муслима, который неизменно проявлял гуманность по отношению к побеждённым и жителям захваченных городов. Эти привычки Абу Муслима плохо сочетаются со следующим образом, укоренившимся в исторической литературе «... Абу Муслим был жестоким человеком, убивавшим любого, кто не мог справиться с его поручениями. Человеком, которого люди боялись, и даже близкие поддерживали с ним дружеские отношения только из страха перед смертью. Деспотизм и тирания помогли Абу Муслиму держать в руках всю провинцию Хорасан». Вполне возможно, что такой образ был

сознательно сформирован после гибели Абу Муслима, чтобы оправдать казнь народного лидера и выдающегося полководца.

Война Абу Муслима и Абдуллы ибн Али в целом обладает рядом элементов, характерных для религиозной войны:

- Борьба соперников за политическое влияние основана на сакральном статусе халифа Абу Джафара и его оспаривании со стороны его дяди;
- Пропагандистские действия Абу Муслима базируются на доктринах мусульманского мировоззрения;
- Принесение присяги Абу Джафару в данном случае следует рассматривать не только, как политический, но и как сакральный акт, поскольку признание власти халифа автоматически означало со стороны мусульманина признание его духовного первенства (в отличие от немусульманина, для которого принесение присяги было исключительно политическим актом).

После того, как Абу Муслим одержал победу, халиф Абу Джафар отправил в его лагерь своего посланника Абуль Касиба, чтобы «произвести опись всех трофеев, которые попали в руки Абу Муслима». Однако Абу Муслим считал, что первым делом должен наградить воинов, участвовавших в битве, и не позволил Абуль Касибу увезти трофеи в казну.

Абу Джафар, боясь возросшего влияния Абу Муслима, не пошёл на открытую конфронтацию, (многие историки считают, что огромный авторитет и боеспособная армия технически позволили бы Абу Муслиму при желании расколоть страну и даже свергнуть Аббасидов, однако он не собирался этого делать). Однако халиф предпринял ряд мер, направленных на то, чтобы воспрепятствовать успешному возвращению опасного для него военачальника в Хорасан, где находилась его социальная опора, и назначил Абу Муслима наместником Сирии и Египта. Понимая, что приняв это назначение, он останется беззащитен, Абу Муслим отказался от этого назначения и направился в Хорасан вопреки приказу. Абу Джафар лично возглавил армию, направившуюся из Анбара в Мадаин, чтобы преградить путь Абу Муслиму. Абу Муслим, не желая раскалывать государство, согласился подчиниться халифу и прибыть во дворец один и без охраны. Халиф гарантировал Абу Муслиму безопасность и обещал высокий пост в государстве. Абу Муслим выполнил своё обещание, не зная, что Абу Джафар аль-Мансур, дал указание своей охране убить его, как только представится удобный случай. Абу Муслим был убит охраной халифа в 755 году.

Показательно, что сакральный статус халифа не гарантировал правителю Арабского халифата беспрекословного слепого подчинения со стороны подданных. Таким образом, можно констатировать, что продолжается процесс десакрализации статуса халифа, как главы государства, что в дальнейшем снизит число религиозных войн со стороны халифата.

Первые же месяцы после убийства Абу Муслима показали, насколько опрометчиво поступил Абу Джафар, отдав приказ убить выдающегося военачальника. Сразу после убийства в Хорасане начались волнения, вызванные тем, что Абу Муслим имел там фанатичных сторонников. Причём, среди сторонников Абу Муслима далеко не все были мусульманами, но в восстании против Абу Джафара объединились представители различных конфессий. Так среди лидеров восстания историками упоминается зороастриец **Сумбат**. Затем против халифа восстал, посланный против Сумбата и его войск, военачальник **Джафар ибн Маррар** (перед этим разгромивший мятежников)...

В 760 году Мухаммад ибн Ашаз аль-Хузаи сумел вернуть контроль над провинцией, но группа заговорщиков убила наместника Хорасана **Абу Дауда Халида ибн Ибрахима**. После череды неудачных назначений, во главе Хорасана встал сын халифа **Мухаммад аль-Махди**.

В 766 году халиф Абу Джафар посетил Медину и потребовал от потомка аль-Хасана ибн Али ибн Абу Талиба, **Абдуллы ибн Али аль-Мусанна**, немедленно выдать двух его сыновей **Мухаммада ибн Абдуллу** и **Ибрахима**. В конце правления последнего омейядского халифа Марвана вокруг них в Хиджазе сплотилась группа, которая отказалась признавать права Омейядов и присягнула на верность Мухаммаду ибн Абдулле. Сам Абу Джафар аль-Мансур был одним из членов этой группы. Когда Аббасиды пришли к власти, Мухаммад ибн Абдулла со своим братом скрылись, и халиф Абу Джафар заподозрил их в заговоре против него, но задержать предполагаемых заговорщиков халифу не удалось.

Абдулла ибн Али аль-Мусанна в резкой форме отказал халифу выдать сыновей. В ответ на это халиф приказал начать репрессии аристократии и мирного населения. Арестованных потомков аль-Хасана вместе с их родственником Мухаммадом ибн Абдуллой ибн Амром, потомком праведного халифа Усмана, перевезли в Ирак; многие из них погибли в заключении, а немногие выжившие были освобождены после смерти халифа Абу Джафара.

Мухаммад ибн Абдулла поднял в Медине восстание. Восстание было немногочисленным и слабо подготовленным, но с

отрядом всего из 250 человек Мухаммад ибн Абдулла захватил резиденцию наместника города и пленил самого наместника **Раййаха ибн Усмана**. Узнав об этом, халиф Абу Джафар аль-Мансур послал против него армию около 10 000 человек, во главе со своим племянником **Исой ибн Мусой**, которому было поручено гарантировать Мухаммаду ибн Абдулле неприкосновенность, если он согласится сложить оружие и сдаться. Пока войско двигалось к Медине, Мухаммад ибн Абдулла отправил отряд своих сторонников в Мекку и низложил ее наместника. Затем он послал своих представителей в Сирию, чтобы заручиться поддержкой дамаскцев и получить от них присягу. Часть жителей Дамаска присоединилась к восставшим. Мухаммад ибн Абдулла, как мог, приготовился к обороне Медины, подготовив оборонительные рвы. Подойдя к Медине, правительственные войска окружили город. Иса ибн Муса, выполняя приказ халифа, предложил Мухаммаду сдаться в течение трех дней, но Мухаммад отказался подчиниться. Произошло сражение, в котором армия халифа одержала победу, а Мухаммад ибн Абдулла погиб. Войска заняли Мекку и Куфу, из которой бежал назначенный Мухаммадом ибн Абдуллой наместник.

После этого Иса ибн Муса с 10 тысячами воинов успешно разгромил в **битве при Бакхамри** трёхтысячную армию **Ибрахи́ма ибн Абду́ллы** - брата Мухаммада.

В военных действиях халифа Абу Джафара в Азии элементы религиозной войны проявляются не только и не столько в виде соперничества за верховную власть в халифате. Одним из проявлений элементов религиозной войны становится духовное и идеологическое соперничество с династией Алидов (борьба с шиитами) и с иноконфессиональными силами (например – сторонниками Абу Муслима, индусами и зороастрийцами Средней Азии и др.). Таким образом, можно отметить наличие первых признаков выхода религиозной войны ведущейся Арабским халифатом за пределы географически-локального (в рамках Аравийского полуострова) и внутриконфессионального конфликтов.

Также в период правления Абу Джафара аль-Мансура продолжались борьба с армиями хариджитов на западе Северной Африки. Не давая генерального сражения, силами относительно небольших отрядов, хариджиты неоднократно наносили поражения халифским войскам. Войска халифа наносили ответные удары исключительно когда получали подкрепления и были уверены в своём превосходстве. Спасаясь от преследований, хариджиты перебирались из одной местности в другую. Отсутствие крупных сражений может быть

объяснено, в том числе и тем, что к моменту, когда Аббасиды пришли к власти, хариджиты уже распались на многочисленные секты. Самыми активными сектами хариджитов в Северной Африке были **ибадиты** и **суфриты**.

Ибадизм часто характеризуют как умеренную фракцию в движении хариджитов. В отличие от шиизма, согласно учению которого верховная власть должна передаваться по наследству потомками Али ибн Абу Талиба и его жены Фатимы и суннизма, в котором верховные правители мусульманской общины должны принадлежать к роду Курайшитов, ибадиты считают, что имамом всей общины может быть любой мусульманин. Ибадиты считают, что Коран сотворён Аллахом и неизменен. Отрицают то, что у Аллаха есть руки, глаза также, как и все иные соответствия с тем, что есть у творений. Ибадиты понимают все аяты, в которых упоминаются антропоморфизмы аллегорически. По мнению ибадитов, попадающий в Ад, будет находиться там вечно. Ибадиты имеют свои собственные хадисы.

*Суфриты — одно из «умеренных» хариджитских течений, последователи Зияда ибн аль-Асфара. Суфриты не считали территории подвластные своим противникам Дар аль-харб (территория войны), считали обязанностью выступление против «нечестивой» власти, но запрещали брать в плен женщин и детей. Суфриты не считали неверующим единоверца, уклоняющегося от джихада, не отменяли наказание за прелюбодеяние (**зина**) и не признавали детей многобожников неверующими.*

В 757 г. В Северной Африке образовалось государство суфритов, которое возглавил **Иса ибн Йазид ал-Асвада**. В 761 г. армия суфритов под командованием **Асима ибн Джамила** взяла Кайруан. Об этом говорится достаточно часто, но история лидера суфритов мало известна широкой публике. Взятие им Кайруана стало актом соперничества с халифатом Аббасидов, хотя его противником и был опытный **Хабиб ибн Абдуррахман**, внук (по другим сведениям - правнук) наместника Ифрикии и блестящего полководца **Окбы ибн ан-Нафи** на месте гибели которого был возведён мавзолей, ставший объектом паломничества как мусульман, так и «людей писания». Окба ибн ан-Нафи был уважаем монотеистами всех вероисповеданий в частности за то, что этот завоеватель, стараясь, покоряя территории, не допускать межрелигиозных и межэтнических конфликтов, например, - заключил мир с христианским правителем Юлианом Танжерским. Однако его потомки не в полной мере унаследовали военные и политические таланты своего пращура.

Учитывая, что за два года до этого – в 759 г. полководец халифата *Мухаммед ибн Ашас* попытался завоевать Египет для Аббасидов, но потерпел неудачу, то, естественно, что завоевания суфритов халиф Абу Джафар воспринял как вызов (причём не только политический, но и идеологический).

Тем временем суфритский полководец Асим ибн Джамил в Северной Африке продолжил преследование Хабиба ибн Абдурахмана, отступившего со своим отрядом в горы Атласа и сумевшего там укрепиться. В генеральном сражении войска Хабиба ибн Абдурахмана разгромили суфритов, а сам Асим ибн Джамил погиб в бою. Хабиб ибн Абдурахман попытался после этого вернуть себе контроль над Кайруаном, но армия суфритов под командованием *Абдулмалика ибн Джаада* в свою очередь нанесла ему поражение, а сам Хабиб ибн Абдурахман был убит; таким образом, противостояние между сторонниками Аббасидов и суфритами в этом регионе завершилось в пользу последних.

В 762 г. из Сирии, Ирака и Хорасана в Северную Африку прибыли *ибадиты*, потерпевшие ряд поражений от регулярной армии Халифата. Накопив силы за счёт прибывающих сторонников, духовный лидер ибадитов *Абуль Хаттаб Абдулла ибн аш-Шамх аль-Маарифи* установил контроль над Триполи и начал формирование отдельного теократического государства-имамата, приняв присягу от своих сторонников и жителей города и окрестностей. В течение года в состав имамата были включены Кабис и Кайруан, отобранный ибадитами у суфритов. Абдулмалик ибн Джаад в ходе сражения был убит.

Халиф Абу Джафар аль-Мансур вновь направляет в Северную Африку армию под командованием Мухаммада ибн аль-Ашаса. Первоначально война развивалась неудачно: **в битве у г. Сирт** войска Абуль Хаттаба одержали победу над войсками халифата. Лишь в **768 г.**, когда Мухаммад ибн аль-Ашас лично возглавил армию. Опытный, хладнокровный и не склонный к скоропалительным решениям, он сумел выманить хариджитское войско на равнину, спровоцировать их атаку и мощным ударом во фланг расстроить строй противника. Исход битвы во многом решила молниеносная атака мусульманской лёгкой конницы на отряд, в котором находился сам имам Абуль Хаттаб. Отряд был уничтожен, имам погиб, а обезглавленное войско ибадитов обратилось в бегство.

Однако восстановить власть Аббасидов в центральных областях Северной Африки Мухаммад ибн аль-Ашас смог лишь после

захвата Кайруана – своеобразной столицы и опорного пункта имамата ибадитов.

В 772 г. армия ибадитов под командованием *Абу Хатам аль-Малзури* взяла штурмом Триполи. Халиф Абу Джафар попытался принять меры для возвращения города. Наиболее подготовленной из армий халифата была армия наместника Кайруана *Амра ибн Хафс аль-Мухаллаби*. Амр ибн Хафс, умело распорядившись своим преимуществом, выбил войска хариджитов из города. После переформирования в Кайруане армия Амра ибн Хафса выдвинулась против сохранивших боеспособность подразделений хариджитов-суфритов.

В 153 г. х. армия ибадитов под командованием Абу Хатама снова осадила Кайруан, однако организовать осаду должным образом ибадитам не удалось. Абу Хатам повёл свою армию, рассчитывая на полевое сражение с силами Амра ибн Хафса, около Табны. Амр ибн Хафс не принял полевое сражения, подготовившись к обороне города. Понимая, что самостоятельно он не сможет успешно провести осаду, глава ибадитов заключил союз с хариджитами-суфритами. Однако командующий армией суфритов Абуль Курра оказался ненадёжным союзником, без согласования с Абу Хатамом он снял осаду и отвёл войска. Армия Амра ибн Хафса, начала наступление, заставив ибадитов искать убежище в Кайруане. Однако это Абу Хатаму и его людям не удалось: молниеносным манёвром Амр ибн Хафс перехватил противника и занял город до подхода ибадитов.

Однако в сражении у Кайруана Амр ибн Хафс был убит. Его преемник – Джамил ибн Сахр отдал ибадитам Абу Хатама Кайруан в конце 154 г. х. без боя.

Говорить о полном поражении суфритов также было рано: значительная часть сторонников этого учения отступила в Дальний Магриб, где образовались их государства, структура и идеология которых во многом были скопированы с аналогичных структур Арабского халифата. Так имам *Абуль Курра* основал государство *Бану-Ифран* со столицей в городе Тлемсен.

В 770 г. Мухаммад ибн аль-Ашас принимает решение о походе против Бану-Ифрана. Армию возглавляет полководец *аль-Аглаб ибн Салим ат-Тамими* из Среднего Магриба. Однако аль-Аглаб, получив в распоряжение войска, отказался подчиняться Мухаммаду ибн аль-Ашасу. Понимая, что халифат вновь оказывается перед перспективой гражданской войны, халиф Абу Джафар аль-Мансур вступил с Аль-Аглабом в переговоры и даровал ему должность наместника в Северной Африке. Получив от халифа подтверждение своего

назначения, аль-Аглаб начал военные действия против Абуль Курры, но разгромить армию хариджитов не смог. Абуль Курра не принял полевого сражения с превосходящими силами противника, отступил и введя армию в укрепленный и подготовленный к осаде Тлемсен, занял оборону. Аль-Аглаб оказался не готов к осаде специально подготовленной сильной крепости с многочисленным и хорошо вооруженным гарнизоном. Положение нового наместника халифа осложнилось ещё и тем, что его поведение было предметом возмущения как офицеров, так и солдат его армии, которые (в особенности мусульмане) считали «торг» с халифом не менее чем святотатством. Военные неудачи привели к тому, что армия отказалась повиноваться Аль-Аглабу, а сам он был убит.

К 777 году хариджиты-ибадиты обосновались в Северном Алжире, признавшие власть представителя магрибского рода персидского происхождения **Абд ар-Рахмана ибн Рустама** (ум. В 787 г.), ставшего родоначальником династии Рустамидов, объявившей столицей город Тахарт и правившей Алжиром до начала X века.

В том же 777 г. халиф Абу Джафар, понимая, что без энергичных действий своей армии в Северной Африке, он может потерять контроль над Южным Средиземноморьем, назначил наместником в Северную Африку энергичного и умелого военачальника **Йазид ибн Хатама ибн Кубайса ибн аль Мухаллаба ибн Абу Суфра**.

Разгромив ибадитов, Йазид ибн Хатам сумел достаточно быстро взять под контроль над Кайруаном, выбив из города и его окрестностей армию ибадитов под командованием Абу Хатама. Армия Халифата вошла в Кайруан не освободительницей, но и не карательной экспедицией. Согласно свидетельствам историков, Йазид ибн Хатам велел убивать всех, кто попадался его воинам с оружием в руках, но миловать тех, кто готов был сдаться, даже не требуя в первое время принятия ислама, соответствующего официальной идеологии Халифата. Через год ибадиты во главе с **Абу Йахйей ибн Фанусом** попытались взять реванш о тоношении Кайруана но также были разгромлены. Йазид ибн Хатам сумел установить власть Аббасидов над Ближним Магрибом, выведя его из сферы влияния ибадитов, и над Средним Магрибом, одержав ряд побед над суфритами. Йазид ибн Хатам оставался наместником Северной Африки вплоть до своей гибели в бою в **792 г.**

В литературе часто упоминается, что Йазид ибн Хатам окончательно разгромил суфритов, однако это утверждение не соответствует действительности. Ещё при его жизни халиф Абу

Джафар направил против суфритов отряд под командованием *аль-Муханны ибн аль-Маххарика ибн Джафара ат-Таи*. Умельными действиями Аль-Муханна разбил армию суфритов Абуль Курры во время отступили из Табны. Однако до конца уничтожить племенные и административные объединения сторонников этого учения не удалось и ему.

Так, например, суфритское государство было образовано на землях племени *микнаса* где суфриты, воспользовавшись помощью местных жителей, основали город Сиджильмаса, ставший столицей нового государства. Первым правителем нового государства стал *в 762 г. Иса ибн Йа-зид аль-Асвад*. Однако достаточно скоро среди суфритов возникло недовольство правителем и он был свергнут. На место правителя был избран *Абуль Касим Симко ибн Васул*, ставший родоначальником династии *Мидраридов*. Имя этого человека окружено легендами. Так по версии Айдына Арифа оглы Али-заде, Абуль Касим был простым пастухом. Однако по другой версии, новый правитель суфритов был крупным скотовладельцем. Поскольку известно, что Абуль Касим изучал богословие в Медине, версия о простонародном происхождении основателя династии выглядит маловероятной. Так или иначе, на территорию Мидраридов начала происходить миграция суфритов, из числа арабских родов и народов Северной Африки (берберы, и др.).

В 790 г. *государство Мидраридов окончательно приобрело черты наследственной монархии*. Понимая, что становление государства в условиях военных действий практически невозможно, Абуль Касим предпочитал находить компромиссы со ставленниками Аббасидов в Кайруане, формально признавая права халифов аль-Мансура и аль-Махди в качестве сюзеренов, не смотря на недовольство части населения его государства. Однако изъявление формального признания политического первенства халифов Аббасидов позволила Абуль Касиму обеспечить на определённое время стабильный мир, сохранить статус самостоятельного государства и приступить к развитию администрации и инфраструктуры своего государства.

Также во время правления Абу Джафара аль-Мансура из-под контроля Аббасидов вышел Иберийский (Пиренейский) полуостров. Во главе государства, сложившегося на территории Иберийского полуострова встал упоминавшийся выше, сын халифа Хишам **Абдурахман I ибн Хишам «ад-Дахил» («Пришелец»)**, принадлежащий к династии Омейядов, бежавший в Андалусию, спасаясь от репрессий Аббасидов. В первое время он формально признавал власть Аббасидов над Иберийским полуостровом.

Не довольствуясь мнимой лояльностью своего противника, аль-Мансур предпринял ряд шагов для того, чтобы свергнуть династию Омейядов и в этом регионе. Халиф Абу Джафар сознавал, что в Северо-Западной Африке и на Иберийском полуострове династию Омейядов помнят в первую очередь, как династию, при которой государство строилось на принципах веротерпимости и просвещения. Понимая, что находясь в условиях постоянной борьбы за власть, он не сможет построить подобной системы, Абу Джафар идёт по иному пути: на полуострове усиливается аббасидская пропаганда. Причём ведётся она в ключе духовного преобладания династии Аббасидов над их соперниками. Во главе формируемого проаббасидского движения встаёт талантливый проповедник и отличный организатор *аль-Ала ибн Мугис*. Аль-Ала обосновался на юге Португалии.

В 769 г. между сторонниками аль-Ала ибн Мугиса и Абдурахмана ад-Дахила имели место вооруженные конфликты, не переросшие в полномасштабную войну лишь потому, что аль-Ала сравнительно быстро погиб, и конфликт не успел охватить все слои населения. Гибель аль-Ала ибн Мугиса повлекла за собой утрату Аббасидами мусульманской Испании в качестве их зоны влияния. Абдурахман ад-Дахил, понимая, что халиф Абу Джафар не потерпит Омейяда на троне, требует, чтобы династия Аббасидов не упоминалась в текстах проповедей в мечетях Испании.

Если подвести краткий итог борьбе Аббасидов со своими противниками в Северной Африке и на Иберийском полуострове, нужно признать, что с точки зрения военного искусства, большинство военных операций халифата Аббасидов увенчались несомненным успехом. Однако, удержать захваченные территории удалось лишь в том случае, когда наместникам халифа удавалось избежать прямой межконфессиональной военной конфронтации.

Система прозелитизма в мусульманском государстве была отработана намного совершеннее, чем в государствах его духовных соперников. Таким образом, если наместникам халифа Абу Джафара удавалось перевести конфликт из военной плоскости в сферу теологической дискуссии, то, как правило, мусульманские богословы одерживали верх над менее искушённым соперником. Однако при малейшей попытке силового давления, резко падали шансы на утверждение власти Аббасидов в данной местности.

Необходимо отметить, что империя Абу Джафара осуществляла активную внешнюю экспансию. Однако первой проявила агрессию в этот момент Византийская империя. Так, воспользовавшись внутренней нестабильностью в Халифате,

византийский император **Константин V Копроним (718-775 гг.)** отправил свои войска на захват города Малатья (г. Мелид). Город не представлял собой тактически и тем более – стратегически важного пункта, но войска Константина V разрушили городские укрепления, и захватили в плен значительное число мусульман (как военных, так и гражданских лиц). В данном случае нельзя назвать это нападение религиозной войной, хотя нельзя исключить определённый религиозный аспект в мотивах императора Константина V. В этот период исторического развития Византийской империи, на её территории и в её социуме уже сформирована система религиозной самоидентификации. Следовательно, принцип определения «свой-чужой» по принципу религиозной принадлежности достаточно распространён во всех слоях общества.

Армия Константина V вторглась на территорию Халифата, однако византийский император ошибся в расчётах: не смотря на нестабильную обстановку, халиф сумел в короткие сроки сформировать на северной границе Халифата боеспособную армию и, поставив во главе её своего дядю **Салиха ибн Али**, направил армию против византийских войск. Салих ибн Али, не стал разворачивать широкое наступление, чего требовали от него многие представители мусульманской знати. После отвоевания Малатья (чему, по свидетельству современников, способствовали местные жители вне зависимости от вероисповедания, поскольку воины Константина V вели себя, как жестокие завоеватели), Салих ибн Али начал восстанавливать город, а не преследовать византийскую армию. После восстановления стен и общей системы укреплений города, Салих ибн Али начал формировать армию для вторжения в Византийскую империю, рассчитывая на подкрепления от халифа Абу Джафара. Халиф не обманул надежд родственника и направил ему военную помощь для похода вглубь Византии. Салих ибн Али активно привлекал в войска христиан, обещая освобождение от джизьи. К 768 г. мощная армия вторжения была сформирована. Под руководством полководцев **Джафара ибн Ханзалы** и брата халифа **аль-Аббаса ибн Мухаммада** армия Халифата успешно вторглась на территории Византийской империи. Одновременно дипломаты аль-Мансура начали предпринимать активные меры с целью освобождения мусульман-пленников.

Однако и это вторжение назвать религиозной войной некорректно: на завоёванных территориях, Абу Джафар при широком распространении мусульманского прозелитизма, сохранял известную лояльность к «людям писания», отдавая при этом предпочтение

христианам, которые служили в его армии. Более того, известны случаи продвижения христиан на достаточно высокие командные должности. Согласно одной из легенд, Абу Джафар аль-Мансур сказал своим придворным-мусульманам, возмущающимся карьерным ростом одного из христиан: «Если этот человек возносит ввысь знамя Аллаха и чтит законы пророка Мухаммеда, нам безразлично, какой дорогой он идёт к Всевышнему».

Также сложно называть религиозными войнами и последующие походы армии Абу Джафара на Византию. Так в 773 году, племянник аль-Мансура *Абдулваххаб ибн Ибрахим* повёл свои войска в набег на Византию, а в 779 г. войска *Мануфа ибн Йахйи аль-Худжеури* провёл успешный рейд, завершившийся захватом в плен 6000 византийцев и огромным грузом трофеев, скорее носили характер набегов, традиционных для арабского социума. Несколькo иной характер носили военные кампании 779 – 780 гг., когда военные корпусы *Йазиди ибн Усайда ас-Салями* и *Зуфара ибн Асима аль-Хилали* фактически осуществили операцию по укреплению границ халифата, предупреждающую набегу со стороны Византийской Империи. Нужно отметить, что помимо военной «зачистки» территорий, правительство Абу Джафара начинает широкомасштабную программу возведения на границе с Византийской Империей цепи военных укреплений. Так была создана цепь сторожевых башен (по одной из версий система башен с костровой системой оповещения была заимствована у византийцев, которые в свою очередь заимствовали её у варяжских дружинников), и мощные крепостные укрепления, включающие такие сложные элементы, как штурмовые коридоры, захабы, тайники, заборала и прочие новшества фортификационного искусства. Они стали опорными пунктами отрядов халифата, несущих пограничную службу и отбивавших набегу противника и предпринимавших порой эффективные вылазки. Наиболее часто войска халифата базировались в укреплениях киликийской крепости Аль-Масиса, строительство которой в своё время организовал Джибрил ибн Йахйа аль-Хорасани.

Интересно, что войска Абу Джафара порой действовали по принципу «победа над противником – заключение торгового договора», подобно варяжским и русским походам на Константинополь в IX-X вв. Так, например, в 763 г. Аль-Махди, сын халифа Абу Джафара, во главе достаточно мощной военной группировки возглавил поход на Табаристан.

Табаристан — средневековое (IX—XII вв.) название провинции, расположенной на южном побережье Каспийского моря

(нынешняя территория Ирана), между Гиляном на западе и Хорасаном на востоке.

Аль-Махди одержал убедительную победу над армией Табаристана и заключил с ним мирный договор и торговое соглашение. Однако глава Табаристана нарушил договор, после чего против Табаристана была направлена карательная экспедиция под руководством *Хазма ибн Хузаймы*, подавившего мятеж и жёсткой рукой приведшего регион к повиновению. В данном случае также сложно говорить о религиозном характере войны, поскольку в тот момент ещё не сложилось традиции закреплять подлинность своего договора при помощи сакральных атрибутов, а иных религиозных составляющих в этом конфликте не было.

Отчасти напоминает религиозный конфликт широкомасштабный набег язычников-дейлемитов (ираноязычные жители Дейлема — горной части Табаристана, на юго-западном побережье Каспийского моря). Набег состоялся в 765 году, когда дейлемиты вторглись во владения Халифата после чего мусульмане понесли значительные потери. Однако племянник аль-Мансура, молодой но энергичный и талантливый полководец **Мухаммад ибн Абуль Аббас**, отличавшийся незаурядной смелостью, сумел остановить дейлемитов и заставить их отступить за границы Халифата.

Полноценная религиозная война в этом регионе была навязана Арабскому халифату в 767 году, когда на его территорию вторглись хазары. После захвата Дербента (носившего прозвище «Врата моря») и геноцида мусульман Армении, хазарская армия встретилась с войсками Халифата. Тяжёлая хазарская конница была остановлена арабским строем, окружена, и большая часть её уничтожена. Многие историки утверждают, что армия халифата превосходила армию их противников по численности в несколько раз. Однако эти утверждения вызывают сомнения: поскольку основные войска Халифата вели затяжные бои на других окраинах Империи, армию халифата пришлось составлять из числа воинов, несших гарнизонную службу пограничных крепостей. Трудно предположить, что численность такой армии, могла превысить численность хазарского экспедиционного корпуса.

Позднее войско хазар снова вторглось на территории Армении, и даже взято в осаду город Тифлис, которым правили в тот момент князья – предки армянской династии Багратуни (Багратиони). От рук хазар погибло значительное число мусульман и зимми. Понимая, что армянское население (в большей части – христианское) не в состоянии самостоятельно противостоять захватчикам, халиф Абу Джафар аль-Мансур отправляет в Армению армию под руководством

военачальника *Харба ибн Абдуллы ар-Раванди*. Харб ибн Абдулла отличался не только выдающимися дарованиями военачальника, но и незаурядной личной смелостью, вследствие чего погиб в одном из первых же боёв, находясь во время атаки во главе атакующего строя.

Только в 769 году армия халифата, возглавляемая командующим *Хамидом ибн Кахтабой* взяла в Тбилиси (Тпилиси). К этому моменту хазары, теснимые объединившимся против захватчиков мусульманским и христианским населением, уже бежали из города.

Ещё один исторически значимый поход того времени – отвоевание Кашмира, состоялся в 779 году. Войска Халифата предприняли успешный поход в Кашмир, население которого отказалось повиноваться мусульманским правителям.

Понимая, что его правление закрепляет статус новой династии, халиф Абу Джафар аль-Мансур предпринял ряд «статусных» мероприятий, наиболее значимым и масштабным из которых стало основание новой столицы. Ей стал построенный при Абу Джафаре город Багдад. Халиф изначально формировал город, как мощную крепость, способную как служить опорным пунктом для армии, так и надёжным укрытием в случае осады. Город был обнесён мощным поясом крепостных укреплений: стенами, башнями и другими элементами фортификационных сооружений. По указанию Абу Джафара были отстроены и крепостные сооружения вокруг ряда других городов, например – Куфы. Эти мероприятия служили не только утилитарной военной цели, по замыслам Абу Джафара укрепленные города должны были отражать незыблемость Ислама и способность мусульман защитить себя и своих союзников. В 761 г. по приказу халифа была расширена территория Заповедной мечети в Мекке из тех же соображений. Халиф Абу Джафар аль-Мансур скончался в 780 г. в ходе хаджа. Перед смертью халиф Абу Джафар назвал преемником на посту халифа своего сына *Мухаммада аль-Махди*.

Фактически халиф Абу Джафар столкнулся на северной границе своего государства с навязанными ему конфликтами, переросшими в локальные религиозные войны. В первую очередь признаки религиозных войн можно видеть во вторжении хазарских экспедиционных корпусов. Интересно, что если в отношении русских племён в тот же период упоминаний о геноциде по религиозному признаку в исторических не содержится, то в отношении мусульман ситуация обстоит иначе. В отношении мусульман неоднозначна и политика византийского императора Константина V Копронима.

Ряд мусульманских историков обвиняет византийского императора в целенаправленном захвате пленников-мусульман.

Третий халиф халифата Аббасидов умный и расчётливый **Мухáммад ибн Абдулла́х (аль-Мансúр) аль-Махд́и (744-785 гг.)**. Блестяще образованный и всесторонне одарённый талантливый правитель Мухаммед ибн Абдуллах аль-Махди столкнулся с феноменом активного сектообразования в Исламе и на протяжении всего времени своего правления вёл активную борьбу с «отступниками»-«*занадиками*» (в средневековой богословской исламской литературе под этим термином подразумевали последователей немонотеистических религий, главным образом, манихеев и зороастрийцев, также этот термин применялся по отношению к крайним шиитам, последователям суфизма и муатазилитам). Что характерно, «люди писания» не входили в понятие «занадики», и продолжали относительно мирно сосуществовать с арабским и местным населением на всей территории Арабского халифата, выплачивая джизью вместо закята.

Одним из наиболее серьёзных межконфессиональных конфликтов стало **восстание Муканны (776-783 гг.)**, известное в литературе, как «**восстание людей в белых одеждах**». Это вооружённое восстание населения *Мавераннахра* (историческая область Центральной Азии, она же – **Трансоксания** или **Фараруд**), направленное на достижение независимости от Арабского халифата. Во главе восстания встал хорасанский проповедник **Муканна** («закрытый покрывалом») настоящее имя Муканны неизвестно. Наиболее вероятной является версия, согласно которой подлинное имя Муканны **Хашим ибн Хаким**. История восстания известна плохо и в значительной степени легендирована. Наиболее полно отразил историю восстания великий **Абу Рейхán Мухаммéd ибн Ахмéd аль-Бируни́ (аль-Бируни) (973-1048 гг.)** в труде «Известия об одетых в белое и карматах». По версии Аль-Бируни, Муканна был одним из соратников Абу Муслима, в гибели которого винил Аббасидов. Будучи уроженцем Мерва, Муканна сумел привлечь на свою сторону крестьян-согдов и кочевников-тюрков, что позволило ему в 777 г. поднять мощное восстание «людей в белых одеждах»: национальная одежда согдов белого цвета резко контрастировала с распространённой среди сторонников Аббасидов одеждой из чёрной ткани.

Кроме выживших сторонников Абу Муслима, Муканна сумел заключить союз с представителями **хуррамитов**.

Хуррамиты - «последователи счастливой религии» лишь формально представляли собой единую общину. На деле это

собирательное название ряда антиисламских и антиаббасидских общин, как религиозных, так и политических. Хуррамиты верили в вечную борьбу Светлого и Тёмного начал. При этом существующие государственные и социальные институты хуррамиты, подобно альбигойцам Западной Европы и античным гностикам считали созданием Мрака, сатанинского начала. Учение хуррамитов предполагало непрерывную реинкарнацию Творца. Воплощение Творца хуррамиты видели в личностях Адама, Авраама, Моисея, Иисуса Христа и Мухаммеда, после смерти Мухаммеда хуррамиты считали воплощением Творца духовных лидеров своей общины.

Муканна создал учение, в равной мере удовлетворяющий духовным запросам как шиитов, так и хуррамитов. Идеология Муканны, с которой он вёл своих последователей в бой, представляла собой эклектичный конструктор из маздакизма и мусульманской мистики. В учении Муканны наличествовала идея реинкарнации. Кроме того, Муканна практиковал магические действия, при помощи которых активно воздействовал на своих сторонников. Учение Муканны предполагало, что Творец создал первого человека – Адама по своему подобию. Далее же, согласно учению Муканны, как и в учении хуррамитов, имела место последовательная реинкарнация Творца в Ное, Аврааме, Моисее, Иисусе, Мухаммеде, Али, его сыне Мухаммеде, Абу Муслиме. Себя Муканна объявил очередным воплощением Творца представляющим собой «венец божественного творения».

Лейт-мотивом восстания Муканны стал не только антиаббасидский призыв, но и воззвание к борьбе против социального неравенства. Основными центрами восстания стали Самарканд, Наршах и Санам. Халиф Мухаммад ибн Абдуллах оказался перед неприятной перспективой вялотекущей войны на окраине империи, однако он и его военачальники выбрали действенную и, возможно – единственно верную в этом случае тактику. Вместо того, чтобы расплывать свои силы, халиф и его военачальники предпочли методично, населённый пункт за населённым пунктом выбивать мятежников из региона, где те имели поддержку.

Строго говоря, восстание началось ещё во время правления халифа Абу Джафара. Первые сведения о подготовке восстания относятся к 769 г. В апреле 776 г. произошёл ряд серьёзных столкновений под Наршахом. А спустя семь лет, в 776-777 гг. правительственным войскам пришлось иметь дело с восстанием под руководством Юсуфа аль-Барма.

Восстание сравнительно быстро распространилось по территории Мавераннахра. Восставшие взяли под контроль Бухару и Самарканд. Войскам Муканны удалось отразить атаки войска халифа, присланного из Багдада для поддержки администрации Хорасана. Однако методичное выдавливание мятежников из районов, являвшихся их базой, давало свои результаты. Кроме того, по указанию халифа против Муканны была развёрнута последовательная программа контрпропаганды. Так сторонники багдадского халифа использовали тот факт, что Муканна закрывал лицо тканью (по ряду свидетельств – золотой маской). Сторонники Муканны мотивировали такое поведение следующим образом: «Муканна и скрыл своё лицо, чтобы не ослепить окружающих своей неземной красотой». Сторонники Аббасидов выдвинули свою версию, согласно которой Муканна скрывал под «личиною» физическое увечье. Версия Аббасидов имела определённый успех. Кроме того, Муканна сам своим необдуманным поведением подорвал доверие к себе со стороны многих соратников. Апеллируя к идеям язычества, он признавал Мухаммеда, но апеллируя к Мухаммеду не соблюдал многих духовных и плотских ограничений Ислама. Таким образом, Муканна постепенно получил репутацию еретика и среди мусульман и среди язычников.

Около **783 года** Муканна со значительной частью своих соратников был блокирован правительственными войсками в крепости Санам, недалеко от города Кеш. Войска талантливого военачальника **Саида аль-Харашии** лишили мятежников возможности активного сопротивления. Не веря в возможность победы, из армии Муканны стали массово дезертировать ещё недавно фанатично преданные ему воины.

Как погиб Муканна достоверно неизвестно. Существуют версии, что он погиб в бою, что он был отравлен, а также – что взойшёл на погребальный костёр вместе со своей семьёй. Среди сторонников Аббасидов бытовала версия о том, что Муканна просто бежал, пользуясь тем, что никто в точности не знал, как выглядит его лицо. Косвенно эту версию подтверждает то, что последователи Муканны до XII века ожидали возвращения своего лидера в новом воплощении.

Восстание Муканны стало для Арабского халифата религиозной войной нового типа: в этом случае речь шла не о противостоянии сложившихся конфессий, а о противостоянии религиозной группы, базирующейся на личностных качествах харизматического лидера и ориентированного на личность квазирелигиозного учения.

Халиф Аль-Махди при том, что жёстко и бескомпромиссно подавлял восстания против своего владычества, столь же упорно старался предотвратить гражданское противостояние, основанное на династических междуусобицах. Так в **785 году** Алиды встали во главе вооружённого мятежа в Хиджазе. Восстание было подавлено, но Аль-Махди амнистировал его участников.

Обоснование легитимности власти Аббасидов при халифе Аль-Махди было поставлено на прочную идеологическую основу: халиф считал, что таким образом он сможет избежать дальнейших внутриконфессиональных расколов мусульманской уммы. Обоснование имело генеологические корни и опиралось на права получившие подтверждение лично от Пророка Мухаммада. Во время правления халифа аль-Махди была сформулирована теория преемственности власти династии Аббасидов путём наследования её от Аббаса ибн Мутталиба, дяди Пророка, родство которого признавал лично Мухаммед. Таким образом, аль-Махди надеялся исключить или, по крайней мере, вывести на второй план вопрос о праве наследования руководства халифатом рода Алидов. Аль-Махди попытался добиться лояльности соперничающего с его семьёй рода, путём уступок и жестов доброй воли. Так халиф Мухаммад ибн Абдаллах назначил *визирем* (должность, создание которой приписывают Аль-Махди) **Якуба ибн Дауда**, принадлежащего к роду Алидов. Однако халиф аль-Махди, пытаясь со своей стороны сгладить противоречия с Алидами, не добился такого же отношения со стороны соперников к своему роду. Если сам аль-Махди ещё пользовался определённым уважением части Алидов, то его преемники вновь стали объектом соперничества.

В то же время, характеристики внешнеполитических войн Аль-Махди, как и у его предшественников, не укладываются в характеристики религиозных конфликтов и войн. Так, например, война Арабского халифата с Византийской Империей во главе с царицей **св. Ириной (752-803 гг.)** в 778-780 гг. представляла собой череду взаимных рейдов, результатом которой стало поражение византийской армии. Однако нет сведений о том, что этот конфликт имел религиозную подоплеку.

Если не легитимности, то своеобразного авторитета династии Аббасидов прибавила драматическая история, разыгравшаяся после гибели халифа Аль-Махди на охоте. По закону старшинства багдадский престол должен был наследовать старший сын аль-Махди, проявлявший задатки решительного правителя **Абу Мухаммад Муса аль-Хади (764-786 гг.)**. Но перед смертью халиф аль-Махди назначил своим преемником второго сына – **Харуна ль-Рашида (766-809 гг.)**.

Братья категорически отказались идти на конфликт, как их к этому ни понуждали представители придворных группировок. Харун аль-Рашид добровольно признал права брата и изъявил желание быть его опорой (исключительный случай для того времени). Однако халиф аль-Хади скончался при подозрительных обстоятельствах, пробыв на престоле около года. Существует версия, что халиф аль-Хади был отравлен. Наиболее популярна среди историков версия, что «заказчицей» убийства халифа выступила... его мать **аль-Хайзуран бинт Ата (ум. 789 г.)**, якобы не простившая сыну жестокой расправы над представителями Алидов в пригороде Мекки в 786 г. Исторические данные не подтверждают вины аль-Хайзуран, хотя и не опровергают версию о её виновности полностью. Сторонница Харуна аль-Рашида она длительное время оставалась фактической правительницей халифата, пока халиф Харун аль-Рашид занимался искусством и науками. С другой стороны, существует версия об убийстве халифа аль-Хади придворной группировкой, которую возглавлял влиятельный род Бармакидов во главе с **Яхьей ибн Халидом** и управляющим делами халифа **Раби ибн Юнусом**. Обращает на себя внимание и то, что Харун аль-Рашид после смерти матери подвергает род Брамакидов жестоким репрессиям, хотя его правление не отмечено особой жестокостью, а напротив, имеет репутацию просвещённой монархии.

Нужно отметить, что религиозный фанатизм во внешней политике был скорее не свойственен и Омейядам, ни Аббасидам. Так халиф Аббасидов Харун ар-Рашид поддерживал в начале IX века дружеские взаимоотношения с королем Карлом Великим. Вполне возможно, что эти отношения, как и вся политика Харуна аль-Рашида была частью политической комбинации, направленной на извлечение максимальной взаимной выгоды из взаимодействия с политическими партнёрами. Однако такой подход практически исключён, если правитель или значительная часть его высших сановников имеет религиозно-фанатические взгляды, антагонистичные противной стороне.

В описываемом случае политические резоны известны: Карл Великий рассматривал Харуна ар-Рашида как потенциального союзника в борьбе с Византийской империей, а Харун ар-Рашид рассчитывал воспользоваться поддержкой Карла Великого против Омеядов Андалузии, которые смогли создать могущественное и суверенное государство в Испании. Необходимо также учесть, что именно со времён Карла Великого в Западной Европе начал оформляться как **папоцезаризм** римских епископов, так и своеобразный **цезаропанизм** новой «волны» западноевропейских

монархов. Фактически, сакральный для подданных статус, который рассчитывал приобрести Карл Великий после помазания на власть и введения в догматы Римско-Католической Церкви догмата *filioque*, предполагающего нисхождение божественной благодати от земного человека, также как от Творца, был очень похож на статус халифа в Арабском халифате. Поэтому можно предположить, что примером для своих амбиций Карл Великий избрал Харуна аль-Рашида. Таким образом, сложно говорить о религиозном фанатизме и со стороны западных монархов. В соответствии с этикетом VIII-X вв. такие союзы «оформлялись» взаимным обменом подношениями и посольствами (как правило – действующими постоянно).

Почти идиллическая картина взаимоотношений двух великих монархов отчасти разрушается тем, что в мусульманских исторических источниках не сообщается о дружеских взаимоотношениях Харуна аль-Рашида и Карла Великого в 797-806 г.г., на которые указывают западные историки.

Сыновья Харуна аль-Рашида **Аб́у Абдулла́х Муха́ммад ибн Хару́н аль-Ами́н (787-813 гг.)** и **Абу́ль-Абба́с Абдуллах ибн Хару́н аль-Маму́н (786-833 гг.)** не повторили подвига добрых отношений своих отца и дяди, ввергнув страну в гражданскую войну. Однако говорить о религиозных конфликтах во время неё не приходится. Халиф же Абдуллах аль-Маммун, учёный и астроном, вовсе приближает ко двору представителей *мутазилитов*. Даже мятеж его брата **Ибрахи́ма ибн аль-Махди (779-839 гг.)** оканчивается амнистией.

По сути, религиозный конфликт, переходящий в военные действия разразился на территории Арабского халифата лишь когда им правил младший сын Харуна аль-Рашида **Абу́ Исха́к Муха́ммад ибн Хару́н аль-Мутаси́м Билла́х (794-842 гг.)**. Именно халиф Аль-Мутасим Биллах попытался перекроить религиозно-догматическое пространство мусульманского государства, приняв *постулат о сотворённости Корана* и начав преследование ортодоксальных мусульман.

Кроме того, халиф Аль-Мутасим Биллах вынужден в 816-837 гг. вести затяжную войну с хуррами́тами на территории Иранского Азербайджана. Во главе хуррами́тов встал в тот момент талантливый полководец-«самородок» **Гасан Бабек (789(800?) – 838 гг.)**. По сути, восстание носило больше национально – освободительный, чем религиозный характер. Добившись в период гражданских междоусобиц в Халифате некоторых успехов, Бабек начинает считать возможным для себя противостоять армии халифата не только в

партизанской войне, но и в открытом бою. В первом же открытом *сражении при Хамадане*, армия Бабека, состоящая в основном из крестьянского ополчения, была наголову разгромлена тюркской гвардией халифа Аль-Мутасима Биллаха, расколовшей войско повстанцев на несколько частей ударами тяжёлой конницы, вооружённой тяжёлыми копьями и кончарами, и разбившей части врага по отдельности. Окончательный разгром сторонников Бабека, часть из которых поклоняется своему лидеру, как человеку, имеющему божественное происхождение, халиф Аль-Мутасим поручает одному из своих самых талантливых и энергичных полководцев *Хайдару ибн Каусу (Кавусу) эль Афшину* (позже этот человек будет уличён в попытке поднять мятеж и казнён). Войска Хайдара ибн Кауса разгромили армию Бабека, не смотря на попытки византийского императора **Феофила Аморейского (813-842 гг.)** оттянуть на себя часть сил Арабского халифата, а сам Бабек был выдан армянскими властями представителям халифа Дамасского и казнён в новой столице Арабского халифата Самарре через четвертование.

Преемник халифа Аль-Мутасима – его сын **Абú Джáфар Харúн ибн Мухáммад аль-Васíк Биллáх** продолжил политику отца, следствием чего стало усиление в халифате религиозной цензуры, так называемой *михны*. *Михна - испытание, которому с 833 года по 849 год подвергались исламские богословы. Богословы, признававшие учение о сотворенности Корана в системе времени (худус аль-Куран) признавались лояльными и благонадёжными. Богословы, придерживающиеся учения о несотворённости Писания, считались неблагонадёжными и подвергались опале вплоть до полномасштабных репрессий.*

Однако противостояние так и не переросло в открытый конфликт, а тем более – в военные действия.

Настоящие репрессии против инаковерующих начались в период, когда халифатом правил **Абúль-Фадль Джáфáр ибн Мухáммад аль-Мутаваккíль Алаллах (821-861 гг.)** по его указанию была ликвидирована михна, зато по его же приказу начались репрессии против шиитов, к которым его предшественники относились достаточно лояльно. По приказу халифа Аль-Мутаваккиля был уничтожен мавзолей *имама Хусейна ибн Али* сына халифа Али ибн Абу Талиба в г. Кербела. Халиф Аль-Мутаваккиль также приказал доставить из Медины в Самарру *Али аль Хади* шиитского имама из династии Алидов. Али аль Хади не был казнён, однако до самой смерти находился под своеобразным почётным арестом в предоставленном ему доме (по другой версии – в собственном доме).

Кроме того, халиф Аль-Мутаваккиль начинает планомерную политику дискриминации христиан и иудеев. Для них была предписана специальная форма одежды, выделяющая их в общественных местах, кроме того начинается разрушение властями халифата храмов и синагог, а также конфискация 10% недвижимости «людей писания». После этих репрессий, халиф Аль-Мутаваккиль запретил религиозные шествия иудеев и христиан накануне Пасхи, а также предписал учить детей «неверных» исключительно мусульманским учителям.

Фактически, халиф Аль-Мутаваккиль первым из арабских халифов начал полномасштабную и планомерную политику государственной дискриминации по религиозному признаку. Результатом такой политики становится стремительное развитие центробежных процессов в Арабском халифате, которые становятся одной из причин стремительного упадка государства Аббасидов. Нельзя сказать, что политика религиозной нетерпимости стала основной причиной упадка Арабского халифата, но она стала одним из основных факторов разрушения и упадка передового для своего времени государства.

В 861 году халиф Аль-Мутаваккиль был убит собственными наёмными телохранителями. По одной из наиболее обоснованных версий, причиной заговора послужила религиозная политика халифа. Преемником Аль-Мутаваккиля стал **Абу Джáфар Мухáммад ибн аль-Мутаваккíль аль-Мунтасíр Биллáх (836-862 гг.)**, попытавшийся примириться с Алидами, но не достигший результата. Приходится признать, что Аббасиды фактически утрачивают власть над Халифатом. Следующий халиф – **Аль-Мустаин Биллах (ум. 866 г.)** стал марионеткой в руках тюркской гвардии и умер при невыясненных обстоятельствах. После ряда поражений, нанесённых Алидам в династических войнах, халиф перенёс столицу из Самарры обратно в Багдад (по другим свидетельствам – бежал в Багдад), чем вызвал недовольство тюрков. В результате тюрки провозгласили халифом его младшего брата **Аль-Мутазз Биллаха (ум. 869 г.)**, ранее подписавшего отречение от престола, после избрания халифом его старшего брата: *«...Теперь я понял, что не могу выполнить возложенных на меня обязанностей и стать для мусульман хорошим халифом. Все, кто дал мне клятву верности, могут теперь отказаться от неё. Я освобождаю вас от неё и избавляю от присяги. Никакой договор или соглашение не связывает больше меня с вами. Вы свободны от него...».*

Аль-Мутазз согласился принять престол, понимая, что обречён на гражданскую войну с собственным братом. Тюркские войска

осадили Багдад и после переговоров военный комендант Багдада Ибн Тахир в начале 866 года самостоятельно низложил Аль-Мустаина, сдал Багдад Аль-Мутаззу и признал его законным халифом. Согласно договорённости, Аль-Мустаину гарантировалась жизнь и спокойное проживание в Медине. Однако, в октябре 866 года Аль-Мустаин был убит, и его голова была доставлена Аль-Мутаззу. На короткое время это отрезвило Аль-Мутазза. Впрочем, ещё летом после победы он проявлял какое-то время милосердие по отношению к побеждённым и членам своей семьи, но уже в июле того же года специальным указом лишил своего брата Аль-Муайяда статуса наследника престола. А 8 августа судьи и свидетели вынуждены были присутствовать при опознании тела Аль-Муайяда, на котором не удалось найти следов насилия. Не смотря на формальное признание естественной смерти Аль-Муайяда, по столице поползли слухи о его насильственной смерти. Не теряя времени, Аль-Мутазз в те же дни приказал отправить в темницу следующего своего брата — Абу Ахмеда. Абу Ахмед остался жив только благодаря его популярности среди тюркских аристократов и офицеров.

Тем временем на территории Халифата Аббасидов нарастают кризисные явления. Так долг по оплате тюркским, североафриканским и другим наёмникам более чем вдвое превышал сумму годового дохода казны халифата. Значительная часть провинций вышла из-под контроля Аббасидов, будучи захвачена смелыми авантюристами или командующими местными гарнизонами. Беспорядки охватили даже Багдад, а у халифа не было возможности их прекратить. В Самарре гарнизоном, не доверяя ставленникам Багдада и тюркским офицерам, начали избирать командиров из числа своих сослуживцев.

Подстрекаемые противниками халифа, не получавшие жалования солдаты, подняли бунт и **11 июля 869 года** группа решительно настроенных солдат ворвалась во дворец. Телохранители и офицеры оставили Аль-Мутазза. Халиф был принужден подписать акт отречения. *Этот эпизод говорит о том, что в Арабском халифате сакральность статуса халифа, как главы мусульманской уммы и нации в целом к этому моменту стала носить формальный характер.* Свергнутого халифа заключили в тюрьму, в маленькую камеру, и в течение трёх дней держали без пищи и воды. **В ночь с 16 на 17 июля 869 г.** Аль-Мутазза скончался в заключении при невыясненных обстоятельствах. Реальная причина гибели халифа остаётся неизвестной.

Дальнейшая история Арабского халифата до 946 г. представляет собой череду династических гражданских войн,

имеющих мало отношения к религиозным конфликтам и, тем более – религиозной войне. Закономерным выглядит для истории династии Аббасидов завоевание их государства в 946 году представителем империи Буидов эмиром Ирака и Кирмана **Муиззом ад-Даулом Ахмадом**, принявшим титул *султана*. Смена титула стала знаковым событием, поскольку переход от халифата к султанату означал принципиально иную систему социальных и религиозных отношений.

Так понятие *«Султан»* означает в *«Коране»* общее понятие власти, характерное для начальной стадии становления Ислама. Фактически, термин *«султан»* обозначал единоличного представителя светской власти, представлявшего альтернативу религиозному авторитету имаму. Таким образом система верховной власти в арабском государстве была переведена на сугубо светское юридическое и социальное поле.

Муизз ад-Даул Ахмад проявлял веротерпимость в качестве правителя. Так одним из министров назначил Муизз ад-Даул Ахмад христианина, что привело к строительству и восстановлению церквей, базилик и монастырей. Такое отношение к «людям писания» позволило представителям династии Буидов не просто заручиться поддержкой значительной части населения, но и наладить экономические и социальные отношения в государстве, пришедшие в расстройство в ходе междоусобиц представителей династии Аббасидов.

В течение подпадания Арабского халифата под влияние династии Буидов, с **946 по 1075 гг.** Арабский халифат и буидское государство не акцентировали в военных действиях внимания религиозных аспектах. Фактически, происходит секуляризация государственной власти, отчасти свёрнутая после подпадания халифата под власть династии Сельджукидов.

Сельджукиды – тюркская династия, распространившая своё влияние на территорию ряда стран Ближней и Средней Азии, а также отдельных регионов Месопотамии и Сирии Ряд представителей Сельджукидов подчинили влиянию династии территорию Палестины и большей части Ирана. Династия Сельджукидов правила в период с XI по XIV века. Основатель династии **Тогрул-бек (990-1063 гг.)**.

Создание сельджукского султаната началось на севере от халифата, когда ряд вождей племен огузов среднего течения Сырдарьи и предгорий Каратау сформировал и возглавил компактную этно-политическую группу племен, состоящую в основном из огузов и туркмен. Члены этих племён, объединённые одним языком, единой верой и компактной территорией проживания сравнительно быстро

идентифицировали себя, как часть единого этноса, приняв самоназвание «сельджуки», происходящее от политического и духовного лидера объединения **Сельджука ибн Тугака (902-1009 гг.)**.

В 1035 г. сельджуки под командованием **Тогрул-бека ибн Микаила**, его брата **Дауда Чагры-бека Мухаммада**, а также их дяди, **Мусы ибн Сельджука**, форсировали Амударью и осели на территории современного Туркменистана. В социуме Сельджуков мерилom богатства являлся скот: стада верблюдов, лошадей, овец. Таким образом, Сельджуки и их подданные нуждались в дополнительных зимних и летних пастбищах, обеспечивающих успешное перегонное скотоводство. Поэтому Сельджук и его родственники обращаются к правителю Хорасана **Масуду Газневи** с просьбой выделить им территорию близ городов Ниса и Ферара, обещая принять вассальные обязанности по отношению к династии Газневидов. Газневи правитель, понимая, что Сельджукиды располагают мощной армией, нуждающейся лишь в экономической базе для дальнейшего укрепления и боясь роста их могущества, летом 1035 г. выступает во главе крупного войска против пришлых кочевников. Сельджуки, подготовили засаду и одержали верх в генеральном сражении. Однако уже в 1038 г. хорасанцы попытались взять реванш, начав военные действия против сельджуков-туркмен выдвинув крупное военное соединение под командованием полководца Сюбаши. Поход вторично закончился поражением газневидской армии возле Серакса. Тогрул-бек, приняв решение развить успех, начал масштабное наступление на Нишапур, сравнительно легко захватил город в котором и был провозглашен *султаном*. Этот шаг был закономерен со стороны Тогрул-бека, но также закономерно было бешенство султана Масуда, обоснованно понявшего принятие Тогрул-беком титула султана, как первый шаг к обособлению сельджуков в рамках собственного государства. В начале мая 1039 г. войско Масуда, полностью укомплектованное и обеспеченное всем необходимым, двинулось из Балха на Серакс. Возле местечка Дих-и Базарган, на р.Теджен, состоялось генеральное сражение, в ходе которого противники, существенно измотав друг друга, не добились решительной победы. Стороны предпочли заключить перемирие, однако уже зимой, в последние месяцы 1039 г. султан Масуд восстановил контроль над Нишапуром, изгнав оттуда Тогрул-бека и его соратников.

Однако торжество Хорасанской династии было недолгим: с 1038 по 1055 годы сельджуки установили контроль над территориями Хорасана, Хорезма, Западного Ирана, Азербайджана и Ирака. Аббасидский халиф **Абу Джафар Абдуллах ибн Ахмад аль-Кайм**

Биамриллах (1001 – 1075 гг.) счёл за лучшее признать права светской власти Тогрул-бека на право султаната над захваченной им территории и «царем Востока и Запада». Сельджукский султан получал титул *эмира*, как *наместника халифа*.

Взаимоотношения между Тогрул-беком и халифом аль Каимом создали в мусульманском мире прецедент разделения светской и духовной властей в рамках единого государства. Кроме того появился прецедент погашения конфликта путём переноса системы взаимоотношений представителей аристократии из системы правовых и военных отношений в систему религиозно-сакральной иерархии, что диаметрально противоположно методам погашения конфликтов, действовавших в период правления династий Омейядов и Аббасидов.

В эпоху правления султанов Алп-Арслана (1063—1072) и Мелик-шаха I (1072—1092) сельджуки провели серию завоевательных операций, подчинив себе Армению, большую часть Малой Азии, а позже — Сирию и Палестину. В ходе ряда стремительных операций Сельджукиды подчиняют своему влиянию княжества будущей Грузии (Картли, Имеретию, Кахетию, Аджарию), а также подчиняют себе территории Ширвана и Мавераннахра.

Сельджукиды не пытаются поставить территорию под тотальный контроль, а довольствуются вассальной присягой правителей государств и княжеств, зачастую не интересуясь вопросами вероисповедания. Наибольшего военно-политического могущества государство Сельджуков достигло при **Мелик-шахе**.

Абуль-Фатх Джалал ад-Дин Мелик-шах (1055-1092 гг.) – талантливый администратор, умелый правитель и выдающийся дипломат, сделавший ставку на светскую власть, но выступавший с позиций ортодоксального *суннизма*. Именно при нём с одной стороны, начинается бурное развитие науки, поэзии и образования (высшие учебные заведения в Багдаде и Герате, открытые при покровительстве султана не имели аналогов в мире). С другой – начало ширококомасштабной насильственной исламизации покорённых народов и... населения халифата Аббасидов.

После того, как скончался Мелик-шах, Сельджукская империя вступила в период междоусобных войн. На султанском престоле побывали несколько сыновей Мелик-шаха. **Махмуд (1092—1094), Баркиярк (1094—1104), Мелик-шах II (1104—1105) и Мухаммед (1105—1118).**

Преемникам Мелик-шаха пришлось воевать на два фронта: как с аристократической оппозицией, так и с исмаилитами. В 1118 году

султанат распался на две части. Первой из образовавшихся держав стал Иракский султанат (Западный Иран, Ирак и Азербайджан) со столицей в городе Хамадан. Во главе Иракского султаната встал сын Мухаммеда — Махмуд. Вторая держава включала в себя Хорасан, Хорезм и Мавераннахр со столицей в городе Мерв. Этой державой стал править дядя султана Махмуда — Санджар. Пикантность ситуации заключалась в двух нюансах. *Во-первых, параллельно светской власти султанов-Сельджуков на престоле Багдада продолжала присутствовать династия Аббасидов. Во-вторых, обладая статусом светских монархов, представители Сельджукидов присвоили себе право реализации религиозной политики государства.*

Однако Первый Крестовый поход сильно подорвал могущество Халифата. В результате действий крестоносцев, Сельджукиды, а, следовательно, и империя Аббасидов утратили княжества Картли, Кахетия, Имеретия, Аджария (в литературе их называют княжествами Грузии, но это неверно, поскольку объединение Грузии произошло лишь после добровольного вхождения княжеств в состав Российской Империи в кон. XVIII – нач. XIX вв.). Также халифат и Сельджукиды потеряли контроль над территориями Ширвана, прибрежными регионами Малой Азии, подконтрольными территориями Сирии и Палестины.

Ситуация осложняется тем, что Тогрул-бек, в соответствии с понятиями об обязанностях монарха, бытовавшими во время его правления, создал ряд крупных полуавтономных земельных владений для ряда членов рода Сельджукидов. Это нельзя назвать ошибкой, поскольку такая политика являлось общепринятой практикой раннего Средневековья, но такая политика привела к тому, что некоторые из феодальных владений со временем приобрели статус самостоятельных государств-султанатов: Керманский султанат, 1041—1187; Сирийский султанат, 1074—1117; Конийский или Румский султанат, 1077—1307.

Точку на существовании султаната Сельджукидов поставило вторжение в Среднюю Азию армии каракитаев, в результате которого все земли к востоку и северу от Амударьи были потеряны для Сельджукидов. В 1153 году восстали огузы с кочевий, расположенных около города Балха. Огузские повстанцы разбили армию султана, выступившую им навстречу, а самого султана *Санджара* взяли в плен его самого. Победители разграбили земли Хорасана. Успешные походы хорезм-шаха Текеша подорвали ресурсную базу Иракского султаната. Династия сельджукидов продолжала править лишь в Иконийском султанате, просуществовавшем до начала XIV века.

Анализируя ситуацию на территории халифата в период своеобразного «симбиоза» династий Сельджукидов и Аббасидов, необходимо отметить довольно парадоксальное явление. Если в рамках государства мы можем наблюдать тенденцию усиления подавления религиозного инакомыслия, то во внешней политике военные действия мусульманской империи с 1075 по конец XII в., как правило, не имели религиозной подоплеки. Исключения составляют два случая военных действий явно имевших религиозные мотивы:

- Военные действия Мелик-шаха против шиитов, получившие названия «священной войны»
- Преследование *исмаилитов* (отдельное преследование лидера исмаилитов **Хасана ибн Саббаха (ок. 1055-1124 гг.)**, имевшего титул «Старец Горы»), которое не закончилось успехом.

***Исмаилизм:** представляет собой совокупность религиозных движений шиитской ветви ислама, восходящих к концу VIII века. Каждое движение имеет свою иерархию имамов. Согласно учению исмаилитов, Аллах время от времени воплощается своей божественной сущностью во плоти своих «аватар», приходящих на Землю в виде пророков-«натиков» («проповедников»). Среди «натиков» исмаилиты признавали Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса и Мухаммеда. Интересно то, что доктрина исмаилитов признавала пророков - «натиков» не просто как людей, которым открыта воля Всевышнего, а как воплощения Творца в человеческом воплощении. Каждого из ниспосланных пророков-натиков всегда сопровождал так называемый «самит» («молчащий»).*

Роль самита сводится к толкованию проповеди пророка-«натика». При Моисее самитом был Аарон, при Иисусе — Пётр, при Мухаммеде — Али ибн Абу Талиб. С каждым появлением пророка - «натика» Аллах раскрывает пред людьми тайны вселенского разума и божественной истины. Согласно учению исмаилитов, в мир должно прийти семь пророков-«натиков». Между их появлениями миром последовательно правят семь имамов, через которых Аллах дает объяснение учений пророков.

Возвращение последнего, седьмого пророка-натика — Мухаммеда, сына Исмаила, явит собой последнее божественное воплощение, после которого в мире должен воцариться божественный разум, несущий всеобщую справедливость и благоденствие правоверным мусульманам.

Для религиозной доктрины исмаилитов, по всей видимости, характерна концепция неограниченной свободы воли, отказ от

детерминизма и признания самостоятельного существования атрибутов Бога, характерного для доминирующих направлений в исламе.

В начале XIII века всё более активную роль на Ближнем и Среднем Востоке начинают играть Чингисиды. С 1218 года после успешных походов, завершившихся завоеванием Китая, армия Чингисхана (известная, кстати, своей веротерпимостью) начинает поход на Запад. Естественно, что на их пути оказывается ряд мусульманских государств, в том числе и территория Арабского халифата.

После того, как войска Субэдея и Джебе захватили Хорезм, а последний хорезмшах **Ала ад-Дин Мухаммед II (1169-1220 гг.)** умер, скрываясь от захватчиков на Абескуне - «острове прокажённых», на территории Персии и современного Ирака не осталось сил, способных противостоять монгольскому нашествию.

Последнюю попытку противостоять войскам Чингисхана предпринял **Джелал ад-Дин Манкбурны (1199-1231 гг.)**. Однако после того, как Джелал ад-Дин погиб в Сильване (район в провинции Диярбакыр на территории современной Турции) от руки наёмного убийцы, возглавить сопротивление стало окончательно некому. Войска чингисидов подвергли разрушению Самарканд, Бухару, Ташкент, Бельх и др. и продолжали продвигаться на Запад.

Отметим, что монгольские военачальники строго придерживались в своих действиях Ясы – общего для всех подданных Чингисхана свода законов. Яса предписывала с почтением относиться «ко всем богам», чтобы не навлечь их гнева на войско Чингиса и его самого. Таким образом, наступление армии хана Чингиса нельзя назвать религиозной войной.

После смерти Чингисхана политика Каракорума (столицы Монгольской империи) не изменилась. Один из его внуков Чингисхана – **Хулагу (1217-1265 гг.)**, став во главе войска Каракорума (в которое входили как его собственные тумены, так и войска других улусов), завершил захват Персии и Ирака. Также Хулагу успешно преодолел сопротивление исмаилитов, уничтожил их государство. Войдя на территорию Арабского халифата, армия Хулагу не встретила серьёзного сопротивления.

В **январе 1258 года** армия Хулагу **осадила Багдад**. В отличие от большинства европейских рыцарей, армия Чингисидов отлично владела приёмами, тактикой и стратегией штурма крепостей. Но в этом не было необходимости: в Багдаде не существовало военной силы, способной оказать монголам достойное сопротивление. После того, как переговоры между противоборствующими сторонами зашли в тупик,

последний халиф династии Аббасидов, **Абу Ахмад Абдуллах аль-Мустасим биллах (1213—1258)**, был вынужден сдать город и сдаться сам вместе со своим двором.

Хулагу в соответствии с понятиями Ясы приказал казнить всех сдавшихся ему мужчин-мусульман, а Багдад, в течение пяти веков служивший столицей Исламского мира, был разрушен. Причиной казни стало предательство. Именно так монгольская знать армии Хулагу и он сам оценили сдачу города и отсутствие сопротивления. Поведение же халифа Хулагу расценил как предательство своего народа. Именно за это последний халиф Аббасидов был казнён.

Обращает на себя внимание факт, что, казнив мусульманское руководство государства, Хулагу не тронул иудеев и христиан. Будучи осведомлён о религиозно-социальной структуре халифата, Хулагу посчитал, что иудеи и христиане не обязаны умирать за правителя, ставящего под сомнение правомочность их веры.

Кроме того, Хулагу описан современниками, как человек, симпатизирующий христианам по личным убеждениям. Так существует версия, что к общине христиан-несториан принадлежали старшая жена Хулагу **Докуз-хатун** (ум. 1265 г.) и лучший полководец **Кит-Бука** (ум. 1260 г.).

Именно Докуз-хатун ходатайствовала, о сохранении жизни для христиан Багдада и халифата в целом. Существует маловероятная легенда о том, что Хулагу подарил несторианскому патриарху дворец халифа для обустройства резиденции.

Эта легенда дала повод к возникновению мифа о «Жёлтом крестовом походе», не имеющего ничего общего с реальностью.

Захват Багдада армией Чингисидов, обоснованно расценивается мусульманскими историками как один из поворотных моментов в истории Ислама.

Фактически после взятия Багдада в 1258 г. арабская цивилизация и её культура начинает стагнировать. Некоторые историки называют падение Багдада началом стагнации мусульманской культуры в целом, но это не соответствует действительности.

Учитывая изложенные выше факты, попытки трактовать завоевания Чингисидов в Арабском халифате с точки зрения религиозной войны следует считать необоснованными.

Глава 12.

Религиозные войны мусульманских государств XIV-XIX вв.: проблемы различения религиозной войны и политического противостояния .

Осмáнская импéрия, она же *Оттомáнская империя* или *Оттомáнская Пóрта*, в просторечии - просто *Пóрта* — как единое государство Османская империя начала своё существование в 1299 году под властью **Османа I Гази (1258-1326 гг.)**, сосредоточившего в своих руках власть над турецкими ордами, кочующими по территории Фригии и тюркскими племенами в северо-западной Анатолии.

Когда отец Османа I предводитель огузского племени кайи **Эртогрул** вынужден был увести своих людей на Запад в Анатолию под натиском армии Чингисидов, он сумел основать базу для своего племени – город Сёгют, воспользовавшись как ослаблением Византийской империи, так и династическим и системным кризисом империи Аббасидов. Осман I приказал своим военачальникам систематически вербовать в армию мусульман, желающих участвовать в войне. Во многих исторических трудах в качестве цели Османа I называется наступление на христианскую Византийскую империю. Однако первые завоевания он совершает на территории Центральной и Южной Анатолии, вступая в противоборство с единоверцами-мусульманами из династии Караманогулларов.

Разделение Конийского султаната приводит к тому, что территория Анатолии в 1300-х годах была разграничена на ряд независимых бейликов. Византийская империя, будучи не в состоянии противостоять сельджукскому государству, вынуждена оставить большую часть территории Анатолии. На захваченных территориях Конийский султан формирует десять новых бейликов.

Во главе одного из бейликов стоит сам Осман I, что объясняется тем, что на территории «султанского» бейлика располагается столица *Эскишехир*. Осман I продолжает экспансию на земли Византийской империи. В правительстве нового государства представлены исключительно представители османской аристократии, лично заинтересованные в дальнейшей экспансии.

Нужно признать, что геополитические задачи Осман I и его правительство решали достаточно изящно: была создана социально-политическая система, наделяющая религиозные и этнические меньшинства определённой автономией. Играя на противопоставлении местного самоуправления централизованной власти Византийской империи, Осман I обеспечил минимизацию сопротивления своей

армии со стороны местного населения во время завоевания территорий Византийской империи.

Нужно отметить, что на стадии становления Османского государства источники мало говорят о, собственно, религиозной политике новой династии. Можно предположить, что сам Осман не ставил вопросов конфессиональной принадлежности во главу угла, но наличие мусульман-фанатиков, воспринимавших войну против Византии, как джихад, говорит о том, что некоторая часть его войска вела в своём восприятии религиозную войну. Вопрос - можно ли назвать завоевания Османа I на территориях Византийской империи религиозной войной, сегодня остаётся открытым и требует дополнительных детальных исследований.

В 1301 г. после разгрома византийских войск возле Никеи, султан Осман разместил свою армию в непосредственной близости от пограничья Византии. На территории, отошедшие султанату Османа, начали мигрировать люди, для которых распространение ислама стало смыслом жизни: воинствующие религиозные фанатики, теологи-проповедники, братья суфийских тарикатов. Офицеры султана охотно привлекали таких людей в мусульманскую армию.

Репрессии против христиан усиливаются при сыне Османа I, прагматичном правителе **Орхáne I Газí (1288-1359 гг.)**. При нём Османская империя вступает в период активного развития, становления, как одна из передовых держав средневекового мира (опровергая, таким образом, тезис о стагнации мусульманской цивилизации после взятия Багдада войсками хана Хулагу). Именно при нём начинает формироваться корпус **янычар**.

Корпус янычар не только стал одной из основных сил османской армии (наряду с конными частями сипахов и акынджи), но и структурным элементом системы исламизации христианского населения империи. Янычарские части входили в состав полков капыкулу (личной гвардии султана, состоявшей из профессиональных воинов, в традиционной трактовке – считавшихся султанскими рабами), однако имели особый статус. Принося присягу, янычары произносили формулу: «я ем твой хлеб, и я покорен твоей воле». Согласно этой присяге янычары вопреки распространённой версии, не являлись рабами, но становились доверенными слугами, статус свободных людей для которых становился частью высокого статуса *улубея* (правителя османского государства в данный период, соответствовавший по статусу титулу *султана*). Янычарские подразделения в Османской империи несли службу в разных направлениях: военные части, полицейские подразделения, охрана

объектов, пожарная безопасность. По приказу султана и своего начальства янычары выполняли и карательные функции.

Янычарская пехота, как боевое подразделение структурно оформилась несколько позже, в эпоху правления султана **Мурада I (1319-1389 гг.)** в 1365 году. Тем не менее, принципы комплектации нового войска всё-таки сформировались при Орхане I. Янычары набирались из юношей-христиан 12—16 лет от роду. Таким образом, основная часть янычар состояла из албанцев, армян, боснийцев, болгар, греков, грузин, сербов, впоследствии воспитуемых в строгих исламских традициях. Детей, набранных в Румелии, отдавали на воспитание в турецкие семьи Анатолии и наоборот. Набор детей в янычарский корпус получил название *девширме* – у славян - «кровная дань», «налог кровью». Ситуация с девширме была двойкой. С одной стороны, для христиан это был унижительный налог. Однако нужно отметить, что дети, попавшие в корпус янычар, оказывались в привилегированном положении не только относительно единоверцев, но и относительно турецких детей. Во всяком случае, восстаний из-за набора детей в янычары со стороны христиан на данном этапе становления Османской империи не зафиксировано.

Можно предположить, что система янычарского набора стала на начальном этапе своего становления одной из своеобразных мер предупреждения возникновения христианского сопротивления на завоёванных османами территориях. С одной стороны, дети, набранные в корпус, становились заложниками. С другой стороны янычары, воспитанные в традициях Ислама и получившие достаточно качественное для своего времени образование, они пополняли ряды не только воинов султана, но и что более важно - государственных служащих новой империи.

Улубей Орхан I стал правителем, чьи войска не только захватили обширные территории, но и всерьёз подорвали экономическое и территориальное могущество Византийской империи. Именно его просил выступить в защиту своих интересов против своего противника византийского императора **Иоанна V Палеолога (1332-1391 гг.)**, его соправитель византийский император **Иоанн VI Кантакузин (1293-1383 гг.)**.

В 1345 году Орхан добился контроля над проливом Дарданеллы, сравнительно легко аннексировав соседний бейлик Карасы, истощивший ресурсы в ходе гражданской войны. В том же году Османская империя вступила в междоусобные войны на территории Византийской империи (1341—1347). Османь выступили в одном строю с будущим императором Иоанном VI Кантакузином.

Солтан Орхан послал шеститысячный экспедиционный корпус на территорию Балканских княжеств для военных действий против императора Иоанна V Палеолога. Союз Иоанна VI и султана Орхана был скреплен династическим браком султана и дочери Иоанна Кантакузина – Феодоры. Одновременно при этом, султан Орхан вёл неофициальные переговоры с сербским праителем **Стэфаном Урошем IV Душаном (1308-1355 гг.)**, который хоть и исповедовал христианство, рассчитывал воспользоваться союзом с османами для узурпации власти в Константинополе. Переговоры окончились безрезультатно. Контрразведка Иоанна VI Кантакузина успешно нейтрализовала посольство Орхана I, сумев предотвратить соглашение османов и сербов до подписания договора и свадьбы. После официальных церемоний, Орхан I не мог себе позволить без потери авторитета среди подданных-мусульман изменить договор, при заключении которого поклялся на Коране. Согласно договору, Орхан I получил *в 1352 году* от Иоанна VI Кантакузина крепость **Цимпе**, а позже занял **Галлиполи**. По другим сведениям, османы, переправившись через Дарданеллы, предприняли поход на европейскую землю по собственной инициативе, захватив стратегически важную крепость Цимпу. В любом случае, овладение двумя мощными крепостями послужило созданию для армии Орхана I мощной опорной базы. Позже эта база была использована османским государством для дальнейшего вторжения на территорию Византии. Христианские государства упустили момент, когда объединившись, ещё имели возможность вытеснить османские войска с территории Европы. Однако после того, как османы закрепились в Цимпе и Галлиполи, вытеснить их с бывшей территории Византийской империи стало намного сложнее.

Интересен следующий аспект: при заключении договора Иоанн VI Кантакузин клялся на Библии, а султан Орхан I клялся на Коране. *И та и другая клятва были легитимны в глазах противной стороны.* Проводя репрессии против христиан на территории своего государства, во внешней политике строго придерживался принципов уважительного отношения к «людям писания». Историки свидетельствуют, что за всю свою жизнь Орхан I ни разу не нарушил слова данного на Коране даже людям иной веры. Дополнительным доказательством светского характера власти Орхана I является такой акт государственного обустройства, как перенос столицы Империи в г. Бурсу. Падение Бурсы означало окончательную потерю контроля Византийской империи над Северо-Западной Анатolieй.

В течение XIV века Византийская империя переживала сложный период своей истории. Императору Андронику II и его внуку Андронику III не удалось остановить нашествия монголов, а за ними и турок. Император Иоанн VI Кантакузин хоть и попытался воссоздать византийский флот, но при конфликте со своим соправителем Иоанном V Палеологом вынужден прибегнуть к помощи турок-османов, которые в качестве платы за услуги занимают крепости Цимпе и Галлиполи (в 1357 г.). Вернувший себе престол Иоанн V Палеолог теряет в борьбе с турками Адрианополь (1361 г.), Ниссу (1368 г.) и Фессалоники (1373 г.). К началу XV века положение Византийской империи становится критическим...

А 25 сентября 1356 г. войска **султана Мурада I (1319-1389 гг.)** - нанесли поражение объединённой армии императора Священной Римской Империи **Сигизмунда I Люксемберга (1368-1437 гг.)**, Французского королевства, Ордена госпитальеров и Венецианской республики под Никополем. Фактически победа в **битве под Никополем** открыла османской армии путь в Европу.

*В Европе при дворах большинства монархов формируется официальная трактовка противостояния Священной Римской империи и империи Мурада I, как религиозного противостояния. Однако и сражение под Никополем, и всю кампанию армии Османской империи, нельзя считать актом религиозной войны, поскольку на стороне Мурада I выступили полторы тысячи сербских рыцарей (со своими людьми) под руководством сербского правителя **Стефана Лазаревича (1374-1427 гг.)**, решившие исход битвы при Никополе. Стефан Лазаревич принял вассальную присягу в адрес султана Мурада I, который в первое время предоставил сербским христианам широкую автономию в пределах своего государства и возможность исповедовать Православие. Неудивительно, что выбирая между политикой жестокого окатоличивания, проводимой императором Сигизмундом I и веротерпимостью Мурада I, сербы приняли сторону турецкого султана.*

Османские правители в ходе завоевания территорий Византийской империи, Балканских княжеств и территорий Западной и Восточной Европы до XIV века ни разу не свели свои действия к религиозной войне. Стратегия экспансии, сложившаяся ещё при Мураде I отчасти была сходна со стратегией империи Чингисидов на этапе её становления: османы активно участвовали в гражданских войнах государств христианских правителей в качестве союзников. В ходе военного присутствия, османские правители вели политику интеграции своих людей в хозяйственную и социальную жизнь на

чужой территории. Такая тактика позволяла османам, постепенно подчинять влиянию Османской империи своих нанимателей и союзников. В качестве повода для подчинения себе той или иной территории, как правило, использовалось обоснование «наведения порядка» в случае смерти местного правителя или уособицы в его семье.

В походе 1386 года на земли сербского князя **Лазаря Хребеляновича** (правил 1371-1401 гг.), вторглась армия под командованием самого Мурада I. *Формально, это вторжение можно причислить к религиозным войнам, поскольку во время этого похода турки подвергли разграблению и разрушению многие религиозные учреждения, например, совершили нападение на монастырь Грачаница, где сгорела внутренняя башня, хранившая ценные рукописи и книги. Однако, нужно учесть, что в этом отношении османы ничем не отличались от норманнов, грабивших Западное побережье Европы даже, когда ряд их вождей причислял себя к христианам.*

К 1387 г. султан Мурад I после **захвата г. Салоники (Фессалоника)** перестал нуждаться в помощи сербских рыцарей. Часть сербских христиан ещё сохраняла в рамках Османского государства известную духовную и политическую автономию, но Мурад I начинает активные действия по ликвидации сербских княжеств, как структурных и административных единиц. Так в 1388 году была предпринята попытка ликвидировать Боснию, умело манипулируя конфликтом сербского правителя **Стефана Твртко I Котороманича (1338-1391 гг.)** с родом **Балишичей**, владетельных князей Черногории и Албании. Турецкая армия под командованием военачальника **Шахина** вторглась в район Билечии (город на юго-востоке Боснии и Герцеговины), однако османы потерпели поражение и в **1389 г.** После этого Мурад I лично повёл армию на сербов. Армия Мурада была полиэтничной: турецкие части были подразделениями вассальных правителей и наёмными компаниями профессиональных кондотьеров. Причём по оценкам историков, численность вассалов, не исповедовавших Ислам, в османской армии достигала 8 тыс. человек, то есть от 20 до 32 % от её общей численности.

Тем не менее, если рассмотреть результаты последней кампании султана Мурада I её можно трактовать и как религиозную войну: после победы османов начинается исламизация захваченной территории.

15 июня 1389 года вблизи современного города Приштина в Косове произошла решающая битва – **Битва на Косовом поле**, стоившая жизни султану Мураду I. Среди историков популярна

версия, что в самом начале битвы султан Мурад I погиб при невыясненных обстоятельствах. В османских источниках сказано, что султан Мурад пал от руки сербского воина, который притворился мёртвым. В письме представителей Флоренции адресованном королю Твртко утверждается, что султан Мурад был убит одним из 12 знатных сербов, прорвавшихся в начале боя сквозь ряды турецкой армии. В Европе принята версия, что султана умертвил легендарный князь *Милош Обилич*. Понимая, что армия сербов и их союзников не сможет противодействовать мощной и дисциплинированной османской армии, Обилич, якобы выдал себя за перебежчика и на аудиенции султана нанёс Мураду I смертельный удар кинжалом (по другой версии – засапожным ножом). Однако в гербовниках и генеалогических сборниках Европы род Обиличей не значится, само имя «Обилич» впервые зафиксировано в XVIII веке. Следовательно, ни о каком «князе Обиличе» речи идти не может. По той же причине несостоятельна версия об одном из 12 сербов знатного рода, сразившем якобы султана: такое деяние просто не могло пройти мимо геральдических коллегий Европы. А шансы европейского простолюдина-пехотинца прорваться через ряды профессионально обученной янычарской гвардии и мастеров-телохранителей исчезающе малы. Простолудин согласно действовавшему при дворе османских правителей этикету и церемониалу, принципиально не мог быть допущен на аудиенцию к султану во время боя. Согласно «уставу» османской армии, допрашивать его (если бы пленника доставили к султану) должен был *усташи бастанджи* (начальник личной охраны) в помещении, в котором султана не было. И ещё один нюанс: византийский историк XV века, придворный учёный византийского императора Константина Мономаха *Лаоник Халкокондил* в своём труде «Истории» утверждает, что Мурад был убит после сражения, когда по обычаю обходил поле боя. Что же на самом деле произошло с султаном Мурадом I настоящий момент неизвестно. Равно как и то, что неясной остаётся судьба старшего сына Мурада I – Якуба. Распространена версия, что он был убит своим братом Баязидом... во время битвы на Косовом поле, чтобы исключить конкуренцию в командовании османской армией. Однако такая версия выглядит неправдоподобной.

Однако гибель Мурада I не помогла славянским полководцам: во главе армии встал второй сын султана **Баязид I Молниеносный (1357-1403 гг.)** наголову разгромивший сербские войска. Победа на Косовом поле фактически открыла османской армии двери в Европу. Баязид I взял в жёны дочь Лазаря Хребеляновича приобря через этот

династический брак формальное право принимать участие в решение династических проблем Сербии (когда Стефан, сын Лазаря, умер без наследников).

Последним шансом для европейских монархов остановить продвижение османской армии стала **битва при Никополе 25 сентября 1396 г.** Армии Баязида I противостояла объединённая армия короля венгерского **Сигизмунда I Люксембурга**, Французского короля **Карла VI Безумного**, Ордена госпитальеров и Венецианской республики. Папа римский Бонифаций IX благословил эту армию на новый Крестовый поход.

Однако, и эту кампанию можно назвать религиозной войной с большими оговорками: со стороны крестоносцев Европы в походе не участвовали непосредственно представители высшего клира, а испровержение Ислама не являлось приоритетной задачей. Поход для европейских рыцарей носил политический характер.

Со стороны Османской Порты религиозной эту войну назвать также сложно, хотя бы потому, что на стороне турок сражалось сербское войско короля Стефана Лазоревича. Сербская армия представляла собой объединения представителей квазифеодальной воинской элиты, служивших в тяжелой коннице, а также различных наёмников, главным образом из Италии, где сербская аристократия закупала тяжёлые доспехи и вооружение.

Отлично обученная и дисциплинированная армия османов и сербов, сохранивших тактику византийской военной науки, но перенявших у осман жесткую дисциплину, наголову разбила мало подчинявшуюся общему командованию армию «крестоносцев». После этого сражения, Османская империя прочно закрепилась на Балканах, а Болгария до 1878 г. превратилась во внутреннюю провинцию Османской империи.

Фактически, османы уже в этот момент готовы были присоединить к своим владениям Константинополь, но вторжение в азиатские провинции Османской империи армии Самарканда во главе с Тимур-Ленгом (**Тимур ибн Тарагай Барлас (1336-1405 гг.)**) заставило Баязида I снять осаду с Константинополя и, лично возглавив собранную армию, выступить навстречу войскам Тимур-Ленга (Тамерлана). Поражение султана Баязида, окончившееся его смертью в плену Тамерлана, дало Европе передышку.

Султанам **Мехмеду I Челеби (1387-1421 гг.)** и **Мураду II (1404-1451 гг.)** пришлось выдержать серьёзные междуусобицы и борьбу внутри империи. Интересно, что византийские историки с уважением отзывались об этих правителях Османского государства,

подчёркивая их покровительство торговле, науке, искусству и планомерной политике веротерпимости.

По сути, именно внедряя принцип равных прав населения империи, Мехмед I и Мурад II сумели добиться того, что христианское население Османской порты прочно связывало своё будущее с турецким государством. Однако методы колонизации вновь завоёванных земель продолжали оставаться крайне жёсткими. Так после захвата в 1340 г. г. Фессалоники, воины Мурада II устроили избиение местных жителей-христиан, часть из них продав в рабство, а часть – выселив из города, в который принудительно были заселены представители турецкого населения.

В 1441 - 1444 годах состоялся очередной Крестовый поход против турок. Ряд авторов пытается выдать его за исполнение обязательств папы Римского перед императором Византии Иоанном Палеологом. Однако эта информация не соответствует действительности. Крестовый поход 1440-х годов, начатый королём Венгрии и Польши **Владиславом III Варенчиком (1434-1444 гг.)**, имел целью лишь отвоение сербских земель, но не ставил перед собой никаких целей отвоения Византии и, тем более, борьбу с Исламом. В битве под Варной армия крестоносцев терпит поражение, а сам король Владислав III гибнет.

После падения Константинополя **в 1453 году**. Османское государство получило статус империи. Падение Константинополя стало важнейшим событием в развитии османской государственности, так как после победы 1453 года Османская империя окончательно укрепилась в Европе, что является важной характеристикой современной Турции. Империя достигла наибольшего возвышения в 1590 году. Её земли охватывали часть Европы, Азии и Африки. Правление османской династии длилось 623 года, с 27 июля 1299 года по 1 ноября 1922 года, когда монархия была упразднена.

Взятие Константинополя в 1453 году войсками османского султана **Мехмеда II Завоевателя (Фатиха) (1432-1481 гг.)** не стало концом Православия в Восточном Средиземноморье. С одной стороны, Мехмед II прекрасно понимал, что кочевой улус, который представляли большинство его воинов и вельмож, не в состоянии самостоятельно построить прочное оседлое государство и нуждался в опытных советниках, которых рассчитывал приобрести среди греков-христиан. С другой стороны, будучи приверженцем традиционного Ислама, Мехмед Фатих с почтением относился к Иисусу Христу, именуемому в Исламе пророком Исой и Деве Марии. Существуют документальные свидетельства того, что за оскорбление Христа турки

применяли наказания по отношению не только к иудеям, но и мусульманам. Нужно отметить, что османы длительное время верили в святость воды, освящённой в православных храмах, приписывали ей чудесную лечебную силу, верили в чудодейственную силу освящённого елея. Также известны факты, когда турки-османы во время общественных бедствий обращались к Константинопольскому патриарху с просьбой о богослужении, надеясь на его чудодейственную силу.

Таким образом на начальной стадии взаимоотношений христиан и мусульман во время становления Османской империи, последние оказались значительно терпимее к православным, чем католики-«единоверцы» из Западной Европы.

Формируя систему политической власти, как привилегию мусульман, Мехмед II сразу после взятия Константинополя озаботился формированием духовной и идеологической власти для православных. Формируя её, Мехмед Фатих преследовал две цели. С одной стороны – создать подконтрольную себе администрацию для христиан, которую бы христиане приняли и готовы были бы ей подчиняться. Второй целью султана было вернуть христиан на свои места, восстановление византийского социума, его хозяйственной жизни.

В первую очередь, такие мероприятия султана Мехмеда II объясняются необходимостью реформирования Османской империи, переориентации её финансово-хозяйственной системы на оседлый образ жизни подданных (османы принадлежали к кочевым племенам и без помощи греческого населения сами провести реформы не могли). Но второй целью Мехмеда II стало предотвращение межконфессиональных конфликтов и войн, потенциально возможных между христианами и мусульманами на территории бывшей Византийской империи.

Мехмед II потребовал от христиан избрать нового Патриарха взамен пропавшего без вести во время штурма города. Когда на патриарший престол был избран **Геннадий II Схоларий (1454-1465 гг.)**, султан приказал освободить избранника Православной Церкви из рабства, в котором тот находился с момента начала штурма Константинополя. Нового патриарха пришлось привезти из Адрианополя, куда его успели отправить с невольничьим караваном. Примечательно, что первая встреча султана с патриархом была выдержана в правилах церемониала византийских императоров. Мехмед Фатих лично вручил патриарху Геннадию омофор, мантию, серебряный жезл. Тогда же в дар патриарху привели богато убранного коня.

Здесь нужно пояснить смысл этих даров. Если вручение патриарших регалий было данью византийской традиции, своеобразным знаком преемственности светской власти и сохранения прежних отношений светского и духовного владыки, то дарение коня стало данью турецким обычаям. Дело в том, что, как и все кочевники, турки-османы относились к коню с благоговением. Человек, идущий пешком в глазах турка – османа имел низкий личный статус. Пеший путник был объектом презрения. Именно поэтому Мехмед II, понимая, что патриарху Константинопольскому придётся контактировать с его земляками-турками, подарил Геннадию Схоларию не средство передвижения и не домашнее животное, а *статусный элемент государственного деятеля*.

Взаимоотношения турецкой администрации и патриарха Константинопольского были урегулированы особым **фирманом Мехмеда II**. Согласно этому документу:

- сохранялись религия и религиозные учреждения православных христиан;
- Патриарх, епископы и священники получили статус духовных лиц Османской империи (включая освобождение от налогов);
- сохранялась полная самостоятельность церковного управления православных христиан;
- сохранялась соборное управление патриархией: Патриарх и Синод;
- утверждалась свобода религиозных действий, обрядов, праздников, не противоречащих канонам ислама (вводились ограничения на погребальные процессии и крестные ходы, с христианских храмов были сняты кресты, и запрещен колокольный звон);
- запрещалось обращать церкви в мечети, а христиан насильственно обращать в ислам.

Практически сразу администрацией Османской Порты была введена практика бератификации православного клира. Она заключалась в подтверждении исключительных прав христианского клира специальными документами – *бератами*. Так патриарх Константинопольский становился милет-баши (глава нации), то есть - главой христианского народа, облеченный гражданской и светской властью.

Однако не следует считать, что между христианами и мусульманами в Османской империи II половины XV века царили добрососедские отношения. Положения фирмана, изданного Мехмедом II регулярно нарушались, из-за чего Геннадию II Схоларию

и его преемникам приходилось тратить значительные силы и средства на то, чтобы бороться за права, де-юре дарованные султанам христианскому населению и клиру.

Так существует легенда о том, что султан Мехмед II приказал отрезать бороду патриарху Константинопольскому **Иоасафу I Кокке** за то, что тот отказался развести с женой одного из христиан, находившихся в фаворе у султана. История эта весьма правдоподобна, даже учитывая, что сведения о Иоасафе I весьма противоречивы. Дело в том, что он пробыл на патриаршем престоле крайне недолго: с апреля 1462 по апрель 1463 гг. Ряд учёных вообще считают его мифической фигурой, предполагая, что время патриаршества, приписанное Иоасафу I Кокке на самом деле – время второго патриаршества Геннадия Схолария, который оставил кафедру в 1456 году.

После 1468 года для соискателей патриарших кафедр была введена особая подать в пользу султана – паскезия. Для христианского населения Византии только в этот момент была введена подушная подать – *харадж*, получившая среди христиан название «за сохранение жизни». Также нужно отметить, что *уже в период правления Мехмеда II появилась практика насильственной исламизации христианского населения.*

Так *девширме* – у славян - «кровная дань», «налог кровью», получившая на территории Византии негласное название «Десятина детей», приобрела особое значение и ряд нетипичных для имевшейся ранее формы этой повинности особенности. Так через каждые пять лет из христианских семей забирались дети семилетнего возраста и моложе в размере десятой части населения. Если добавить к этому значительное число церквей, превращённых в мечети, в том числе и церковь Святых Апостолов, превращённая в мечеть Фатих в 1461 году, то станет ясно, что в XV веке начинался один из тяжелейших периодов в истории Православной Церкви.

Тем не менее, военные действия межконфессионального характера, как таковые, так и не были зафиксированы ни турецкими, ни западными хронистами. Однако отсутствие активных военных действий со стороны христиан может объясняться отсутствием потенциальных союзников: в Западной Европе начинается расцвет деятельности Испанской Инквизиции, а также – обостряется борьба с ересями, под определение которых подпадает с точки зрения многих европейских богословов и Православие. Великое княжество Московское ещё не играло заметной политической роли. Фактически, восточные христиане не могли рассчитывать на помощь

извне. Возможно именно этим и объясняется отсутствие активных действий с их стороны против османской администрации.

Султан Селим I значительно увеличил территории Османской империи на востоке и юге, нанеся поражение Сефевидам в Чалдыранской битве в 1514 году. Селим I также нанёс поражение мамлюкам и захватил Египет. С этого времени военно-морской флот империи присутствовал в Красном море. *После захвата Египта турками, между Португальской и Османской империями началась конкуренция за доминирование в регионе. Фактически начинается прямое вооружённое противостояние двух иноконфессиональных государств.*

С укреплением Османской Порты её правители начинают курс жёсткой дискриминации православного населения. Так его сын **Баязет II Вели (1481-1512)**, фанатичный и последовательный противник христианства, по сути прекращает действие фирмана Мехмеда II. Во время правления Баязета II неоднократно нарушается неприкосновенность православных патриархов и расширяется практика насильственной исламизации. За время правления Баязета Вели смена патриарха только на Константинопольской кафедре происходит 10 раз, а с весны 1502 по начало 1503 года престол и вовсе вдовствует (пустует). Именно к этому времени относится житие великомученика Иоанна Нового (Иоанна Эпирота). Если Мехмед II использовал способности христиан, позволяя им занимать государственные должности, то его сын и другие потомки запретили немусульманам как государственную службу, так и службу в армии и флоте. Однако выяснилось, что самостоятельно османы не в состоянии создать боеспособного флота, поэтому для греков приморских областей сделали исключение, разрешив им службу во флоте. Также для сообщения с европейскими государствами в посольства набирали знатных и образованных греков на должности **драгоманов** – переводчиков.

Ещё более осложнилось положение христиан в годы правления султана **Селима I Грозного (1512-1520 гг.)**. Серия удачных военных походов против государств, населённых его единоверцами, победа над Персией, завоевание Сирии и Египта, согласно свидетельствам современников создали у Селима I уверенность помощи Аллаха.

В качестве благодарности Творцу за поддержку, Селим начинает насильственное обращение в Ислам, стремясь обратить в мусульманство всех немусульман Османской империи. Однако существуют свидетельства того, что в силу христианской молитвы Селим I всё-таки верил. Так известно, что султан Селим

присутствовал на богослужениях осуществляемых патриархом иерусалимским Дорофеем.

В 1518-1519 гг. в Сирии и Анатолии возникли восстания против насильственной исламизации, однако эти выступления войска Селима I подавили достаточно быстро. Таким образом, в начале XVI в. Османская империя оказывается перед фактом начала христианами первых внутригосударственных оборонительных военных действий против мусульманской администрации.

Высшего расцвета Османская империя достигла в годы правления султана **Сулеймана I Великолепного (Справедливого) (1520-1566 гг.)**. Блестящий полководец, дальновидный политик, талантливый поэт и композитор, способный художник, правоверный мусульманин, далёкий от всякого фанатизма, Сулейман I сознательно строил отношения с христианским населением Порты и христианскими государствами на принципах жёсткого прагматизма, не смешивая политику и религию. С 1521 по 1522 годы Сулейман I совершил ряд коротких победоносных походов против короля Венгрии Лайоша II, затем взял остров Родос, откуда вынуждены были уйти рыцари – иоанниты и, наконец, в 1524 году турецкий флот очистил Красное море от португальских эскадр. Ещё год спустя вассал Османской империи пират **Хайратдин Барбаросса** захватил Алжир, сделав его форпостом империи Сулеймана I.

При утверждении прав христиан на территории Османской империи Сулейман I руководствовался буквой закона. Он согласился утвердить те права, которые были перечислены в фирмане Мехмеда II, но только после того, как документ будет ему предъявлен. Однако к этому моменту документ был утрачен (по ряду свидетельств – был утрачен во время пожара). Патриарху **Иеремии I (1522-1524 гг.)** пришлось начать процедуру поиска свидетелей, которая заняла много лет и увенчалась успехом лишь при патриархе константинопольском **Дионисии II Галате (1546-1555)**. К моменту утверждения прав, перечисленных в «Фирмане» Сулейман I для того, чтобы найти средства на свои походы, издал указ о конфискации имущества христианских церквей с правом выкупа его обратно через три поколения. Усилились поборы с православных храмов. Десятина детей взымалась уже не с периодичностью закона, а по мере необходимости османского правительства.

Во время правления Сулеймана I, не смотря на усилившиеся преследования со стороны мусульман, восточные христиане получили надежду на возможность разрешения конфликта с османской администрацией правовыми методами, подтверждённую признанием

султана их прав, утвеждённых Мехмедом II, что в значительной степени предотвратило нарастание межконфессиональных противоречий.

Сын Сулеймана Великолепного **Селим II Пьяница (1566-1574 гг.)**, пришёл к власти после казни Сулейманом I его старшего брата Мустафы, отличавшегося умеренностью взглядов. В **1568-1570 гг.** войска Селима II вторглись на территорию Московского государства. Целью Селима II были захват Астрахани и строительство канала между Волгой и Доном, что позволило бы вновь поставить под контроль Османской империи всё Поволжье.

Таким образом, мы вновь можем констатировать отсутствие неотъемлемого элемента религиозной войны. Конфликт между Османской Портой и Московским государством носил геополитический характер. Примечательно, что крымский хан Девлет-Гирей не стал участвовать в походе, не побоявшись ответных действий султана.

В 1569 году армия османов подошла к **Астрахани**. Астраханский воевода **Пётр Серебряный** сумел блестяще организовать оборону, а когда на помощь Астрахани подошли с 15 тысячами ратников его брат **Василий Серебряный** и польский полководец **Михаил Вишневецкий**. Турецкая армия была разбита, а османский флот уничтожен бурей. В 1570 году между Москвой и Стамбулом был заключён мирный договор. Селим II, по свидетельству современников, намеревался истребить поголовно всех христиан в Константинополе, от чего его отговорил визирь. По мнению ряда историков, поражение под Астраханью стало началом ослабления Османской империи. В ответ на неудачу похода по Османской империи прокатилась волна репрессий христианского населения. Так в 1570 г. в Иерусалиме паша организовал убийство монахов Лавры Саввы Освященного. Селим II воздерживался от официальных приказов такого рода, но систематически оставлял злоупотребления своих пашей без последствий.

Преемник Селима Пьяницы султан **Мурад III (1574-1795 гг.)** мечтал превзойти своего великого деда Сулеймана I Великолепного. Однако как правитель он окончательно подорвал экономику Османской империи. Ряд побед, одержанных османским войском в войне против Персии в 1578-1590 гг. не окупили расходов на кампанию. Для того, чтобы хоть как-то поправить плачевное финансовое положение, Мурад III распорядился отобрать в Константинополе все имущество христианской церкви. Патриарх константинопольский **Иеремия II Транос или Светлый (1572-1594**

гг.) пытался препятствовать султану, ссылаясь на утверждённые законом права христиан.

Ситуация обострилась, когда султан Мурад III за крупную взятку позволил на территории Османской империи латинскую пропаганду. В 1583 г. на территорию Османской империи была отправлена иезуитская миссия. Для экспедиции были выделены значительные материальные средства. Администрация Мурада III, жестоко подавлявшая всякие попытки наладить духовное просвещение Православной церкви, за взятки позволяло иезуитам открывать школы, приюты, больницы, странноприимные дома и т.п. Попытки патриарха Иеремии II препятствовать латинской пропаганде в рамках закона, были проигнорированы султаном и его администрацией. Более того, началась конфискация православных храмов в Константинополе в пользу мусульман. Во время царствования Мурада III Османская империя ещё сохраняет запас прочности и способна на активную внешнюю политику. Так Порта одержала победу в военных действиях против Персии, захватив весь Западный Иран и Кавказ.

Окончательный подрыв османской государственности начинается при преемниках Мурада III. Преемник Мурада, **Мехмед III (1595-1603 гг.)**, приказал убить 19 родных братьев, чтобы предотвратить заговоры. Его правление отличалось усилением расстройств государственных дел. После того, как в 1807 году был свергнут султан **Селим III (1789-1807 гг.)**, пришедший на смену ему **Мустафа IV** оказался в зависимости от возведших его на трон янычар.

Примечательно, что в период от XVI – XVIII вв. серьёзным сдерживающим фактором для антихристианской политики Османской империи служит растущее геополитическое влияние Московского государства. Начало XIX века стало для Османской империи временем превращения в государство, неспособное больше к активной внешней политике, не входящее, не смотря на свои размеры, в число великих держав. *В сущности, за всё время существования Османской империи, её правительство не вело ни одной войны, которая имела бы все признаки религиозной. Элементы религиозных войн можно наблюдать, изучая конфликты времён становления Османского государства, но со становлением Османской Порты, как мировой державы. Её внешние конфликты переходят в плоскость геополитики, при которой религиозно-конфессиональная принадлежность участников войн может использоваться, как инструмент манипулирования в политическом пространстве, но не является преобладающим фактором формирования политики держав-участников конфликта.*

Глава 13.

Религиозные войны, инициированные государствами с Православной религиозно-культурной идеологической составляющей государственной политики (X-XVIII вв.).

Особенностью государств с превалирующей идеологией восточного христианства, а позднее – Православия, нужно назвать такую систему отношений «Церковь-Государство», при которой светская и духовная власть представляют собой автономные системы, имеющие собственные специфические задачи и собственные же методы решения этих задач. Как правило, в данной системе взаимоотношений вопросы войны и мира находятся в компетенции светской власти. В структуре Православной Церкви попросту не предусмотрены механизмы для реализации самостоятельных силовых решений тех или иных проблем без участия светской власти. Так, например, в системе Православной Церкви не было предусмотрено создания монашеских и, тем более – воинствующих монашеских орденов.

Единственным фактом, о котором спорят некоторые историки, остаётся *легенда об Ордене Дракона*. Суть легенды состоит в том, что народному герою (а, возможно, легендарной личности) Милошу Обиличу в народе приписывается основание ордена Святого Георгия. Легенда об ордене перекликается с легендой об одном из двенадцати сербских воинов, прорвавшихся сквозь ряды османских воинов и заколовшем султана Мурада I. Согласно легенде, эти двенадцать рыцарей якобы и были членами ордена, созданного Обиличем. Согласно легенде, герб Ордена Дракона «сербского периода» представлял собой щит с изображением солнца с двенадцатью лучами. Отличительным знаком членов ордена для узнавания друг друга в бою было нашлемное навершье в виде фигуры дракона. Если верить легенде, то создатель Ордена Милош Обилич якобы осуществил основную миссию Ордена, состоявшую в уничтожении османского султана. Членство в ордене приписывается сербскому правителю **Стефану Лазоревичу (1374- 1427 гг.)**. Согласно легенде только он один из рыцарей Ордена уцелел после битвы на Косовом поле. Якобы сочувствующим сербам удалось переправить Стефана Лазаревича в Венгрию к королю Сигизмунду.

Однако эта легенда не выдерживает никаких даже самых примитивных проверок. Начать с того, что, как и любой рыцарский орден, Орден Дракона считался основанным с момента юридического закрепления его устава и герба. Но в гербовниках XIVв. нет упоминаний о гербе Ордена Дракона. Более того, геральдическая

фигура солнца была к тому моменту основной фигурой герба Подольского воеводства (учр. 1388 г.), то есть с точки зрения сербского менталитета олицетворяло польскую власть, власть Римско-католической Церкви, и использование этого же символа в гербе объединения православных рыцарей на тот момент маловероятно. Первая же редакция устава ордена относится к **12 декабря 1408 г.**, когда Сигизмунд Люксембургский учредил рыцарское королевское Общество Дракона. Однако и в этот момент Орден Дракона не представлял собой оригинального творения. Фактически он был подобием Ордена святого Георгия, учреждённого *Карлом Робертом I Венгерским*. Кроме того, как говорилось выше, сербы исповедовали Православие, тогда как Орден Дракона изначально был создан, в числе прочего, как охранительный механизм Римско-католической Церкви в Венгрии. И, наконец, история не знает рыцарских орденов Православной Церкви, поскольку область действия рыцарского ордена – мирская политика, что не соответствовало доктрине Православия, жёстко делившего церковную и светскую сферы деятельности.

Вторым аспектом участия представителей Православной Церкви и православных государств в религиозных войнах можно условно считать крестовые походы, организованные Римско-Католической Церковью против православных государств.

Речь идёт о **Северных (Балтийских) крестовых походах**. Северные крестовые походы (Балтийские крестовые походы) — ряд кампаний 1198—1411 гг. с участием рыцарей-крестоносцев из германских княжеств, Дании и Швеции. Военные кампании были направлены против финнов, карелов, ливов, эстов, а также – славянских племён, и других народов Балтийского побережья. Основной целью, преследуемой руководителями походов были – захват земель и насильственное окатоличивание местного населения. Методы, использовавшиеся в этих походах, отличались крайней жестокостью. Часть исследователей относит к Северным крестовым походам военные кампании шведских и германских рыцарей и рыцарских орденов против православных русских княжеств. Началом Северных Крестовых походов считается 1192 г. Инспирировал начало походов папа **Целестин III (1106-1198 гг.)**.

Первые военные действия крестоносцы предприняли ещё до того, как Римско-Католическая Церковь благословила крестовый поход. В 1147 году немецкие рыцари напали на поселения полабских славян, проживавших на Севере и Востоке территории современной Германии. Колониальное же вторжение в восточную Прибалтику происходило позднее: с середины XIII по XVI век.

Начал колониальное продвижение немецких и датских крестоносцев – **Ливонский Крестовый поход (1192 -1234 гг.)**. С кон. XII до XIII вв. захватчики заняли ряд территорий, сегодня входящих в состав Латвии и Эстонии. В экспансии помимо крестоносных отрядов, на вербованных европейскими феодалами, участвовал ряд рыцарских орденов. Наиболее крупными и известными из них являются:

- **Тевтонский орден** (Fratrum Theutonicorum ecclesiae S. Mariae Hiersolymitanae);
- **Ливонский орден** (Fratres militiae Christi de Livonia) – созданный специально для похода на Прибалтику;
- **Орден меченосцев** (Fratres militiae Christi de Livonia) - основанный в 1202 году в Риге Теодорихом из Турайды, замещавшим в то время епископа Риги Альберта Буксгевдена для миссионерской деятельности в Ливонии.

Базой для римско-католической экспансии стала основанная в 1200 г. крепость Рига. Именно здесь в 1202 г. епископ **Альбэрт Буксгевден** (Альбэрт фон Апельдерн) (**1165-1229 гг.**) основывает Орден меченосцев. Уже в 1203 г. происходит первое столкновение меченосцев с православным княжеством. Это конфликт ордена с князем **Владимиром Полоцким** (правил 1184-1216 гг.) из-за контроля над племенами ливов, до католической экспансии плативших дань Полоцку. Полоцкий князь успешно вёл войну против епископа Буксгевдена, и даже осадил Ригу, но одержать окончательной победы не смог.

Эту войну можно назвать религиозной, поскольку со стороны римско-католической армии военные действия подпадают под определение. Однако основная агрессия в первое время была направлена не против Православия. Например, в 1209 году отряд Ордена «Братьев Христова рыцарства» во главе с епископом Альбрехтом Буксгевденем захватил столицу полоцкого удела город Герсик (Ерсик), расположенный на территории Ливонии. К XIII веку население города в значительной степени было уже православным. Если верить тексту Ливонской хроники Генриха Латвийского, здесь были отстроены православные храмы и существовала религиозно-культурная инфраструктура.

Хронист даже утверждает, что захватчики «из уважения к Христианству», якобы не стали «слишком бесчинствовать в городе». Русские хроники не описывают этого эпизода, а формулировка германской хроники не даёт представления о том, какие именно ограничения наложили командиры рыцарских отрядов на своих подчинённых во время грабежа (если такие ограничения вообще были

возможны). Тем не менее, в первое время процесс окатоличивания коснулся, по видимому, именно язычников.

С точки же зрения Владимира Полоцкого война религиозного характера не носила: в 1210 году между полоцким князем и архиепископом Ордена меченосцев был заключён мир. В хрониках нет свидетельств того, что на переговорах поднимались вопросы вероисповедания. Согласно договору Владимир получил привилегии в виде возможности сбора ежегодной дани с родов ливов. Когда же в 1212 году вопрос о правах сбора дани между рижским епископом и Владимиром закономерно снова обострился, Альбрехт Буксгеведен снова двинул войска на Ливонию.

2 февраля 1207 года Римско-Католической Церковью была осуществлена попытка включения Прибалтики в своё политико-правовое пространство по образцу государств, образовавшихся на месте разгрома Византийской империи крестоносцами во время IV Крестового похода. В Прибалтике была образована провинция Священной Римской империи - *Terra Mariana* (Земля святой Марии). Языческое население Прибалтики продолжало подвергаться мерам насильственного окатоличивания.

В 1215 году папа Иннокентий III юридически признал *Terra Mariana* частью территорий римского епископата, административная власть Ордена на территории *Terra Mariana* была упразднена в пользу административной системы по образцу германских курфюршеств. В 1226 году Гильом Моденский провёл на оккупированной территории административную реформу, сформировав шесть феодальных маноров. Такая система административно-территориального деления сохранилась в Лифляндии на протяжении всего «Орденского периода».

С этого момента территория Прибалтики стала базой римско-католической агрессии против православных государств.

На первом этапе русские князья выступили как союзники православных и языческих племён Прибалтики против крестоносцев. До начала вторжения крестоносцев, в 1212 и 1217 гг. войска новгородцев и псковичей во главе с князьями Мстиславом Удатным и его братом Владимиром совершали набеги на земли эстов. В 1217 эсты даже обратились к крестоносцам, попытавшись заключить с ними союз. Однако быстро стало ясно, что Ордену не нужны союзники – ордену нужны рабы. Поэтому начиная с 1219 года, эсты прибегают к помощи русских князей и городов уже против европейских захватчиков. В 1219 году Владимир Псковский и киевский княжич Всеволод Мстиславич с 16 тысячами воинов осадили Венден. В 1222

году осаду повторила 12 тысячная русско-литовская рать под командованием князя Святослава Всеволодовича.

Таким образом, можно констатировать, что с конца второго десятилетия XIII в. на территории Прибалтики и на северо-западной границе русских княжеств развернулась полноценная религиозная война.

Ливонский орден начинает наступление и **15 августа 1223 г.** его армия берёт Вильянди. Хроника Генриха Латвийского повествует:

«Что касается русских, бывших в замке, пришедших на помощь вероотступникам, то их после взятия замка всех повесили перед замком на страх другим русским... Между тем старейшины из Саккалы посланы были в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян. И послал король суздальский своего брата, а с ним много войска в помощь новгородцам; и шли с ним новгородцы и король псковский со своими горожанами, а было всего в войске около двадцати тысяч человек».

Ярослав Всеволодович князь Суздальский с 20-тысячным войском начал поход на территорию Эстонии, взяв в осаду Ревель. Затем суздальский князь поставил во главе города Юрьев князя Вячко Полоцкого, бывшего князя Кукенойса. Однако после ухода суздальской дружины, Вячко Полоцкий оказался один на один с крестоносцами, и после упорной борьбы в 1224 году пал во время очередной осады Юрьева войсками епископа Альберта. Этот трагический конец был во многом предопределён тем, что полоцкое войско вместо помощи Юрьеву вынуждено было участвовать в конфликте между Юрием Владимирским и новгородцами.

В течение последующих трёх лет экспансия рыцарских орденов отчасти сдерживалась их конфликтом с датским королём Вальдемаром II, попытавшимся захватить территорию северной Эстонии. Тем временем, в результате **Прусского крестового похода** (1217-1225 гг.), объявленного папой римским Гонорием III, на землях пруссов, на южном побережье Балтийского моря обосновался Тевтонский орден.

Более известен в отечественной историографии второй **Второй шведский крестовый поход**, организованный Швецией на территории Восточной Прибалтики в 1240—1250 годах. Первоначально поход был направлен против племени емь, но завершившийся конфликтом с более мощным противником – Новгородской республикой.

После вторжения на территорию русских княжеств орды хана Бату (Батия) папа Григорий IX призвал к следующему Крестовому

походу на территории Финляндии. Это произошло в декабре 1237 года. В июне 1238 года король Вальдемар II Датский и магистр Тевтонского ордена Герман Балк заключили договор о разделе сфер влияния на территории Северной Эстонии и военных действиях против русских княжеств в Прибалтике при участии шведских войск. Противники Руси на северо-западной границе русских княжеств получили возможность консолидировать свои усилия.

В июле 1240 года шведский флот во главе с **Ульфом Фасе Карлссоном (ум. 1248 г.)** вошёл в Неву, надеясь захватить Ладогу в устье Волхова, и занял выжидательную позицию. В русских источниках указывается, что шведский экспедиционный корпус возглавлял ярл **Биргер Магнуссон (1216-1266 гг.)**, однако в 1240 г. Биргер не обладал статусом ярла, будучи лишь четвёртым сыном шведского короля Магнуса Миннелшельда. Однако исследование останков Биргера в 2002 году показало, что на его правой глазнице обнаружены явственные следы прижизненных повреждений, напоминающих следы от удара оружием. Следовательно, утверждение, что Александр Невский в этой битве "самому королю възложи печать на лице острым своим копием", может иметь под собой реальную историческую основу.

К началу июля новгородский князь **Александр Ярославич (Невский) (1221-1263 гг.)**, по всей видимости, уже ожидал вторжения на псковские и новгородские территории со стороны Ливонского и Тевтонского рыцарских орденов. Вероятно поэтому он не захотел ожидать подхода основных сил ополчения. Получив известие о приближении противника, князь Александр Ярославич согласно тексту «Жития Святого благоверного князя Александра Невского», князь выступил с малой дружиной (двором), и той частью ополчения, которая успела собраться в короткий срок. Также в битве участвовало ополчение Ладоги.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что перед выступлением в поход, не смотря на спешку, князь, дружина и ополчение на площади у собора Святой Софии получили благословение от архиепископа Спиридона. Таким образом, можно утверждать, что выступление князя Александра Ярославича против шведской армии можно считать религиозной войной, своеобразным аналогом крестового похода с той разницей, что в отличие от Крестовых походов, действия князя Александра носили оборонительный характер.

15 июля 1240 г. утром князь Александр Ярославич силами своей дружины и успевшего лишь частично собраться ополчения

атаковал шведский лагерь. Сражение продолжалось весь день, шведская армия была разбита, а её остатки на уцелевших кораблях, бежали на другой берег реки.

После возвращения дружины Александра Ярославича, получившего за победу над шведами прозвище Невский, боярство Великого Новгорода начинает политическое давление на князя с целью вынудить Александра Ярославича Невского оставить княжеский престол Великого Новгорода. Одновременно с внутренней борьбой, развернувшейся в Новгородской республике, уже в начале августа 1240 года начинается **Ливонский поход на Русь** (не путать с Ливонским крестовым походом, ставившим своей задачей подчинение Ордену и крещение языческих племён Прибалтики).

Ливонский поход на Русь — военная кампания 1240—1242 годов проводимая в основном силами рыцарей-крестоносцев Ливонского ордена, с целью подчинения земли Пскова и Новгорода власти Римской Католической Церкви. Ливонский поход на Русь в наибольшей степени соответствовал определению религиозной войны в Европе, со времени I Крестового похода.

Уже в августе войска Ливонского Ордена захватили город Изборск. Псковская дружина и ополчение выступили навстречу армии крестоносцев, для того, чтобы остановить противника на подступах к городу. Хорошо обученная армия рыцарей сравнительно легко разбила иррегулярную конницу и ополчение Пскова, подошла к городу осадила его. Посадник Твердислав Иванович (Твердила Иванкович), возглавил проливонскую группировку, представители которой открыли войскам Ордена городские ворота. Псковское ополчение воевода Гориславич организует оборону, но гибнет в бою, а его люди сдаются.

Зимой 1240-1241 гг. Александр Ярославич под давлением боярской аристократии оставил Великий Новгород и выехал на княжение в Переяславль-Залесский. В 1241 году войска Ливонского ордена строят опорный пункт, крепость Копорье, ставший базой снабжения для дальнейшей экспансии. Одной из первоочередных задач Ливонского Ордена стало подчинение Великого Новгорода, что давало возможность взять под контроль один из важнейших торговых путей из Азии и Средиземноморья в Северную и Западную Европу.

Новгородское вече, не смотря на сопротивление боярской аристократии, отправили послов к Великому князю Ярославу Всеволодовичу с просьбой снова прислать на княжение в Великий Новгород князя Александра Ярославича. Великий князь Ярослав Всеволодович предложил новгородцам в качестве кандидатуры на княжение своего младшего сына Андрея Ярославича, княжившего в

тот момент во Владимире. Однако посольство Великого Новгорода настояли именно на кандидатуре Александра Ярославича. Андрей Ярославич возглавил ополчение Владимира, присоединившееся к новгородскому ополчению в ходе военных действий.

Александр Ярославич возвращается в Великий Новгород и, пользуясь поддержкой веча, берёт в свои руки всю полноту власти. Новгородское ополчение и дружина Александра Ярославича в 1241 году стремительным манёвром захватывают Копорье, не дав противнику закрыть ворота. Лишённые базы снабжения, к ранней весне войска Ордена, испытывая серьёзные затруднения с продовольствием и фуражом. Согласно ряду свидетельств, трудности в снабжении ведут к участвовавшим случаям грабежей со стороны представителей Ордена, вне зависимости от вероисповедания местного населения. Орденские войска восстанавливают против себя население Пскова и его окрестностей. В марте 1242 года армия Александра Ярославича Невского соединившись с армией Андрея Ярославича, осаждают и берёт Псков. При штурме Пскова погибло до 70 рыцарей Ордена. Представители Рыцарства Ордена, как правило, находилось на командных должностях. Таким образом, с высокой степенью вероятности можно предположить, что реальные потери гарнизона Ордена в Пскове были гораздо серьёзнее.

По традиции средневекового военного искусства, воспринимая весеннее время, как время вероятного наступления противника, Александр Ярославич принимает решение выдвинуть свою армию навстречу армии Ордена и его союзников. Ливонский орден и его союзники сконцентрировали основные силы в Дерптском епископстве.

Генеральным сражением войны считается «**Ледовое побоище**» (Schlacht auf dem Eise), состоявшееся **5 апреля 1242 г.** на льду Чудского озера.

Непосредственное место битвы длительное время оставалось неустановленным. Сегодня наиболее достоверной считается версия экспедиции Института археологии Академии наук СССР, работавшей под руководством генерал-майора Юрия (Георгия) Николаевича Караева: сражение произошло на участке Тёплого озера, находящийся в 400 метрах к западу от современного берега мыса Сиговец, между северной его оконечностью и широтой деревни Остров.

Согласно официальной версии, передовой полк новгородского ополчения принял на себя атаку рыцарской армии, построенной клином или «свиньёй», после чего фланговые удары засадных полков с двух сторон разделили орденские части. Рыцари и их союзники

отступили на лёд озера, где значительная их часть из-за тяжести доспехов провалилась под лёд.

Однако данная версия не выдерживает исторической критики.

- Построения в «каре», «клин» и другие замкнутые боевые построения были возможны только для пехотных соединений, а также исторически носили оборонительное назначение и не использовались для атаки;

- Построения замкнутого типа, кроме фронтального строевого построения не использовались в Европе в эпоху преобладания в армиях дворянской конницы, как основного вида войск с боевой единицей – рыцарем. То есть с V по II половину XIV века, когда в ряде регионов Европы (Англия, Швейцария, германские княжества, итальянские коммуны) не начинает формироваться профессиональная пехота с высокой строевой и маневренной квалификацией;

- Масса доспехов рыцарей Ордена и русских витязей была примерно одинаковой, следовательно, миф о том, что рыцари проваливались под лёд из-за тяжести доспехов, следует считать недостоверным. Источники упоминают о том, что рыцари Ордена проваливались под лёд в сражении Омвоге в 1234 г., в котором ливонских рыцарей разгромила армия отца Александра Невского князем Ярославом Всеволодовичем. Скорее всего, мы имеем дело с приписанием элемента одного сражения – другому или слияния двух различных сражений и побед отца и сына в народном эпосе.

Вместе с этим недопустимы недооценка значения «Ледового побоища» и заслуг русских дружин и ополчения. Ряд «опровержительных» мифов также не соответствуют действительности.

- В документе XIII в. «Ливонская рифмованная хроника» (Livländische Reimchronik) упоминается, что противники во время Ледового побоища падали в траву. Данное утверждение не противоречит историческому факту сражения на льду озера. В отдельные годы ледовый покров озёр данного региона держится на 1-3 недели дольше снежного покрова на суше.

- Не соответствует действительности высказываемая версия о малом значении победы армии Александра Невского над войсками Ливонского ордена и его союзников на Чудском озере.

По условиям мирного договора, заключённого по результатам Ледового побоища, Ливонский орден отвёл войска от Пскова и Новгорода, Ливонский орден возвращал Новгороду Лугу, Летголу,

землю Водь. Вторжения Ливонского ордена на территорию русских княжеств прекратились на 11 лет.

Попытка силового варианта римско-католического прозелитизма на территории северо-западных русских княжеств провалилась.

Завершающим мероприятием Александра Невского по установлению безопасности северных границ Руси можно считать Литовскую войну 1245 г. В 1245 году князь Миндовг Литовский ведёт свою армию на городки Торжок и Бежецк. Армия Александра Невского захватывает опорную крепость литовцев Торопец, после чего князь Александр распустил новгородское ополчение. Сил дружины Александра Невского хватило для окончательного разгрома остатков литовских войск у Жижицкого озера и под Усвятом. *Не смотря на то, что князь Миндовг принадлежал к языческому вероисповеданию (принял христианство в 1251 г.), как и его воины, нет свидетельств того, что стороны ставили перед собой миссионерские цели.*

Попытки окатоличивания русских княжеств продолжились, но при помощи дипломатических методов. Бытует версия о том, что папой римским Иннокентием IV Александру Невскому были отправлены два персональных послания с предложением принять католичество. В одном из писем папа упоминает о согласии Александра принять предложение и построить римско-католический храм в Пскове. Однако когда в 1251 году к Александру Невскому в Великий Новгород прибыло посольство из Рима, князь категорически отказался принимать «латинскую веру».

В 1253-1258 гг. князю Александру Ярославичу Невскому приходится вновь противостоять шведским завоевателям и их союзникам. Но это противостояние уже не носит религиозного характера.

Александр Ярославич Невский канонизирован Русской православной церковью в лике чудотворцев при митрополите Макарии на Московском Соборе 1547 года. Успешные военные действия армии Александра Ярославича приостановили процесс римско-католической военно-идеологической экспансии.

Часть историков пытается причислить к религиозным войнам походы князя **Витовта (1350-ок.1430 гг.)**, которые литовский князь вёл в 1381-1384 гг. и 1389-1392 гг. (первый поход – вместе со своим отцом Кейсутом). Однако это мнение не соответствует действительности. Впервые документы о Витовте упоминают в последней четверти 60-х годов XIV в. В 1368 и 1372 годах Витовт в составе армии князя Ольгерда участвовал походах на территорию

Московского государства. В 1376 году, занимая княжеский престол Гродно, Витовт возглавляет поход против Польши. С 1377 года с набранной им армией и ополчением совершает ряд рейдов на территорию Тевтонского ордена. Позже Витовт объединяет свой отряд с отрядами своего отца Кейсута и двоюродного брата – Ягайло в совместном походе против Тевтонского ордена. В феврале 1380 года Ягайло без согласования с Кейстутом заключил пятимесячное перемирие с Ливонским орденом для защиты своих наследственных земель в Литве. Освободившиеся силы крестоносцы направили против Кейсута и Витовта. Витовт немедленно направил свои войска против Ягайло, которого берёт в плен, захватив его опорную крепость Вильно. После объединения в 1385 г. Великого княжества Литовского и Польши в единое государство Ржечь Посполитую, Витовт начинает бороться за свои права, как суверена Великого княжества Литовского на правах наместника. При этом Витовт опирается на представителей русского православного боярства.

Таким образом, можно сделать вывод, что на данном этапе князь Витовт в своих походах руководствуется исключительно соображениями политической выгоды.

Иную оценку сложно дать и **«Великой войне 1409-1411 гг.»** Не смотря на важное значение **Грюнвальдской битвы 1410 г.** для сохранения независимости Польши, Великого княжества Литовского и русских княжеств, назвать данную кампанию религиозной войной нельзя.

«Великая война», во время которой против Тевтонского ордена в союзе выступили Великое княжество Литовское, Королевство Польское и русские княжества, представляет собой конфликт за земельные владения (Жемойтскую землю, приграничные польско-литовские земли).

На территории русских княжеств наряду со сформировавшейся к XIV веку религиозно-национальной самоидентификацией русских людей, как нации, принадлежащей к православной культуре, религиозные конфликты изначально были маловероятны. Вопреки расхожему мнению, взаимодействие православного русского и мусульманских этносов имеет глубокие исторические корни, начиная с X века, когда представители Руси и славянских племён достаточно активно контактировали с представителями Волжской Булгарии.

С другой стороны, Золотая Орда получила оформление как мусульманское государство лишь во время правления хана Узбека (1283 – 1341 гг.), при этом в системе взаимоотношений Орды и Православной Церкви сохранились общие принципы чингисидов:

максимальная терпимость и использование связей Православной Церкви в качестве посредника во взаимоотношениях с русскими княжествами.

В 1445 г. на территории Московского государства образовалось Касимовское царство (ханство), государственной религией на территории которого остался Ислам, но правители которого были связаны с Великими князьями Московскими вассальной присягой, а их подданные находились в постоянном добрососедском отношении с православным миром.

Фактически, на ведение крупных религиозных войн в историческом масштабе были способны два Православных государства. Византийская империя и Российская империя. Однако в Византийской империи Православная церковь вплоть до 1453 года подчеркнута отстранялась от ведения боевых действий. Исключение составляли Православные Церкви Болгарии и России.

В истории Русской Православной Церкви присутствует ряд исторических персонажей, которые, будучи членами православного клира, участвовали в боевых действиях. Наиболее известны среди них *Александр Пересвет* и *Андрей (Родион) Ослябя*. Однако, как и у большинства православных священников-воинов допетровской эпохи, военные подвиги носили характер личного обета. Согласно тексту «Жития» святого преподобного **Сергия Радонежского (1314-1392 гг.)**, перед Куликовской битвой князь **Дмитрий Донской (1350-1389 гг.)** в поисках духовной поддержки отправился к нему в монастырь за благословением. Преподобный Сергий благословил князя и его войско, а также присоединил к свите князя двух иноков, ранее служивших дружинниками (по другим сведениям – даже бывших на воеводстве), а потому – разбирающихся в военном деле и владеющих оружием.

Таким образом говорить о религиозной войне, как таковой, не приходится. Даже походы войск Ивана IV Грозного на Казанское и Астраханское ханства не носили характера религиозной войны, оставаясь инструментом светской геополитики.

Многие исследователи относят к религиозным войнам политику христианизации населения Поволжья XVI-XVII вв. В известной степени политика Ивана IV Грозного поощряла христианизацию народов Поволжья, но в своей деятельности воеводская власть чиновников Московского царя руководствовалась нормами Судебника 1550 г., а также присылаемыми царскими указами и наказами.

В уставной грамоте волостям Казанской земли 1574 г. содержится инструкция, представителям царской администрации о мерах против

восстаний со стороны "горных и луговых людей". Однако речь идёт только о предотвращении крестьянских бунтов и попыток восстановить независимость территории ханства от Московского государства.

Воеводам и иным должностным лицам вменялось в обязанность вести скрытое наблюдение за местным населением, обеспечивать главенство закона и общественную безопасность, в также – упорядочить взимание налогов. Таким образом, говорить о планомерной антимусульманской политике государства сложно. Лидеры национально-освободительных выступлений неоднократно использовали риторику борьбы «за веру» (Сейт Ягафаров (Садиир), Тюлекей-багатур, Батырша и т. д.), однако в данном случае речь идёт о локальных выступлениях с ярко-выраженной социально-этнической ориентацией участников. Таким образом, наличие религиозного конфликта, как правило, в этот период не переводит его в разряд религиозной войны. Кроме того, в ряде случаев к восставшим примыкало и русское крестьянское (православное в подавляющем большинстве) население.

Некоторые изменения в данном вопросе появились лишь в Синодальный период истории Русской Православной Церкви. Соединение Церкви и Государства привело к тому, что Православие становится частью государственной идеологии. Однако и в этом случае о религиозных войнах говорить сложно...

По иному оценивается религиозная составляющая конфликтов Российской империи с Османской империей и её союзниками XVIII- I четв. XIX вв. Серия русско-турецких войн XVIII - I пол. XIX в. имела лишь два элемента религиозной войны:

- стремление руководства Российской империи и Русской Православной церкви патронировать православное население Османской империи для его защиты от политики религиозной дискриминации;
- стремление руководства Российской империи и Русской Православной церкви оградить своё государство от попыток воздействия на его внутреннюю политику со стороны Османской Порты.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. – один из конфликтов XVIII века, в котором многие историки пытаются найти религиозную подоплеку. Однако данная война не имеет ничего общего с религиозным конфликтом. Конфликт был спровоцирован двумя внешнеполитическими причинами:

1. Стремление франко-австрийской коалиции снизить влияние Российской империи на политическое пространство Западной Европы;
2. Претензии Османской империи на Подолию и Волынь. Также правительство султана Мустафы III рассчитывало закрепить влияние Порты в Северном Причерноморье и на Кавказе. Также Стамбул рассчитывал взять под контроль низовья Волги (особенно – Астрахань) и Ржечь Посполитую.

Таким образом, говорить о религиозной войне в данном случае не приходится. Однако поражение Османской империи, нанесённое войсками российской империи под командованием выдающихся полководцев Петра Румянцева, Александра Суворова, Фёдора Ушакова (впоследствии причисленного к лику святых как праведного воина) и условия **Кучук-Кайнарджийского мира**, заключённого **21 июля 1774 г.** стали идеологической базой для агрессивной политики Османского правительства. В том числе и предлогом для использования религиозной составляющей. Согласно условиям мирного договора Крымское ханство стало независимым государством. Многие трактуют условия договора, как протекторат России над Крымом, хотя Российская Империя признавала право духовного первенства султана Османской империи над мусульманами Крыма. *Для османского общества протекторат (даже мнимый) православного государства над мусульманским был религиозно и стратегически неприемлемым фактором.*

Ещё более ослабило положение Османской империи на Кавказе подписание Российской империей и княжеством (по документам – «царством») Картли-Кахети **«Георгиевского трактата»**. **24 июля (4 августа) 1783 г.** был заключён договор о протекторате Российской империи над Картлийско-Кахетинским царством (Восточная Грузия).

Реваншистские настроения османской политической элиты в значительной мере предопределили начало **Русско-турецкой войны (1787—1791 гг.)**. В конце 1786 года послу Российской империи в Турции Я. И. Булгакову было поручено требовать неприкосновенности российских границ. В ответ на это османское правительство выдвинуло встречные требования:

- отказ правительства России от протектората над Картлийско-Кахетинским царством;
- уступка Турции 39 соляных озёр около крепости Кинбурн

- обустройство консульств Османской порты в городах Российской империи по требованию османского правительства (в первую очередь – в городах Крыма);
- ограничение пошлин, взимаемых Россией с турецких купцов 3 % от стоимости товара;
- запрет русским купцам на самостоятельный вывоз турецких товаров и нанимать турецких матросов.

Не дав Булгакову согласовать ответ, правительство Османской империи выдвинуло Российской империи ультиматум: отказаться претензий на Крым. Булгаков отверг ультиматум, после чего был арестован и заключён Семибашенный замок. **13 (24) августа 1787 г.** Османская империя объявляет войну России.

Очевидно, что и эта война не носила характер религиозной. Основными целями воюющих сторон остались территориальные притязания. Религиозная составляющая носила исключительно вспомогательный, а то и опосредованный характер.

К 1791 г. Османская империя после ряда побед, одержанных русской армией под командованием А. В. Суворова, П. С. Потёмкина, П. А. Румянцева-Задунайского по сути лишилась боеспособной армии. Султан Селим III подписал Ясский мирный договор. Крым и Очаков отходят Российской империи, граница между Россией и Турцией проходит по Днестру. Селим III согласился на непосильную для Порты контрибуцию в 12 млн пиастров (7 млн рублей). Однако Екатерина II отказалась принимать контрибуцию, по сути, подарив Османской империи возможность избежать непредсказуемых последствий дефолта.

Значительно большую роль играет религиозная составляющая в **Кавказской войне 1817-1864 гг.** Кавказская война представляла собой военные действия российской армии, направленные на умиротворение горных районов Северного Кавказа, воплотившееся в борьбе с Северо-Кавказским имаматом.

***Северо-Кавказский имамат** — теократическое исламское государство, сформировавшееся на территории Дагестана и Чечни в 1829—1859 гг.*

Основы имамата были заложены ещё в 1785—1791 гг. Первым ключевым лицом в будущей борьбе, стал создатель идеологии мюридизма на Кавказе, учитель имамов Дагестана и Чечни **Мухаммад-эфенди ибн Исмаил аль-Яраги аль-Курали (Мухаммад Ярагский)** (1771—1838). Именно этот человек первым на Кавказе сделал призыв к «священной войне» против Российской империи одним из девизов своего движения.

Однако его идеи в жизнь начал в 1785 году воплощать **шейх Мансур (Ушурма) (1760-1794 гг.)** – лидер восстания чеченцев против Российской империи. Идеология «священной войны» использовалась шейхом Мансуром весьма активно. Идеологическая база «газавата» в идеологии шейха Мансура была проста: его целью была смена принципов родовых адатов (традиций, обычаев) на законы шариата в жизненном укладе народов горной части Кавказа. Российская империя с её светским правовым принципом построения общества противостояла идеологии шейха Мансура. Войска шейха Мансура получают всестороннюю финансовую, дипломатическую, материальную и техническую помощь от Османской империи. Знание местности и поддержка Турции позволили шейху и его сторонникам достаточно долго вести успешные боевые действия.

6 июля 1785 г. в битве при селении Алды армия шейха Мансура одержала победу над отрядом полковника де Пиери.

После этой победы войска шейха Мансура берут под контроль дорогу из России в Грузию, нападая на конвои и торговые караваны. В 1786 году ряд гарнизонов русских крепостей вынужденно был выведен за пределы постоянных расположений гарнизонов для ведения полевых военных действий. Во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Османская империя открыто ведёт поддержку отрядов шейха Мансура, усиливая их турецкими войсками.

Однако **30 сентября 1790 г.** отряд генерала **Ивана Германа фон Ферзена** (1740-1801 гг.) наносит поражение крупному объединённому чеченско-турецкому отряду под командованием Баталпаши, уничтожив в этой битве основные военные силы шейха Мансура. Шейх просит защиты у гарнизона турецкой крепости Анапа, куда и уходит со своими оставшимися солдатами. 22 июня 1791 г., российские войска успешно штурмовали Анапу, крепость была захвачена, а шейх Мансур ранен и взят в плен. Шейх Мансур скончался 13 апреля 1794 года в заключении в Шлиссельбургской крепости. Существует версия, что он умер, находясь в Соловецком монастыре, но вызывает серьёзные сомнения то, что фанатичный мусульманин мог содержаться в месте паломничества православных христиан в плену, или отправиться туда добровольно.

Ряд историков считают, что военные действия отрядов шейха Мансура завершились победой, поскольку ими «была отвоевана Чечня, часть Дагестана и Черкесии». Однако данные территории к началу XIX в. ещё не были полноценно юридически включены в состав Российской империи, поэтому утверждение об «отвоёванных территориях» выглядит спорным.

Новое обострение противостояния началось в 1817 году. Российским наместником на Кавказе был назначен генерал **Алексей Петрович Ермолов (1777-1861 гг.)**. Одновременно Северо-Кавказский имамат окончательно оформился, как теократическое государственное образование. Именно с этого момента и начинается противостояние, получившее в исторической науке название Кавказской войны.

В 1829 году имамат возглавил **Гази-Мухаммад (имам 1829—1832)**, известный своим фанатизмом в борьбе с адатами (традициями) Чечни и Дагестана в пользу законов шариата. Но в 1732 г. Гази-Мухаммед погиб в результате штурма русскими войсками под командованием **Георгия Владимировича Розена (1782 – 1841 гг.)** аула Гимры.

После гибели Гази-Мухаммада имамат возглавил **Гамзат-бек (имам 1832—1834)**. Однако его деятельность в основном заключалась в попытке введения силовыми методами законов шариата в Аварии. Эти действия вылились в войну между сторонниками имама Гамзат-бека и ханской семьёй Аварии. Армия Гамзат-бека вошла в столицу Аварского ханства Хунзах, после чего все наследники аварской династии были уничтожены. Особенное возмущение аварцев вызвало убийство семилетнего Булач-хана, совершённое в 1834 году. Согласно обычаям кровной мести, Гамзат-бек был убит представителями ханской династии братьями Османом и Хаджи-Муратом 19 сентября 1834 года.

После убийства Гамзат-бека, главой Имамата становится энергичный лидер **имам Шамиль (1834—1859)**.

Основой политики имам Шамиль сделал концепцию *газавата*. **Концепция газавата, использовавшаяся лидерами Северо-Кавказского имамата, представляет собой пример подмены понятий в идеологических и политических целях.**

Историческое понятие «газават» включает в себя сражения и военные походы, в которых принимал непосредственное участие пророк Мухаммед. Эти походы, представляли собой эпизоды религиозной войны мусульманской уммы с противостоящими ей войсками курейшитов-язычников. Таким образом, в понятие «газавата» принципиально не может входить идеология войны с «людьми писания» (христианами и иудеями). Позже понятие «газават» применялось для обозначения «Джихада меча» - защиты Ислама от притеснений, защита прав мусульман на свободу вероисповедания. Однако военные действия Северо-Кавказского имамата были направлены 1. Против мусульман, соблюдающих адатные традиции, 2. Против Российской империи, в которой со

времен Екатерины II не существовало дискриминации по религиозному признаку. Таким образом, понятие «газават», использовавшееся в Северо-Кавказском имамате не соответствует реальному значению используемого термина и его сущности.

Ещё одной идеей, эксплуатируемой имамом Шамилем стала идея независимости Чечни и Дагестана от Российской империи. Однако к началу военных действий на протекторат над землями Чечни и Дагестана претендовала прежде всего Османская империя, поддерживавшая исламизацию населения горного Кавказа и насильственное введение имамами правовой системы шариата в ущерб адатным традициям данной местности.

Подконтрольная имаму Шамилю территория получила чёткую административную организацию, подразделяясь на административные единицы во главе с *наибами*. Кадровая и идеологическая политика была в руках муфтия, а судебная – в руках судей-кади. Функции власти были чётко разграничения.

Законы шариата имам Шамиль кодифицировал в 1839-1841 гг. в едином документе-своде законов **«Низам»** (от араб. «дисциплина», «послушание»), видоизменив применительно к условиям горного Кавказа.

Власть имама Шамиля на подконтрольной ему территории была абсолютной. Военная обязанность касалась всех мужчин без исключения. Имам Шамиль охотно пользовался услугами колоборационистов: известно, что в армии Шамиля служило подразделение из польских дезертиров из армии Российской империи.

В первое время Имамат представлял собой сильное и боеспособное государство, однако ситуация резко поменялась в пользу Российской империи когда в 1833 г. Черноморский флот и порты Чёрного моря возглавил адмирал **Михаил Петрович Лазарев (1788-1851 гг.)**. Под его умелым руководством система снабжения Северо-Кавказского имамата людьми и оружием морским путём из Османской империи практически перестала существовать.

Тем не менее, в 1842—1843 гг. в армии имама Шамиля появилось артиллерийское подразделение. Появление артиллерии и полководческий талант имама Шамиля позволили войскам Имамата одержать ряд побед над войсками Российской империи. Однако без финансовой и военной помощи со стороны Османской империи активность Имамата пошла на спад. Государство, ориентированное исключительно на военные действия, оказалось не так эффективно, как рассчитывал имам Шамиль и его союзники в Османской империи.

Надежды на помощь Имамату из Османской империи во время Крымской войны 1853-1856 гг. не оправдались. После заключения в **1856 г. Парижского мирного договора** Османская империя переживала жесточайший кризис. Формально считающаяся победившей Турция вынуждена была объявить дефолт, а демилитаризация Чёрного моря, по сути, обезопасила российские войска от опасности с этой стороны. Закономерно, что Александр II принял решение устранить проблему Имамата с границ Российской империи. Не имея необходимости тратить время на мобилизацию, Российская империя увеличивает Кавказский корпус до 200 тысяч солдат и офицеров, что фактически означает создание полноценной армии. Командующим Отдельным Кавказским корпусом и наместником Кавказа был назначен генерал **Николай Николаевич Муравьев-Карский (в должности 1854—1856)** а с 1856 г. его сменил генерал **Александр Иванович Барятинский (в должности 1856—1860)**. Войска Российской империи планомерно блокируют Имамат, выдавливая противника из населённых пунктов и укреплений. В апреле 1859 г. армия А. И. Барятинского захватила аул Ведено. К середине июня территория Чечни полностью была взята под контроль армией Российской империи. Военные действия на Кавказе продолжалась до 1865 г., пока не были подчинены адыги. Шамиль с отрядом воинов до 400 человек отступил в аул Гуниб (Дагестан) и укрепился там.

25 августа 1859 г. российские войска начинают штурм Гуниба. Гуниб был захвачен, а Шамиль взят в плен. Большая часть сторонников Шамиля была убита (согласно источникам – до 360 человек), до 50 человек сдались вместе с Шамилем. Российская армия потеряла при штурме от 21 (по официальной статистике) до 600 человек.

Генерал А. И. Барятинский предоставил Шамилю гарантии неприкосновенности для него самого и членов его семьи.

Кавказская война наглядно продемонстрировала возможность разворачивания религиозной войны в XIX веке, но она же продемонстрировала и то, что теократическое государство не может быть жизнеспособным, если его идеология ориентирована исключительно на решение военных задач, а также – осуществление религиозно-военной экспансии. Фактически, в XIX веке в Европе сложилась ситуация, когда два государства, пытавшиеся в I половине XIX в. проводить политику агрессивного религиозного прозелитизма оказались в невыгодном положении: Северо-Кавказский Имамат перестал существовать, а Османская империя находилась на грани распада.

Однако нужно отметить, что заключением «Георгиевского трактата» были обеспокоены и правящие круги Персии (Ирана), что привело к **Русско-персидской войне 1806-1813 гг.** Однако в основе войны лежали лишь геополитические разногласия держав. Результатом войны стало не только признание Персией «Георгиевского трактата», но и вхождение в состав Российской империи Восточной Грузии и Северного Азербайджана, Имеретии, Гурии, Менгрелии и Абхазии. Эти территориальные приобретения России ещё больше обострили ситуацию в Причерноморье. Кроме того руководство Османской империи не утраивало то, что Россия получила по Гюлистанскому миру (1813 г.) монопольное право содержания военного флота в Каспийском море, что закрывало для осман устье Волги и затрудняло снабжение и поддержку османами сепаратистских групп Поволжья.

Провалилась и следующая попытка «помощи единоверцам» со стороны Персии. Заручившись поддержкой Британской империи, **Фетх Али-шах (1772-1834 гг.)** отдаёт приказ своим войскам 16 июля 1826 г. вторгнуться на территорию, подконтрольную Российской империи. Однако военные действия были неудачны, а факт того, что на стороне русских войск выступила значительная часть мусульманского населения, нивелировал религиозную составляющую войны, сведя её к геополитическому столкновению.

10 февраля 1828 года был подписан **Туркманчайский мирный договор**, по которому Российской империи отошла Восточная Армения, а подданные Персии (в основном – жители персидского Азербайджана), сотрудничавшие с русскими войсками, получили амнистию.

Русско-персидские войны выявили преобладание в данном регионе системы этнической, языковой и территориальной самоидентификации его жителей над религиозной. Российская империя, сохраняла в своём составе территориальную целостность присоединяемых территорий, этническую идентификацию их населения и проявляла веротерпимость по отношению к представителям различных конфессий при их полной лояльности к своему государству. Поэтому Россия и её цари Александр I и Николай I рассматривались значительной частью мусульманского населения региона, как более перспективные сюзерены, чем османские и персидские правители, требующие унификации конфессиональных отношений в ущерб традициям тех или иных народов.

Отдельно необходимо остановиться на религиозной составляющей **Крымской войны 1853-1856 гг.**

Согласно официальной версии, поводом к Крымской войне стал дипломатический конфликт Российской империи с Францией из-за претензий римско-католической общины, поддерживаемой французским императором **Шарлем Луи Наполеоном III Бонапартом (1808-1873)** на распоряжение церковью Рождества Христова в Вифлееме. Российская империя, в качестве рычага давления на Османскую империю, ввела войска в Молдавию и Валахию, что не противоречило условиям Адрианопольского мирного договора, по которым дунайские княжества признавались территориями, находящимися под протекторатом России.

На деле ситуация была несколько иной. К середине XIX века Османская империя длительное время находилась в состоянии прогрессирующего финансового, административного и идеологического кризиса. В течение лишь первой половины XIX века только помощь Священного союза дважды предотвратила взятие Константинополя султаном Египта Мухаммедом Али. Кроме того, на территории Османской империи разворачивается национально-освободительная борьба на территориях с преобладания православного населения. Надежды на помощь извне руководители национально-освободительного движения возлагали на правительство русского императора Николая I.

В Европе сложился альянс Французской империи и престола римских епископов. Французский император Наполеон III пришёл к власти, пользуясь деятельной поддержкой Римско – Католической Церкви. Логично, что в вопросе о праве распоряжаться церковью Рождества Христова в Вифлееме французский монарх отстаивает интересы Рима.

Апеллируя к заключённому с Османской империей в 1740 г. договору, согласно которому Франции принадлежало право распоряжаться христианскими святынями в Палестине, Министерство иностранных дел Франции выдвинуло требования передачи ключей вифлеемской церкви Рождества Христова римско-католической общине города.

В ответ на это МИД Российской империи вразил жёсткий протест, апеллируя к тексту указа османского султана 1757 г., гарантирующему права Православной церкви в Палестине. При попытке протеста Османской империи против вмешательства Российской империи во внутренние дела Турции, правительство Российской империи апеллировало к условиям Кучук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.

Требования французского правительства прямо противоречили действовавшему международному законодательству. В августе 1852 года император Наполеон III отдал приказ ввести в Чёрное море на рейд Стамбула один из крупнейших линейных кораблей Франции 80-пушечный линкор «Charlemagne». Это прямо противоречило условиям **Лондонской конвенции о статусе проливов от 13 июля 1841 года**. В декабре 1852 г. церковь Рождества Христова была передана в распоряжение римско-католической общины Вифлеема. Этот акт спровоцировал введение российских войск в дунайские княжества. Больше религиозная составляющая в ходе, целях и результатах Крымской войны не присутствовала.

Фактически, роль религиозной составляющей в Крымской войне 1853-1856 гг. сводится к элементу провоцирования Российской империи на агрессивные действия в адрес Турции с целью развязывания военных действий для решения геополитических проблем мировых держав Западной Европы. Таким образом, не смотря на использование религиозного фактора для развязывания военных действий, назвать Крымскую войну религиозной войной нельзя.

*Больше оснований называть религиозными войнами мы имеем национально-освободительные восстания народов Балканского полуострова против османского владычества. В этих случаях религиозно-конфессиональная принадлежность становилась, подобно войне Нидерландов за независимость от владычества Испании не только элементом национальной идентификации, но и элементом политической принадлежности. Так известные черты религиозной войны имела **Греческая революция 1821 г.***

Правильнее было бы определить события о которых пойдёт речь не как революцию, а как **Греческую войну за независимость 1821-1829 гг.** Уже в момент подготовки события приобрели выраженно национально-освободительную окраску. Не осталась в стороне и Православная Церковь.

В 1818 г., вступая на престол, патриарх Константинопольский **Григорий V (1745-1821 гг.)** знал, что идёт практически на неминуемую смерть: в этот момент в разгаре подготовка национально-освободительного восстания греков. Патриарх об этом прекрасно знал: ещё на Афоне ему предложили присоединиться к повстанцам, вступив в *подпольную пророссийскую организацию «Филики Этерия», ставящую своей целью создание независимой Греции.* Григорий отказался от этого, мотивируя свой отказ тем, что не может слепо повиноваться вождям организации. Тем не менее, когда в 1818 году штаб-квартира «Филики Этерия» переехала из Одессы в

Константинополь, патриарх тайно оказывал «гетеристам» содействие. В 1820 году во главе организации **встал Александр Константинович Ипсиланти (1792-1828 гг.)**, генерал русской армии, который быстро превратил «говорящую» организацию в боевое подполье. Первое послание, с которым Ипсиланти обратился к патриарху Константинопольскому - совет ему удалиться из Константинополя. Но Григорий V отказался оставить паству в тяжёлое время.

В 1821 году начинаются события, на первый взгляд не имеющие отношения к религиозным войнам. Речь идёт о **Валáшском востáнии**. Всё началось с того, что *в 1821 году румынские крестьяне и полицейские стражники (пандуры) на территории Валахии, Олтении и Молдавии подняли антитурецкое восстание. Во главе восстания встал бывший командир корпуса пандуров, а позднее – поручик армии Российской империи, опытный офицер Тудор Владимиреску (1780-1821 гг.)*. *Имея опыт как в военных действиях, так и в полицейских операциях Владимиреску достаточно быстро превратил восставшую толпу в подобие армии. Позднее отряды восставших вошли в состав Филики Этерия, существенно усилив организацию.*

Данное восстание не имело отношения к религиозным войнам, поскольку причинами восстания стало тяжёлое социальное и экономическое положение валашских крестьян, причём по отношению к собственным единоверцам-феодалам: высокие налоги, барщина, личная зависимость от бояр.

Филики Этерия (Гетерия), ведя подготовку Греческой революции, изначально пыталась на её базе подготовить широкомасштабное восстание всех балканских христиан против Османской империи. По поручению Филики Этерия **Георгакис Олимпиос (1772-1821 гг.)** ввёл в члены общества Владимиреску. Однако когда Российская империя не стала поддерживать восстание (Александр I, создатель *системы коллективной безопасности «Священный союз», направленной на противодействие революционным выступлениям* отказался нарушать свои собственные правила даже по отношению к стране-противнику, восстание в которой было выгодно Российской Империи), Тудор Владимиреску пошёл на сепаратные переговоры с османами, за что был судим и казнён по приказу Ипсиланти.

6 марта 1821 г. Ипсиланти возглавил **восстание в Морее**, которое позже перекинулось на Дунайские княжества.

1 мая 1821 года турецкие войска молниеносно разбили полохо организованную и недисциплинированную армию Ипсиланти в **битве у Галаца**. Затем **в июне 1821 года** в сражении возле Дрэгэшани между

греческими гетеристами и турками, османская армия повторила успех у Галаца, нанеся восставшим сокрушительное поражение. В этом сражении отряды гетеристов были разбиты, а сформированный из греческого студенчества «Священный корпус» не смотря на героическое сопротивление, был уничтожен практически поголовно. Ипсиланти вынужден с недолгим отрядом отступить к австрийской границе, чтобы через Триест попытаться добраться до восставшей к тому моменту Греции. Австрийские власти, верные букве договора о «Священном союзе» обвинили Ипсиланти в революционной деятельности, после чего он без суда был заключён в крепость Терезин. Его обращение к властям Российской империи осталось без внимания, поскольку Ипсиланти покинул русскую армию самовольно.

17 июня 1821 г. отряд повстанцев из 300 (по другим источникам - 400) бойцов во главе с **Танасисом (Афанасиосом) Карпенисиотисом (1780-1821 гг.)** в **битве у Скулени**, были прижаты турецкими войсками к берегу Прута. Имея шанс перебраться на российский берег, бойцы отказались это сделать, после чего погибли в бою с превосходящими силами противника. Это сражение стало своеобразным итогом сопротивления в Валахии.

В самой Греции война продолжалась с переменным успехом: отлично знающие местность и объединённые ненавистью к туркам (чего не скажешь об отношении восставших к мусульманам вообще), греки успешно сопротивлялись в горах. Однако. Не имея артиллерии и современного вооружения, неизменно проигрывали в открытом сражении. Положение восставших осложнилось, когда освободились от борьбы с Али-пашой Янинским вооружённые силы великого везира **Хуршида Ахмед-паши** (ум. 1822 г.), который отрядил против греческих повстанцев отряд **Кяхви-бея**, полагая, что этот старательный, хоть и не слишком умелый полководец сможет усмирить восставших греков. Отряд Кяхви-бея напал на греческий лагерь при Вальдеце, но был разбит. Первый успех ободрил повстанцев, заставив их забыть междоусобицы, которые немало мешали успешным военным действиям. К тому же революционеры получили новых опытных и энергичных вождей: к ним прибыли: **Дмитрий Константинович Ипсиланти (1793-1832 гг.)** (брат Александра Ипсиланти), и князь **Александр Матвеевич Кантакузин (ум. 1841 г.)**.

После победы при Вальдеце греки начинают осаду укрепленных пунктов, в которых стоят турецкие гарнизоны. И здесь немедленно сказывается квалифицированное руководство греческой повстанческой армией: князь Кантакузин захватывает Монембисию,

Дмитрий Ипсиланти берёт Наварин, заём следует успешный штурм Триполицы.

Хуршиду Ахмеду-паше пришлось лично вести войска против предводителя арматолов Марко Боцариса, сумевшего собрать мобильную и боеспособную армию в западной Греции. Боцарис удачно сражался с Хуршидом-пашой, успешно противостоя ему в битве близ Месолунг.

Однако в Македонии успех сопутствовал туркам. Армия салоницкого правителя вторгается на территорию полуострова Кассандра. Турецкий полководец *Омер-паша Врионе* выбил греков из крепости и города Арту. Город Галаксиди подвергается бомбардировке и десанту османской флотилии. Разгром Галаксиди тем обиднее для греков, что греческий флот в это время без особого смысла крейсировал у берегов Малой Азии. Нужно отметить, что греческие моряки вели себя в этот момент по-пиратски, грабя прибрежные населённые пункты и убивая турецкое население. Это было серьёзной ошибкой: жестокость повстанцев, многократно раздуваемая западной прессой, возбуждала против них общественное мнение европейского сообщества и провоцировала нарастание агрессии со стороны турецкого правительства.

К концу 1821 года греческие повстанцы всё-таки поняли: для того, чтобы выиграть войну, необходимы общее командование и совместные планомерные усилия. Иначе их попросту перебьют поодиночке.

Интересно, что Греческая революция на данном этапе имеет все признаки религиозной войны. Так, например, **20 мая 1821 года** в Кальтезоне начала работу Ассамблея (Кальтезонская Ассамблея) Во время этой работы был сформирован *Пелопоннесский Совет*, возглавленный представителем Православной церкви — Епископом Вресфенийским Феодоритом.

4 ноября 1821 года в Миссолонгионе начала работать Ассамблея Западной Греции, в состав которой вошли 30 депутатов, председателем ассамблеи был избран Александрос Маврокордатос. Также ассамблеей был избран Совет Западной Греции. **18 ноября 1821 года** в Амфиссе открылась Ассамблея (Салонская Ассамблея) избравшая *Ареонаг Восточной Греции*.

Таким образом, не смотря на светский характер созданных революционерами органов власти, один из них возглавлял иерарх Православной Церкви.

Правительство султана **Махмуда II (1808-1839 гг.)** потребовало от Григория V провозгласить восставшим анафему. Надеясь спасти хоть часть паствы, Григорий составил отлучительную грамоту, которая

была провозглашена в присутствии турок, знавших греческий язык. Вскоре пришло известие о восстании греков в Пелопоннесе. Махмуд II, только что распустивший корпус янычар и испытывающий давление со стороны турецкой аристократии и мусульманского духовенства, пытался расправиться с восставшими любой ценой. Григория V обвинили в содействии восставшим. Неясно, чего хотел добиться султан этой мерой, но **10 апреля 1821 г., в первый день Пасхи**, в официальной форме правитель Порты потребовал у православных избрать нового патриарха.

На патриарший престол был избран **Евгений Писидийский (1821-1822 гг.)**. Чиновники настояли, чтобы новый патриарх немедленно отправился за утверждающим его патриаршество фирманом к Великому визирию. Возвращаясь от визирия, патриарх Евгений увидел тело Григория, **повешенного на воротах патриархии**.

Через 12 дней после гибели Григория V фанатичная толпа турок ворвалась в здание патриархии. Патриарх Евгений был избит. Патриархия ограблена.

22 января 1822 года 1-е Национальное собрание (67 депутатов) в Пиаду (близ Эпидавра) провозгласило Греческое Государство, независимое от Османской Империи, и приняло конституцию — Временное Правление Греции, законодательным органом по которой являлся Законодательный Корпус.

В течение следующих пяти лет война греков за независимость от Османской империи шла с переменным успехом. На короткое время повстанцы добились решающего успеха, чему способствовало удаление от должности талантливого полководца Хуршида Ахмет-паши за служебные злоупотребления. В июле 1822 года османский полководец Махмуд Драмали в **битве при Дервенакии** потерпел сокрушительное поражение от греческих национально-освободительных войск, потеряв при этом две трети своей тридцатитысячной армии. Во главе османских войск был поставлен Хуршид-паша, однако его противники при дворе, обеспокоенные перспективой роста его влияния, организовали на пашу Хуршида покушение. Историки утверждают, что османский главнокомандующий располагал сведениями о покушении, но не реагировал. **30 ноября 1822 года** Хуршид-паша был найден мёртвым. По пофициальной версии он покончил с собой, приняв яд.

Мировая общественность содрогнулась от жестокости турок и после того, как в 1824 году турецким правительством был свергнут с константинопольского патриаршего престола преемник Евгения, **Анфим III (1822-1824 гг.)**, Османская порта оказалась перед

одновременной перспективой национально-освободительного восстания внутри империи и иностранной интервенции извне, причём не только со стороны Российской империи, но и войск католических, протестантский и даже мусульманских государств.

Лишь в **1827 году** в Лондоне была принята **конвенция, поддерживающая независимость Греции**. Дипломаты России, Франции и Англии попытались вести с Османской империей переговоры о мирном урегулировании конфликта, однако всемирные инициативы были отвергнуты Турцией. Соединенный турецко-египетский флот начал подготовку к совместным действиям, встав на рейде Наваринского залива. В то же время, османский полководец Ибрагим-паша попытался навести порядок в Морее методами жесточайшего террора против христианского населения. Это было ошибкой, поскольку такая политика послужила поводом для вторжения объединённого флота противников Османской империи.

20 октября 1827 года стал днём Наваринского сражения. В этот день британские, французские и русские эскадры, под общим командованием английского вице-адмирала сэра **Эдварда Кодрингтона (1770-1851 гг.)**, вошли в греческие воды. В этот же день союзники в Наваринской бухте Пелопоннеса встретились с турецко-египетским флотом. Сражение длилось около четырёх часов. Турецко-египетский флот потерпел поражение. После разгрома флота Османской Порты, с французских кораблей был высажен десант, поддерживавший сухопутные войска греков. Одержав эту победу, союзники не предпринимали в дальнейшем никаких совместных действий, направленных на подрыв военной мощи Турции. Напротив, победители пытались получить максимум геополитических выгод от разгрома Турции, что привело к серьёзной конфронтации между союзниками. Воспользовавшись этим, **Турция в декабре 1827 года объявила России войну**. Началась русско-турецкая война 1828—1829 годов.

Если говорить о войнах Российской Империи и Османской империи в XVIII – XIX веках, необходимо отметить их сугубо геополитический светский характер. В силу значительных размеров обоих государств, невозможно было рассчитывать на решительную смену религиозной политики любого из них. К тому же, Российская империя являлась поликонфессиональным государством, в котором Ислам со времён Елизаветы I Петровны пользовался всеми правами государственной религии, а в период правления императрицы Екатерины II Алексеевны был сформулирован принцип «Всемерная поддержка религии в обмен на полную лояльность к государству».

Поэтому говорить о монолитности русской армии в отношении конфессиональной принадлежности говорить не приходится.

Условия мирного договора МИД Российской империи сообщил в Османскую Порту одновременно с объявлением войны **14 (26) апреля 1828 г.** Вопросы религиозной политики они не затрагивали.

10 (22) августа 1829 султану Махмуду II пришлось начать переговоры, исходя из условий, выдвинутых Российской империей. Российская дипломатия не ставила перед собой цели ликвидации Османской империи, как единого государства, действуя по принципу: «Выгоды сохранения Османской империи в Европе превышают его невыгоды». Российская Империя значительно уменьшила свои требования и её дипломаты внесли коррективы в первоначальные условия капитуляции Турции, в числе которых был временный отказ от претензий на Карс, Ахалциху, Ахалкалаки и ряд других территориальных объектов.

Согласно окончательной редакции мирного договора Адрианопольского мира 1829 г. в числе прочего Османская империя принимала на себя обязанность:

- признать включение в состав Российской империи Картли-Кахетинского царства, Имеретии, Мингрелии, Гурии (вышеперечисленные княжества к этому моменту де-факто и так находились под контролем Российской империи), а также Эриванского и Нахичеванского ханств (переданных Ираном по Туркманчайскому миру).
- ввести для подданных Российской Империи право на свободную торговлю на всей территории Турции,
- судебный иммунитет подданных Российской Империи в Османской империи;
- открытие свободного передвижения судов и кораблей через Босфор и Дарданеллы;
- признание автономии Сербии в соответствии с условиями Аккерманской конвенции 1826 года;
- Османская империя признавала автономию Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), и право Российской империи на протекторат в отношении этих княжеств.

Но главным результатом стало то, что ***Османская империя предоставила автономию Греции в соответствии с условиями Лондонского договора 1827 года.***

3 февраля 1830 года в Лондоне была окончательно провозглашена независимость Королевства Греции.

Преемник Махмуда II, султан **Абдул-Меджид I (1839-1861 гг.)** вынужден был принять два закона, отчасти урегулирующие отношения христиан с турецкой администрацией. В 1839 г. был опубликован указ **Хатт-и-шериф**, обещающий равенство перед законом всех подданных Османской империи вне зависимости от вероисповедания. Даже победа над Российской империей в Крымской войне 1853-1856 годов оказалась пирровой: если Российская империя в течение трёх лет восстановила потери, то её соперники-«победители» оказались куда в более плачевном состоянии. В Британской империи разразился правительственный кризис, а вооружённые силы Великобритании оказались парализованы на несколько лет, во Франции произошла очередная революция, а правительство Османской империи вынуждено было объявить себя банкротом. В этих условиях в 1857 году был издан указ **Хатт-и-хумаюн (Гатти – Гумаюн)**. По этому указу была объявлена свобода вероисповедания на территории Османской империи.

Фактически, нужно признать, что значительная часть населения Королевства Греция не исповедовали христианство. Значительная часть мусульманского населения осталась проживать на территории Королевства Греция, и даже продолжила занимать должности в государственной администрации. Ненависть к османскому правительству в значительной мере приняла формы ненависти к туркам, как к этносу и турецкой культуре, но не к мусульманам в целом. С этой точки зрения можно отметить религиозный характер войны, но необходимо также учесть, что данный характер сходен с идеологическим аспектом борьбы Нидерландов за независимость от Испанского владычества. Тем не менее, в целом, борьбу греков за независимость от Османской Порты по ряду аспектов всё-таки можно считать религиозной войной, тогда как конфронтация Российской империи с Османским государством под данную категорию международных конфликтов не подпадает.

Глава 14.

Вопрос об идентификации религиозных войн в условиях современного мира.

Прежде чем говорить о современных аспектах религиозной войны, необходимо рассмотреть, что такое война в современном понимании этого явления. Если рассматривать войну в узком понимании этого слова, то *современное понятие «войны» подразумевает конфликт между целостными политическими или социальными образованиями, выражающийся в форме вооружённого*

противостояния, военных действий между их вооружёнными силами. Главным средством войны остаётся армия.

Целью войн, как правило, представляет навязывание противнику своего сценария решения конфликта. Субъекты политики пытаются силой изменить поведение друг друга, заставить противника признать зависимость от себя, отказаться от идеологии, передать победителю права на собственность, передать права на ресурсы: территорию, полезные ископаемые, материальные ценности и др.

Согласно формулировке Карла фон Клаузевица, *«война есть продолжение политики иными, насильственными средствами»*. Основным средством достижения целей войны служит организованная вооружённая борьба как главное и решающее средство, а также экономические, дипломатические, идеологические, информационные и другие средства борьбы. В этом смысле война — это организованное вооружённое насилие, целью которого является достижение политических целей.

Ведущий американский социолог войны **Куинси Райт** определяет *войну* как *«конфликт между политическими группами, особенно между суверенными государствами, ведущийся с помощью вооружённых сил значительной величины в течение значительного периода времени»*.

Наиболее простое определение войны: *войной* называется такой способ разрешения конфликта, при котором выживание противника не рассматривается в качестве граничного условия.

Среди многих определений автор предпочитает пользоваться определением А. А. Корабельникова, приведённым в первой части данного пособия.

Если подвести краткие итоги работы, то нужно отметить, что большая часть признаков религиозных войн, характерных для прошедших этапов развития религиозных систем, сохраняют актуальность и сегодня.

В частности, абсолютно адекватными остаются такие аспекты, как, например, *высокая степень религиозной регламентации мировоззрения, быта и самоопределения индивидуумов, составляющих руководство и вооружённые силы, по крайней мере, одной стороны конфликта*. Более того, в условиях секуляризации структур власти и общественного сознания, эта особенность нетипична для большинства современных социумов, что существенно сужает круг государств и сообществ, способных вести полноценную религиозную войну.

Несколько потерял былое значение такой фактор, как *наличие религиозных ритуалов в общем порядке несения военной службы*

(уставе), по крайней мере, одной стороны конфликта: учитывая светский характер большинства современных армий, а также – жёсткое отделение военного дела от религиозно-ритуальной стороны жизни общества в теократических государствах.

А вот *непосредственное участие священнослужителей в военных действиях* в настоящий момент скорее неактуально: в настоящий момент непосредственное участие священнослужителей в военных действиях в роли солдат вызывает в 86,3-92,1% негативное общественное восприятие.

Практически не изменилось значение такого фактора, как *использование в военной символике, системе опознавательных знаков и идеологической подготовке солдат - священных символов, атрибутики и образов*. Символика по-прежнему играет значительную роль.

Так же осталась обязательным атрибутом религиозных войн *принадлежность сторон военного конфликта к различным конфессиям, либо к различным догматическим течениям одной конфессии*. Однако к этому аспекту добавился ещё один: стали возможны конфликты между субъектами одной конфессии за обладание сакральным пространством, объектом и т. п.

Резко возросло значение *количественного фактора религиозных фанатиков среди руководства и рядовых участников вступающих в конфликт сторон*.

Однако в современном мире сомнительным выглядит признак религиозной войны, сформулированный А. А. Корабельниковым: *«полное вовлечение в военные действия всех слоев населения противоборствующих государств, национально-этнических групп»*.

Если до начала XX века это утверждение было в целом справедливо, то сегодня, когда в качестве сторон конфликта нередко выступают замкнутые и даже закрытые религиозные группы, данное утверждение выглядит сомнительным. В истории известны случаи, когда в религиозных войнах участвовала лишь определённая социальная страта того или иного социума. Например – Крестовые походы, являющиеся видом религиозной войны, но не вовлекшие в военные действия социумов в целом. Тем не менее, данное отличие необходимо учитывать, говоря об отличительных особенностях религиозных военных конфликтов.

Кроме перечисленных выше признаков религиозной войны, имевших место на протяжении всей истории человечества, в настоящий момент обособились новые признаки, ставшие своеобразной приметой времени.

Так, например, ряд социологов считает, что говоря о религиозной войне (как и о любой другой), необходимо учитывать **количество участников противостояния** и, особенно, количество погибших. Единого взгляда на «статистический порог», отделяющий конфликт от войны не существует. Негативное воздействие войн прежде всего сказывается на численности и качестве населения.

Потери людей в войнах непрерывно нарастали, особенно в войнах новой истории. В XVIII веке в них погибло 4,4 млн. человек, в XIX веке — 8,3 млн., а в XX веке — около 140 млн. Особенно быстро потери нарастали в мировых войнах XX века.

Катализируя и расширяя спектр социального расслоения и дифференциации общества, война служила также фактором сплочения, консолидации, ассимиляции, укрупнения, национального обособления обществ. Многие мыслители рассматривали войну как путь и средство к сближению и объединению рас, наций, народов, формированию единой всемирной культуры, условий для прочного мира, правда, в отдаленном будущем.

Тем не менее, говоря сегодня о религиозных войнах, нам приходится применять иную шкалу оценки. Если говоря о религиозных войнах Древнего мира и Средневековья, мы для определения религиозной войны и выделения её из ряда других видов войн в первую очередь обращали внимание на цели военных действий и наличие религиозной атрибутики в системе организации противоборствующих армий, то сегодня на первый план выходит идентификация религиозной войны по мотивации действий её участников и преобладающей среди них идеологии.

Религиозная война в настоящее время серьёзно отличается от религиозных войн Средневековья, в первую очередь, масштабностью. Как ни странно, религиозные войны XX-XXI вв. стали намного более локализованными в пространстве.

Так, например, конфликт Ирландской республиканской армии и Британской администрации в конфликте за влияние над Ольстером имел своеобразную религиозную подоплеку борьбы католиков (ирландцев) с англиканами (ангичане). Собственно, эта религиозная подоплека и привела к устранению шансов ИРА на победу в Ольстере, поскольку количество англикан в провинции значительно превысило количество католиков. В результате, религиозный вопрос в противостоянии фактически сошёл на нет.

Кроме того, в настоящий момент механизмы религиозной войны неотделимы от механизмов информационной войны. В этом смысле появление Интернета подняло на качественно – новый уровень

не только механизмы религиозного прозелитизма, информирования и дезинформации, но и система вербовки сторонников.

В настоящий момент стоит вопрос о выделении информационной войны в отдельный вид противостояния. Целесообразность данного подхода вызывает сомнения по следующим причинам:

- Информационное противостояние не может проходить автономно, являясь неотъемлемой частью противостояния, происходящего в реальном мире;
- В Информационном противостоянии не идёт речи об идеологическом доминировании над противником. Как правило, оно состоит из обмена информационными блоками и кейсами.
- Информационное противостояние, как правило, не завершается навязыванием противнику своей воли. То есть, не имеет смысла, как военное противостояние.

Кроме того, необходимо отметить включение в состав субъектов-участников религиозных конфликтов организаций и структур, претендующих на роль арбитров в межконфессиональном споре.

Как правило, на роль арбитров в межконфессиональных конфликтах претендуют либо представительские организации сугубо светского характера, либо научные институты, как правило, использующие механизмы и методологию наук социологического блока. Как правило – психологии. Однако, как правило, использование социологии и психологии имеет крайне ограниченную эффективность по причине того, что религиозные взгляды человека и религиозная идеология исходят из постулата веры, который не поддаётся квантификации с точки зрения современной психологии.

Таким образом, современные религиозные войны, не смотря на произошедшие в мире изменения, в значительной мере сохранили механизмы возникновения (создания), развития и ликвидации, которые были характерны для них на предыдущих этапах развития человечества. Таким образом, изучение истории религиозных войн будет актуально с точки зрения анализа и прогнозирования возникновения и развития современных религиозных противостояний.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Angelov, D. Certains aspects de la conquete des peuples balkaniques par des turks — BSI, 1956. p. 220—275.
2. Brigden Susan New worlds, lost worlds: the rule of the Tudors, 1485-1603. — Viking Penguin, 2001. — Т. 5. — 433 p.
3. Kuzev, Al. Die Besiehungen der Königs von Vidin, Ivan Sracimir zu den osmanischen Herrschern. EB, 1971, No. 3, p.121-124
4. Lacey Robert The Life and Times of Henry VIII. — London: Book Club Associates, 1972. — 224 p.
5. Авксентьев А.В., Мавлютов Р.Р. Книга о Коране. Ставрополь: Книжное издательство, 1984. — 191 с.
6. Ал-Газали А. Х. Воскресение наук о вере. М.: Наука, 1980. — 376 с.
7. Ал-Газали Абу Хамид Воскресение наук о вере. М.: Наука, 1980. — 376 с.
8. Владимирский Александр "Сулейман Великолепный и его «Великолепный век»". М.: Эксмо, 2013. — 320 с.
9. Ал-Масуди Золотые копии и россыпи самоцветов. [История Аббасидской династии, 749-947 гг.] / сост., пер. с араб., прим., комм. и указатели Д. В. Микульского. М: Наталис, 2002. — 800 с.
10. Алькаева Л.О. Очерки по истории турецкой литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 220 с.
11. Аль-Хафиз бен-Хаджар аль-Аскалани. Получение желаемого из источников норм. М., 2008. — 291 с.
12. Анна Комнина. Алексиада. — СПб.: Алетейя, 1996. — 703 с.
13. Антология правовой мысли: в 5 т. Т. I. Античность и восточные цивилизации. М., 2009. — 686 с.
14. Антонян Ю.М. Миф и вечность. М.: Логос, 2001.
15. Апшерони А.А. Ислам вчера, сегодня, завтра. Спб.: Век, 2008. — 354 с.
16. Арабо-мусульманская правовая мысль // Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. I. М.: Мысль, 1999. С. 633-740.
17. Арон Р. Мир и война между народами. М.: NOTA BENE, 2000.
18. Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки / пер. с фр. Баевской Е., Цывьяна Л. СПб.: Книгоиздательство «Всемирное слово», 1999.
19. Ахадов А. Ислам в погоне за веком. М.: Политиздат, 1988. — 84 с.
20. Ахмедов А. Социальная доктрина ислама. М.: Политиздат, 1982. — 270 с.
21. Барро М. Томас Торквемада. Его жизнь и деятельность в связи с историей Инквизиции. М.: Жизнь замечательных людей, 2010. — 78 с.

22. Бартольд В. В. Соч., в 9 томах. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1966, Т. VI - 112 с.
23. Батыр К.И., Филиппова Т.П., Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. Учебное пособие. — Под ред. К.И. Батыра. — М.: Былина, 1996 — 414 с.
24. Беляев Е. А. Арабы, ислам, и Арабский Халифат в раннем средневековье. М.: Наука, 1966 — 280 с.
25. Бергман П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум; Academia-Центр, 1995.
26. Берман Г. Дж. Западная традиция права: Эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, 1994. – 624 с.
27. Благовещенский Глеб Всемирная история пиратства. СПб. АСТ, 2010. – 93 с.
28. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа. М., 2007. - 226 с.
29. Большаков О. Г. История Халифата. Т. 2. Эпоха великих завоеваний (633—656). М., 1993. — 294 с.
30. Большаков О. Г. История Халифата. Т. 3. Между двух гражданских войн (665—696). М.: Восточная литература, 1998. — 382 с.
31. Большаков О.Г. История халифата. Ислам в Аравии. 570-633. Т. I, М.: Восточная литература РАН, 2000 г. – 312 с.
32. Большая юридическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2008 - 668 с.
33. Боретский-Бергфельд Н.П. История Венгрии в средние века и новое время. М.: Книга по Требованию, 2012. – 208 с.
34. Борисов, Н.С. Сергей Радонежский / Н.С. Борисов. - 3-е изд. - М.: Молодая гвардия, 2004. – 297 с.
35. Боргош Ю. Философские проблемы войны, мира и социального прогресса // Философские науки. М., 1988. - №11.- С. 183 -190.
36. Босворт К.Э. Мусульманские династии. М.: Наука, 1971. - 324 с.
37. Боханов А.Н., Горинов М.М. История России с древнейших времен до конца XX века. В 3-х книгах Книга I. История России с древнейших времен до конца XVII века. – Москва: АСТ, 2001 – 601 с.
38. Будур Н. В. Инквизиция: гении и злодеи. М.: Олма-Пресс, 2006. – 53 с.
39. Бурганова Л.А., Корнилов П.А. Реконструирование структуры образа военного конфликта (по материалам СМИ) // СоЦис. М., 2003. -№6.-С. 56-63.

40. Бхаскар П. Р. Общества // Социо-логос: Социология, Антропология, Метафизика: Вып. 1. М., 1991. - С. 219-240.
41. Бэкон Ф. Новая Атлантида и наставления нравственные и политические. Опыты. М., Издательство Академии наук СССР, 1954. – 243 с.
42. Вайнштейн О.Л. Удальцов А.Д., Косминский Е.А. «История средних веков» Москва: ОГИЗ Госполитиздат, 1940. – 529 с.
43. Васильев Л.С. История Востока. Т.1– М.: Высшая школа, 1994. – 495 с.
44. Васильев Л.С. История религий востока. М., 2009. – 528 с.
45. Васильев. Л. С. История религий востока. М.: Высшая школа, 1983. – 368 с.
46. Вильгельм Апулийский Деяния Роберта Гвискара. М.: Директ-Медиа, 2009. – 152 с.
47. Витол А.В.: Османская империя (начало XVIII в.). – М.: Наука, 1987. – 135 с.
48. Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М.: Наука, 1969 – 267 с.
49. Галанза П.Н. Громаков Б.С. История государства и права зарубежных стран. – М.: Изд-во "Юридическая литература", 1980. – 550 с.
50. Гарольд Лэмб Сулейман. Султан Востока. М.: Центрполиграф, 2002. – 175 с.
51. Гасратян М.А., Орешкова С. Ф. Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М.: Наука, 1983. – 296 с.
52. Геллер, М.Я. Монгольское иго // История Российской империи. Том 1. / М.Я. Геллер - М.: Изд-во МИК, 1997. – 448 с.
53. Гордеев С. В. История религий: главные религии мира, древние церемонии, религиозные войны, христианская библия, ведьмы и инквизиция. Челябинск: Научная жизнь, 1995. – 272 с.
54. Горский А.А. Москва и Орда. – М.: Наука, 2000. – 214 с.
55. Горулевский В.А. Государства Сельджукидов в Малой Азии М.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – 204 с.
56. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства, М.: Норма, 2008. – 752 с.
57. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.: Акад. Наук СССР, 1950. – 480 с.
58. Греков Б.И. Шахмагонов Ф.Ф. Мир истории: русские земли в XIII –XV вв. М.: Молодая гвардия, 1986. – 334 с.

59. Григулевич И. Р. Инквизиция (XIII– XX вв.) М.: Политиздат, 1985. – 448 с.
60. Грин Тоби Инквизиция: царство страха. М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 544 с.
61. Грюнебаум фон Г.Э. Классический ислам. 600-1258. М., 1988. - 216 с.
62. Грюнебаум фон Г.Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. – 228 с.
63. Гудвин Джейсон Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов. М.: Азбука-пресс, 2012. – 416 с.
64. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. - М.: Мысль, 1989. – 528 с.
65. Давид Рене Основные правовые системы современности / пер. с фр. И вступит. ст. А.В. Туманова, М.: Прогресс, 2008. – 495 с.
66. Данзм Б. Герои и еретики М.: Прогресс, 1984. – 504 с.
67. Данилевский И.Н. Русские люди глазами современников и потомков (XII-XIV вв.): Курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 388 с.
68. Делицын Н. Очерк истории англиканской церкви. СПб.: Типография Департамента уделов, 1860. – 50 с.
69. Дефо Даниэль (Джонсон Александр) Всемирная история пиратства. М.: Азбука-Классика, 2014. – 288 с.
70. Егоров В.Л. «Золотая орда мифы или реальность». – М.: Знание, 1990. – 34 с.
71. Еремеев Д.Е. История Турции в среднии века и новое время. М.: Изд-во МГУ, 1992. – 246 с.
72. Еремеев Д.Е. Ислам, образ жизни и стиль мышления. М.: Наука, 1990. – 288 с.
73. Жидков О.П. История государства и права зарубежных стран. Ч.1. М.: Наука, 2006. – 584 с.
74. Золотарёв В.А.: Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. - М.: Наука, 1988. – 208 с.
75. Ивонин Ю. Е. Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии // Исследования по зарубежной истории. Смоленск: СГПУ, 2000, С. 5-104.
76. Ирмияева Т.Ю. История мусульманского мира до Блистательной порты. Пермь: Звезда 1998. – 84 с.
77. Ислам в истории народов Востока. М.: Наука, 1981. – 196 с.

78. Ислам: религия, общество, государство. М.: Наука, 1984. – 232 с.
79. История государства и права зарубежных стран. Часть I / Под ред. проф. Крашенинниковой Н.А. и проф. Жидкова О.А. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. – 624 с.
80. История Турции. Составители: Шумов. С.А. Андреев И.В. Карпелева.И.В. Киев-Москва, Евролинц, 2003. — 340 с.
81. Карамзин Н.М. История государства Российского. – Ростов-на-Дону: ВАЛДИС, 2011. – 608 с.
82. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. Учебное пособие для ист. фак. М.: «Высш. школа», 1967. – 266 с.
83. Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М.: Наука, 1980. – 152 с.
84. Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII в. – М.: «Просвещение», 1966. – 135 с.
85. Каргалов, В.В. Исторические портреты: Святослав, Дмитрий Донской / В.В. Каргалов. – М.: АСТ, 2004. – 508 с.
86. Карнович Е. Ян Собеский под Веною. СПб.: Типография Ф. С. Сушинского, 1873. – 319 с.
87. Кернс Эрл, «Дорогами Христианства», Москва, Протестант, 1992. – 145 с.
88. Кинросс Лорд «Расцвет и упадок Османской империи. М.: Наука, 1977. – 696 с.
89. Климович Л. Книга о Коране его происхождении и мифологии. Политиздат, 1986. – 146 с.
90. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т.1.М.: Мысль, 1987. – 430 с.
91. Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами. Иран при "праведных" халифах. М.: Наука, 1982. – 270 с.
92. Контлер Л.: История Венгрии. - М.: Весь Мир, 2002. – 630 с.
93. Коран / пер. Магомед Нури-Османов. – СПб.: ООО «Диля», 2010. – 976 с.
94. Коран / перев. с араб. и комментарии Н.О. Османова. М., 2009, - 564 с.
95. Коран. Перевод Н.Ю. Крачковского. 1990. – 448 с.
96. Королев В.Н.: Босфорская война. - М.: Вече, 2007. – 624 с.
97. Краткий словарь исламских терминов. М.: Эксмо. 2005. – 354 с.
98. Крашенинникова Н.А История государства и права зарубежных стран. Часть 1. Учебник для вузов. Под ред. проф. Крашенинниковой Н.А и проф. Жидкова О. А.- М.- Издательство НОРМА, 2004. – 480 с.

99. Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Сборник/ Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 312 с.
100. Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М.: Панорама, 1991. – 32 с.
101. Кэролайн Финкель История Османской империи: Видение Османа. М.: АСТ, 2010. – 850 с.
102. Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Фототипич. Воспроизведение 1846 г. Т. 1 – М.: Наука, 1962 - 293 с.
103. Лаврецкий И. Ватикан. Религия, финансы и политика. М.: Госполитиздат, 1957. — 336 с.
104. Лаврецкий И. Кардиналы идут в ад. М.: Госполитиздат, 1961. – 289 с.
105. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
106. Лейн Тони Христианские мыслители, Санкт-Петербург, Мирт, 1997. -1088 с.
107. Ли Ричард, Бейджент Майкл Цепные псы церкви. Инквизиция на службе Ватикана. М.: Эксмо, 2006. – 352 с.
108. Литаврин Г. Г. Краткая история Болгарии. М. Наука. 1987. – 558 с.
109. Лозинский С. Г. История папства. М.: Наука, 1986. – 382 с.
110. Лэмб Гарольд Сулейман. Султан Востока. М.: Центрполиграф, 2002. – 175 с.
111. Льоренте Х. А. История испанской инквизиции. В 2 т. М.: Ладомир, 1999.
112. Максуд Р. Ислам. Пер.с англ. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 304с.
113. Манягин В.Г. Сулейман Великолепный. В любви и на войне. – М.: Алгоритм, 2013. – 272 с.
114. Марченко М.Н. Теория государства и права. М.: Проспект, 2008, - 640 с.
115. Массэ А. Ислам: Очерк истории. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. – 191 с.
116. Матвеев К.П. История ислама. М.: АСТ: Восток – Запад, 2005. – 254 с.
117. Мейкок А. Л. История инквизиции. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 386 с.
118. Мерников А. Г., Спектор А. А. Всемирная история войн. — Минск.: АПСТ Харвест, 2005. – 768 с.
119. Мец Адам «Мусульманский ренессанс» М.: Вим, 1996. – 544 с.

- 120.Мортон А. Л. История Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 465 с.
- 121.Мюллер А. История ислама. М., «Астрель», 2004. — 911 с.
- 122.Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. – М.: Знание, 1983. – 64 с.
- 123.Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.;Л.: Издательство АН СССР, 1940. – 178 с.
- 124.Непомнин О.Е. Живая история Востока. М.: Знание, 1998. – 368 с.
- 125.Новохацкая Л. П. Охота на «ведьм». Из истории церковной инквизиции. Киев, 1990. – 78 с.
- 126.Новычев А.Д. Турция: краткая история. М.: Наука, 1965. – 270 с.
- 127.Норвич Дж. Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016—1130 / Перевод с английского Л. А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 367 с.
- 128.Норт Джеймс, «История Церкви», Москва, Протестант, 1993. – 413 с.
129. Овсяный Н.Р.: Болгария. - М.: Монолит-Евролиц-Традиция, 2002. – 492 с.
- 130.Ожог И. А., Шаров И. М. Краткий курс лекций по истории румын. Новая история. — Кишенёв: Штеница, 1992. – 56 с.
- 131.Орлов А. С., Георгиев В. А. и другие История России с древнейших времен до наших дней. – М.:«ПРОСПЕКТ», 1997. – 544 с.
- 132.Осиновский И. Н. Томас Мор и реформация Генриха VIII. // “Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XII - XVII вв.”. М.: Наука, 1960. С. 89 - 93.
- 133.Павлов П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду. - Учебные записки Красноярского гос. пединститута. Т. 13, вып. II., Красноярск, 1958. – С. 74-94.
- 134.Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда. М.: Политиздат, 1991. — 495 с.
- 135.Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. М.: Наука, 1990. – 187 с.
- 136.Пиотровский М.В. Коранические сказания. М.: Наука, 1991. – 220 с.
- 137.Плавский З. И. Испанская инквизиция: палачи и жертвы. СПб.: изд-во Дмитрий Буланин, 2000. – 198 с.
- 138.Плейди Джин Испанская инквизиция. М.: Центрполиграф, 2002. — 445 с.
- 139.Полубояринова М.Д. русские люди в Золотой Орде. – М.: Наука, 1978. – 268 с.

140. Похлёбкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв. 1238-1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. – М.: Международные отношения, 2000. – 189 с.
141. Рагушштейн А. Г. Пираты под знаменем ислама. М.: ООО «Издательство «Вече», 2012. – 300 с.
142. Рассел Джесси Османская империя. М.: Книга по требованию, 2012. – 120 с.
143. Рахман Х. У. Хронология исламской истории: 570–1000 гг. от Р. Х. / Х. У. Рахман. – Нижний Новгород, 2000. – 416 с.
144. Рогожский летописец. Тверской сборник / ПСРЛ. том XV. Издание 4-е. – М.: Языки русской литературы, 2000. – 432 с.
145. Рыбаков Б.А. Мир истории: начальные века русской истории. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 352 с.
146. Сабатини Р. Торквемада и испанская инквизиция: Историческая хроника. М.: ГЕРРА - Книжный клуб, 1999. – 297 с.
147. Самойлов С. И. Народно-освободительное восстание 1821 г. в Валахии.— «Вопр. истории», 1955. – № 10. – С. 94 – 105.
148. Сандыбаев Т.С. Ислам и общество. М.: Восточная литература РАН, 1984. – 302 с.
149. Сапрыкин Ю. М. Английское завоевание Ирландии в XVI – начале XVII века. М.: Высшая школа, 1958. – 176 с.
150. Сативалдыев Р.Ш. Политическая и правовая мысль раннесредневекового мусульманского Востока. Душанбе, 1999. – 358 с.
151. Семенникова Л.И. Цивилизации в истории человечества. Брянск Курсив 1998. – 400 с.
152. Смирнов М. Ю. Реформация и протестантизм. Словарь/1-е изд., 2005. – 197 с.
153. Тальберг Н. Д. История христианской Церкви, М.: Св.-Тихоновский богословский ин-т, 2000. – 518 с.
154. Томас Б. М. Англия и Европа. СПб.: Алетейя, 2001. – 502 с.
155. Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории, Смоленск: Русич, 2001. – 624 с.
156. Федоров, Б.В. Куликовская битва / Б.В. Федоров. – М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1939. – 64 с.
157. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 181 с.
158. Фильштинский И. М. Халифат под властью династии Омейядов. М.: Соверо-принт, 2005. – 232 с.

159. Хайдарова М.С. Основные направления и школы мусульманского права // Мусульманское право (структура и основные институты). М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1984. С. 38-48.
160. Халедов А.Б., Грезневич П.А., Большаков О.Г. Очерки истории арабской культуры. V-XV вв. М., 1982. – 440 с.
161. Хорошевич А.А. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003. – 622 с.
162. Хрестоматия по исламу / Пер. с араб. М.: Наука, 1994. – 238 с.
163. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. – М.: Юристъ, 1999. – 576 с.
164. Черняк Е. Б. Вековые конфликты Москва: «Международные отношения», 1988. – 400 с.
165. Черняк Е. Б. Тайны Англии. М.: Остожье. Город печати, 1996. – 172 с.
166. Широкопад А. Б. Взлет и падение Османской империи. Смоленск: Вече, 2012. – 420 с.
167. Шпренгер Якоб, Крамер Генрих Молот ведьм. М.: Эксмо, 2001. – 400 с.
168. Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – 160 с.
169. Штокмар В. В. История Англии в Средние века. СПб.: Алетейя, 2000. – 200 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Горин Антон Анатольевич

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР
Монография

Оригинал-макет: А. А. Горин.

При оформлении обложки использован фрагмент гравюры XVI в. на дереве

Подписано в печать 23.10. 2018 г. Формат 60X84 1/16

Уч.изд. л. 16,17 Тираж: 400 экз.

Издательство «ЯЗ»

Отпечатано в множительном центре Института Истории АН РТ им. Шигабутдина Марджани г. Казань, Кремль, подъезд 5. тел. (843) 292-95-68; 292-18-09.